

БАТТЕРФЛАЙ

В кольца твоих рук

Анастасия Орехова

Выпускница престижного института Наташа Преображенская уезжает на работу в далекую Нигерию. Экзотическая природа и загадочные обычаи африканской страны, своеобразная атмосфера посольской жизни с ее внешним лоском поначалу пленяют восторженную молодую переводчицу. Но все меркнет перед внезапно вспыхнувшей любовью Наташи к красавцу англичанину Майклу Джонсу. Перед этим ярким и всепоглощающим чувством оказываются бессильны не только магические чары колдуна племени Иоруби, но и расстояния, и годы. Спустя много лет линии судьбы Наташи и Майкла снова пересекаются, но уже на улицах Лондона...

Анастасия Орехова

В кольце твоих рук

Другая жизнь

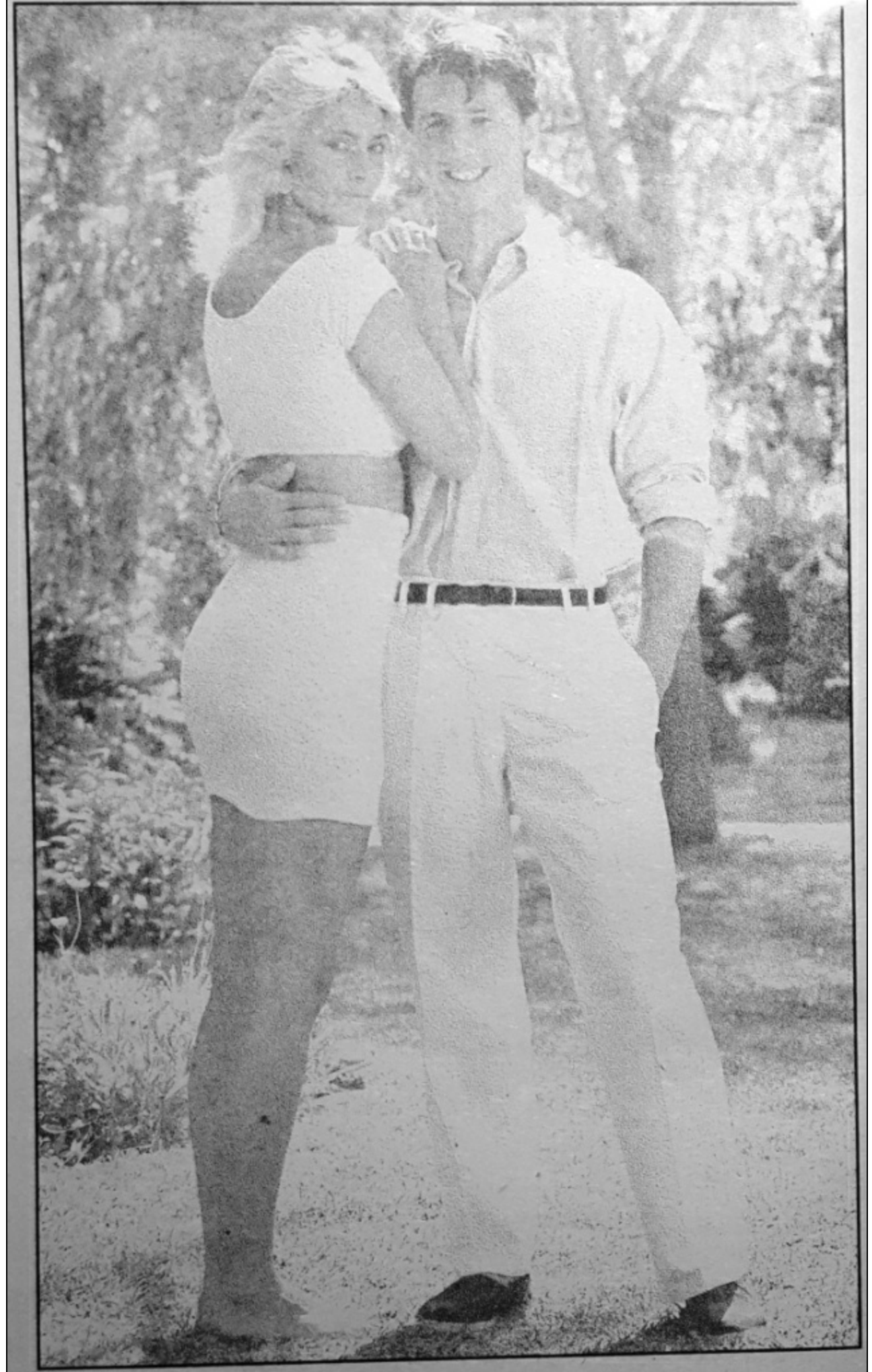

- Мы были безрассудны.
- Мы были прекрасны.
- Мы были...

Майкл не дал ей закончить. Он сделал то, что хотел сделать с того самого момента, как увидел Наташу. Поцеловал ее полуоткрытые губы, почувствовал нежные прикосновения ее языка, ее дыхание на своем лице. И понял: вот оно, счастье, вернулось к нему.

- Мы были безрассудны.
- Мы были прекрасны.
- Мы были...

Майкл не дал ей закончить. Он сделал то, что хотел сделать с того самого момента, как увидел Наташу. Поцеловал ее полуоткрытые губы, почувствовал нежные прикосновения ее языка, ее дыхание на своем лице. И понял: вот оно, счастье, вернулось к нему.

В кольцо твоих рук

Все герои и место действия этой книги вымышлены. Любое сходство с существующими людьми случайно.

Автор

Она медленно покачала головой. Нет, уже слишком поздно. Видно, эту чашу им суждено испить до дна. Неважно, что в ней, божественное вино или яд. До дна!

Наташа скользнула на ковер, увлекая его за собой. Тела их сплелись в страстном объятии. Майкл высвободился из ее рук и, не отрывая губ от пылающей кожи, опустил вниз к ее ногам. Тонкие колени, дрогнув, разошлись, открывая перед ним то, что составляет вечную, неразрешимую загадку женщины. Майкл припал к ней лицом, вдыхая пьянящий аромат ее тела. Язык дразнящим движением завибрировал, затанцевал в ней.

Наташа застонала и вся изогнулась ему навстречу. Пальцы широко раскинутых рук конвульсивно сжимались и разжимались. Волосы разметались по коврику и, казалось, жили своей самостоятельной жизнью. Майкл приподнялся над ней, торжествуя от сознания своей власти над этим божественным телом. Сейчас она целиком принадлежит ему и никто не в силах ее отнять.

Наташа протянула к нему руки, вся призыв, желание, страсть. Соски, как два пунцовых бутона, цвели на не тронутой загаром коже ее груди. Нежные полукружья ребер вздымались в такт прерывистому дыханию. Она притянула его к себе, длинные ноги обвили вокруг его шеи.

Он ворвался в нее бурно, неистово, не таясь, так, как она этого хотела. Он знал, он чувствовал это и ликовал. Ее горячие соки омывали его, все внутри пульсировало, сжималось, требуя — еще, еще!

Он уверенно и властно вел ее за собой к вершинам блаженства, и, когда они достигли последней черты, с ее губ сорвался звенящий крик, пролетел над океаном и замер вдали.

Самолет напрягся, как перед прыжком, завибрировал, задрожал, взревел всеми моторами и стремительно понесся по взлетной полосе. Через секунду он был уже в воздухе. Наташа с наслаждением откинулась на спинку кресла. В отличие от большинства других людей, она любила летать, любила аэропорты с их вечной оживленной суетой и напряженным ожиданием. Для нее это всегда было ожидание чуда. Сейчас ты в Москве, все вокруг привычно и знакомо, а через несколько часов — уже в совершенно другом мире, отовсюду слышна чужая речь, неведомые доселе краски и запахи щекоют воображение, неизвестность пьянит и волнует кровь. Ради таких минут стоит жить.

— Наташа, неужели это правда? Мы действительно летим, — прервал ее мысли возбужденный голос. — Летим в Англию! До сих пор не могу в это поверить.

Наташа повернулась к своей соседке. С Ольгой Зотовой она познакомилась во время оформления в эту командировку, которая свалилась на обеих как снег на голову. Они обе преподавали английский язык в институте международных отношений, знаменитом МГИМО, но только на разных кафедрах, и раньше как-то не встречались. Ольга была чуточку старше Наташи, ближе к сорока. Высокая, крупная, розовощекая, она так и лучилась здоровьем и энергией. Когда она говорила, ее голос разносился далеко вокруг и никого другого слушать было уже просто невозможно. Круглое лицо в обрамлении кудрявых каштановых волос, широкая, жизнерадостная улыбка, искрящиеся юмором глаза сразу

располагали к себе. Глядя на нее, Наташа мысленно поблагодарила судьбу, что она послала ей именно такую попутчицу. Ведь им больше месяца предстоит провести вместе.

Когда Наташе позвонила заведующая кафедрой, она как раз собиралась вести детей соседки на прогулку в парк. Неожиданный вызов на работу, обычное дело. Наташа любила возиться с ними. Мальчики шумно толкались в дверях, вырывали друг у друга ведерки и лопатки и никак не могли решить, кто что понесет. В такие моменты промедление было смерти подобно. Только на улице они хоть немного успокаивались. Ребятишки были погодки, поэтому интересы перекрещивались буквально во всем. Младший непременно хотел то же, что и старший, и наоборот. Да и о каком старшинстве могла идти речь: одному было пять лет, а другому всего четыре.

Наташа в отчаянии бросилась к телефону. Разборка в дверях принимала все более напряженный характер.

— Дети, ради Бога, потише! — взмолилась она и сняла трубку. — Алло! Я слушаю.

— Наташа! Как хорошо, что я тебя застала! — Голос заведующей звучал так, будто она только что пробежала стометровку.

«Неужели кто-то заболел и надо выйти на замену», — огорченно подумала Наташа. Приближалась летняя сессия, занятий осталось совсем немного, но, как всегда в преддверии экзаменов, активность студентов резко возрастала. Как будто за оставшиеся пару недель можно выучить английский и наверстать все, что было так легкомысленно упущено в течение семестра. Перед смертью, как говорится, не надышишься.

Впрочем, Наташа любила своих студентов и никогда не свирепствовала на экзаменах. Она слишком хорошо помнила себя в их возрасте. И они отвечали ей взаимностью.

— Какие у тебя планы на июль?

— Как всегда, — удивленно ответила Наташа. — После экзаменов увезу сына на юг.

— А ты не смогла бы попросить кого-нибудь заменить тебя? Маму или свекровь? На месяц или около того?

— Нина Константиновна, вы же знаете, как это сложно. Переходный возраст. Мама просто не справится. А потом я твердо ему обещала.

— Жаль, очень жаль.

— А в чем, собственно, дело? — спросила, недоумевая, Наташа. — Если это касается вступительных экзаменов, то...

— Я только что от проректора по учебной работе. От нашей кафедры требуется один человек с экономическим образованием для стажировки в Манчестере. Сама понимаешь, что на других кафедрах с радостью подыщут нужную кандидатуру, но мне хотелось, чтобы поехал кто-то из наших. Ты — просто идеальный вариант. Ты ведь кончала у нас экономический факультет.

У Наташи даже дух захватило от такого фантастического предложения. Месяц в Англии — мечта всей ее жизни. Сколько она себя помнила, она занималась английским языком, а в Англии ни разу не была. Вообще-то она немало попутешествовала в своей жизни, прежней, до замужества, когда работала переводчиком. Индия, Австрия, Италия, даже Африка, но Англия! О-о-о!

От двери донесся дружный вопль. Команчи на тропе войны.

— Нина Константиновна, извините, я сейчас. — Наташа положила трубку на стол и подошла к детям. Растрепанные, красные, они, сцепившись, катались по полу. —

Джентльмены! — Никакой реакции. — Джентльмены! — В ее голосе зазвучали металлические нотки, хотя смех немилосердно душил ее. Уж больно уморительный был у них вид. — У меня очень важный разговор. Потерпите и не мешайте. Я скоро закончу, и мы пойдем есть мороженое.

Волшебное слово возымело немедленное действие. Мальчишки, как ваньки-встаньки, вскочили на ноги и уставились на нее круглыми глазами. Она таинственно приложила палец к губам и вернулась к телефону.

— Все, инцидент исчерпан. Стороны объявили временное перемирие и прекращение огня, — сказала она в трубку. Заведующая хохотнула. — Нина Константиновна, вы сами знаете, как искушаете меня. От такого просто невозможно отказаться, но я должна посоветоваться со своими. Сколько времени у меня есть на размышление?

— В том-то и дело, что времени нет. Ответ надо дать в течение часа. Успеешь?

— Надеюсь. — Наташа быстро взглянула на часы. — Я перезвоню вам.

— Жду. — И заведующая положила трубку.

Наташа быстро набрала номер матери, уповая на то, что она дома. Ведь сегодня у нее свободный день. К счастью, она сразу ответила. Наташа сбивчиво объяснила ей ситуацию и почему-то почти не удивилась, услышав решительное:

— О чем может быть разговор! Не вздумай отказываться! Такие возможности не упускают.

— Мама, я тебя обожаю! — взвизгнула в восторге Наташа. — Но как вы справитесь без меня? Ведь целый месяц.

— Не волнуйся, все будет отлично. Мишка уже вполне взрослый мужчина и все поймет.

Наташа кинула быстрый взгляд в сторону двери. Дети пока сохраняли спокойствие, но чувствовалось, что силы их уже на пределе.

— Решено. Звоню Нине. — Сердце ее бешено забилося, руки задрожали. Неужели это происходит с ней?

— Не забудь сначала предупредить Олега, — напомнила мать и положила трубку.

Наташа медленно опустилась на стул. В суматохе она совсем забыла о муже. Если он скажет «нет», что тогда? С него станется. Олег был бешено ревнив и не любил, когда она куда-то уезжала без него. С сыном, конечно, не в счет. Когда они поженились, он заставил ее уйти из внешнеторгового объединения, где она тогда работала, только потому, что там было слишком много мужчин. Просто так, безо всяких на то оснований. То ли дело институт с его в основном бабским коллективом. И даже тут он находил повод для ревности.

Впрочем, его нетрудно было понять. Где бы она ни появилась, Наташа неизменно привлекала к себе внимание. Длинные пепельные волосы удачно контрастировали с черными бархатистыми бровями и матовой кожей. Ярко-зеленые глаза, опущенные густыми ресницами, которые вдруг меняли цвет и становились желтыми, как песок в пустыне, делали ее похожей на кошку, изумительную кошку с неуловимой, изысканной грацией. Роды совершенно не отразились на ее фигуре, разве что сделали ее еще более соблазнительной. Полные, чувственные губы, казалось, призывали ночь даже днем. Наташа обладала редким талантом носить одежду, и даже самая простая вещь выглядела на ней шикарно. Она была остроумна, легка в общении и, что больше всего бесило Олега, любила нравиться. Как и всякой настоящей женщине, ей доставляли удовольствие восторженные взгляды мужчин, даже совершенно незнакомых. И при всем этом она ни разу не изменила мужу, хотя возможностей было предостаточно. Но он никак не мог понять, что для нее это всего лишь

игра, естественное кокетство красивой женщины, и готов был ревновать ее даже к фонарному столбу.

А впрочем, подумала, нахмурившись, Наташа, за что его осуждать? Есть от чего потерять душевное равновесие, если огромная часть ее души наглухо от него закрыта. И не только от него, от матери, от сына, от всех. А ключ остался в прошлом, не найти, не отомкнуть.

Наташа вспомнила их первую ночь, так утомительно похожую на все остальные. Он тогда набросился на нее со всей страстью и жадностью обезумевшего от любви мужчины. Трясущимися руками стаскивал с нее одежду, долго возился с застежкой лифчика и, не дав ей помочь себе, неловко стащил прямо через голову.

Даже не заметив, что она не готова к такому натиску, повалил на кровать, раздвинул коленом ноги и овладел ею торопливо, даже грубо, словно боялся, что она оттолкнет его. Может быть, и не без оснований.

Все было кончено за пять минут. Несколько резких толчков, хрип, тяжесть обмякшего тела. И еще вопрос:

— Ты... успела?

«Нет, — захотелось ей крикнуть. — Нет!» Но она почему-то ответила:

— Да.

Надо было тогда же с ним развестись или переспать еще до свадьбы, как советуют умные люди. Но дело было сделано.

Он был заботлив и очень влюблен, предвосхищал все ее желания, засыпал цветами, дежурил у подъезда и обрывал телефон звонками. Она уже устала от одиночества, которым сама себя окружила. Озабоченные глаза матери, предостережения подруг:

— Смотри, Наташка, пробросаешься!

И она уступила. После свадьбы он ничуть не изменился. Та же забота, тот же влюбленный взгляд. Вот только эта бешеная ревность и убожество в постели. Но она привыкла считать, что сама во всем виновата.

Тяжело вздохнув, Наташа набрала служебный номер мужа и, полная дурных предчувствий, прислушалась к длинным гудкам в трубке. Если его нет на месте, она все равно позвонит заведующей и скажет, что согласна, а там будь что будет, мрачно решила она. Однако Олег снял трубку.

— Наташа! — Даже после восьми лет супружества всякий раз, когда она звонила ему, в его голосе слышалась неподдельная радость. У нее потеплело на душе. Прямо как влюбленный мальчишка!

Она коротко обрисовала ему ситуацию. В трубке повисло тяжелое молчание. Она почувствовала, как он напрягся, мысленно увидела, как сузились и потемнели его глаза.

— Кто еще едет? — спросил он холодно.

— Олег, какое это имеет значение? Меня приглашают в Англию, понимаешь, в А-н-г-л-и-ю! Ты же знаешь, как я всегда мечтала об этом. Я тебе никогда не прощу, если ты лишишь меня этого шанса, так и знай!

Он помолчал, взвешивая ее слова.

— Поговорим вечером, когда я вернусь с работы.

— Вечером будет уже поздно, — с отчаянием крикнула она. — Ответ надо дать немедленно.

— Так не бывает, — упрямо сказал он. — Пускай они подождут.

— Не будут они ждать, — выпалила Наташа. — Желающих пруд пруди, а предложили мне.

— Вот я и хочу разобраться, почему именно тебе.

Наташу взорвало.

— Как ты смеешь так обращаться со мной?! Это оскорбительно, в конце концов. Я взрослая женщина и сама могу принимать решения. — И она бросила трубку.

Мальчики совсем притихли и смотрели на нее широко открытыми, изумленными глазами. Они никогда еще не слышали, чтобы она так кричала. Наташа прикусила губу. Ей вдруг стало невыносимо стыдно. Она через силу улыбнулась им.

— Сейчас, мои хорошие. Еще один звонок — и пойдем.

Но она не успела. Телефон зазвонил снова.

— Да? — сказала она, изо всех сил пытаясь успокоиться.

— Наташа? — Это был Олег. — Прости меня. Я просто дурак. Прости. — Слова давались ему с трудом. — Поступай так, как ты считаешь нужным. Я просто подумал... А как же Миша, ваша поездка?

— Мама согласилась побыть с ним на даче. И потом здесь же останешься ты, верно?

— Да. Я, может быть, смогу взять отпуск и помочь ей. Но я так хотел провести его с тобой.

— О, Олег! Только на этот раз! Прошу тебя, не лишай меня радости.

— Конечно, конечно. Я понимаю.

— Мой дорогой, ты — прелесть. Приходи сегодня пораньше, я приготовлю что-нибудь особенное.

— Постараюсь. Я люблю тебя.

— Я тоже. Целую. До вечера.

Окрыленная, Наташа тут же позвонила на кафедру и сообщила заведующей, что все устроилось самым наилучшим образом.

— Завтра же позвони в кадры и узнай, какие документы им нужны. Не затягивай, времени в обрез, — предупредила ее заведующая.

— Я все понимаю, Нина Константиновна. Спасибо вам, огромное спасибо. А теперь, — сказала она, повернувшись к детям, — мороженое. Вперед!

Дети дружно завопили и бросились к лифту.

И вот теперь она сидела в самолете и думала о сыне. Он ничего не сказал ей, когда она сообщила о неожиданном изменении в планах. Лишь глаза слегка потемнели и подбородок воинственно выдвинулся вперед. Они каждое лето проводили вместе, и это было их излюбленное время. Путешествие вдвоем. Впервые она так подвела его.

— О чем задумалась? — Голос Ольги вернул ее к действительности.

— О сыне. Он больше всех пострадал. Вместо юга — на дачу с бабушкой. Не сахар. Да и компания там не ахти. Но он мужественно выдержал удар.

— Славно. Моя Машка покуксилась сначала, а потом завалила меня заказами. Интересно, на какие шиши?

— Да, на наши деньги не разбежишься, — покачала головой Наташа. — Но я собрала немного на поездку в Лондон. Глупо ведь съездить в Англию и не побывать в Лондоне. Я себе этого никогда не прощу.

— У тебя там знакомые? — с интересом спросила Ольга. — Ну, в смысле, есть у кого

остановиться?

— Да нет, пожалуй, — не слишком уверенно ответила Наташа. — Найду какой-нибудь дешевенький пансион. Гостиницу мне не потянуть.

Знакомые в Лондоне... Наташа больно прикусила губу от охватившего ее волнения. Прошло пятнадцать лет, а воспоминания все еще жили в ней, пугая своей неожиданной остротой. Все началось в Африке. В Африке...

Часть первая

Нигерия. 1980 год

Самолет приземлился в аэропорту Лагоса глубокой ночью. После четырнадцатичасового перелета Наташа чувствовала себя совершенно разбитой. За всю дорогу она не сомкнула глаз. Голова пухла от обилия впечатлений. Москва, засыпанная январским снегом, Вена, еще не отошедшая от рождественских безумств, мрачноватый аэропорт в Триполи и, наконец, Лагос. Тонкие силуэты пальм на фоне бездонного тропического неба, редкие огни, незнакомая гортанная речь и черные лица вокруг. Она вдруг болезненно ощутила свою непохожесть и впервые отчетливо поняла, что попала в незнакомый, чужой для нее мир. Сможет ли она когда-нибудь стать здесь своей?

Когда она объявила родным, что намерена отказаться от распределения в одно из торговых объединений и вместо этого ехать по контракту переводчиком в Нигерию, реакция была бурной. Как! Отпустить ребенка одного в Африку, да еще не в столицу, в посольство или торгпредство, а на какую-то стройку, в джунгли, в медвежий угол. Немыслимо! Но Наташа была непреклонна. Она с жаром объясняла им, что всегда успеет насидеться за бумажками, это куда не денется. А пока она молода, свободна и полна сил, ей хочется увидеть мир. Ну когда еще ей представится возможность побывать в Африке, увидеть все своими глазами, и не из окна посольского офиса, а изнутри. Надо сказать, что авантюрная жилка была присуща всем членам ее семьи, и наконец они сдались.

Все знакомые были тут же поставлены на уши, и вскоре Наташу познакомили с Борисом Львовым, бывшим корреспондентом ТАСС в Нигерии. Он вернулся из Лагоса год назад, а до этого провел там в общей сложности лет семь, знал об этой стране все, что только можно и даже больше, и был для Наташи сущей находкой.

Она хорошо помнила их первую встречу. Дверь ей открыл худощавый невысокий человек лет сорока с узким интеллигентным лицом.

— Ты Наташа Преображенская? — спросил он с порога. — Аркадий звонил мне насчет тебя. — И, помогая ей снять пальто, добавил: — Ничего, что я на «ты»? Старая журналистская привычка.

— Ничего, — ответила, осматриваясь, Наташа. Она понятия не имела, кто такой Аркадий. Наверное, какой-то знакомый знакомых еще одних знакомых. Впрочем, это ее совершенно не смущало. Она во все глаза смотрела по сторонам. А смотреть было на что. Небольшая прихожая с полу до потолка была сплошь завешана деревянными масками, чучелами крокодилов и какими-то странными круглыми резными щитами, черными и красными.

Заметив ее изумленный взгляд, Борис довольно улыбнулся.

— Нравится?

— Невероятно! — потрясенно выдохнула она. — Настоящий музей африканских искусств. А что это такое? — спросила Наташа, указывая на щиты.

— Калабаши. Их делают из высушенной тыквы, покрывают резьбой и красят.

— Ничего себе тыквы!

— Это еще не самые большие. Из тыквы делают все, что угодно, даже сосуды для воды и погремушки. Пойдем в комнату, все самое интересное у меня там.

Следующие несколько часов пролетели как один миг. Он показал ей все свои

сокровища: маски, деревянные фигурки, поражающие своим изяществом, литые бронзовые безделушки, батики, картины на ткани, расписанные особым способом, женские украшения, расшитые бисером. И рассказывал, рассказывал, рассказывал. О древней истории этой страны, о кровавой гражданской войне, о банановых рощах и плантациях ананасов, о криках обезьян в джунглях и публичных расстрелах на лагосском пляже Бар-Бич. О народах Нигерии, йоруба, хауса, ибо и многих, многих других. Лицо его горело таким вдохновением, что стало почти красивым.

— Ты так любишь Нигерию. Почему ты уехал оттуда? — спросила Наташа, опускаясь в кресло.

Он вытащил из бара бутылку коньяка, приглашающе выдернул пробку и плюхнулся в кресло напротив.

— Жене надоело, — коротко ответил он.

Наташа обвела взглядом комнату и, не обнаружив никаких следов женского присутствия, вопросительно подняла брови. Он криво усмехнулся.

— Мы разошлись сразу же после приезда сюда. Теперь мне в Африку путь закрыт. Ты же знаешь, что в нашей системе с этим строго, — горько добавил он.

Наташе не нужно было ничего объяснять. Она выросла в семье дипломата.

— Вот, коньячком утешаюсь. — Борис наполнил янтарной жидкостью две рюмки. — За тебя и Африку! — Он ловко опрокинул рюмку, Наташа слегка пригубила из вежливости. Она не любила крепких напитков. Борис налил себе еще и внимательно посмотрел на Наташу. — Ты очень красивая. Очень. И невероятно сексуальная. Не обижайся. Я сражен наповал. И еще мне с тобой легко, поэтому скажу, что думаю.

Наташе стало слегка неудобно. Никто еще не говорил ей таких вещей, особенно практически незнакомые люди. Она вдруг занервничала и посмотрела по сторонам, ища предлога, чтобы уйти.

Борис каким-то шестым чувством понял ее состояние. Он потянулся через стол и накрыл ее руку своей. Наташа вздрогнула.

— Не надо. Не надо меня бояться. Тебе здесь ничего не угрожает, хотя, не скрою, больше всего сейчас мне бы хотелось, чтобы ты осталась у меня.

Наташа неловко высвободила руку и почему-то спрятала ее за спину. Борис выпил еще, откинулся в кресле и закурил.

— Мне, пожалуй, пора, — храбрясь изо всех сил, сказала она. — Спасибо, что потратили на меня столько времени.

— Никогда еще не получал такого удовольствия, — пробормотал Борис и, увидев, что она встает, схватил ее за руку. — Сядь, перестань дергаться и слушай. Хочешь хороший дружеский совет?

— Конечно.

— Не ездь туда. Съедят.

Зеленые глаза Наташи изумленно раскрылись.

— Я не в этом смысле, — хохотнул он. — Случаев каннибализма среди местного населения уже давно не наблюдается. Наши, наши съедят. — Наташа недоверчиво посмотрела на него. — Ты знаешь, что такое советская колония за рубежом? Замкнутый мир, где все друг друга знают, томятся и изнывают от скуки и пьянства. Сплетни, склоки, подглядывание в замочную скважину и перемывание чужого грязного белья. Представь себе: месяцами ничего не происходит, все варятся в одном котле. Только и разговоров, кто, что,

где купил да кто, с кем, когда переспал.

— Я еду туда работать, — с достоинством сказала Наташа. — Все остальное меня не интересует.

— Дурочка! — убежденно сказал Борис. — Жизнь есть жизнь, и никуда от этого не деться. Ты же там будешь, как вечный раздражитель, они, как мухи на мед, к тебе слетятся. Положит на тебя глаз какой-нибудь тамошний начальник, будет таскать тебя везде с собой. А куда ты денешься? — воскликнул он, заметив протестующий жест Наташи. — Ты же переводчик. Начнет возить по командировкам, тискать по углам. Добрые люди тут же оповестят его женушку, она накает на тебя телегу и вышлют тебя, голубушку, за аморалку, охнуть не успеешь.

— Я сумею за себя постоять, — убежденно сказала Наташа.

Борис только рукой махнул.

— Упряма, как мул. Вот и говори с такой.

В комнате повисла напряженная тишина. Было слышно только, как тикают часы на стене.

— Ладно, — сказал наконец Борис. — У меня там остались друзья. Юра Майский советник-посланник, большая шишка, и его жена, Ирина. Дам тебе для них письмо. Хорошие ребята, помогут, если что.

Наташа встала и пошла к двери. Борис помог ей надеть пальто, обнял за плечи, легко прижал к себе. Нежный аромат ее волос приятно щекотал ноздри.

— Подумай над тем, что я сказал, не торопись. Ты еще так молода.

Наташа кивнула и исчезла за дверью.

— Подожди, я провожу тебя, — крикнул ей вслед Борис, но ее уже не было. Он услышал лишь стук ее каблучков по лестнице. Она не стала дожидаться лифта.

— Идиот, старый дурак, болван, — бормотал Борис. Ему вдруг стало невыносимо больно, как будто он упустил что-то очень важное. Он тяжело опустился в кресло и налил себе еще коньяка. Комната еще жила незримым присутствием Наташи. Он посмотрел на золотую жидкость в рюмке. — Это все, что тебе осталось, старый пьяница. — Он допил коньяк и принялся писать письмо в Лагос.

Наташа забрала письмо через несколько дней. Ничего примечательного не произошло. Они встретились у метро, перекинулись парой вежливых фраз и разошлись. Больше они не виделись.

Наташа с головой окунулась в предотъездные хлопоты. Надо было еще так много успеть, что не было времени особо раздумывать над его словами. С присущей юности самонадеянностью Наташа была уверена, что все проблемы разрешатся сами собой. Жизнь представлялась ей одним большим праздником.

И вот теперь, вдыхая тяжелый, напоенный влагой воздух незнакомой страны, она вспомнила их разговор и на мгновение усомнилась. А что, если он был прав? Что ждет ее здесь?

Наташа прилетела вместе с группой строителей. Со многими из них она успела познакомиться во время полета. Это были простые, грубоватые парни, в основном из нефтяных районов Сибири и Татарии. Для них это была первая и, вероятно, единственная возможность вырваться из нищеты. Они ехали сюда с твердым намерением накопить денег и, вернувшись в Союз, хоть немного пожить по-человечески. Ради этого дома оставались жены, дети, ради этого они готовы были жертвовать здоровьем, экономить буквально на

всем и работать, работать, работать.

— Не дрейфь, Наталья, — сказал ей один из них, огромный детина, прораб из Нефтеюганска. — Намолотим здесь деньжищ, вернемся домой и загуляем, аж небесам жарко станет. Ты последи пока за вещами, мы живо все перекидаем.

Они действительно быстро управились, погрузились в поджидавший их автобус и поехали. Дорога была темна, ни огонька кругом. Сколько ни напрягай глаза, все равно ничего не увидишь, кроме плотного переплетения по обочинам ветвей, серебрящихся в свете фар. Наташа почувствовала, как от монотонного покачивания у нее слипаются глаза. Она поудобнее устроилась на жестком сиденье, усталость душным ватным одеялом навалилась на нее.

Вдруг что-то просвистело над ухом, метнулась чья-то тень. Наташа вздрогнула и чуть не ударилась головой о спинку переднего сиденья. Вокруг захохотали. Она увидела у себя под ногами, среди ящиков, какого-то человека. Он улыбался ей, потирая ушибленную шею.

— Видите, не успели вы приехать, а я уже у ваших ног. — Он выкарабкался из ящиков и опустился на сиденье рядом с ней. — Хотел всех обойти и первым познакомиться с вами, а первопроходцам всегда достаются синяки и шишки. Это уж тем, кто следом, пироги и пышки. — Он снова потер шею. — Владимир Дронов, переводчик, для своих просто Вова.

— Наташа.

— Я знаю. Наташа Преображенская, коллега по цеху. Я, как всегда, крутился в секретарской, когда пришел телекс про вас. Все просто на ушах стояли, когда его прочли. Еще бы! Выпускница МГИМО! Что вас занесло в нашу глухомань?

— Жажда приключений.

— Вот это да! Первый раз такое слышу. Впрочем, этого добра здесь хоть отбавляй, мало не покажется. Кстати, по агентурным данным, вас для себя застолбил сам Первенцев. После проверки, естественно.

— Это кто такой? — нахмурила брови Наташа. Тень Бориса Львова незримо проплыла перед ней.

— Вы не в курсе? Первенцев, Павел Иванович, коммерческий директор строительства подпольная кличка Шкаф. Вот уж с кем не соскучишься. Затаскает по переговорам.

— Ну, мне это как раз на руку, я ведь сюда работать приехала.

Володя насмешливо посмотрел на нее и забавно покрутил усами.

— Н-да-а-а... Значит, к вам на хромой козе не подъедешь? Серьезная девушка.

— Очень, — улыбнулась Наташа. Ей нравился этот худощавый белокурый парень, нравился его насмешливый взгляд, легкий треп, быстрая, обаятельная улыбка. Она почему-то знала, что они одного поля ягоды, что они поймут друг друга и станут друзьями, знала, что ему можно доверять, просто знала, и все.

— А черный хлеб вы хоть привезли? — спросил Володя тоном, каким говорят: «С паршивой овцы хоть шерсти клок».

— И не только его, — рассмеялась Наташа. — Заходи завтра вечером и приводи своих близких друзей. Отметим мой приезд, а заодно и познакомимся.

Володя ухмыльнулся и понимающе кивнул, давая ей понять, что оценил ее тонкий ход.

— Нам еще долго ехать? — спросила Наташа.

— От Икороду минут двадцать. Икороду — это маленький городок, самый близкий к нашей площадке источник цивилизации. Цивилизации по-нигерийски, — пояснил он.

— А что это значит?

— Сама увидишь. Рассказать невозможно.

— Мне надо поскорее выбраться в Лагос. Я привезла письма для посольских.

Володя приподнял брови.

— М-м-м, влиятельные друзья. Неплохо для начала.

— Да какие там друзья. Просто знакомые знакомых.

Володя понизил голос и заговорщически прошептал:

— А вот об этом никому не говори. Пусть думают, что у тебя обширные связи. — И, заметив недоумевающий взгляд Наташи, пояснил: — Так спокойнее.

Она снова вспомнила Бориса и разговор с ним, но решила отложить обсуждение этой темы на потом. Автобус быстро проскочил скопление темных невысоких домов. Кое-где в окнах горели керосиновые лампы.

— Икороду. Теперь уже скоро, — заметил Володя.

— А что, здесь даже электричества нет?

— У многих нет, а остальные экономят. Дорого, да и отключают постоянно.

— А на площадке? — спросила Наташа, уже усвоив местную терминологию.

— У нас с этим все в порядке. На случай перебоев есть своя маленькая электростанция.

— А что там еще есть?

— Бассейн, бар, столовая, но это на крайний случай, если сама готовить не любишь. Еда вполне общепитовская. Спортивная площадка, короче, жить можно.

— Неплохо. Это звучит лучше, чем я ожидала.

— Звучит. Тоненько сказано.

— Я же сама еще ничего толком не видела. Кстати, ты не сказал мне о Лагосе. Как туда попасть?

Володя почесал в затылке.

— На попутной машине. Можешь считать, что тебе крупно повезло. Я завтра с утра поеду в Лагос. Могу и тебя прихватить. Но сначала надо испросить разрешения генерального, ну, генерального директора.

— А он разрешит?

— Это вопрос. Скорее всего он предложит тебе передать письма через меня или еще кого-нибудь.

— Логично, но мне непременно нужно передать все самой.

Наташе хотелось поскорее познакомиться с Майским и отдать ему письмо Бориса из рук в руки. Да и столицу не мешало бы посмотреть.

— Придумай что-нибудь. Времени до завтра у тебя достаточно, но учти, он человек настроения.

— Генеральный?

— Угу.

— Как его зовут?

— Степан Антонович Поздняк. Он откуда-то с Украины и, как все хохлы, жутко упрямый. Скажет «нет», значит, «нет». Он здесь недавно, всего два месяца, поэтому пока самоутверждается.

— А до него?

— До него был Шафран. И знаешь, что я тебе скажу, — Володя окинул ее оценивающим взглядом, — тебе крупно повезло, что ты его не застала.

— Это еще почему?

— Очень до женщин был охоч. Ни одной юбки не пропускал. Страшное дело. Всех хорошеньких переводчиц распихал по трассе и наезжал в командировки. Так и скакал то в Бенин, то в Варри.

— А жена?

— А что жена? Она с площадки ни ногой, все здесь за ним секла.

— А эти девушки, переводчицы, все как одна соглашались?

— Не знаю, лично со свечкой не стоял. Да и что поделаешь? Чуть что не так, вышлют в двадцать четыре часа, а люди сюда деньги зарабатывать едут.

— И высылали?

— Один раз было. Тут одна вздумала пожаловаться послу, так Шафран ее так расписал, что пробы негде ставить. И выслали.

— И никто ее не защитил? — потрясенно спросила Наташа.

— Легко сказать. Все тряслись, как при Сталине. Своя рубашка ближе к телу.

Наташа живо представила себя на месте незнакомой девушки. Мурашки пробежали по коже. Оболганная, одинокая, незащищенная. Страшно. Тут автобус резко свернул и запрыгал по усыпанной щебенкой подъездной дороге. Водитель притормозил у затянутых толстой металлической сеткой ворот и посигналил.

Все вокруг как вымерло. Он посигналил еще раз, более настойчиво. Никакого эффекта. Из сторожевой будки у ворот не доносилось ни звука. Еще сигнал, еще. Тишина.

— Шурики в своем репертуаре, — заметил Володя. — Как всегда, дрыхнут на посту.

— Шурики?

— Здесь так нигерийцев называют, сам не знаю почему. Когда я приехал, словечко уже гуляло всюду, авторство не установлено.

— А они не обижаются?

— Нет. Наверное, считают, что это по-русски значит «африканец». А они белых называют «оибо». Это на местном языке йоруба «человек без кожи». Мы же не обижаемся. Черт, — с досадой добавил он. — Придется опять через забор лезть.

— Уже бывало?

— И не раз. И все время я нарываюсь.

Наташа вдруг рассмеялась. Володя озадаченно посмотрел на нее.

— Я вспомнила одну смешную историю. По-арабски «доброе утро» будет «сабаху ль хейр». Так вот, в Ираке один наш завхоз приходил в магазин и с порога кричал продавцам, пардон: «Собачий хер!» Они от его арабского были просто в восторге.

Володя оглушительно расхохотался. Как будто в ответ на его смех дверца будки распахнулась и к воротам ленивой походкой подошел человек в измятом белом балахоне и высокой круглой шапочке, чудом державшейся на его коротко остриженной курчавой голове. На плече болталось потертое охотничье ружье. Лязгнул замок, и ворота медленно поползли в стороны.

Автобус взревел и въехал на территорию площадки.

— Останови! — закричал водителю Володя. Тот ударил по тормозам, и автобус встал как вкопанный. Он потянулся через Наташу к окну и подозвал сторожа. — Опять спишь на посту, — обратился он к нему по-английски. — Сколько раз тебе говорил: «Не спи, бди!» Ты же охранник. Смотри, пожалуйста маста [□](#) Жене, своих не узнаешь!

Сторож забормотал что-то невразумительное. Автобус тронулся.

— А кто это Женя? — любопытствовала Наташа.

— Женя Прохоров, здешний завхоз. Он ими командует. Да только без толку все это. Одного уволят, другой такой же придет. Одно слово, шурики. Нам их не понять.

Володя встал и подошел к водителю.

— Давай сначала девушку доставим. Притормози у розового корпуса.

Автобус остановился у длинного одноэтажного здания, похожего на барак. Он был вторым по счету. Дальше в темноте белели еще пять или шесть таких же.

— Все, прибыли, — сказал он Наташе. — Покажи свои вещи.

— Спокойной ночи, ребята, — она махнула рукой остальным. — Еще увидимся.

Володя уже открывал ключом дверь. Он щелкнул выключателем, и комната озарилась ярким светом. Бежевые свежескрашенные стены, бежевые с коричневым занавески на окнах, кровать, шкаф, стол с двумя стульями, холодильник, кондиционер, приятный охлажденный воздух.

— Ну как? — нетерпеливо спросил Володя. — Нравится?

— Неплохо.

— И только-то! — Он распахнул дверь справа от входа. — Туалет, душ и плитка. Готовь — не хочу. Да что ты понимаешь! Здесь в таких условиях единицы живут. Я, например, в соседнем корпусе, еще с одним парнем, «система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная», — пропел он, обнаруживая знакомство с творчеством Высоцкого, что Наташу ничуть не удивило.

— А как же я сюда попала?

— Повезло. Здесь до сегодняшнего дня жила другая переводчица, Света. Она сегодня утром переехала в Варри. Это довольно большой город, одна из наших точек на трассе.

— А откуда у тебя ключ?

— Я же ехал тебя встречать. Вот и забрал у Жени-завхоза.

Наташа включила воду.

— Классно. Даже горячая есть.

— Я же говорил тебе, что жить можно. Ладно, располагайся, отдыхай. Завтра в девять увидимся в конторе.

— Только ты не уезжай без меня, договорились?

— О'кей. Если что, моя комната в следующем корпусе, вторая слева. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Наташа закрыла за ним дверь и осталась одна. Она бесцельно побродила по комнате, наткнувшись на ящики, застелила постель, достала туалетные принадлежности, с наслаждением приняла душ и легла. Кондиционер уютно жужжал, навевая сон.

Вдруг какое-то движение под потолком в противоположном углу комнаты привлекло ее внимание. Наташа встала, зажгла верхний свет и подошла поближе. На потолке примостилась маленькая ящерица. Ее розоватое перламутровое тельце было почти прозрачным, под тонкой кожицей просматривались серебристые кишочки. Черные бусинки глаз, толстый хвостик, добродушная мордочка. Симпатичный в общем-то тип, но кто его знает. Тропики все-таки.

Наташа не знала, стоит ли ей беспокоиться и бежать за Володей. Сидевшая до сих пор совершенно неподвижно ящерица вдруг шевельнулась. Наташа пригляделась и заметила довольно большого комара. Он безмятежно сучил ножками, не подозревая о нависшей над ним опасности. Молниеносный рывок — и вот он уже в пасти ящерицы. Наташе даже показалось, что на ее мордочке появилась умильная улыбка.

— Ну что же, друг, — пробормотала Наташа. — Похоже, мы с тобой уживемся. Она вернулась в постель и безмятежно проспала до утра.

Конечно же, она проспала. Когда Наташа подошла к офису генеральной дирекции, рабочий день уже начался. Вокруг сновали какие-то люди, отъезжали и подъезжали машины. Группа нигерийцев в характерных для них светлых балахонах подрезали траву на газоне длинными широкими ножами, типа мексиканских мачете. Она чувствовала на себе любопытные взгляды, но никто не заговаривал с ней.

Наташа нерешительно вошла внутрь. Тут же откуда ни возьмись перед ней оказался Володя и замахал руками, как ветряная мельница.

— Куда ты пропала? Я уже собрался за тобой бежать. Он сейчас уезжает.

— Кто?

— Кто-кто! Степан!

«Степан Антонович, гендиректор», — вспомнила Наташа.

— Куда?

Володя схватил ее за руку, и они помчались по коридору. Свернули налево и оказались в просторной приемной. За большим столом, сплошь уставленным телефонами, дыроколами и прочей канцелярской чепухой, царственно восседала довольно молодая дебелая девица. Подбородок утопал в складках шеи, на бледном лице поблескивали щелочки слегка припухших глаз. Наташа почувствовала на себе ее изучающий, недобрый взгляд.

— Марина, радость моя, — слегка придушенно пропел Володя. — Познакомься. Это Наташа Преображенская, наша новая переводчица.

— С приездом, — хрипловатым голосом сказала Марина.

— Ей нужно срочно представиться генеральному. Он там? — Володя мотнул головой в сторону обитой искусственной кожей двери.

— Там, но вы опоздали. Он сейчас уезжает. — В голосе Марины послышалось еле уловимое злорадство.

«Я не понравилась ей, — поняла Наташа. — Что ж, взаимно».

— Я все же рискну, — сказала она, улыбаясь, и сделала шаг к двери.

— Он не один, — с нажимом произнесла Марина. — У него мистер Мартин.

Она не стала больше ничего объяснять, и Наташа повернулась к Володе.

— Джек Мартин, представитель британской фирмы «ЭНКО», наш субподрядчик по инженерным вопросам. А переводчик там есть? — обратился он к Марине.

— Не-а, сам выкручивается. Все куда-то разбежались.

— Вот я и помогу, — вызвалась Наташа и, не дожидаясь возражений, открыла дверь кабинета.

В глубине за длинным письменным столом сидел довольно высокий, худощавый, начинающий лысеть мужчина средних лет. Напротив примостился маленький сухой, жилистый человек с изборожденным морщинами лицом. В его густых волнистых волосах явно проступала седина. Оба вспотели от напряжения, но, совершенно очевидно, не понимали друг друга.

Услышав звук открывающейся двери и шаги Наташи, генеральный раздраженно дернул головой. Она быстро подошла к столу. Мужчины изумленно смотрели на нее, как на привидение.

— Здравствуйте, Степан Антонович. Я — Наталья Преображенская, новая переводчица.

Марина сказала мне, что я могу помочь. — Она повернулась к англичанину. — Мистер Мартин, — сказала она по-английски. — Я — Наташа. Какой у вас вопрос к господину Поздняку?

Англичанин вскочил на ноги и подбежал к ней. Для своего возраста он двигался на удивление стремительно.

— Джек, — сказал он, пожимая ей руку. — Зовите меня просто Джек.

Глядя в его возбужденно блестящие глаза, Наташа усмехнулась про себя. С этим, похоже, у нее проблем не будет.

Поздняк мрачновато поглядывал на них из-под кустистых бровей.

— Присядьте, — отрывисто бросил он.

Наташа быстро и точно все перевела. Не прошло и пяти минут, как Мартин ушел, вполне удовлетворенный, рассыпаясь в комплиментах по поводу ее великолепного английского.

— Что он сказал? — осведомился Поздняк.

— Что такого английского он еще здесь не слышал и что непременно принял бы меня за англичанку, не знай он, что я русская, — скромно потупив глазки, ответила Наташа.

— Неплохо для начала, — проговорил директор, потирая крупный, со странной ложбинкой на кончике нос. — Спасибо, вы появились очень кстати.

Наташа решила воспользоваться благоприятным моментом.

— Степан Антонович, у меня к вам небольшая просьба.

Он благодушно улыбнулся.

— Только пусть она будет действительно небольшая, а то я очень спешу.

— Я знаю и не отниму у вас много времени. Я привезла письма и кое-какие устные поручения для знакомых в посольстве. В частности, для Юрия Петровича Майского. — Она почувствовала, что он весь напрягся, и быстро продолжала, чтобы не дать ему возможности возразить: — Так, ничего особенного, простые семейные дела, но довольно срочные. Новости от родителей, от дочери. Да и посылки могут испортиться. Если можно, отпустите меня сегодня в Лагос.

— Надо узнать, едет ли кто-нибудь туда сегодня, — неохотно процедил Поздняк. Он явно не приветствовал связей на стороне.

— Насколько я знаю, Володя Дронов едет туда за почтой, — поспешно вставила Наташа.

Он посмотрел на часы и встал.

— Ладно. Поедете с Дроновым, но только сегодня же обратно.

— Конечно, — просияла Наташа. — Спасибо.

Они вместе вышли в приемную.

— Как там Москва? — на ходу спросил Поздняк.

— Бр-р-р, — Наташа зябко передернула плечами. — Мороз.

— Здесь не замерзнете, — усмехнулся он и вышел к машине, бросив от двери Марине: — Я до обеда на трассе.

Наташа подбежала к Володе. Глаза ее сияли.

— Все в порядке. Едем!

— А ты шустрая, — сказал он, улыбаясь.

— Разве? — искренне удивилась Наташа и, заметив недовольный взгляд Марины, кивнула ей и побежала за письмами.

— До Лагоса недалеко, меньше полутора часов езды. Но если попадешь в пробку, можно и целый день промаяться. Непредсказуемое это дело.

Потрепанный красный «жигуленок» стремительно летел к Икороду.

Им не повезло. В самом центре города дорога была вся забита машинами. Из боковых улиц выезжали новые и, отчаянно гудя, прокладывали себе дорогу. Неразбериха царила полная.

Среди машин ловко сновали нищие и бродячие торговцы. Они звучно перекликались гортанными голосами и пытались всучить проезжим свой товар: от незатейливых нигерийских сувениров до японских магнитофонов и тостеров.

— Я еще не ориентируюсь в здешних ценах, — сказала Наташа. — Они дешево продают или не очень?

— Дешевле не бывает, — ответил Володя, отбиваясь от лохматого парня, который настойчиво пытался засунуть в окно машины цветастый термос. — Если поторговаться, можно вообще купить за смешную цену. Это же все в основном краденое. Но заниматься этим не советую.

— Почему?

— Подсунут бракованную вещь — и ищи свищи. В магазин хоть вернуть можно. Или на торговых рядах. Там цены повыше, но ты спокойно все осмотришь, проверишь, пощупаешь, да и скидку можно приличную выторговать. Здесь вообще без торговли никто ничего не покупает. Некоторые даже отказываются продавать, если сразу соглашаешься.

— Как это?

— А так. Они же как дети. Им позабавиться охота, даже за свой счет. Поэтому не удивляйся, если тебе дадут от ворот поворот. Мол, иди, мадам, своей дорогой и не отвлекай занятых людей.

Он продолжал что-то говорить, но Наташа уже не слушала его. Ее вдруг охватило странное ощущение, как будто кто-то настойчиво звал, звал к себе. И она повернулась на этот зов.

На обочине, метрах в двух от их машины, стоял огромного роста негр в причудливом ярком одеянии и, не отрываясь, смотрел на нее. Его черные навывкате глаза с красными белками жгли ее, как раскаленные угли. Ноздри широкого, приплюснутого носа трепетали, толстые губы оскалились в дикарской улыбке. Мощные бугры мышц перекатывались под черной, как деготь, блестящей кожей. На шее висело странное ожерелье из когтей, клыков и птичьих перьев.

Наташа почувствовала, что не в силах оторваться от его горящих глаз. Воздух будто сгустился вокруг нее. Рука сама собой легла на ручку дверцы, пытаясь открыть. В голове помутилось, тошнота подступила к горлу. Она судорожно задергала ручку, но та не поддавалась.

— Что с тобой? — как из тумана донесся до нее голос Володи.

Наташа затрясла головой, волосы упали на лицо.

— Глаза... — сдавленным, чужим голосом простонала она. — Выпусти меня отсюда.

— Посмотри на меня, — приказал он. Достал из-под сиденья бутылку с водой и брызнул ей в лицо. — Ты просто перегрелась с непривычки. — Он брызнул еще. На мгновение ей стало легче.

Тут передние машины тронулись. Красный «жигуленок» рванулся за ними. Скоро они выехали на хайвей и помчались в сторону Лагоса.

Наташа постепенно приходила в себя. Чем дальше они удалялись от страшного места, тем легче ей становилось. Володя искоса посматривал на нее из-под солнечных очков. Она все еще была сильно бледна, но краски постепенно возвращались на щеки. Она моргала глазами и щурилась на солнце, как после долгого сна.

— Ох, и напугала же ты меня! — с облегчением сказал он. — Как ты? Получше?

— Да, — неуверенно ответила она. Ей было не по себе. Ничего подобного она раньше не испытывала. — Не пойму, что это было. Гипноз какой-то. Эти глаза...

— Только, ради Бога, не забивай себе голову чепухой, — перебил ее Володя. — Перелет, жара, новые впечатления. Все прошло, и забудь об этом. Расскажи лучше, как тебе твоя новая квартира.

— Потрясающе, — воскликнула Наташа, мгновенно переключаясь. — Я спала, как убитая. Кстати, у меня там живет ящерка. Прозрачная такая и пузо как барабан.

— Геккон. Хороший чувак, аппетит будь здоров. Сожрет у тебя всех малярийных комаров.

— Одного уже сожрал, прямо при мне. Видимо, хотел показать, на что он способен. Я сначала испугалась, хотела было к тебе бежать, а потом разглядела, какая у него добродушная мордочка, и успокоилась.

Дорога шла мимо бесконечных плантаций ананасов, перемежающихся с банановыми рощами. На обочине тут и там молодые веселые женщины в ярких тюрбанах продавали фрукты.

— Отоваримся? — Володя лихо притормозил около одной из них.

— У меня денег нет.

— Не беда. Я угощаю.

Они вылезли из машины и подошли к торговке.

— Гуд маста! — Лицо расплылось в ослепительной белозубой улыбке. — Бай банана фром ми!^[2]

— Хау мач?^[3]

— Файф-файф найра!^[4]

— Заметь, они всегда повторяют цифры дважды. Найра — это местная денежная единица, как у нас рубль. Кобо — наши копейки. — Он повернулся к торговке. — Ноу, ноу, ту мач. Ту найра^[5].

Женщина закатила глаза, всем своим видом выражая возмущение.

— Ха! — Она хлопнула себя по бедрам. — Ту найра фо гуд банана! — Володя повернулся и пошел к машине. Наташа, недоумевая, за ним. — Три найра фифти кобо!^[6] — отчаянно завопила торговка им вслед.

Володя, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Три найра.

— О'кей. — Ее круглое лицо сияло как луна.

Наташа искренне забавлялась этим спектаклем.

— Похоже, она внакладе не осталась, — заметила она.

— Еще бы, — сказал Володя, расплачиваясь и забирая бананы. — Как минимум, найру переплатили. Я же знаю, что почему.

— У тебя здорово получается.

— Практика. Учись, девушка, пока я жив, а то тебя тут живо без штанов оставят.

Нигерийцы — прирожденные торговцы. Это здесь национальный спорт.

— Учту.

Они погрузились в машину и поехали.

— Можно, я съем один банан? Просто слюнки текут.

— Да хоть все. Для тебя купил. Я уже наелся. Знаешь, — он мечтательно прикрыл глаза, — вкус антоновки по ночам снится. Просыпаюсь и все губы облизываю.

— Ностальгия называется, — сказала Наташа, откусывая нежную мякоть. — М-м-м, блаженство! Даже вкус другой, не как в Москве.

— Еще бы. Они же здесь свеженькие, прямо с дерева, как у нас малина с куста. — Он вцепился руками в руль. — Слушай, давай сменим пластинку, а то я сейчас заплачу.

— Соскучился? — сочувственно спросила Наташа. — Сколько ты уже здесь?

— Почти два года без отпуска. Все обещают и ни туда ни сюда.

— Бедняжка! У тебя, наверное, девушка в Москве осталась?

— Так, ничего серьезного. Дело не в этом. Нельзя человеку так долго без дома. Что-то ломается внутри. — Он посмотрел на притихшую Наташу. — Что-то я разнюнился с тобой. Наверное, потому, что ты только что оттуда. Все не так плохо. Просто накатывает иногда.

Наташа улыбнулась. Ей было так легко с ним, легко и уютно.

— Не грусти. Все рано или поздно кончается, и хорошее, и плохое. В этом прелесть жизни, в ожидании перемен.

— Тоже верно.

— Кстати, мое вчерашнее приглашение остается в силе. Посидим, угощу тебя черным хлебом с селедкой, музыку послушаем. Я потрясающие записи привезла. «Машина времени». Слышал?

— Нет.

— Вот видишь. Там одна классная песня есть, как раз про поворот в жизни. Ты мне лучше вот что расскажи. Что за человек Марина?

— А что тебя интересует? — осторожно спросил он.

— Ты не бойся, — успокоила его Наташа. — Мне исключительно для внутреннего употребления. Дело в том, что мы с ней, похоже, не понравились друг другу.

— Ничего удивительного, — хохотнул Володя, окинув Наташу быстрым взглядом. — Скажи честно, у тебя много подруг?

Наташа сразу поняла, к чему он клонит, и впервые задумалась над этим вопросом именно в такой плоскости. Поняв ее молчание по-своему, Володя пропел:

— «Ох, не дружите, девушки, с подружкой-красавицей!» — И добавил глубокомысленно: — Исходя из законов диалектики, можно с уверенностью говорить о единстве противоположностей. То есть они все дурнушки.

— Можно также вспомнить о борьбе противоположностей, — подхватила с готовностью Наташа. — И с такой же уверенностью заявить, что они все красавицы. Подобное тянется к подобному.

Володя озадаченно потер подбородок.

— Так где же истина?

— Истина в том, — ответила Наташа, — что их мало, но они все красавицы. Но ты мне не ответил.

— По поводу Марины? — Наташа кивнула. — По-моему, ответил. А если серьезно, то держись подальше. Злыдня, каких мало. Кстати, ее муж, Кеша, работает в коммерческом

отделе, у Первенцева. Так что делай выводы.

— Муж да жена?

— Точно. И не вздумай острить по поводу его имени. Относится к этому крайне болезненно.

— Иначе говоря, Смоктуновским его называть не следует.

— Вот именно, в самую точку.

За разговором Наташа и не заметила, как они въехали в Лагос. Впрочем, окраины столицы мало чем отличались от Икороду и других нигерийских городов. То же скопление обшарпанных хибар, та же грязь и стаи бездомных собак, те же линияые рекламные щиты вдоль дороги. Тем сильнее было изумление Наташи, когда «жигуленок», сделав несколько крутых поворотов, лихо вырулил на Марину, центральную набережную города. Восторженный возглас сорвался с ее губ. Контраст был просто убийственным. Впечатление было такое, будто они во мгновение ока перенеслись в другую страну.

Справа искрился и переливался всеми оттенками голубого цвета океан. Слева, как солдаты на часах, выстроились высокие современные здания, универмаги, супермаркеты, банки. Тщательно подстриженные газоны напоминали о том, что еще не так давно здесь хозяйничали англичане. Начищенные до блеска медные таблички с названиями фирм сверкали на солнце. И публика здесь была совсем другая, респектабельные мужчины в деловых европейских костюмах, женщины, одетые по последней моде и в туфлях на высоких каблуках. Единственное, что отличало их от обычной европейской толпы, было обилие золотых украшений и, конечно, цвет кожи. Впрочем, мелькало много белых лиц.

— Не слабо, а? — воскликнул Володя. — Сколько уже езжу здесь, а каждый раз поражаюсь. Лагос — город контрастов. И не поверишь, что сразу за этим великолепным фасадом начинаются торговые ряды. Там уже Европой и не пахнет. Всем, чем угодно, только не Европой. Но отовариваются все именно там, даже европейцы.

— Почему?

— В магазинах здесь шаром покати и цены просто убойные. В Нигерии очень высокие импортные пошлины, поэтому официально импортировать товары невыгодно. А на рядах сплошь контрабанда. Все, что угодно можно купить и довольно дешево.

— Куда же правительство смотрит? — удивилась Наташа. — Это ж какие деньжищи уплывают, подумать страшно.

— А кто их знает? — Володя пожал плечами. — Они контрабандистов даже не ловят толком, так, пощиплют для вида, взятки с них наберут, и порядок.

Машина выехала на высокую эстакаду. Перед ними открылся великолепный вид на лагуну. Паруса яхт, как усталые чайки, покачивались на волнах. Широкий мост стремительно перенес их на противоположный берег.

— Остров Виктория. Фешенебельное местечко. — Володя сделал широкий жест рукой, как бы приглашая ее убедиться в правильности его слов.

Наташа с любопытством огляделась по сторонам. Красивые белые виллы утопали в зелени и цветах. Высокие заборы надежно защищали их обитателей от посторонних глаз. Они проехали по улице Ахмаду Белло, лавируя в потоке машин, миновали внушительное здание отеля «Федерал Палас» и после нескольких поворотов остановились у длинного белого здания. На заборе у ворот красовалась табличка: «Посольство Союза Советских Социалистических Республик».

Володя посигналил, и ворота медленно поплыли в стороны. Припарковав машину, они

подошли к центральному входу.

— Тебе сюда, — сказал Володя, указав на дверь. — Иди, раздавай свои письма, а я побежал. Дела. Встретимся в холле у дежурного, там попрохладнее. — И он пошел по дорожке в глубь территории.

Наташа проследила за ним взглядом и заметила за деревьями несколько длинных серых многоквартирных домов с большими лоджиями. Судя по разномастным занавескам и кое-каким ненавязчивым признакам человеческого жилья, там обитали сотрудники посольства.

Наташа подхватила сумку с посылками и письмами и вошла в холл. Здесь было сумрачно и прохладно. Навстречу ей из-за стойки поднялся молодой человек в свежесглаженной белой рубашке с короткими рукавами и в строгом темном галстуке. Она быстро пересекла холл и подошла к нему. Каблучки ее босоножек выбивали звонкую дробь на сверкающих каменных плитах пола. Выражение дежурной вежливости на лице молодого человека сменилось на любопытную выжидающую улыбку. Что это еще за птичка, казалось, вопрошали его глаза.

— Здравствуйте. — Наташа лучезарно ему улыбнулась. — Я только вчера прилетела из Москвы. Привезла кое-кому из ваших письма и посылки. Я бы хотела видеть Юрия Петровича Майского.

— Вы из торгпредства?

— Нет. С площадки в Икороду. — Наташа заметила, что он еле сдержался, чтобы не присвистнуть. «Эк, куда тебя занесло», прочитала она в его глазах.

Но он сказал только:

— Как же, бывал я там у вас. Неплохой бассейн, конечно, когда в него наливают воду.

— Даже так! — улыбнулась Наташа. — Я, честно говоря, еще ничего не успела увидеть.

Он кивнул и нажал кнопку селектора.

— Юрий Петрович, к вам посетительница. — Он повернулся к Наташе: — Сейчас спустится. Вы присядьте пока.

Наташа опустила в глубокое кресло и откинулась на спинку, наслаждаясь прохладой.

Дверь в глубине холла открылась, и вошел мужчина неопределенного возраста. Он был весь какой-то серо-белый, как будто присыпанный мукой. Редущие светлые волосы, длинный неровный нос и красноватые припухшие глаза делали его похожим на маленькую ночную зверюшку, боящуюся дневного света. Картину завершали узкие, покатые плечи и кругленький животик, заметно распиравший рубашку.

Наташа почувствовала что-то очень похожее на разочарование. Она ждала совсем другого. При виде ее глаза Майского заблестели и будто подернулись влагой. Он резко расправил плечи, походка сделалась легкой и почти упругой. Наташа усмехнулась про себя. Знакомая реакция. Она быстро подошла к нему и протянула руку.

— Здравствуйте, Юрий Петрович. Я — Наташа Преображенская. У меня для вас письма от ваших домашних и от Бориса Львова.

— От Бори! — Его пергаментные щеки пошли складками. — Как он там?

— Ничего, насколько это возможно, — уклончиво ответила Наташа и протянула ему сумку. — Там еще письма и посылки для других. Все надписано. Передадите?

— Конечно, конечно, не беспокойтесь, — засуетился он и окинул Наташу внимательным взглядом. У нее появилось неприятное чувство, как будто ее раздевают.

«Шикарная цыпочка, — подумал Майский. — А какая грудь! Заняться бы ей на досуге. Ох-хо-хо... Нет, от таких одни неприятности. Так и норовят забраться к тебе в постель, а

потом скандал, чего доброго, развод, и прощай спокойная жизнь. Сколько дураков ловилось на смазливые мордашки и круглые попки, а потом карьерой расплачивались за это. А все-таки жаль...»

— Спасибо вам, Наташа. Свежие вести из дома здесь такая редкость. А где вы будете работать? — на всякий случай спросил он.

— На трубопроводе, в Икороду.

— А-а-а, передавайте привет Степану Антоновичу. — Он вдруг заторопился. — Извините, я хотел бы прочитать письма. Еще раз спасибо и до свидания. — Он пожал ей руку, подхватил под мышку сумку и скрылся за дверью.

Наташа вернулась в кресло. Володи еще не было видно, значит, придется подождать. Она поудобнее устроилась на упругом сиденье и задумалась. Все произошло совсем не так, как она ожидала, но Наташа не жалела об этом. Не слишком ей понравился его откровенно раздевающий взгляд.

Прошло минут пятнадцать. Наташе надоело сидеть без дела, и она решила было выйти на улицу и осмотреть территорию посольства, как вдруг вернулся Майский. Выражение его лица было совсем иным. Оно светилось радушием. Он присел на соседнее кресло и быстро заговорил, почему-то снизив голос почти до шепота:

— Как хорошо, что вы еще здесь! Что же вы ничего мне не сказали?

Шелковистые брови Наташи удивленно поползли вверх.

— А что я должна была сказать?

— Боря пишет, что вы очень дорогой для него человек. А это значит, что и для меня, для нас, — быстро поправился он. — Для нас с Ириной. Боря наш очень близкий друг, столько всего пережито вместе! Знаете что, — он быстро взглянул на часы, — я сейчас позвоню жене, пообедаем у нас, поговорим.

— Спасибо, но не сегодня, — покачала головой Наташа. — Я не одна. Человек, который привез меня сюда, с минуты на минуту должен вернуться. Меня и отпустили-то всего на несколько часов.

Майский огорченно вздохнул.

— Очень жаль, очень. Ирина мне этого не простит. — Тут лицо его просияло. — Есть идея. Я договорюсь со Степаном, и мы вас похитим в следующие выходные. В эти, к сожалению, не получится. Я уезжаю в командировку. А через неделю вы приедете к нам и погостите немного. Ну, как, идет?

— Идет, — засмеялась Наташа. Таким он ей нравился куда больше. — Но только Степана вы берете на себя.

— Какой вопрос! Считайте, что все уже улажено.

Вошел Володя. Наташа встала.

— Юрий Петрович, мне пора.

— Никаких Петровичей! Просто Юра. — Он поцеловал ей руку. Наташа вздрогнула от неожиданности. — И помните, через неделю.

— До свиданья. Привет Ирине. — Наташа помахала рукой дежурному и вышла вслед за Володей.

Дни летели за днями стремительной, пестрой чередой. Наташу сразу же взяли в оборот. Видимо, ее дебют у генерального был настолько удачным, что ее акции резко возросли в цене.

Как и предсказывал Володя, ее забрал к себе в отдел Павел Иванович Первенцев, коммерческий директор строительства. Надо сказать, не без труда. Поздняк хотел закрепить ее за собой, но Первенцев умел настоять на своем. В конце концов они достигли компромиссного решения: Наташе предстояло работать на два фронта и сопровождать генерального на всех ответственных переговорах.

Первенцеву было уже здорово за пятьдесят. Маленький рост и широкий корпус делали его совершенно квадратным. Короткие, кривоватые ноги были всегда широко расставлены, как у борца перед схваткой. Маленькие серые глаза светились недюжинным умом и юмором. Из одежды он предпочитал просторные, мешковатые светлые костюмы и совершенно не признавал галстуков. Он действительно напоминал потрепанный, напрочь лишенный изящества, но очень надежный шкаф. Он всех называл на «ты», но в его устах это звучало очень естественно и совсем не фамильярно.

— Мы здесь, барышня, работаем не по графику, — сказал он ей при первой же встрече. — Так что не обессудь, если вечером задержаться придется или на ряды с подружками не поехать. Не подведешь? — Он бросил на нее острый взгляд из-под кустистых бровей.

— Не подведу, — уверенно ответила Наташа. — Я сюда за этим и приехала.

— Хорошо, коли так, — проворчал он, явно довольный ее ответом.

В первую же неделю Наташа перезнакомилась почти со всеми и в очередной раз подивилась, как хорошо здесь поставлена информация. Со всех сторон она слышала:

— А, это ты вломила к Степану без стука! Лихо! Далекое пойдешь.

Наташа только пожимала плечами в ответ.

На объекте трудилась интернациональная бригада. Кроме русских, здесь еще были англичане, итальянцы, которые по контракту с заказчиком, Нигерийской национальной нефтяной корпорацией, осуществляли контроль за строительством нефтепровода, и американцы, надзирающие за сооружением насосной станции неподалеку от Икороду.

В один из вечеров Наташа вместе со своей соседкой Лолой отправилась в бар. Лола тоже была переводчицей. Она была чуть старше Наташи и приехала сюда из Ленинграда. Ее коренастая, слегка мужеподобная фигура излучала энергию. Прямой, цепкий взгляд голубых глаз выдавал человека целеустремленного, нацеленного на успех. Короткая стрижка с лихим хохолком на затылке делала ее похожей на проказливого мальчишку. Как ни крути, а женственное, томное имя Лола ей совсем не подходило. Впрочем, она сама несколько не заблуждалась на этот счет.

— Сразу предупреждаю, что полное имя у меня еще лучше, — сказала она Наташе при первом же знакомстве. — Ты только послушай: Лолита Семеновна Николаева. А, каково! Я всегда говорила, что мой отец — самый большой прикольщик на свете. Насмотрелся фильмов с Лолитой Торрес — и вот результат. Но я даже рада. По крайней мере никто не переспрашивает, как меня зовут.

Бар открыли совсем недавно, а попросту говоря, сдали в аренду пустующее помещение библиотеки. Книг все равно было слишком мало, хватило и кладовой в офисе. Наскоро отделали, соорудили стойку и полки из подручных материалов, развесили по стенам светильники и картинки и сдали за очень приличные деньги одной предприимчивой даме из Икороду. И хотя она, соблюдая жесткие условия контракта, установила в своем заведении вполне гуманные цены, все затраты окупались с лихвой. Иначе и быть не могло. Ведь людям, кроме бара, негде было скоротать долгие вечера. Все были довольны.

Идея открыть бар принадлежала Первенцеву, что лишь говорило о его выдающихся коммерческих способностях. До него никому и в голову не приходило, что можно зарабатывать деньги таким необременительным способом.

Девушки пересекли полукруглую танцевальную площадку и вошли в гостеприимно распахнутые двери, из которых доносились тягучие звуки рэгги и многоголосый говор.

В баре, как всегда по вечерам, яблоку негде было упасть. Насколько можно было разглядеть в клубах табачного дыма, свободных столиков не было. Девушки подошли к стойке. В зале мгновенно воцарилась полная тишина. Краем глаза Наташа заметила, что все как по команде повернули головы и смотрят на них.

За стойкой ловко орудовала молоденькая девушка, лет восемнадцати, не больше. Ее тоненькая фигурка напоминала стебелек цветка, увенчанный гордой головкой на изящной шее. Густые волосы были заплетены во множество тонких косичек, уложенных в сложную прическу.

— Мадам Лола! Как дела? — звонко пропела она по-русски. Ее полные губы сложились в широкую улыбку, обнажая два ряда ослепительно белых зубов.

— Привет, Феми, — ответила ей по-английски Лола. — Познакомься, это Наташа. Наташа протянула руку через стойку и пожала тонкие пальчики девушки.

— Меня зовут Овофеми, но лучше просто Феми.

— А где Виктория? — спросила Лола.

Феми кивнула в сторону двери, ведущей в подсобное помещение.

— Мама! — крикнула она.

На пороге появилась огромная нигерийка в высоком ярком тюрбане. Ее широкое, круглое лицо лоснилось от пота, полное тело колыхалось под просторным цветастым платьем с широкими рукавами. «Вылитая Мамушка из «Унесенных ветром» Маргарет Митчелл», — подумала Наташа.

— Мадам Лола! — пробасила она. — Эка але!

— Эка але! — отозвалась Лола и, повернувшись к Наташе, пояснила: — На языке йоруба это значит «добрый вечер». Она меня учит понемногу. Ее зовут Виктория Акинтан. Виктория, это — Наташа, моя новая подруга. Приехала из Москвы несколько дней назад.

— Добро пожаловать в лагерь Икороду! — торжественно провозгласила Виктория. — Чем вас угостить?

— Вы меня совсем избаловали, — заметила Лола. — Нет, сегодня мы платим сами.

— Наташа приехала, я угощаю, — безапелляционно заявила Виктория. — Есть свежие орешки и спрайт. А может, хотите джин-тоник?

— Нет, нет, спасибо. — Наташа протестующе подняла руку. — Спрайт — это как раз то, что надо.

Они еще немного поболтали и стали прощаться.

— Вам нужен еще один кондиционер, — сказала Наташа. — Совсем дышать нечем. Как вы тут, бедняжки, весь вечер?

— Я уже говорила маета Первенцеву, — покачала головой Виктория. — А он все: «Да, да», а где это «да»? — Она комично развела руками. — Нету «да».

Наташа не выдержала и рассмеялась. Уж очень забавно у нее получилось. Они тепло распрощались и вышли наружу, на пустую танцевальную площадку.

Хрипловатый тягучий голос Боба Марли что-то лениво напевал им вслед. Наташа не удержалась и сделала под музыку несколько скользящих па.

— Чао, Лола! — раздался у нее над ухом чей-то незнакомый голос.

Она резко обернулась, вздрогнув от неожиданности. Перед ней стоял высокий худой парень с темными волнистыми волосами до плеч. Из-под густых черных усов сверкала насмешливая улыбка.

— Чао, Франко, — смущенно ответила Лола. — Откуда ты свалился?

— С неба, а точнее из Ибадана, — небрежно ответил он. — Кто это с тобой? Еще одна коммунистка приехала?

Наташа опешила от такого нестандартного заявления, но быстро справилась с собой.

— А вы кто, собственно, такой? — вздернув вверх подбородок, спросила она.

— Франко Морелла.

— И откуда вы, если не секрет?

— Из Италии. С Сицилии.

— А-а-а, — понимающе протянула она. — Мафия.

Теперь настал его черед удивляться.

— Почему мафия?

— А как же, — уверенно заявила Наташа. — И ребенку известно, что на Сицилии, кроме мафии и оливкового масла, ничего нет. Точно так же, как в России одни коммунисты. Как дела, мафиозо?

Только тут Франко понял, что его разыгрывают. Он сурово сдвинул брови и угрожающе завращал глазами.

— Полегче, детка, — прорычал он. — Так не обращаются к главарю мафии.

— А как?

— Дон Морелла, вот как.

— Простите несчастную провинциалку, дон Морелла, — смиренно произнесла Наташа. — Я не знала. Больше это не повторится.

— То-то же, — удовлетворенно сказал он и, сменив тон, добавил: — Подождите меня, девушки, я только прихвачу баночку пива и вернусь. Вам взять что-нибудь?

— Спасибо, Франко, но нам уже пора, — сквозь зубы процедила Лола. Она не смотрела на него. Взгляд ее был прикован к двери бара.

Франко и Наташа обернулись. В дверях, покачиваясь, стоял какой-то человек и пристально наблюдал за ними. Тяжелый взгляд его красных, припухших глаз так и буравил их лица. Редкие темные волосы, еле прикрывающие лысеющий череп, беспорядочно взъерошились. Неопрятная, давно не стиранная рубаша наполовину выбилась из измятых брюк.

Франко тихо присвистнул и, понимающе кивнув, исчез в баре. Мужчина, нетвердо ступая, подошел к ним. От него противно пахло перегаром.

— Все воркуете, девчонки. — Он погрозил им пальцем. — Не шибко тут, а то списочки пересмотрим.

— Мы уже домой идем, — сжав губы, ответила ему Лола. — Спокойной ночи, товарищ Садко. — Она подхватила Наташу под локоть и потащила за собой.

— Вот-вот, дома-то надежнее будет, — крикнул им вслед Садко и, пошатываясь, вернулся в бар.

— Ты почему так подхватилась? — спросила Наташа, еле поспевая за широкими шагами подруги. — Кто этот тип?

— Сама же слышала — товарищ Садко. Николай Порфирьевич. Счет тут за всеми. От

всего остального освобожден.

— Ну и что? — ничего не понимая, спросила Наташа. — Мы же ничего дурного не делали. Что ты дергаешься?

— Задержался тут. Он уже третий месяц всех терроризирует. Понять не могу, откуда они такую рептилию выкопали. Он как только приехал, сразу же созвал общее собрание. Я, говорит, товарищ Садко, так и сказал. Буду следить за моральным климатом в коллективе, а если что, списочки пересмотрим. Это его любимая фраза.

— Что за «списочки»? — полюбопытствовала Наташа.

— Списки на отъезд. Естественно, никому неохота раньше времени топтать отсюда в родной Союз. А он весь день отсыпается, а к вечеру выползает и ну по кустам шастать. Следит, кто к кому пошел, кто с кем пьет и прочее.

— Ну, сам-то он далеко не образец для подражания, — заметила Наташа.

— Да я его вообще ни разу трезвым не видела. Но, надо отдать ему должное, людей он встряхнул здорово. Сразу стало ясно, кто что стоит. У него, считай, каждый пятый в стукачах ходит. Ко мне тоже, кстати, подкатывался, но я его тихо отшила. Прикинулась на всякий случай полной душой. Знаешь, иногда помогает.

— Это верно. Хорошо, что ты меня предупредила. А кто из наших знакомых с ним сотрудничает?

— За примером долго ходить не надо. Твой коллега по отделу и его «обворожительная» женушка.

— Смоктуновский, что ли?

— Угу.

— А Володька Дронов? — небрежно спросила Наташа. Она затаила дыхание в ожидании ответа. Неужели и он?

— Вовик? Да ты что! — Лола даже руками всплеснула. — Вывернулся как-то. Он такой попрыгунчик-балабон, что его никто не принимает всерьез.

Ну и слава Богу, подумала Наташа. Значит, она в нем не ошиблась.

— Нет, ну ты сама посуди, это же извращение какое-то! — взволнованно проговорила Наташа. — Почему мы должны его бояться? Мы же все тут взрослые люди, сами можем решить, чем заниматься в свободное время. А его дело — шпионов ловить и охранять государственные секреты. Я понимаю, если бы кто-нибудь воровал здесь коммерческие тайны и продавал нигерийцам. Так ведь нет.

— Но должен же он чем-то заниматься, — резонно заметила Лола. — Интересно, что он пишет в своих отчетах.

— Я себе представляю, — усмехнулась Наташа. — За период моей работы на объекте достигнуты значительные успехи в деле воспитания коллектива, — проговорила она заплетающимся языком. — А именно: все мужчины пьянствуют водку только со мной, а девушки-переводчицы в разговоры с иностранцами не вступают и уже почти забыли английский язык.

— Это, наверное, его хрустальная мечта, — рассмеялась Лола.

— И вот идет этот симпатяшка Франко тебе навстречу, говорит: «Чао, Лола!», а ты ему в ответ: «Му-у-у...»

Лола вдруг притихла. Наташа взглянула на нее и заметила, что улыбка вдруг исчезла с ее лица, а в глазах появилось неприятное настороженное выражение. «Что это с ней?» — подумала, недоумевая, Наташа, но спрашивать почему-то не стала.

В выходные Наташа мечтала как следует отоспаться. Накануне они с Первенцевым провели весь день в Лагосе, в Нефтяной корпорации, а вечером ужинали в китайском ресторане с двумя японскими фирмачами. Оба всю дорогу учили ее есть палочками, без особого успеха, но было весело.

Первенцев, крайне довольный результатами переговоров, клятвенно пообещал ей, что в выходные ее не тронет. Она сладко спала и не сразу услышала стук в дверь. Но тот, кто стучал, был настойчив, и Наташа, с трудом вырвавшись из объятий сна, приоткрыла глаза. Без четверти восемь.

— Боже, — простонала Наташа. — Кто там?

— Соня, это же я, Лола, — раздался из-за двери знакомый голос. — Ты что, забыла, что сегодня мы едем на пляж.

Наташа действительно напрочь об этом забыла. Вчера был такой сумасшедший день. Она быстро сунула ноги в шлепанцы, накинула халатик и выскочила на порог. Рядом с Лолой, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стоял Володя. Его заинтересованный взгляд заставил Наташу поплотнее запахнуть халат и затянуть пояс.

Она была так соблазнительна, вся розовая от сна, светлые волосы густой волной упали на грудь, и ему вдруг захотелось спровадить Лолу куда-нибудь подальше и остаться с ней наедине. Запереться в комнате и до завтра никуда не выходить.

Лола каким-то шестым чувством уловила его мысли и резко сказала:

— Не стой как изваяние! Автобус уже уходит.

— Задержите его минут на десять. Я мигом. — И Наташа исчезла за дверью.

Володя стоял и тупо смотрел ей вслед. Однако Лола живо привела его в чувство, ткнув локтем в бок.

— Вы, я вижу, размечтались не в меру, юноша, — язвительно сказала она. — Беги, держи автобус за задние колеса.

— Слишком много ты всего видишь, — пробурчал отходя, Володя. Он всегда считал, что умеет скрывать свои мысли, и то, что его так легко раскусили, вывело его из себя.

Прошло не десять, а добрых двадцать минут, прежде чем Наташа наконец появилась. Люди начали потихоньку роптать. Но когда она впорхнула в автобус в воздушном светло-зеленом сарафане и широкополой соломенной шляпе с цветами и слегка смущенно улыбнулась, каждому из присутствующих мужчин показалось, что улыбнулась она именно ему. От недовольства не осталось и следа.

— Извините меня, пожалуйста. — Наташа сняла шляпу и тряхнула волосами. — В первый и последний раз. — Она осмотрелась в поисках свободного места.

— Иди сюда, Наталья, — пробасил Паша, ее знакомый прораб из Нефтеюганска. — Пробирайся к окошку.

Она уселась, и автобус тронулся. Раздосадованный Володя недовольно прикусил губу. Он так надеялся, что она сядет с ним.

Первые полчаса Наташа непринужденно болтала с Пашей, но потом тряска и однообразный ландшафт за окном совсем разморили ее. Она почувствовала, что глаза слипаются, а держать голову прямо становится все труднее.

— Пащ, — сонно сказала она. — Я посплю, ладно?

— Валяй. — Он подвинулся. Наташа забилась в уголок и задремала.

Ей снилось, что она в Москве, дома, стоит на стремянке и наряжает большую новогоднюю елку. А внизу стоит мама и подает ей мишуру и игрушки. Она улыбнулась во

сне, потянулась, чтобы достать до верхушки, голова ее скользнула по спинке сиденья и опустилась на плечо Паши. Он устроился поудобнее и замер, чтобы не спугнуть ее сон.

— Ох, смотри, Пашка, — ехидно произнес один из его приятелей, сидевших сзади. — Приеду, все жене расскажу.

— Угомонись, балбес, — беззлобно ответил Паша. — Дай девочке поспать.

Наташа проснулась оттого, что качка вдруг прекратилась. Она подняла голову, протерла глаза и огляделась. Автобус стоял на песке в тени кокосовых пальм. Последние пассажиры торопливо выбирались наружу. Она потянулась, повернула голову и увидела рядом широкое добродушное лицо Паши.

— Как спалось? — спросил он, потирая затекшее плечо.

— Великолепно, как будто целую ночь проспала. Слушай, ты нырять умеешь? — осведомилась она вдруг.

— Конечно.

— Научишь меня?

— Какой вопрос? Пошли.

Он помог ей выбраться из автобуса, и они вместе побрели по песку к океану. Володя, поджидавший ее в сторонке, пристроился сзади. Наташе не хотелось оставаться с ним наедине. Ее смущало откровенное желание, которое она читала в его глазах. Она еще не решила, как вести себя, и вообще, что со всем этим делать.

По пляжу тут и там были разбросаны длинные кабинки, сплетенные из пальмовых листьев. Они устроились в одной из них, вместе с остальными. Наташа быстро скинула сарафан и осталась в крошечном черном купальнике, составлявшем ослепительный контраст с ее белой, не тронутой загаром кожей. Она подвязала волосы на затылке и повернулась к Паше.

— Я готова.

Она невольно залюбовалась его могучим торсом. От широченных плеч, вздувшихся буграми мышц исходила волна мощной мужской силы.

— Ого, да ты прямо Геркулес. Тебе надо выступать на соревнованиях тяжелоатлетов.

— Было дело. Баловался со штангой в молодости, — с нарочитой небрежностью сказал Паша.

Володя прыгал на одной ноге по песку, пытаясь освободиться от шорт. Он казался таким худосочным рядом с огромным Пашей, что Наташе даже стало жаль его.

— Не торопись, — обратилась она к нему. — Мы подождем. Как называется это место?

— Бадагри-Бич, — стряхнув наконец шорты, ответил Володя. Он чувствовал себя не в своей тарелке. — Самый лучший пляж во всей округе. Чисто и народу мало, не то что на Бар-Бич в Лагосе.

— Ты плавать-то умеешь? — спросил у нее Паша.

— Умею, и неплохо, а вот нырять — никак. Не могу заставить себя опустить голову под воду.

— Сначала надо научиться лежать на воде лицом вниз, — авторитетно заявил Паша. — Пойдем. Я покажу тебе.

Они подошли к воде. Огромные волны разбивались метрах в трех от берега, шипя и пенясь, слизывали с песка камни и ракушки и уносились обратно. Паша разбежался, ушел с головой под волну и вынырнул уже за линией прибоя, где волн почти не было и безбрежная гладь океана ослепительно искрилась на солнце.

Наташа попыталась было последовать за ним, но ее тут же сшибло с ног, закрутило, завертело и выбросило на мелководе. Она встала, пошатываясь. Песок скрипел на зубах. Она сделала несколько неуверенных шагов, но тут все повторилось сначала. Она попыталась приподняться, невидяще глядя перед собой. Тут чья-то рука подхватила ее и помогла встать на ноги. Разлепив глаза, Наташа увидела Володю.

— Мощь! — закричала она ему.

Володя кивнул и сделал ей знак следовать за ним. Наташа вцепилась в его плечо, и они нырнули прямо под набежавшую волну. Наташу накрыло с головой, но она крепко держалась за Володю. Он увлекал ее все дальше за собой. Наконец через несколько секунд, показавшихся Наташе вечностью, они выплыли на поверхность.

— Я нырнула, нырнула, — ликующе крикнула Наташа, повернув к нему мокрое, счастливое лицо, но, почувствовав на талии его руку, вывернулась и быстро поплыла к поджидавшему их Паше. «Вот дурак, — сердито подумала она. — Так и норovit все испортить».

Володя не стал ее преследовать. Он никак не мог справиться с собой. Что-то случилось сегодня утром, когда он увидел ее, полуголую, на пороге комнаты. И это что-то было сильнее его, сильнее доводов разума, сильнее всего на свете. Он понаблюдал за весело кувырками в воде Наташей и Павлом. Плавать расхотелось. Он выбрался на берег, забился в угол кабинки и закурил.

Когда Наташа и ее добровольный тренер вернулись в кабинку, солнце уже было в зените и палило вовсю. На раскаленный песок больно было наступать. Мужчины затеяли карточную игру, а Наташа с Лолой и Мариной отправились на фруктовый базарчик неподалеку.

— Ты сможешь мне выбрать свежий кокос? — попросила Наташа Лолу. — Я в них совсем не разбираюсь.

— Все просто. Надо потрясти его. Если булькает внутри, значит, свежий. Дома охладишь его в холодильнике, сделаешь дырочку и через трубочку выпьешь. Райское наслаждение! А потом уже можно его расколотить и съесть мякоть.

— Умница! И что бы я без тебя делала? — воскликнула Наташа.

— Уж как-нибудь не пропала бы, — язвительно заметила Марина. — Только свистни — и полплощадки сбежится помогать.

— У тебя что, какие-нибудь трудности в жизни? — спокойно спросила Наташа.

— А что?

— Уж больно тебя волнуют чужие дела.

— Вот уж нет. Верти хвостом сколько угодно. У меня, слава Богу, муж есть. Мне чужого не надо.

— Убойный аргумент, поздравляю. — Наташа еле сдерживалась, но не подавала вида. «Час от часу не легче, — раздраженно подумала она. — Не успела приехать, а уже нажила себе врага».

Майский сдержал слово. С утра в пятницу Поздняк вызвал Наташу к себе в кабинет.

— Сегодня поедem в Лагос. У меня назначены кое-какие встречи. А потом останешься у своих друзей. Юрий Петрович обещал привезти тебя обратно в воскресенье вечером. — Он посмотрел на нее исподлобья. — Что стоишь? Беги собирайся. Выезд через полчаса. С Первенцевым все обговорено.

Наташа выбежала на залитую солнцем дорожку, ведущую к дому, и нос к носу столкнулась с Иннокентием Марчуковым, мужем Марины. Ему не было и тридцати, но он успел уже порядком растолстеть и от этого выглядел старше своих лет. Солидное пивное брюшко выпирало из рубашки, отвисшие щеки придавали его лицу брюзгливое выражение. От взгляда его колючих карих глазок, похоже, ничего не могло укрыться. С самого момента ее появления в коммерческом отделе Наташа чувствовала на себе его пристальное внимание, и это почему-то нервировало ее.

Иннокентий привычным жестом отбросил со лба сальные темные волосы и иронически поцокал языком.

— Все туда, а ты оттуда. Не рано ли? — Он взял ее под локоть, пытаясь развернуть в сторону офиса. — У меня для тебя работа есть. Письмо надо перевести.

Наташа осторожно высвободила руку.

— К сожалению, сегодня не получится. Я уезжаю в Лагос с Поздняком.

Иннокентий недовольно сдвинул брови.

— Интересно, долго это будет еще продолжаться? — высокомерно осведомился он. — Пора бы уже определиться, где ты работаешь, у генерального или у нас.

— Вот и разберись, — невозмутимо ответила Наташа. — Степан Антонович у себя.

— Я уже обсуждал этот вопрос с Первенцевым, и он со мной полностью согласен.

— Вот пусть он и скажет мне об этом. А сейчас извини, мне пора.

Наташа повернулась и заторопилась к дому, лопатками чувствуя его тяжелый взгляд. Его слова ничуть не взволновали ее. Она знала, что Иннокентий любит напускать на себя важность, чтобы произвести впечатление на неискушенных людей. С начальством же он был преувеличенно внимателен и предупредителен. Наташу удивляло, как такой умный человек, как Первенцев, мог этого не замечать. А может быть, замечал и ловко пользовался этим. Как знать.

Предстояло еще решить, что взять с собой на уикэнд, а времени оставалось в обрез. Наташа быстро побросала в сумку купальные принадлежности и заглянула в шкаф. Днем можно вполне обойтись белыми шортами и полосатой майкой в стиле матроски, а вот вечером? Надо прихватить что-то поэлегантнее. Все-таки светское мероприятие. Она выбрала два вечерних платья, черное и золотистое, добавила кое-какие украшения, быстро надела свой любимый желтый сарафан с жакетом-болеро и подошла к двери.

Геккон безмятежно висел вниз головой в своем излюбленном месте. Наташа помахала ему рукой.

— Счастливо оставаться, пронира. Не скучай без меня.

Поздняк уже поджидал ее у машины.

— И всего-то! — шутливо воскликнул он, показывая на ее дорожную сумку. — Моя жена, когда собирается куда-нибудь на пару дней, всегда набирает целый чемодан всякого добра. И половины не успевает надеть.

— Ох, уж эти женщины! — в тон ему подхватила Наташа. — Где уж вам их понять!

Он открыл заднюю дверцу, галантно пропуская ее вперед. Краем глаза Наташа заметила, что Марина с интересом наблюдает за ними из окна. Вот разговоров будет! Хватит на весь уик-энд.

День пролетел незаметно. Было уже пять часов, когда машина генерального притормозила у ворот посольства.

— Счастливо повеселиться. А джин лучше тоником разбавляй, а то утром голова

болеть будет. — Поздняк откинулся на спинку сиденья, и машина скрылась за поворотом.

Конопатый мальчуган лет двенадцати сосредоточенно резался сам с собой в ножички. Больше никого вокруг не было видно. Он охотно объяснил ей, как пройти в квартиру Майских, и, проводив ее любопытным взглядом, вернулся к своему занятию.

Наташа поднялась на второй этаж и, разыскав квартиру номер пять, позвонила. Дверь бесшумно распахнулась. На пороге стояла подтянутая, коротко стриженная женщина неопределенного возраста в джинсах и мужского покроя рубашке. Холодноватые серые глаза смерили Наташу с головы до ног, как сфотографировали. Это длилось всего какую-то долю секунды, потом губы раздвинулись в радушной улыбке.

— Вы — Наташа? — Она отступила назад, приглашая ее войти. — Здравствуйте. Меня зовут Ирина.

— Очень приятно. — Наташа поставила сумку в угол и прошла за хозяйкой в гостиную, с интересом оглядываясь по сторонам.

Комната была просторная, но какая-то безлика. Сразу чувствовалось, что это временное жилье, предназначенное для того, чтобы переходить из рук в руки. Стенка, комплект мягкой мебели, торшер, обеденный стол со стульями. Вполне казенная обстановка. Стены были сплошь увешаны калабашами и масками, но даже Наташин неискушенный взгляд подметил, что это были в основном случайные вещи, выбранные без особого вкуса. Полки были уставлены разнокалиберными безделушками, явно выписанными по каталогу.

— Майский ушел за тоником. Скоро вернется. — Ирина подошла к бару. — Что вам налить? Рекомендую джин с тоником. Прекрасная профилактика от малярии.

— Спасибо. Только тоника побольше. — Наташа улыбнулась про себя, вспомнив совет Поздняка. Ее всегда забавляла манера многих женщин называть своих мужей по фамилии. Было в этом что-то пренебрежительное.

Ирина смешала напитки, поставила их на журнальный столик и удобно устроилась в кресле.

— Дайте разглядеть вас получше, Борис о вас та-а-ак пишет! — В ее голосе Наташе почудились ревнивые нотки. Может, и вправду почудились?

— Мы с ним едва знакомы. Виделись всего два раза. — Наташа опустилась в кресло напротив и пригубила свой коктейль.

— Правда? У меня сложилось другое впечатление.

Наташа пожала плечами.

— У него дивная коллекция нигерийских вещей. Он мне целый вечер ее показывал. А как говорил, заслушаешься!

— Узнаю Борю. — Взгляд Ирины потеплел. — Настоящий фанат Африки. Жалко, что все так нескладно получилось. — Она испытующе посмотрела на Наташу.

— Да, он немного рассказал мне об этом. О разводе. По-моему, он до сих пор переживает.

— Еще бы! — Ирина смешала себе еще один коктейль. — Светка просто потрясающая женщина. Личность. Здесь она буквально изнывала от тоски. Ненавидела Африку, все говорила, что ее будто что-то выпихивает отсюда. Сейчас у нее своя программа на телевидении, не помню, как называется. Что-то о подростках.

— А чем она здесь занималась? — с интересом спросила Наташа.

— В том-то и дело, что ничем. Борис никогда не брал ее с собой. Он вечно лез в самые горячие точки и считал, резонно, наверное, что женщине там не место. Вот она и не

выдержала.

— Да-а-а, — задумчиво протянула Наташа. — Грустно.

— Он здорово пьет? — неожиданно спросила Ирина.

— Не без этого, — Наташа вдруг вспомнила, как ловко он опрокидывал рюмку за рюмкой.

— Зря вы уехали. — Серые глаза Ирины в упор смотрели на нее. Наташа почувствовала себя неуютно. — Вы смогли бы встряхнуть его. По-моему, он в вас влюбился.

— У меня несколько другие планы, — осторожно ответила Наташа.

Юрий Петрович загнал машину на стоянку, осторожно вытащил сумку с бутылками и направился было к дому, как вдруг его окликнули. Он обернулся на голос и увидел, что к нему направляется высокая плотная фигура с характерным ежиком волос. Геннадий Сазонов, Генка. Они когда-то вместе учились в институте, долго карабкались по служебной лестнице, но потом Майский сделал резкий рывок. Стал советником-посланником, а Генка так и застрял в советниках и теперь ходил у него в подчиненных. Это накладывало специфический отпечаток на их отношения, хотя со стороны ничего не было заметно.

— Привет! — Сазонов подошел и протянул руку. Знакомые телодвижения, усмехнулся про себя Майский. Они сегодня уже виделись и не раз. Он переложил сумку в левую руку. Бутылки предательски звякнули. Пожал протянутую руку Сазонова. Тот удовлетворенно улыбнулся. — Гуляем?

— Угу.

— Говорят, у тебя гости.

— Уже говорят?

— А как же. Потрясающая девица. Вылитая Мерилин Монро. Познакомишь?

— Не-а. Ты человек опасный. Она же моя племянница. Что я потом ее родителям скажу? — Майский не без удовольствия наблюдал, как вытягивается лицо Сазонова.

— Племянница?

— Именно. Недавно приехала. Работает переводчицей в Икороду.

— Что же ты не подсуетился и не устроил ее к нам?

— Девушку на экзотику потянуло. А разве с ними, с молодыми, договоришься?

— Это точно.

— Ну ладно, бывай. Девочки меня уже заждались.

— Привет Ирине. Зашли бы как-нибудь.

— Обязательно. — И Майский направился к дому, посвистывая и нарочито размахивая сумкой.

Засиделись за полночь. Юрий Петрович и Ирина наперебой рассказывали о Нигерии, с том, как в прошлом году ездили на сафари в саванну, на север страны. О стадах буйволов, привольно пасущихся среди акации, о маленьких обезьянках, которые, как наши российские сороки, тащат все, что плохо лежит. Наташа слушала как зачарованная.

— Жаль, что я, скорее всего, этого никогда не увижу, — вздохнула она. — Нефтепровод строят вдоль побережья.

— Там тоже есть на что взглянуть, — успокоил ее Юрий Петрович. — В Бенине, например, потрясающий национальный музей. Ты только не теряйся. Тереби своего Поздняка. Он вроде мужик неплохой.

— Кстати, о Поздняке, — вмешалась Ирина. — Уже первый час. Спать пора. У нас завтра обширная программа.

Наташу устроили на ночь на диване в гостиной. Она долго не могла заснуть. Маски тарасили со стен свои пустые глаза. Ее не оставляло чувство, что она в комнате не одна.

Воздух сгустился вокруг нее так, что стало трудно дышать. В ушах зазвенело. Наташа стиснула на груди одеяло и замерла. Ей показалось, что черная маска в углу отделилась от стены и движется прямо на нее. Наташа в ужасе увидела, что это не маска, а огромный черный человек. Она ясно видела его силуэт на фоне освещенного луной окна. Красные глаза зловеще мерцали в темноте. Она хотела крикнуть, но крик ее застрял в горле.

Страшная фигура приблизилась. Огромные руки потянулись к ней. Глухой голос гулким эхом отдавался в ушах.

— Ойбо вумен. Белая женщина. Я всегда знаю, где ты. Я читаю твои мысли. Ты сама придешь ко мне, когда я этого захочу.

Его рука легла на ее плечо. Прикосновение пальцев к обнаженной коже подействовало на нее как удар электрического тока. Наташа дернулась, взвизгнула и резко села на диване. Дрожащая рука нащупала выключатель. Комнату озарил мягкий свет торшера. Никого. Комната была пуста.

Расширившимися от ужаса глазами она внимательно оглядела комнату еще раз. Ничего примечательного. Полная тишина, только часы тикают на полке. Наташа гигантским усилием воли заставила себя посмотреть на черную маску в углу. Она висела чуть криво. Или это ей только показалось?

«Приснится же такое, — постепенно успокаиваясь, подумала Наташа. — Это все африканские сказки на ночь. Я становлюсь чрезмерно впечатлительной».

Она заснула, только когда за окном забрезжил рассвет.

Утром, как это всегда бывает, все страхи растаяли. Осталось только смутное чувство тревоги.

Они наскоро позавтракали и отправились в теннисный клуб.

— Это Мекка здешних дипломатов. Вступительный взнос стоит бешеных денег, — объяснил ей Юрий Петрович. — За нас, естественно, платит посольство. По рангу положено.

Клубу принадлежала довольно обширная территория. Само здание, выстроенное в колониальном стиле, вмещало гостиные, бар, ресторан, тренажерные залы, сауну, массажные комнаты и даже небольшой просмотровый зал. Вокруг, за высоким забором, размещались площадки для гольфа, теннисные корты, самые лучшие в Лагосе, и огромный многоярусный бассейн с вышками, фонтанчиками и водопадами.

Майские и Наташа пришли как раз к ленчу. Народу было уже довольно много. Почти все столики у бассейна были заняты. Официанты разносили сэндвичи, коктейли и прохладительные напитки. В лягушатнике, оглушительно визжа, бултыхались дети. С кортов доносился стук мяча, даже жара не могла остановить энтузиастов.

Майский усадил своих дам за столик под ярким цветным зонтом. Его то и дело окликали знакомые. Здесь, как всегда по выходным, собрался почти весь дипкорпус Лагоса. Он представлял всем Наташу как свою племянницу и с удовольствием отмечал заинтересованные взгляды мужчин и любопытные — женщин. Он настолько вошел в роль, что почувствовал себя любящим дядюшкой, гордым своей красоткой племянницей.

Ирина неважно переносила жару и, заказав себе коктейль с шампанским, устроилась в

тени. Наташа тут же побежала переодеваться. Ей не терпелось искупаться и понырять в роскошном голубом бассейне. Майский заприметил у стойки бара своего давнего приятеля, польского консула, и подсел к нему.

Беседуя, он краем глаза наблюдал за Наташей. Она в нерешительности стояла на краю бассейна, раздумывая, как ей лучше прыгнуть в воду. Длинные волосы, перехваченные высоко на затылке черной ленточкой, серебрились на солнце. Крошечное черное бикини скорее обнажало, чем скрывало соблазнительные изгибы ее тела. Шикарная девочка. Посадить бы ее на колени, зарыться лицом в волосы и...

Низ живота скрутило спазмой. Майский заерзал на стуле, достал солнечные очки и водрузил на нос, чтобы скрыть предательский блеск глаз.

— Красивая девушка, — сказал поляк, проследив за его взглядом.

— Моя племянница, — пробормотал Майский.

Тут к Наташе подошел атлетического вида молодой человек и заговорил о чем-то. Майский досадливо отвернулся. Что толку пускать слюни. Как говорится, есть, но не про вашу честь.

Ирина, откровенно забавляясь, наблюдала за мужем. Они были женаты уже почти тридцать лет, целую вечность. За это время она успела хорошо изучить его. Когда он дрогнувшей рукой надел темные очки, она понимающе усмехнулась про себя. Хорошего понемножку. Больше таких уик-эндос она устраивать не будет. Зачем искушать судьбу.

Наплававшись, Наташа как была, в купальнике, подседа к ней.

— Класс! Меня только неделю назад научили нырять. Такое удовольствие! Никак не могу угомониться. — Она тряхнула мокрыми волосами. — А вы пробовали?

— Что?

— Ну, нырять.

Ирина лениво потянулась.

— Давно. Когда была такая, как вы. Тогда я тоже не пользовалась косметикой и не задумывалась о прическе. Теперь все изменилось.

Наташа внимательно взглянула на нее.

— По-моему, вам стоит попробовать. У вас такой спортивный стиль. Иногда хочется что-то в себе изменить, верно?

— Может быть, может быть. — Ирина рассеянно посмотрела вокруг. — У вас есть с собой что-нибудь нарядное, на вечер? Я, к сожалению, не успела предупредить. Вечером мы идем на прием в отель «Федерал Палас».

— А что там будет?

— Один нигерийский бизнесмен отмечает юбилей своей фирмы.

— Вы уверены, что мне удобно будет пойти? — неуверенно спросила Наташа. — Я его совсем не знаю.

— О, с этим все в порядке. — Ирина сделала небрежный жест рукой, как бы отметая все ее сомнения. — Балогун — милейший человек. Кроме того, мы предупредили, что нас будет трое.

Наташа облегченно вздохнула. Ей совсем не улыбалось провести целый вечер наедине с черной маской. Утром она поймала себя на том, что старательно избегает смотреть на нее.

— Так найдется у вас что-нибудь подходящее? — спросила Ирина. — А то придется одолжить у знакомых. Ведь там будет весь здешний бомонд.

— Найдется. Я на всякий случай прихватила пару платьев.

«Предусмотрительная девочка», — подумала Ирина. Это почему-то разозлило ее. Она сделала знак мужу подойти.

— Майский, нам пора. Надо еще отдохнуть перед приемом.

— А кто такой этот Балогун? — любопытствовала Наташа.

— Аль-Хаджи Балогун? Крупный строительный подрядчик и один из самых богатых людей в Нигерии. Его фирма принимала участие в строительстве жилых домов для посольства, — объяснил Майский. — Презанятный тип. Правверный мусульманин. Истово соблюдает все обряды и традиции. Его послушать, так, кроме ислама, ничего на этом свете стоящего нет. Однако обоих своих сыновей послал учиться в Штаты. Старший даже привез оттуда жену-американку. И ничего.

— Помнишь, ты еще все подкалывал его по этому поводу? — вмешалась Ирина. — Что он тебе ответил?

— «Аллах велик, — сказал он мне тогда. — Он любит большое разнообразие». Ну, что тут возразишь?

Они перекусили на скорую руку. Потом Наташа с наслаждением поспала, наверстывая упущенное за ночь. Когда Ирина разбудила ее, было уже почти шесть часов.

Прохладный душ живо разогнал остатки сна. Чувствуя себя посвежевшей и полной сил, Наташа отправилась одеваться. Настроение было изумительное, как будто ее накачали веселящим газом. Хотелось смеяться, кокетничать, кружить людям головы.

Под стать настроению было и платье. Узкий, обтягивающий лиф оставлял обнаженными плечи и спину. Летящая многослойная юбка из черного шифона, затканного поверху серебряными звездочками, клубилась чуть ниже колен. Туфельки на высоких каблучках, сплошь из затейливых ремешков, подчеркивали изящную линию ноги.

Наташа подобрала волосы и небрежно заколола их в большой пучок на макушке. Несколько непослушных прядей зазмеились по спине и плечам, но так было даже лучше. Вокруг шеи обвилась черная бархатная лента с миниатюрным серебряным медальоном в виде сердечка.

Наташа закружилась перед зеркалом. Юбка вспорхнула, обнажая стройные колени. Давно уже она не чувствовала себя такой красивой.

Раздался осторожный стук в дверь.

— Наташа! — услышала она голос Ирины. — Вы готовы? Нам уже пора.

— Готова, готова, готова! — пропела Наташа.

Дверь распахнулась. Из-за плеча Ирины нетерпеливо выглядывал Майский. Наташа чуть не расхохоталась, увидев, что у него буквально челюсть отвисла от изумления.

— Ну и ну! — Он даже присвистнул.

Ирина раздраженно дернула головой. В своем строгом сером костюме из плотного шелка она выглядела настоящей матроной.

— Очень мило, — сухо сказала она, почти не разжимая губ, что лишний раз убедило Наташу, что выглядит она просто потрясающе.

А еще она поняла, что в этот дом ее больше не пригласят.

Внушительное здание «Федерал Паласа» напоминало раскрытый альбом для фотографий. Наверное, какой-то сентиментальный великан, сучая по воспоминаниям детства, поставил его перед собой, полистал, да так и забыл убрать.

Парковка была вся забита. Они долго колесили в поисках свободного места. Наконец кто-то отъехал, и Майскому удалось очень удачно пристроить свою «Волгу» совсем недалеко

от входа.

В ярко освещенном холле их уже ждали. Высокий широкоплечий охранник, кинув быстрый взгляд на пригласительный билет, проводил их до входа в ресторан.

В центре просторного зала с колоннами и пальмами в кадках располагался длинный стол под белой скатертью, уставленный приборами, бокалами всех мастей, цветами и разной снедью. Изящные голубые свечи лукаво перемигивались между собой. Их мягкий свет, отражаясь в изломанных гранях бокалов, окутывал стол мерцающим сиянием.

Вокруг толпились гости. Официанты деловито сновали туда-сюда, разнося напитки. Из соседнего зала доносилась музыка.

Завидев в дверях Майских, хозяин что-то сказал окружавшим его гостям и направился к ним легкой походкой, необычной для человека столь внушительных размеров. Если бы Гаргантюа родился в Африке, он бы в точности походил на Аль-Хаджи Балогун. Тот же огромный рост, бычья шея и необъятный живот, который не мог скрыть даже безразмерный бордовый балахон, щедро украшенный золотым шитьем. На груди тускло поблескивала толстенная золотая цепь. Добродушное круглое лицо с пухлыми губами чем-то очень напоминало актера Евгения Леонова. Наташе даже показалось, что он сейчас хитро подмигнет ей, сделает свирепую гримасу и скажет: «Пасть порву!» Но ничего подобного, конечно же, не произошло.

Балогун поднял руки в приветственном жесте и пророкотал на весь зал, перекрывая музыку и многоголосый говор гостей:

— Господин Майский! Рад приветствовать вас и вашу очаровательную жену. А это и есть ваша гостья? — спросил он, взглянув на Наташу.

— Да. Наташа Преображенская, моя племянница. — Похоже, Юрию Петровичу понравилась эта версия и он неуклонно ее придерживался.

— Она делает вам честь. — Рука Наташи утонула в его огромной лапище. По-английски он говорил с акцентом, но совершенно правильно и не без изящества.

— Я счастлива, что вы позволили мне прийти. Поздравляю вас с юбилеем, — улыбнулась она. — Насколько я знаю, «аль-хаджи» по-арабски значит «паломник». Вы бывали в Мекке?

— Дважды, — ответил Балогун, важно надувая щеки. — Уже два раза совершил я паломничество к святым местам, вместе с другими правоверными.

— А по-арабски вы говорите? — осведомилась Наташа, резво переходя на этот язык, что, впрочем, потребовало от нее настоящего мозгового штурма. Все, что она знала, было почерпнуто из общения с однокашниками-арабистами и не выходило за рамки «здравствуй — до свидания».

— Немного, — ошарашенно ответил ей Балогун. — К сожалению, совсем немного.

— А как же вы читаете Коран? Каждый правоверный мусульманин должен знать арабский и читать Коран в оригинале, — уверенно заявила Наташа. Она и сама бы не смогла объяснить, зачем затеяла этот разговор. Ее просто несло, и она не могла остановиться. — Ля илла илля'лла, уа Мухаммад расулу'лла^[7], — проговорила она нараспев. — Это как музыка.

— Вы правы, смущенно улыбнулся Балогун. — Вы угадали мое заветное желание. Но дел всегда так много, а времени так мало. Вот если бы у меня была такая учительница, как вы... — Балогун галантно склонил голову.

— Что вы, что вы! — замахала руками Наташа. — Я так мало знаю. Вам нужен настоящий преподаватель, араб и все такое. Давайте лучше будем говорить по-арабски при

каждой встрече.

— Неплохая мысль! — Тут вошли новые гости. Балогун извинился и пошел их встречать.

Ирина и Юрий Петрович, завидев каких-то своих знакомых, отошли к ним. Все остальные гости, разбившись на группы, были заняты своими разговорами. Наташа осталась одна.

От нечего делать она подошла к арке, ведущей в соседний зал, и заглянула. Там было почти пусто. В дальнем углу играл небольшой оркестрик. Одна пара томно кружилась под звуки «Голубого Дуная» Штрауса.

Наташа завистливо посмотрела на них. Она так любила танцевать, но, похоже, на приеме у Балогун танцы не были предусмотрены. Здесь царил такой добропорядочный, консервативный дух, что она почувствовала, как от скуки сводит скулы. Сейчас начнут речи говорить, тогда хоть беги.

Майкл заметил ее сразу, вернее, УВИДЕЛ. И тут же непостижимым образом понял ее состояние. Глаза ее были неотрывно прикованы к танцующей паре. Она стояла неподвижно, но каждая клеточка, каждая жилочка ее тела танцевала. Она вся была танец. Серебряная девочка в обрамлении черного шифона. Бабочка, ищущая праздника, а вместо этого попавшая в вязкую смолу скучного приема.

Она напомнила ему Наташу Ростову на первом балу. Пронзительный, молящий взгляд-крик: «Я хочу танцевать. Помогите мне!»

Подчиняясь порыву, он встал из-за столика и подошел к ней.

— Позвольте пригласить вас на танец.

Она не успела еще понять, что произошло, а он уже кружил ее в вальсе. Его рука крепко придерживала ее за талию.

— Только не говорите «нет», все равно не поверю. — Он заглянул в ее полуприкрытые глаза. — Вы страсть как хотели потанцевать, верно?

— Вы угадали. — Наташа мечтательно улыбнулась.

— Значит, я подросел как раз вовремя. Служба спасения работает круглосуточно.

— Вы всегда так человеколюбивы?

— Нет, — рассмеялся он. — Только когда мне очень этого хочется.

— Майкл! — Резкий женский голос как клинком вспорол сотканную музыкой волшебную пелену и нарушил очарование.

Наташа высвободилась из его рук. Ей вдруг стало холодно. Ощущение было такое, будто их застукали за чем-то непристойным. Она всей кожей почувствовала, как напрягся Майкл.

Голос принадлежал молодой женщине с очень бледным лицом и тонкими, сжатыми в ниточку губами. Серые глаза с холодным любопытством смотрели на Наташу.

— Кэрл. — Голос его ничего не выражал.

— Извини, я опоздала.

— Ничего. Наш столик вон там, в углу.

Она помедлила, ожидая, видимо, что он проводит ее. Майкл не шевельнулся. Кэрл дернула плечиком и отошла. Он повернулся к Наташе.

— Мне очень жаль, что все так получилось, — смущаясь, сказала она. — Я, кажется, подпортила вам вечер.

— Ничего подобного. — Он как ни в чем не бывало взял ее под локоть. — У меня такое чувство, что мы с вами танцуем не в последний раз. Где я смогу вас найти?

Наташа покачала головой. Она заметила Майского, который торопливо пробирався к ним через толпу гостей.

— Завтра утром я уезжаю.

— Наташа! — окликнул ее Майский. — Куда вы пропали? Я вас везде ищу.

Она кивнула Майклу и отошла.

— Наташа, — пробормотал он изумленно. — Как я угадал!

Весь оставшийся вечер она была задумчива и еле поддерживала беседу. Приподнятое настроение куда-то улетучилось. Вдруг захотелось домой. И когда только площадка успела стать ей домом?

Уехали рано. Разговор не клеился. Наташа извинилась и ушла к себе. Никто и не пытался ее удержать.

Она поймала себя на том, что все время думает о Майкле. Его волевое, открытое лицо с голубыми глазами и четко очерченными губами прочно отпечаталось в памяти. Она еще почувствовала прикосновение его сильных пальцев к своей обнаженной спине.

Наташа прикрыла глаза. Вот он наклонился к ней. Светлая прядь волнистых волос упала на лоб. Она подавила в себе желание протянуть руку и поправить ее.

— Вы всегда так человеколюбивы?

— Только когда мне очень этого хочется.

Она снова увидела его улыбку, светящуюся мягким юмором. Как хорошо было танцевать с ним!

— Где я смогу вас найти?

Нигде, Майкл. Нигде.

Дверь ванной приотворилась. Послышались легкие шаги. Кэрол нырнула под простыню и прижалась к нему всем телом.

— Я так соскучилась. Твой отпуск длился целую вечность. Когда ты уезжаешь в это свое Икороду?

— Завтра.

— Уже! — Голос ее звучал, как у капризного ребенка. — Остайся на пару дней.

— Не могу. Там наверняка дел невпроворот.

— Зануда!

Майкл нашарил на тумбочке сигареты и зажигалку. Не торопясь, закурил. Он уже жалел, что согласился провести выходные с Кэрол. Все шло не так с того самого момента, как она окликнула его там, в ресторане. В ее голосе он ясно уловил требовательные, почти собственнические нотки, и это вывело его из себя. Она впервые дала ему понять, что имеет на него какие-то права, и застала его врасплох. Он старался не думать о девушке по имени Наташа, полагая, что она ко всему этому не имеет отношения.

Они встретились в британском консульстве, где работала Кэрол, несколько месяцев назад. Она была совсем не в его вкусе, худая, резкая, слегка сутулая. Ее типично английскому лицу явно не хватало красок, и при других обстоятельствах он не обратил бы на нее внимания. Но он прожил на площадке в Икороду уже около года, и дефицит женского общества начал сильно сказываться.

У обоих за плечами остался неудачный бездетный брак, развод и полное неприятие семейной жизни. Оба скучали по нормальному, здоровому сексу, поэтому их редкие встречи

неизменно заканчивались в постели. Кэрол была остра на язычок, им было весело и легко вместе. Отношения двух взрослых, свободных людей, дорожащих своей независимостью, вполне устраивали обоих. По крайней мере, Майкл так думал до сегодняшнего дня.

Он не сообщил ей о дате своего возвращения из отпуска, намереваясь сразу же ехать в Икороду. Поэтому был крайне удивлен, увидев ее в аэропорту. Он позволил уговорить себя остаться на уик-энд и теперь сам был не рад.

Кэрол скользнула губами по его груди.

— Ты уверен, что не можешь остаться?

— Абсолютно.

Она опустила ниже.

— Значит, у нас есть всего одна ночь. — Голос ее вибрировал в предвкушении удовольствия. — И провести ее надо так, чтобы не жалеть о впустую потраченном времени.

Она опустила еще ниже и заработала язычком. Майкл потушил сигарету и откинулся на подушки. Перед глазами вдруг возникло лицо Наташи. Серебряная девочка в черном. Откуда она взялась?

Майкл почувствовал, что возбуждается. Не разжимая век, чтобы не спугнуть видение, он приподнял Кэрол под мышки и усадил на себя сверху. Она громко, протяжно застонала, но он не услышал. Вальс Штрауса плескался у него в ушах. Все вокруг закружилось, заплясало и взорвалось мириадами искр. Наташа!

На следующий день Наташа уехала, не дожидаясь обеда. Выяснилось, что в Икороду из посольства пойдет машина. Она мягко, но решительно отклонила предложение Майских остаться до вечера и съездить на торговые ряды.

— Я и так доставила вам немало хлопот. Завтра к тому же рабочий день. — И, глядя на вытянувшееся лицо Майского, добавила: — Все было просто великолепно. Я очень благодарна вам за гостеприимство.

— Может, передумаете? — пробормотал Юрий Петрович. Он так надеялся побыть с ней наедине на обратном пути.

Наташа только покачала головой. Ирина с облегчением вздохнула. По крайней мере, не придется тащиться в Икороду на ночь глядя. Она вовсе не собиралась отпускать мужа одного.

Два следующих дня прошли в бесконечных переговорах. Она почти не появлялась в офисе. На ее рабочем столе росла кипа непереверенных писем, нетерпеливо ожидающих своего часа. Иннокентий ходил надувшись и всем своим видом выражая недовольство. Наташа решила не перегибать палку и перед самым концом рабочего дня зашла к Первенцеву.

— Ты еще здесь? — удивленно спросил он, снимая очки. — Я же отпустил тебя домой.

— Павел Иванович, я бы хотела задержаться на пару часов. Есть несколько срочных переводов. Иннокентий говорит, что без них не может начать работать над претензиями. А у меня все руки не доходят.

Первенцев звучно фыркнул.

— Вольно ж ему было тянуть до последнего. Я ему всю плешь проел с этими претензиями. А теперь конечно: пожар, самум! Срок выставления истекает! Остается только бегать и кричать: «Караул!»

— Но дела-то это не меняет, — резонно заметила Наташа. — Письма надо перевести. А

у нас ведь завтра опять переговоры.

— Можно вызвать другого переводчика.

— Мне бы не хотелось, чтобы кто-то делал мою работу.

Первенцев понимающе кивнул.

— На подвиги потянуло. Не объясняй, я сам такой. Работай, конечно, но чтобы завтра ровно в девять была готова. — Он посмотрел на нее из-под лохматых бровей. — Ну, в крайнем случае, в полдесятого. — Он порылся в ящике стола, извлек пачку печенья и протянул Наташе. — На вот, возьми. Небось целый день не ела ничего.

Наташа приготовила себе кофе, перекусила на скорую руку и уселась за машинку. За окном уже стемнело, сторожа перекликались у ворот на разные голоса. Из открытого кинотеатра доносился рев пикирующих самолетов и разрывы бомб. Там шел очередной фильм про войну. «Своеобразный отдых после рабочего дня», — подумала Наташа.

Лоб налился свинцом, пальцы онемели, а конца работе все не было видно. Наташа смахнула с лица прядь волос. Она была голодна, устала и, кроме того, чувствовала себя всеми брошенной и погребенной под Иннокентиевыми сочинениями. И когда он только успел все это написать?

Наташа потянулась, размяла пальцы и пробежала глазами текст, пытаясь вникнуть в смысл написанного. Звук открывающейся двери отвлек ее. Она подняла глаза и обомлела. На пороге, беззаботно улыбаясь, стоял... Майкл. Просто стоял и глядел на нее с высоты своего роста, как будто его появление здесь было самым обычным делом.

— Добрый вечер, — сказал он, входя. — Как работается?

— Вы... — У Наташи перехватило дыхание. Все это было похоже на сон.

— Не смотрите на меня как на привидение. Я живой, из плоти и крови. — Он протянул ей руку. — Вот, потрогайте, чтобы не оставалось никаких сомнений. — Наташа нерешительно прикоснулась к нему. Майкл перехватил ее руку и крепко сжал. — Убедились? У меня, наверное, было точно такое же лицо, когда я наблюдал за вами в окно. Минут пятнадцать стоял как соляной столб. Хотя меня успели подготовить.

Наташа удивленно приподняла брови.

— Подготовить к чему?

— К нашей сегодняшней встрече. Я всего пару дней как вернулся из отпуска, и за это время эти похотливые английские бульдоги — мои коллеги, — пояснил он со смехом, — коллеги по «ЭНКО» успели мне все уши прожужжать о том, какая замечательная приехала Наташа, как она божественно говорит по-английски и какая она — ах, ах, ах! Подробности позволю себе опустить. — Наташа вспыхнула до корней волос. Майкл отпустил ее руку, подхватил свободный стул и уселся рядом. — Я сопоставил полученную информацию со своими еще свежими воспоминаниями и пришел к выводу, что на одном маленьком клочке суши, да еще одновременно, никак не могли появиться сразу две такие Наташи. Как вам моя логика?

— Впечатляет. — Наташа безуспешно пыталась справиться с собой. Он сидел так близко, что их колени то и дело соприкасались, и это мешало ей сосредоточиться.

— Я забыл представиться, — спохватился Майкл. — Меня зовут Джонс, Майкл Джонс. Эксперт по финансовым претензиям. Так что если вам понадобится выкачать деньги из заказчика, можете смело обращаться ко мне. Для вас консультации бесплатно.

— Так это с вашей легкой руки я здесь сегодня застряла! — сообразила Наташа. — Взгляните-ка.

Он пробежал глазами отпечатанный лист.

— Моя работа, — с удовлетворением констатировал он. — Я вчера передал Нокси свой проект.

— Нокси?

— Ну, Ин-но-кен-тию. У него такое сложное имя, что пришлось сократить до «Нокси». Он не возражает.

— Нокси. — Наташа хихикнула. — Забавно.

— Непонятно только, зачем было делать двойную работу и переводить сначала на русский, а потом опять на английский. Можно было просто добавить свою часть, а эту оставить как есть. Нокси прямо-таки изощренный садист. Или...

— Или, — уверенно сказала Наташа, — хотел выдать работу за свою.

— Жажда славы. Скольких она сгубила, — философски заметил Майкл. — Хотите, помогу? По-русски я, к сожалению, не читаю. Сделаем так: вы мне начало фразы, а я вам остальное. Будете только печатать и следить по тексту. Годится?

— Еще бы!

Пальцы забегали по клавишам. Усталость как рукой сняло. Она сидела как наэлектризованная, вот-вот искры посыплются. И все потому, что он был рядом. Наташа искоса взглянула на его сильный профиль, на решительную линию подбородка. Майкл почувствовал на себе ее взгляд. Их глаза встретились.

— У вас потрясающие руки, так и порхают, как бабочки. — «Господи, что я говорю, — в смятении подумал он. — Я, наверное, выгляжу полным идиотом». — Посмотрим, что у нас получилось. — Он наклонился к машинке, чтобы просмотреть вставленный в каретку лист.

Наташа сидела совершенно неподвижно. Ее волосы легко коснулись его лица. Стоит ему слегка повернуть голову — и его губы дотронутся до ее щеки. Буквы плясали перед глазами и упрямо отказывались складываться в слова. Легкий аромат ее духов дразняще щекотал ноздри. Несколько томительных мгновений они сидели не шевелясь и как загнипнотизированные смотрели перед собой.

Наташа опомнилась первой и слегка отстранилась.

— Кхм, — Майкл кашлянул, пытаясь скрыть волнение. — По-моему, получилось неплохо. — Он еще раз пробежал глазами текст. — Как вам кажется?

Наташа не отозвалась. Отвернувшись, чтобы он не заметил, как пылают ее щеки, она собирала в папку отпечатанные листки. «Что это со мной? — думала она, замирая. — Я веду себя как влюбленная школьница. Так не пойдет». Она решительно тряхнула волосами и повернулась к нему. Сейчас она попросится как можно более официально, уйдет к себе и постарается никогда не оставаться с ним наедине. Завтра будет новый день, наваждение улетучится, и все пойдет по-старому.

Но все ее благие намерения растворились как дым, когда она увидела его лицо. Глаза мягко светились, как будто кто-то затеплил в них крохотные свечи. Их свет передался ей, и Наташа почувствовала, что абсолютно беспомощна.

— Надо отметить нашу первую совместную работу, — сказал он. — Пойдемте в бар.

— Там, наверное, уже закрыто. — Наташа искренне надеялась, что это так. Тогда ничто не помешает ей надежно укрыться за семью замками в ее комнате и в одиночестве зализывать раны.

— Надеюсь, что нет. Виктория — замечательная женщина. Никогда не откажет усталым путникам в приюте.

По дороге они никого не встретили. Фильм закончился, и все разбрелись по домам. Наташа поймала себя на том, что украдкой оглядывается по сторонам. Майкл сразу понял ее опасения. Все-таки не первый день на площадке, успел разобраться, что почем.

— Вы не хотите, чтобы нас видели вместе?

— Что-то вроде этого, — смущаясь, пробормотала Наташа. Она презирала себя за трусость, но предостережения Лолы возымели свое действие.

Она ожидала насмешки, издевки, чего угодно, но он только сказал:

— Идите вперед. Я немного отстану.

В баре было пусто. Освещена была только стойка, зал утонул в темноте. На звук открывшейся двери из подсобки выглянула Виктория. Узнав Наташу, кивнула устало.

— Я уже закрываю. Что...

Дверь вновь отворилась. Вошел Майкл. Широкое лицо Виктории расплылось в улыбке.

— Вы только посмотрите, кто пришел? — воскликнула она, уперев руки в бока. — Майкл Джонс собственной персоной. Где пропал?

— В отпуске, Вик, в отпуске, — ответил он, подходя. — Привез тебе сувенир. Только он у меня дома. Потом занесу.

Она обхватила его руками и закружила, по-медвежьему переступая толстыми ногами.

— А я уж думала, совсем забыл меня, старуху.

— Тебя забудешь, как же. Ты еще всем нам дашь сто очков вперед. — Он посмотрел на стоящую поодаль Наташу.

Виктория отступила на шаг, переводя внимательный взгляд с одного на другую. Понимающе поцокала языком.

— М-м-м, вот оно, значит, как.

— Проехали, Вик, — предостерегающе сказал Майкл.

Виктория нетерпеливо махнула рукой.

— Меня не проведешь. Узнаю этот взгляд. Мой муж так на меня смотрел, когда ухаживал. — Она повернулась к Наташе. — Поосторожнее. Тут всякие ходят.

Наташа готова была провалиться сквозь землю. Щеки ее пылали. Она надеялась только, что в полумраке это не так заметно.

— Пойду посмотрю в окно, — ворчливо сказала Виктория. Она потопталась у стойки, выбирая кассету, включила магнитофон и исчезла в подсобке.

Волшебный звук скрипок заполнил полутемный зал. «Незнакомцы в ночи...» — запел Синатра. Наташа почувствовала, что комок подкатил к горлу.

— Я же говорил, что мы еще потанцуем, — тихо сказал Майкл.

Его руки легли ей на талию. Она чувствовала их тепло сквозь тонкую ткань платья. Огромный враждебный мир остался за стенами темного зала. Они были одни, совсем одни, и им было хорошо вместе.

Наташа спрятала лицо у него на груди. Оба молчали. Слова были не нужны.

Резкий щелчок вернул их к действительности. Музыка смолкла. Майкл разжал руки.

— Кто-то идет. — Виктория красноречиво показывала руками на дверь.

Она подхватила с полки бутылку фанты, сунула Наташе и потащила ее за собой к двери. Наташа как сомнамбула последовала за ней.

— Спокойной ночи, — нарочито громко сказала Виктория. — Сыр я завтра привезу.

— Спокойной ночи, — через силу ответила Наташа. — Привет, Володя! Ты что гуляешь

по ночам?

— Тебя ищу.

— Что так?

— Я к тебе заходил несколько раз. Никто тебя сегодня вечером не видел. Вот я и подумал...

— Я работала допоздна, — быстро сказала Наташа. — Марчуков разродился объемистым письмом и засадил меня переводить. — «Нокси», мелькнуло у нее в мозгу. Наташа улыбнулась. — Проводи меня, пожалуйста. Я ужас как устала.

Они остановились перед ее дверью. Володя медлил, чего-то ожидая. Наконец он не выдержал:

— Не пригласишь водички попить? На сон грядущий.

Наташа, прищурившись, смерила его веселым, немного злым взглядом. Как все изменилось за какие-то несколько часов! Был только один человек на всем белом свете, с которым ей хотелось бы сейчас быть. Только один из пяти миллиардов, живущих на земле. Все остальные могут не беспокоиться.

Она сунула ему в руки бутылку фанты и захлопнула перед носом дверь.

Часы показывали половину десятого. Значит, на пляж она безнадежно опоздала. Ну и ладно. Можно будет в кои веки раз понежиться в постели, а потом пойти в бассейн.

Наташа сладко потянулась, закинула руки за голову и осмотрела потолок. Геккона нигде не было видно. Наверное, намаялся за ночь в поисках добычи и теперь отсыпается.

Интересно, что сейчас делает Майкл. Как всегда при мысли о нем, сердце забилось быстрее. Они не виделись с той самой ночи. Он не искал встречи, а она тем более. Поразмыслив, Наташа пришла к выводу, что их отношения, если их можно так назвать, не имеют будущего. Оба доработают до окончания срока их контрактов и разъедутся, кто куда. Он в Англию, она в Союз. Все равно им никогда не быть вдвоем. Они принадлежат к разным мирам.

По капризу судьбы их пути на мгновение пересеклись. Что ж, как пересеклись, так и разойдутся. Наташа больно прикусила губу. Теплые огоньки в его глазах. Какой беспомощной она чувствовала себя под его взглядом! Ничего, она справится и с этим.

Наташа встала и распахнула холодильник. Он был абсолютно пуст. Неважно, есть все равно не хотелось.

Натянув купальник и перекинув через плечо полотенце, она отправилась в бассейн. Площадка как вымерла. Все, кто мог, уехали на океан, а остальным было не до бассейна. Отдыхают небось от борьбы с пальмовой водкой, в просторечье пальмухой. Мутный самогон из пальмового сока покупали по дешевке у жителей соседней деревни. Экономия! Наташа как-то попробовала из любопытства и до сих пор вздрагивала при одном воспоминании.

Широкая лужайка вокруг бассейна была тщательно выкошена. Женя-завхоз хорошо знал свое дело. Дело тут не в красоте, а в безопасности. Окрестные леса кишмя кишели ядовитыми змеями, которые предпочитали охотиться в высокой траве. Стараниями Жени площадка поддерживалась в идеальном порядке, поэтому змеи тут были редкостью.

В народе ходили страшные рассказы о встречах со змеями под покровом ночной темноты, но скорее всего это был лишь плод разгоряченного пальмухой воображения. Пили здесь много и непрерывно. Да и чем еще заняться одиноким мужчинам в длинные африканские вечера.

Наташа затащила топчан в тень чахлой папайи, одиноко торчащей у бассейна, расстелила полотенце и с наслаждением вытянулась на нем. Солнце было еще по-утреннему ласковым и приятно согревало тело. Широкие листья папайи, колыхаясь от легкого ветерка, отбрасывали на лицо узорчатые тени. Наташа не заметила, как задремала.

Разбудил ее негромкий щелчок. Еще один, еще. Ничего не понимая, Наташа с трудом открыла глаза и, приподнявшись на локте, огляделась.

Неподалеку стоял Франко и быстро щелкал затвором фотоаппарата. Он был в плавках, видно, тоже собрался купаться.

— А-а, мафия, — сонно сказала Наташа. — Что это ты делаешь?

— Ты так красиво спала, — объяснил он. — Я сбегал домой за фотоаппаратом и вот, целую пленку отщелкал. Пальчики оближешь!

Заподозрив неладное, Наташа окинула себя быстрым взглядом. Так и есть. Лифчик купальника сполз, и одна грудь была полностью обнажена. Черт, этого ей только не хватало. Она быстро поправила лифчик и потянулась к фотоаппарату. Франко спрятал его за спину.

— Дай сюда! — потребовала Наташа.

— Ни за что! Такое я вряд ли еще когда-нибудь увижу, хоть воспоминания останутся. А может, в «Плейбой» пошлю. Ух, и разбогатею же я!

Наташа не знала, шутит он или серьезно. С него станется.

— Мафия, она мафия и есть, — вздохнула она. Мозг лихорадочно заработал. Надо было во что бы то ни стало заполучить эту пленку. Кто знает, что взбредет в его взбалмошную голову.

Наташа капризно надула губки и перевернулась на живот, предоставив Франко возможность лицезреть изящный изгиб ее спины.

— А почему ты здесь? Такая сукотища, хоть волком вой.

— Наши все уехали на рыбалку, а я этого терпеть не могу. Сидишь как дурак и пялишься на поплавок. — Он присел рядом, предусмотрительно пристроив фотоаппарат у себя под ногами.

Наташа из-под прикрытых век наблюдала за ним. Они еще поболтали. Заметив, что он расслабился и переключил внимание на ее ноги, Наташа лениво потянулась и, указывая на пластиковую бутылочку в траве, попросила:

— Намажь мне, пожалуйста, спину маслом для загара. Я пробовала сама, но не достаю. Не возражаешь?

Франко выдал ослепительную улыбку, от которой усы его встопорщились как у моржа.

— Желание дамы для меня закон!

Тогда отдай пленку, чуть не выпалила Наташа, но вовремя прикусила язычок. Болтун безмозглый! Франко уже отвинчивал крышку. Он вылил щедрую порцию масла на ладонь и принялся, как заправский массажист, гладить ее плечи, руки, спину, опускаясь все ниже и ниже.

— М-м-м, как приятно, — проворковала она, когда он добрался до узкой полоски бикини на бедрах. — Еще немного с той стороны.

Он переступил через нее и опустился на колени. Убедившись, что он полностью увлечен своим занятием, Наташа схватила фотоаппарат и молниеносным движением открыла. Блестящая лента пленки поползла наружу, подталкиваемая ее ловкими пальцами.

Франко завопил, потянулся к фотоаппарату, споткнулся об ее распростертое тело и упал, прижав Наташу к топчану. Но было уже поздно. Она вытащила остаток пленки и в

изнеможении опустила голову на руки.

Франко понял, что пленка потеряна, но не сделал попытки подняться. Она слышала его тяжелое, прерывистое дыхание. Стальная пружина, стянутая плавками, пульсировала и билась об ее бедро.

Наташа изловчилась и резко ударила его локтем по ребрам. Франко охнул и ослабил хватку. Воспользовавшись передышкой, она выкатилась из-под него на траву. «Слава Богу, что никто нас не видел», — подумала она, поправляя истерзанный купальник. И тут же увидела Лолу.

Она стояла поодаль и широко открытыми глазами смотрела на них. Кроме бесконечного удивления, в ее глазах было что-то другое, отчего у Наташи мурашки побежали по коже. Лола несколько раз судорожно сглотнула, развернулась и побежала прочь. Наташа бросилась за ней.

Лола как слепая тыкала ключом в замочную скважину и все никак не могла попасть. Наташа подбежала и схватила ее за руку.

— Лола, подожди! — Никакого ответа, только беспомощный стук ключом об дверь. — Да подожди же ты! Мне надо поговорить с тобой.

Лола резко повернула к ней залитое слезами лицо. Припухшие губы исказила уродливая гримаса.

— О чем? О чем мне с тобой говорить? — Зубы ее стучали, слова вылетали отрывистой дробью. — Марина предупреждала меня, а я, дура, все не верила. Защищала тебя. А ты самая настоящая шлюшка! Не успокойсья, пока не перетрахаеть всех мужиков на площадке.

Стиснув зубы, Наташа вынула из ее вдруг ослабевшей руки ключ, отперла дверь и, затащив Лолу в комнату, толкнула на кровать. Лола обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь.

Наташа налила ей стакан воды, осторожно прикрыла дверь и устроилась на стуле напротив.

— Что у тебя с Франко? — тихо, но очень твердо спросила она.

Лола жадно пила волю, стуча зубами о край стакана.

— Я... Он... — она еле шевелила посеревшими губами. — Он — мой любовник. Я спала с ним. Один раз. Вот в этой самой комнате.

Она посмотрела вокруг воспаленными глазами так настороженно и пытливо, как будто он еще был где-то здесь. Наташа затаила дыхание. Самое главное сейчас не спугнуть ее и дать выговориться.

Из ее сбивчивого рассказа Наташа поняла, что все произошло во время празднования Нового года. Раньше он не обращал на нее особого внимания, как она ни старалась. А тут, основательно нагрузившись шампанским вперемешку с виски и разгорячившись от танцев, разомлел. Она буквально затащила его к себе и отдалась, наивно полагая завоевать его через постель.

Он был ее первым мужчиной, но даже не заметил этого. И страшно удивился, проснувшись под утро в ее комнате.

— Он ничего не помнил, ничего. Даже извинялся, представляешь? — захлебываясь слезами, рассказывала Лола. — Я так его люблю, а он... «Чао, Лола!» — передразнила она его. — И бежит дальше. А я, кажется, залетела.

— Что-о? — Глаза Наташи округлились.

— А то. Задержка уже три недели.

— Он знает?

— Конечно, нет. Что толку ему говорить? Сама, дура, виновата.

«Это точно, — подумала Наташа. — История старая, как мир. И, главное, парень действительно ни в чем не виноват».

— Может, все-таки поговорить с ним? — с сомнением сказала Наташа, сама не веря в свои слова.

— Исключено. — Лола вытерла ладонью глаза. — Он же меня совсем не любит, просто в упор не видит. Вот за тобой ухлестывать начал.

Чтобы развеять ее подозрения, Наташа в двух словах рассказала ей, что именно произошло в бассейне.

— Как бы то ни было, дела это не меняет. — Лола уже справилась с собой, выговорилась, и ей стало легче. — Проблема целиком моя. Прости меня, я тебе наговорила Бог знает чего. Просто не выдержали нервы.

— Я понимаю. Что ты собираешься делать?

Лола забралась с ногами на кровать и обхватила руками колени. Лицо ее осунулось. Под глазами залегли густые тени.

— В том-то и дело, что не знаю. Не могу же я пойти к здешнему врачу. «Здрасьте, я беременна неизвестно от кого. Сделайте мне, пожалуйста, аборт». Круто, да? Улечу отсюда первым же самолетом, да еще с соответствующей характеристикой.

— Это точно. — Наташа задумалась. Вдруг ее осенило. Виктория! Вот кто может помочь или, по крайней мере, хоть посоветовать что-то. — Ты пока ничего не предпринимай, ладно? Может, я что-нибудь придумаю.

Лола покорно кивнула. Они еще долго говорили. Наконец Наташа совсем озябла в купальнике и хотела было пойти к себе одеться, но помешал стук в дверь.

— Войдите, — крикнула Лола.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял Франко. Вид у него был такой оглушенный, что Наташа еле удержалась, чтобы не рассмеяться. С плеча свисало Наташино полотенце. В руке — огромный букет тигровых лилий. Черные, как маслины, глаза понуро глядели на Наташу.

— Прости меня, — с трудом выдавил он, протягивая ей букет. — Я вел себя как свинья. Прости.

Наташа нерешительно взяла цветы. От них исходил тонкий, сладкий аромат. В чашечках дрожали капли росы. Франко аккуратно сложил на стуле ее вещи: полотенце, пляжные тапочки и масло для загара. Неловко кивнул и вышел, не произнеся больше ни слова.

Лола уткнула лицо в колени. Плечи ее снова задрожали. Наташа положила лилии на стол, подошла к ней и опустила на корточки. Погладила по плечу, не зная, что сказать.

— Теперь тебе все ясно? — спросила шепотом Лола. — Ведь он на меня даже не взглянул.

Весь оставшийся день Наташа провела как на иголках, так ей хотелось поскорее переговорить с Викторией. Она не могла объяснить, почему так рассчитывает на ее помощь. Просто пожилая нигерийка сумела в короткий срок завоевать к себе полное доверие, а больше ей не к кому было обратиться.

Дождавшись открытия бара, Наташа поспешила туда. Как она и рассчитывала, в баре в

этот час еще никого не было. За стойкой хлопотала Феми, готовясь к субботнему наплыву посетителей. При виде Наташи ее милостивое личико просияло.

— Эка сан^[8]! — поприветствовала она Наташу и добавила по своему обыкновению: — Как дела? Карашо?

— Хорошо, — ответила Наташа. — У тебя сегодня красивая прическа. Впрочем, как всегда.

Феми кокетливо взгляделась в свое отражение в зеркальной стенке бара. Замысловатая конструкция из волос цвета воронова крыла, густых и блестящих, удачно подчеркивала изящную линию ее шеи.

— Моя младшая сестра два часа сегодня на меня потратила. Если хочешь, она и тебе сделает такую.

Наташа с сомнением покачала головой.

— Два часа я не выдержу.

— Даже для красоты? — Глаза Феми удивленно округлились. — Я тебе не верю. Для красоты все можно сделать.

— Ты — настоящая женщина, Феми, — усмехнулась Наташа. Правду говорят, что все женщины одинаковы, независимо от национальности и цвета кожи. Все готовы перенести, лишь бы нравиться.

В дверь, пыхтя, протиснулась Виктория. Она с трудом тащила большой вентилятор на длинной ножке. Широкое лицо блестело от пота.

— Ну и жара! — простонала она, пристраивая его на полу и тяжело опускаясь на стул. — Думала, умру, пока донесу. Маета Женя дал. Сказал: «Пользуйся, Виктория, пока найду второй кондиционер». — В ее голосе звучали горделивые нотки. — Здравствуйте, мадам Наташа.

— Эка сан, Виктория. И, пожалуйста, не говорите мне «мадам».

Виктория удовлетворенно кивнула.

— Карашо!

Феми легко подхватила вентилятор, отнесла в дальний угол стойки и принялась возиться с выключателем. Наташа решила воспользоваться случаем. Ей не хотелось, чтобы Феми слышала их разговор.

— Виктория, мне нужен ваш совет. У моей подруги проблема — м-м-м... — Она замаялась. — С гинекологией. Она не знает, к кому обратиться.

— Нет детей? — участливо спросила Виктория.

— Скорее наоборот. — Наташа заметила недоумевающий взгляд Виктории и поспешила объяснить: — Она думает, что беременна. Ей это не нравится.

— Как это не нравится? — озадаченно спросила Виктория. — Дети — это Божье дело.

— Так получилось. — Наташа судорожно искала слова. — Она не замужем и не совсем здорова. Ей нельзя сейчас иметь ребенка.

Виктория сочувственно зацокала языком.

— А-а-ах, бедная женщина! — Она принялась раскачиваться из стороны в сторону. Ее грузное тело заколыхалось под платьем. — Бедная, бедная женщина!

— Она не может обратиться к врачу сама. Об этом никто не должен знать. — Наташа надеялась, что женщина поймет ее. Маленькие глазки Виктории так и впились в ее лицо. — Ей будет очень плохо, если кто-то узнает, — с нажимом произнесла Наташа.

— Эта женщина — ты? — подозрительно спросила Виктория.

Наташа почувствовала, что краснеет, и отрицательно замотала головой.

— Нет. — Она твердо выдержала испытующий взгляд Виктории. — Нет. Она очень хороший человек. Я должна ей помочь, но... не знаю как. — Наташа растерянно развела руками.

Виктория с минуту размышляла.

— Знаю врача, — наконец сказала она. — Работает в Лагосе, в больнице. Поеду в понедельник. Ты зайди вечером.

Наташа нагнулась и чмокнула ее в лоснящуюся щеку.

— Спасибо, Вик. До понедельника.

Она вышла на раскаленную солнцем танцевальную площадку. На душе было уже не так мрачно.

Ночь спустилась на землю и окутала ее своим непроницаемым плащом. Слабый свет редких фонарей не разгоняет мрак, но делает его еще гуще. Неверные тени пробираются сквозь неплотно задернутые занавески и легко касаются лица спящей Наташи. Она беспокойно ворочается во сне. Волосы рассыпались по подушке, окружив ее голову серебристым облаком.

Ночью все призрачно и зыбко. Знакомые предметы меняют очертания и превращаются в причудливых зверей и сказочных чудовищ. Им будто нравится путать и дурачить людей.

Наташа спит. Она видит сон. Из ночного мрака соткалась высокая черная фигура. Она бесшумно скользит к кровати. Чем она ближе, тем труднее дышать. Кажется, что пространство вокруг уплотнилось и навалилось на нее тяжким грузом. Наташа чувствует, что не в силах пошевелить и пальцем. Не отрываясь, смотрит она в мерцающие красные глаза. Ужас липкими щупальцами вцепился в горло.

— Ойбо вумен! Белая женщина! — слышит она знакомый рокочущий голос. — Леке-Леке пришел к тебе.

— Леке-Леке, — эхом повторяет Наташа.

Мощный торс со вздувшимися буграми мышц нависает над ней. Прямо перед глазами качается странное ожерелье из когтей, зубов и птичьих перьев. Где-то она уже видела такое, но где? Изо всех сил пришпоривает она парализованный страхом мозг. Тщетно. Она не может вспомнить. Она не может думать. Она не может ничего.

— Я пришел сказать тебе, что я твой господин. Скоро ты придешь ко мне. Придешь сама и останешься навсегда. Это твой путь, и тебе с него не свернуть.

Огромная рука тянется к ее лицу. Она уже чувствует обжигающий жар его пальцев. Бессилие. Немота. Ужас.

Вдруг что-то зашевелилось, затрепыхалось у нее под рукой. Что-то живое и теплое, что передалось и ей. Кровь толчками побежала по жилам. Наташа почувствовала, что снова может управлять своим телом. Она рывком села на кровати. Геккон стрелой вылетел из-под ее ладони, кубарем скатился на пол и исчез под кроватью.

Рука у ее горла съежилась, отпрянула и растаяла в темноте, с ней пропал и Леке-Леке.

Наташа сидела неподвижно, прижавшись к спинке кровати. Она с трудом приходила в себя. Почему этот кошмар неотступно преследует ее? И откуда это чувство, будто она уже где-то видела его? Леке-Леке. По коже пробежали мурашки.

Геккон нерешительно высунулся из-под кровати и посмотрел на нее блестящими бусинками глаз.

— Кто ты? — спросила Наташа. Он лишь облизнулся. Наташа вымученно улыбнулась ему. — Кто бы ты ни был, ты подросел как раз вовремя. И откуда ты все знаешь, а?

Геккон махнул хвостиком и затрусил в свой любимый угол. Наташа глубоко задумалась. Что же это все-таки было, сон или кошмарная явь? Скорее сон, назойливый, повторяющийся сон.

Она долго колебалась, потом наконец заставила себя встать и подойти к двери. Она была заперта. Ключ лежал там, где она его положила с вечера. На столе.

Наташа вдруг почувствовала непреодолимое желание вырваться из давящей атмосферы этой комнаты, увидеть живое лицо, поделиться своими страхами. Майкл мог бы помочь ей сейчас. Он так нужен ей, а она даже не знает, где он живет. Невыносимо знать, что он где-то здесь, рядом, но недостижим.

Повинуясь порыву, Наташа накинула платье и выскользнула наружу. Тяжелый, напоенный ночными испарениями воздух окутал ее плотной пеленой. Звон цикад заколотился в ушах.

Она выбежала на главную дорожку. Под темным навесом, где по вечерам мужчины играли в домино, яркой точкой светился огонек сигареты. Наташа подошла ближе.

Высокая фигура в белом встала ей навстречу. Недокуренная сигарета, описав плавную дугу, исчезла в траве.

— Майкл! Ты? Здесь?

— Да вот, вышел подышать свежим воздухом. Приятно иногда покурить под звездами.

— Наверное, но мне не понять. Я не курю. Слушай, ты давно здесь?

— Не очень. С полчаса, наверное. А что?

— Подожди, не спрашивай ни о чем. — Наташе не терпелось поскорее рассказать ему о своем ночном госте. — Ты ничего не заметил? Ну, чего-то необычного? Странного?

— Нет, не думаю. А в чем дело? — Майкл повнимательнее присмотрелся к ней. Его голос звучал непривычно резко, как будто она чем-то сильно возбуждена. Лицо необычайно бледное. Но больше всего поразили глаза: напряженные, с неподвижными, расширившимися зрачками. «Травки она накурилась, что ли? — подумал он. — Или еще что похуже». Прикоснувшись как бы невзначай к ее руке, он почувствовал, что она вся дрожит. — Что стряслось?

— Вот именно, стряслось. — Наташа торопливо рассказала о происшествии этой ночи, сбивчиво, взволнованно и несвязно. Видимо, то, о чем она говорила, сильно поразило ее. Или...

— погоди, — прервал ее Майкл. — Ты точно сегодня ничего такого не курила, не глотала и не колола?

Смысл вопроса не сразу дошел до Наташи, а когда дошел, она даже заткнула кулачком рот, чтобы не расхохотаться. Даже глаза оттаяли на миг.

— Ты решил, что я — наркоманка?

— Да нет, это я так, на всякий случай, — забормотал Майкл, чувствуя себя полным ослом. — Ты странно смотришь. Неужели так испугалась?

— Об этом-то я тебе и толкую. Этот сон или видение, называй как хочешь, повторяется уж второй раз, человек этот все пытается ко мне прикоснуться и говорит примерно одно и то же. И у меня все время такое чувство, что я его где-то уже видела.

— Ну вот! Теперь все более-менее ясно, — бодро сказал Майкл. Он был готов говорить что угодно, лишь бы отвлечь ее, согнать замороженный, остановившийся взгляд с ее лица. —

Ты заметила колоритного человека в толпе, так, ненавязчиво, боковым зрением. Он чем-то зацепил тебя, образ отпечатался в подсознании. И теперь выныривает в виде сна. Ищет выхода.

— Ищет и не находит. А может, выхода нет. — Голос ее звучал так жалобно, что у него защемило сердце.

— Выход всегда есть. — Майкл крепко взял ее за локоть и вывел на дорожку. Она переставляла ноги как манекен.

— Куда мы идем?

— Тут недалеко. Прокатимся немного.

Парковка была погружена в темноту. Майкл не без труда нашел свою машину, усадил Наташу, скользнул за руль.

— Пригнись, — сказал он ей, когда они подъезжали к воротам.

Сторож был на месте и почему-то не спал. Наташа услышала, как скрипнули ворота. Машина вырулила на дорогу и после первого поворота остановилась.

— Садись за руль, — приказал Майкл.

Наташа изумленно взглянула на него.

— Но я не умею, — неуверенно произнесла она.

— Садись!

Все еще колеблясь, она подчинилась.

— Слева педаль тормоза, справа — сцепление и газ. Сначала выжмешь сцепление, потом газ. Крепко держи руль и следи за дорогой. Я буду переключать скорости. Вперед!

Наташа повернула ключ зажигания. Мотор ожил. Сцепление, газ. Машина покатила вперед. Наташа вцепилась в руль.

Майкл включил дальний свет. Клубящиеся столбы выхватывали из темноты то буйно разросшиеся кусты, то ствол дерева, оплетенный лианой, то остов разбитой машины на обочине. И бесконечную, вьющуюся ленту дороги.

То ли оттого, что Майкл сидел рядом, то ли оттого, что шоссе было абсолютно пусто, но Наташа скоро почувствовала себя уверенней. Пальцы уже не так судорожно сжимали руль. Она позволила себе расслабить мышцы и тут же ощутила спиной гостеприимную мягкость сиденья. Светящиеся диски приборов подбадривающе мигали с панели. Они заодно в этом поединке с дорогой, она и машина. И Майкл.

В его молчании ей почудилось одобрение и вера в то, что она справится. Выход всегда есть.

В какой-то момент она почувствовала, что слилась с машиной. Они летели, вспарывая тьму, и все страхи и химеры оставались позади.

Вдали замаячили огоньки Икороду. Наташа вдруг почувствовала смертельную усталость. Казалось, стоит ей закрыть глаза, и она тут же уснет. Ногой нащупала педаль тормоза. Машина вздыбилась и с визгом остановилась.

— Лихо, лихо! — Майкл, улыбаясь, потер ушибленный лоб. — Немного практики — и ты сможешь выступать на ралли Париж — Дакар.

Наташа не ответила. Он наклонился к ней. Убрал прядь волос с лица. Провел кончиками пальцев по щеке, легко прикоснулся к тонкой пульсирующей жилке на шее. Ее губы приоткрылись ему навстречу.

Майкл с трудом оторвался от нее. Глядя на ее головку в ореоле серебристых волос, покоящуюся на сгибе его локтя, он подумал, что может взять ее сейчас, здесь, в темной

машине, и она не оттолкнет его. Как он хотел ее, до боли, до безумия! Но он не делает этого. Они так много могут дать друг другу. Нужно лишь, чтобы она захотела его так же, как он ее. Он даст ей время. Он подождет.

— Я хотел поцеловать тебя с той самой минуты, как увидел, — прошептал он.

Длинные темные ресницы дрогнули, как крылья бабочки.

— Я тоже. — Как вздох, как дуновение ветерка. Или ему померещилось?

Майкл почувствовал, что теряет голову. Он осторожно высвободил руку и распахнул дверцу машины.

— Перебирайся на мое место. Я отвезу тебя домой.

Напряженность в его голосе застала Наташу врасплох. Она нехотя подчинилась, не понимая, что произошло. Майкл прыгнул за руль. Машина стремительно развернулась и черной молнией понеслась к площадке.

За всю обратную дорогу они не проронили ни слова. Наташа недоумевала. Все было так чудесно. Его дыхание на ее лице, его губы на ее губах, его терпкий, слегка отдающий табаком, мужской запах. Ничего подобного она еще не испытывала. В ее жизни были мужчины. Они целовали ее, дарили цветы, признавались в любви. Один из них даже был ее любовником. Недолго. И незаметно исчез, не оставив следа. Она забыла о нем еще до того, как они расстались.

Сейчас было другое: пробуждение, узнавание, трепет и еще неодолимое желание чувствовать на себе его взгляд. Этот особенный взгляд, предназначенный только ей, когда где-то в глубине пляшут язычки пламени.

Майкл припарковал машину на старом месте и помог Наташе выбраться.

— Спокойной ночи. — Они стояли так близко, опьяняюще близко, непозволительно близко. Майкл понял, что если он сейчас же не уйдет, то останется с ней до утра. Он сделал шаг назад.

— Майкл! — Она схватила его за руку. Глаза смотрели уязвленно, как будто обидели ребенка.

Он взял ее руку в свои, поднес к губам и поцеловал.

— Я не случайно оказался под навесом сегодня. Я ждал тебя. Сидел, смотрел на твою дверь и ждал, что ты выйдешь ко мне. — Он твердо выдержал ее взгляд. — Я люблю тебя. Уж не знаю, как это произошло. Я давно уже никому не говорил этих слов. И именно поэтому сейчас нам лучше разойтись.

Наташа лишь кивнула в ответ. Комок в горле не давал ей говорить. Чтобы скрыть смятение, она повернулась и поспешила по дорожке к дому. Она чувствовала на себе его взгляд, но ни разу не обернулась.

Майкл стоял и смотрел ей вслед. Одно, по крайней мере, он добился. Воспоминание о Леке-Леке больше не мучило ее.

Виктория сдержала слово. Наташа вышла из бара, унося в кулачке две ампулы и два разовых шприца. Менстроген. Сделано в Великобритании.

— Нет результата через неделю, уколоть еще раз, — сказала Виктория в свойственной ей лаконичной манере.

Вторая ампула не понадобилась. Результат не заставил себя долго ждать. Лола слегка воспряла духом.

Они очень сблизились за эти дни. Все свободное время проводили вместе, часами

болтали обо всем на свете, ходили в кино, даже ужины стали готовить на двоих.

Наташе было очень интересно с ней. Лола раскрывала ей такие стороны жизни, о которых Наташа знала лишь понаслышке.

Всего в жизни Лола привыкла добиваться сама. Ее семья жила в Новгороде. Отец, механик на автобазе, частенько ударялся в запой, и тогда жизнь в доме превращалась в сущий ад. Мать рано постарела и поблекла от каждодневной тяжелой борьбы за существование. Глядя на них, Лола еще в детстве решила, что у нее все будет иначе. А так как характера ей было не занимать, она медленно, но неуклонно двигалась к намеченной цели.

Она единственная в семье закончила десятилетку, и не просто так, а с отличием. Отец, будучи в подпитии, издевался над ней как мог, называл не иначе, как «профессором», рвал тетрадки, но в глубине души уважал за упорство. Мать только вздыхала. Она куда больше порадовалась бы, если бы ее Лолита, как все девочки ее возраста, ходила на танцы, завивала волосы и вообще старалась заполучить достойного мужа. Чего еще добиваться женщине?

Но Лола твердо знала, что ей нужно. Она обрезала волосы, укоротила имя и ограничила свой и без того небогатый гардероб школьной формой и серым шерстяным платьицем на выход «в люди». И училась, училась, училась, в точности следуя совету бабушки Ленина.

Ее мечтой был Ленинградский университет. Факультет не имел значения, но на меньшее, чем универ, она не была согласна. Она знала, что на поездку нужны деньги, и немалые, и что на родителей рассчитывать бесполезно. Им самим бы выжить. Чтобы заработать, она давала платные уроки отстающим школьникам, а по ночам вязала жакеты на заказ.

Ей удалось скопить фантастическую сумму, двести пятьдесят рублей. Если не шиковать, а она и не знала толком, что это значит, то можно прожить на них долго-долго.

Все было готово, и Лола отправилась завоевывать северную столицу. На время экзаменов она остановилась у тетки своей школьной подруги, которая сразу же намекнула ей, что за дармовое жилье тоже надо платить, и постепенно переложила на ее плечи всю работу по дому. Лола убирала, мыла полы, стирала, гладила и закупала продукты. Но это ее ничуть не огорчало. Работы она не боялась.

Хуже было с универом. Когда она в первый раз пришла туда, то сразу потерялась в толпе по-столичному разряженной и беззаботной молодежи. Она показалась себе провинциальной серой мышкой, опрометчиво высунувшейся из своей темной норки на свет. Ее трезвый, острый ум подсказывал, что такими, как они, она все равно не станет, как ни старайся. Утица должна быть серая, любила повторять ее мать, имея в виду, что женщине подобает быть скромной и незаметной. Лола понимала это несколько иначе: нужно всегда оставаться самой собой, и тогда тебя заметят.

Факультет африканистики она выбрала сразу, из чисто эмоциональных соображений. Африка — это где всегда светит солнце и ходят веселые чернокожие люди в ярких развевающихся одеждах. Африка — это где бананы и ананасы падают прямо на голову. Наконец, это просто далеко от Новгорода, от серого холодного неба и вечно пьяного отца. Она не задумывалась над тем, как попадет туда. Главное поступить, а остальное приложится.

Но ей не повезло. Она срезалась, несмотря на золотую медаль, а может быть, и из-за нее. В универе недолюбливали провинциальных медалистов.

Лоле пришлось еще сильнее затянуть пояс, но это ее несколько не смутило. Она

сняла комнату недалеко от универа и устроилась работать почтальоном. Выбор был просто идеальный: масса свободного времени и чаевые за доставку на дом. Она занималась как безумная, познакомилась кое с кем из студентов и по их читательским билетам проходила в университетскую библиотеку. Ее новые друзья даже водили ее собой на лекции самого знаменитого африканиста Питера, профессора Ольдерогге.

Господь благоволит к тем, кто помогает себе сам На следующий год она поступила. Дальше все пошло как по маслу: стипендия, общага, веселая студенческая вольница. Но Лола ни на минуту не забывала о том кто она и откуда. Ей нельзя было расслабляться, ведь она сама за себя. Скоро она стала секретарем комсомольской организации факультета, а закончила универ кандидатом в члены КПСС.

Впрочем, Лола никогда не питала никаких иллюзий на этот счет и с известной долей цинизма называла свою членскую карточку «хлебной», в узком кругу, конечно. Зато это помогло ей обойти нескольких претендентов на должность переводчика на строительстве в Нигерии, несмотря на то, что английский она знала не ахти.

Для нее Африка стала долгожданной наградой за годы лишений и каторжного труда, и она собиралась использовать этот счастливый шанс на полную катушку. А тут еще появился Франко, беззаботный, порхающий мотылек с вечной белозубой улыбкой и танцующей походкой. Она вбила себе в голову, что это ее приз, который во что бы то ни стало надо завоевать. Может быть, впервые в жизни она почувствовала себя женщиной, попыталась применить чисто бабьи уловки, поставила все на кон и... проиграла.

Но поражение свое Лола восприняла достойно. Тот истерический срыв, свидетельницей которого невольно стала Наташа, был первым и последним. Слишком туго затянутая пружина со стоном раскрутилась и свернулась вновь как ни в чем не бывало. Лола умела держать удар. Не впервой.

— А ты бы уехала с ним, если бы он... — Наташа замялась, поняв, что ступила на зыбкую почву.

В этот вечер они ужинали у Наташи, дегустировали изобретенное ею блюдо — фаршированную рисом папайю с подливкой. Лола положила себе еще одну порцию и вдохнула напоенный специями аромат.

— М-м-м, потрясающе. Чего от тебя не ожидала, так это кулинарных талантов. Знаешь, что я о тебе подумала, когда увидела первый раз? — Она лукаво посмотрела на Наташу.

— Что?

— Классическая цыпочка, белоручка, которая ничего в этой жизни не умеет.

— Я действительно мало что умею.

— Не прибедняйся. Какой укол мне вкатила! Я даже не почувствовала. Так что тебя интересует? — помолчав, спросила она. Наташа не ответила. Она уже жалела, что завела этот разговор. — Ты хотела спросить, уехала бы я с Франко, если бы он захотел на мне жениться, так ведь?

— Да. Ты можешь не отвечать, если не хочешь.

— Почему? Тебе отвечу. Уехала бы, не задумываясь.

— Но ведь это было бы навсегда, — заволновалась Наташа. — Ты никогда не смогла бы вернуться домой.

— А что я там забыла? — Лола с аппетитом принялась за папайю.

Наташа опешила. Такого ответа она не ожидала.

— Ну как же, семья, друзья...

— Ты еще скажи — Родина, — фыркнула Лола.

— Можно и так сказать, только слово такое затертое. Свой город, например, Новгород.

— Дыра!

— Ладно, Ленинград.

— Уважающие себя люди зовут его Питер.

— Хорошо. Ты только представь себе, что не забредешь просто так на Мойку, не прогуляешься по Таврическому саду.

— В Италии садов навалом и климат куда лучше.

— А я бы не смогла, — задумчиво произнесла Наташа.

— Смогла бы, если б влюбилась. Скажи, ну что тебя там держит?

— Все. Там мои корни. Слишком большая была бы потеря.

— Чепуха!

Наташа долго еще вспоминала об этом разговоре. Все дело в том, что у Лолы никогда не было нормальной семьи, а у нее была и есть. Лола всегда стремилась убежать из дома и забыть о нем, как о кошмарном сне, а Наташа наоборот. В ее доме было тепло и свет, там люди понимали и поддерживали друг друга. Она вспомнила о Майкле и ощутила укол в сердце. Он бы понравился маме, если бы... если бы только... И тогда не было бы бессонных ночей, терзаний и угрызений совести.

Чтобы отвлечься, Наташа принялась переводить свои мысли на английский язык, вернее, думать по-английски, чтобы попрактиковаться в сослагательном наклонении. Если бы...

— Налей-ка еще! — Марина Марчукова махнула рукой в сторону стола, где одиноко красовалась недопитая бутылка джина. — Эй, Марчуков, не прикидывайся глухим и обслужи женщину!

Она была уже здорово пьяна. Опухшие глазки сузились в щелочки и совсем утонули в складках щек. На лице застыла бессмысленная улыбка. Иннокентий побаивался ее в таком состоянии, поскольку никогда не знал, чем это может кончиться. Напившись, она могла попросту отрубиться там же, где и пила, и это было далеко не худшее из зол. Иногда ее тянуло на сексуальные подвиги и общество мужа не удовлетворяло.

Они были женаты уже почти десять лет, он смирился с неизбежным и научился в такие минуты просто исчезать, чтобы совсем не потерять лицо.

Ее отец был крупной шишкой в Союзнефтегазстрое, и его участие в карьере Иннокентия стоило слишком дорого, чтобы не закрывать глаза на «мелкие» шалости его единственной дочери.

Он до сих пор помнил, как это было в первый раз. Вскоре после свадьбы они устроили вечеринку для его институтских друзей. Все уже основательно перепились и, разбившись на парочки и притушив где можно свет, разбрелись по укромным уголкам, благо во внушительной квартире тестя таких уголков было предостаточно.

Иннокентий, пошатываясь, шел в туалет и по дороге заглянул на кухню. Там было темно. Из угла раздавался шорох и тяжелое дыхание. Иннокентий нашарил рукой выключатель и от увиденного даже немного протрезвел.

На диванчике сидел, развалясь, его приятель Пашка. По его конопатому лицу бродила шальная, блаженная улыбка. Марина, в расстегнутой до пояса блузке, всю шуровала рукой у него в брюках.

Пашка весь как-то съежился под обалдевшим взглядом Иннокентия. Улыбка исчезла с лица, будто ее стерли мокрой тряпкой.

— Марчуков, debil хренов! — завопила, брызжа слюной, Марина. — Черт тебя прнес! У него же ни фи́га не стоит из-за тбя! Ты че здесь потерял?

— Я... в туалет... — промямлил потрясенный Иннокентий.

— Вот и иди. Там тебе щас самое место. — Марина вскочила, опрокинув табурет, затолкала обмякшего мужа в туалет и щелкнула задвижкой.

Он просидел там довольно долго, пока кто-то случайно не выпустил его. Марина мирно похрапывала на кухне. Пашки и след простыл.

Наутро она ничего не могла вспомнить и так бурно возмущалась, что разговора не получилось. Не получи лось его и на другой раз, и на третий, а потом Иннокентий понял, что плетью обуха не перешибеешь, и смирился.

Остатки джина перекечевали в стакан. Марина схватила его нетвердой рукой, расплескав половину. Она тупо смотрела на расплывающееся по юбке пятно.

— Ут зараза! — пробормотала она и залпом допила остальное.

Иннокентий тоскливо наблюдал за ней. По мере приближения тестя к пенсионному возрасту его все чаще посещали крамольные мысли. Завести себе блондиночку помоложе, снять ей квартиру в каком-нибудь укромном уголке Москвы и оттягиваться в обеденный перерыв. Дальше этого фантазия не шла. Он сознательно отложил это дело до возвращения в Москву, потому что на площадке все было слишком на виду, а двусмысленных и склизких ситуаций ему и с Мариной хватало. Кроме того, до приезда Наташи место сексапильной блондинки оставалось вакантным.

Ее появление на площадке противоречило всем законам разума. О чем только думали эти дармоеды-кадровики, когда оформляли ей документы, раздраженно думал Иннокентий. Прислать такую в мужской, изголодавшийся по женскому обществу коллектив все равно, что подложить бомбу замедленного действия. Он же видел, какими глазами неизменно провожали ее, как следили за каждым шагом. Взять хоть Володьку Дронова, ходит сам не свой, невооруженным взглядом видно. Так и пожирает ее глазами.

Да и он, Иннокентий, недалеко ушел. Словно вдруг материализовалась его мифическая блондинка. Скользит мимо, покачивая бедрами, а не ухватишь. Свихнуться можно.

Стук в дверь прервал течение его мыслей. Иннокентий дернулся к двери и приоткрыл ее, стараясь заслонить проем, чтобы не было видно развалившуюся в кресле Марину.

— Не маячь, Марчуков. Дай псмареть, кто пришел! — завопила она.

Иннокентий посторонился. В комнату вошел Садко. Белая футболка с эмблемой строительства туго обтягивала живот, бесформенные тренировочные брюки пузырились на коленях. Вопреки обыкновению, он был совершенно трезв.

Глаза его обежали комнату, на мгновение задержались на пустой бутылке на столе и с интересом остановились на Марине. Она сделала безуспешную попытку приподняться.

— Я тут играл с ребятами в домино под навесом. Заметил у вас свет. Дай, думаю, зайду, проведу старых друзей. — Он опустился на подставленный Иннокентием стул. — Что празднуем?

— Да так, — пробормотал Иннокентий. — Маленькое семейное торжество.

— Маленькое, значит. — Садко понимающе кивнул. — Не угостите?

— Конечно, конечно. — Иннокентий поспешил на кухню за новой бутылкой и стаканом.

Вернувшись, он заметил, что Садко передвинул стул и сидит теперь прямо напротив Марины, с удовольствием обозревая ее полные ляжки. Судя по игривому блеску в ее глазах, она поняла, куда именно он смотрит, и чуть шире раздвинула колени. «Сука, — подумал Иннокентий, — ненасытная сука. Готова лечь даже под этого обтерханного козла».

Он брякнул стакан на стол и принялся свинчивать пробку с бутылки. Марина медленно провела языком по губам.

— Пошел бы ты, что ли, пргуляцца. У нас с Николаем Прфиричем важный рзговор.

Садко поправил реденькие волосы и с видимым усилием оторвал глаза от ее ног.

— Останься, Кеша. Я ведь по делу. — Он выделил последнее слово. Означает ли это, что не «по делу» он уже здесь бывал?

Иннокентий разлил джин по стаканам и залпом выпил, не дожидаясь остальных. Прозрачная жидкость огнем опалила горло и разлилась по телу приятным теплом. А-а, не все ли равно!

— Одеколон, он и есть одеколон, — смачно выдохнув, сказал Садко. — То ли дело наша русская водочка! Закусь какая есть?

Иннокентий достал из холодильника уже нарезанный сыр и, недолго думая, вывалил его прямо на стол.

Садко взял кусок и мерно задвигал челюстями, желваки на щеках и даже уши пришли в движение.

— Какие новости?

Марина пошевелилась в кресле. Она сделала попытку положить ногу на ногу, но у нее ничего не вышло.

— Че-то было, а, Марчуков?

— Гафуров и Остапенко опять бегали к шуркам в деревню, — сказал Иннокентий.

— Откуда знаешь? — Глаза Садко цепко ощупали его лицо.

— Целков видел, как они возвращались. Еще хвастались потом под пальмуху.

— Сам-то небось не может, — заржал Садко. — Не зря фамилия такая. — Он довольнс потер руки. — Оч-чень хорошо. Списочки пересмотрим. А то они всю округу перетрахают. — Садко мечтательно прикрыл глаза. — Я все смотрю на эту козочку, дочку толстухи-барменши, и думаю, каково оно с черненькой-то, а?

— Не знаю. Не пробовал, — сухо ответил Иннокентий.

Садко, насупившись, посмотрел на него.

— То-то, смотри у меня. Если узнаю что, не посмотрю, что друг.

— Да что вы, Николай Порфирьевич! — воскликнул Иннокентий. — Вы же меня знаете. А про какое дело вы говорили? — поспешил он перевести разговор в более безопасное русло.

— Наталья эта у меня из головы нейдет. Не пойму я ее. Вроде все при ней. Я пока в домино играл, такого наслушался. Любой мужик, какого ни возьми, у всех на нее член стоит. Только свистни, очередь выстроится. И она вроде не затворница, ходит везде, улыбается, а дальше ни шагу. Не зацепиться. Я вот что подумал. — Он потер лысину, отчего волосы на затылке встали веером. — Может, вам, того, познакомиться с ней поближе, подружиться. В гости пригласить, поговорить по душам. Ей небось ску-у-ушно. Глядишь, и всплывет что.

— У нее же подруга есть, — неуверенно сказал Иннокентий.

— Эта, что ль? Не поймешь, то ли баба, то ли мужик. Что с нее взять? Дура душой.

— Не такая уж она и дура, — вставил Иннокентий.

— А ты меня не сбивай! Мне от подружки толку мало. То ли дело вы. Обласкали бы ее, подпоили, подсунули мужичка поспортивстее. Да что мне вас, учить, что ли? А нет, так я других найду, не проблема. И списочки заодно пересмотрим.

— Да че ты кобенишься, Марчуков, — невнятно проговорила Марина. — Сделаем.

— Вот и ладушки, — хлопнул себя по коленям Садко. — Наливай, что ли, еще по одной.

— В Ибадане заедешь сначала в наш дом, а потом уже в суд. — Первенцев, пыхтя, втиснулся в машину. — И поторопись. Не опоздать бы.

— Не беспокойтесь, Павел Иванович. В самый раз доедем. — Витек, личный шофер Первенцева, аккуратно захлопнул за ним дверцу и сел за руль, лихо подмигнув сидящей рядом с ним Наташе.

Наташа всегда садилась впереди, когда ездила с Первенцевым. Уж больно много его было, почти на все заднее сиденье. Она повернулась к нему.

— Павел Иванович, а в чем там, собственно, дело?

— Ты не в курсе?

— Только в общих чертах.

— Я и сам, честно говоря, не до конца разобрался. Времени не было. Марина Марчукова напутала и отдала письмо в отдел снабжения. Оно там провалялось сутки и только вчера попало ко мне. И по почте, видно, шло в три раза дольше, чем положено. Дело касается аренды дома в Ибадане. Этими вопросами у нас ведает Марчуков.

Наташа поежилась. Марчуковы в последнее время стали проявлять к ней повышенное внимание, что было странно и неприятно. Ей вовсе не хотелось общаться с ними, а резко отшивать людей она не умела. Приходилось отделяться неопределенностями, и от этого оставался неприятный осадок.

Наташа поймала себя на том, что отвлеклась. Первенцев тем временем продолжал:

— Мы там снимали дом, год или около того. Пока шли строительные работы. Три месяца назад этот участок закончили, рабочих перевели в Икороду, хозяина уведомили об окончании срока аренды.

— А письмо об этом сохранилось?

— В том-то и дело, что не было никакого письма. Завхоз ездил разбираться. Хозяин пришел, осмотрел дом и сказал, что претензий не имеет. Ему там оставили кое-что из мебели, то да се, даже радиомачту не стали демонтировать.

— А расписку с него взяли? — любопытствовала Наташа.

Первенцев с уважением посмотрел на нее.

— Завхозом, что ли, тебя назначить или домами заниматься вместо Марчукова. — Он вздохнул. — Не взяли расписки. Решили, что и на словах сгодится. Недодумали ребята, в первый раз все-таки. А я, уж на что тертый калач, не вник в это дело. Было кое-что поважнее.

— Не можете же вы, Павел Иванович, во все лично вникать, — заметил Витек, который, поняла Наташа, не пропускал ни одного слова из их разговора.

— Ты, Витя, лучше за дорогой следи, — с досадой отозвался Первенцев. — А контролировать такие вопросы должен. С меня весь спрос.

— Насколько я понимаю, хозяин подал на нас в суд. Чего же он добивается? — любопытствовала Наташа.

— Он заявляет, что договор аренды продолжает действовать, и требует оплаты за три

месяца плюс полный ремонт и еще кое-какие издержки. В общем, набегает кругленькая сумма. И никаких документов в нашу пользу. Даже то, что там осталась наша мебель и эта дурацкая мачта, свидетельствует против нас. Вроде как не съехали. Вот такая ситуация.

— Да-а-а, — протянула Наташа. — Ловко. Хитрый мошенник попался.

— А почему не пощипать дураков, если сами подставляются? — резонно заметил Первенцев. — Все, ребята. Тишина. Мне подумать надо.

Витек не обманул. Прошло чуть больше шести часов, как они въехали в Ибадан, столицу Западного штата. До начала судебного заседания оставалось около часа. Они успели перекусить по дороге и теперь направлялись к злополучному дому. Первенцев хотел своими глазами посмотреть, что там делается.

Ибадан был как две капли воды похож на Лагос, вернее, на большую его часть. Те же трущобы на окраинах, те же лавки, те же серые двухэтажные дома побогаче. Не хватало только роскошной набережной, международных отелей и влажного дыхания океана. Был здесь и свой аэропорт, и один из крупнейших в стране университетов.

Дом, который они искали, стоял на тихой улице в окружении таких же двухэтажных каменных домов. Обшарпанный желтый фасад, чахлая растительность вокруг. За домом одиноко торчала тонкая радиомачта.

— М-да, унылое зрелище. — Первенцев вышел из машины и сделал несколько взмахов руками, чтобы размяться. — Заходить не будем. И так все ясно. Теперь в суд! — скомандовал он Вите. — Доедешь до университетской больницы, потом по Парламент-роуд. Второй или третий поворот налево. На месте сориентируемся.

Несмотря на его уверенный тон, они изрядно поплутали. Когда Наташа и Первенцев вошли, в зале уже яблоку было негде упасть. Они с трудом протиснулись к задним рядам, где еще были свободные места. Наташа чувствовала на себе любопытные взгляды. Они были здесь единственными белыми.

Духота стояла страшная. Кондиционеров не было. Вентиляторы под потолком лениво гоняли густой, тяжелый воздух. Гул множества приглушенных голосов сливался с их мерным жужжанием.

На возвышении стояло кресло для судьи. Оно пока пустовало.

Чуть ниже сидели два секретаря. Справа и слева от судьи, на уровне пола, были сооружены две деревянные трибуны, видимо, для истцов и ответчиков.

— У тебя глаза получше, — прошептал Первенцев. — Посмотри, нет ли там стульев.

Наташа встала на цыпочки и взглянула вверх голов.

— Нет.

— Значит, придется стоять, — сокрушенно сказал Первенцев. — Да еще в такой духоте. Так и инфаркт схлопотать недолго.

Раздался стук деревянного молотка. Вокруг притихли. Судья прошел на свое место и тут же принялся обмахиваться папкой для бумаг. Ему тоже было жарко. Это был пожилой нигериец с изрядно поседевшими курчавыми волосами. Издали казалось, будто его голову щедро посыпали пеплом. Одет он был в национальный костюм, как и большинство в этом зале, что слегка разочаровало Наташу. Она почему-то ожидала увидеть черную мантию и пудренный парик.

Первенцев тронул ее за руку.

— Знаешь, как обращаться к судье?

— Знаю. Ваша честь.

— Верно. Откуда знаешь?

— Читала романы Эрла Стэнли Гарднера. Про адвоката Перри Мейсона. Там сплошные судебные разбирательства.

Первенцев кивнул и приложил палец к губам. Слушания начались. Они прождали еще добрых полтора часа, пока дело не дошло до них. Сначала разбирались мелкие вопросы: об украденной курице, о невыплаченном долге, о переносе забора на метр в глубь территории соседа и тому подобное.

Первенцев откровенно страдал. Он едва успевал стирать пот со лба. Под мышками расплылись темные пятна. Наташа забеспокоилась — выдержит ли он? Все-таки немолодой уже человек.

Тут судья застучал молоточком и громко, на весь зал произнес:

— Объявляется слушание дела о задержке во внесении арендной платы. Господин Лерой Эбохон, домовладелец, против русской строительной компании.

Пробираясь вперед вслед за Первенцевым, Наташа украдкой оглядывалась по сторонам. Все взгляды были устремлены на них: любопытные, недоумевающие, изредка враждебные.

Они заняли свое место. Напротив них, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стоял тучный нигериец средних лет с воинственно выпяченными губами. Он шумно дышал, раздувая широкие ноздри, вращал глазами и всем своим видом демонстрировал присутствующим возмущение неподобающим поведением белых людей. Рядом с ним примостился тощий молодой человек с хищным и юрким взглядом хорька.

— Господин Бабура, адвокат истца, представит нам это сложное и запутанное дело. Прошу вас. — Судья откинулся на спинку кресла и вновь принялся обмахиваться папкой.

— Ваша честь, — адвокат поклонился судье. — Вы совершенно справедливо назвали это дело сложным, хотя позиция моего клиента предельно ясна. В феврале 1979 года между моим клиентом и русской компанией был заключен договор об аренде принадлежащего ему дома по адресу Огунмола-стрит, 24. Срок аренды оговорен не был. В договор было включено условие, согласно которому арендатор, то есть русская сторона, обязуется в письменном виде уведомить моего клиента об истечении срока аренды за месяц, то есть за тридцать календарных дней. Вплоть до ноября 1979 года арендатор своевременно вносил плату за дом.

Первенцев сделал пометку в блокноте.

— И что же произошло в ноябре? — спросил судья.

— В начале ноября моего клиента посетил представитель русских и сообщил, что в доме временно, я подчеркиваю, временно никто жить не будет, однако о прекращении срока аренды и платежей ничего сказано не было. Все имущество арендатора, включая радиомачту, осталось на участке, принадлежащем моему клиенту. Соседи господина Эбохона присутствуют сейчас здесь и могут подтвердить мои слова.

— В этом нет необходимости, — произнес судья. — Ограничимся их письменным заявлением. Продолжайте, пожалуйста.

— Я уже почти закончил. В течение последующих трех месяцев мой клиент ждал выполнения арендатором своих обязательств, а именно выплаты аренды. Но этого не произошло. В течение этого срока господин Эбохон неоднократно пытался связаться с арендатором, но ответа не получил. Тогда он, разочарованный и возмущенный, обратился ко мне.

Адвокат еще раз поклонился, давая понять, что закончил.

— Но, насколько я понимаю, указанные вами в исковом заявлении три месяца еще не истекли, — заметил судья.

— Когда вступит в силу приговор, единственный возможный приговор, пройдет как раз три месяца с даты получения последней денежной суммы от ответчика, — не моргнув и глазом, выпалил адвокат.

Судья впервые за все время слушаний повернулся к Первенцеву и Наташе.

— Уважаемый ответчик отказался от услуг адвоката и намерен защищать себя сам. — Он пробежал глазами переданную ему распорядителем визитную карточку Первенцева, на которой Наташа успела написать и свою фамилию. — Господин... э-э-э... Пер... Пер... хм, коммерческий директор, и госпожа Натали, переводчик.

Наташа уткнулась глазами в бумаги, избегая глядеть на судью, чтобы не дай Бог не расхохотаться. Он явно перенапрягся, пытаясь выговорить фамилию Первенцева, и с ее собственной экспериментировать не стал.

Первенцев откашлялся и заговорил. Наташа громко и четко переводила, стараясь ничего не упустить.

— Ваша честь, я буду краток. Все изложенное адвокатом уважаемого истца, вплоть до ноября прошлого года, соответствует действительности, за одним маленьким, но существенным исключением. В договоре аренды, подписанном обеими сторонами в феврале 1979 года, отсутствуют слова «в письменном виде». Вы сами можете в этом убедиться. Оригинал договора у меня с собой.

— Я уже имел возможность ознакомиться с договором, — возразил судья. — И должен сказать, что эти слова там есть.

— И все же позвольте мне ознакомить Вашу честь с моим экземпляром. — Первенцев подозвал распорядителя и передал ему договор. — Обратите внимание на собственноручные подписи сторон на каждой странице и отсутствие вставок и исправлений в третьем пункте второй статьи, в котором как раз и говорится об интересующем нас предмете.

Судья быстро пробежал глазами нужную страницу, перевел взгляд на лежащий рядом документ и еле заметно насупился. Однако это не укрылось от внимания адвоката. Он занервничал.

— У белых всегда много денег, — воскликнул он, от волнения забыв добавить «ваша честь». — Они привозят хитроумные копировальные машины, которые могут подделать все, что угодно.

В зале зашумели. Судья нетерпеливо застучал молоточком.

— Я, кажется, не давал вам слово, — бросил он адвокату.

— Поэтому можно с уверенностью утверждать, — продолжал Первенцев, — что речь идет об устном уведомлении, которое и было сделано моим представителем в начале ноября, а именно в четверг, третьего числа. Наша компания выполняет заказ Нигерийской национальной нефтяной корпорации на строительство нефтепровода. К ноябрю участок нефтепровода, проходящий по территории Западного штата, был в основном закончен, и мы уведомили господина Эбохона, что с декабря месяца договор аренды прекращает действовать.

— В таком случае, почему вы оставили в доме все свое имущество? — поинтересовался судья.

— И радиомачту, — вставил адвокат.

— Не все, а только часть имущества была нами оставлена по договоренности с

хозяином дома.

— Это ложь! — завопил адвокат. — Зачем ему радиомачта?

В зале опять зашумели.

— Рошанз, гоу бэк ту Роша!^[9] — закричал кто-то.

Судья застучал молоточком. Постепенно крики стихли.

— Павел Иванович, а может быть, сказать им о национальных интересах, — шепнула Первенцеву Наташа.

— Скажи что-нибудь сама, — устало ответил он. Только сейчас Наташа заметила, как он бледен.

Она набрала в легкие побольше воздуха и, вздернув подбородок, повернулась к судье.

— Ваша честь, наши люди находятся здесь по договоренности с правительством Нигерии. Они работают на благо вашей страны и в интересах всего нигерийского народа. Развитие национальной экономики — ключ к решению таких серьезных проблем, как нищета и безработица. Без этого невозможно добиться реальной самостоятельности. И мы помогаем вам в этом.

Судья с интересом взглянул на нее. Его умные, усталые глаза лукаво блеснули.

— Следует ли вас понимать так, что вы делаете это бесплатно?

— Нет, конечно, — улыбнулась Наташа. — Но строительство нами ведется на льготных условиях. Любой ответственный сотрудник Национальной нефтяной корпорации подтвердит вам это.

— Не желают ли уважаемые стороны добавить что-либо по существу дела? — спросил судья и, не дожидаясь ответа, закончил: — Решение суда будет направлено вам в обусловленные законом сроки. В слушаниях объявляется перерыв на полчаса. — Он быстро встал и вышел из зала.

Адвокат истца, который так и не смог оставить за собой последнее слово, что-то возбужденно шептал на ухо своему клиенту. Так или иначе, но заседание суда было закрыто с совершенно непредсказуемым результатом.

Первенцев и Наташа не сразу разыскали на запруженной толпой площади свою машину. Витек мирно спал на заднем сиденье. Наташу всегда восхищала эта типичная черта всех шоферов — засыпать когда угодно и где угодно, лишь только выдастся свободная минутка.

Стук в стекло разбудил его. Он вскочил, протирая глаза.

— Поехали, Витя. — Первенцев выглядел совсем усталым и разбитым. — В следующий раз пошлю Иннокентия. Эти игры не для меня.

— Зря вы так, Павел Иванович, — убежденно сказала Наташа. — Вы были просто великолепны.

— Ты тоже неплохо выступила, — усмехнулся Первенцев. — Строительство нами ведется на льготных условиях. Любой подтвердит, — передразнил он ее. — Кто тебя научил так блефовать?

— Но мы же выиграли этот заказ на торгах, — возразила Наташа. — Значит, предложили самые выгодные условия.

— Это точно, дешевле ни у кого не было.

— Значит, я не так уж и соврала?

— Выходит, так, — согласился Первенцев.

— А когда придет решение суда?

— Не раньше, чем через неделю, а может, и того дольше. Здесь торопиться не любят.

Он умолк. Наташа свернулась калачиком на сиденье. Машину покачивало на ухабах. Убаюкивающе жужжал кондиционер. Она и сама не заметила, как заснула.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да, зря ты, Витя, не женат, — услышала она сквозь сон голос Первенцева. — Зря.

— Никак не найду подходящую девушку, Павел Иванович, — бойко, как пионер на линейке, отрапортовал тот.

— Все вы, нынешняя молодежь, тянете с этим делом. Вот и барышня наша тоже не замужем.

Наташа вынырнула из-за спинки сиденья и посмотрела на него веселыми зелеными глазами.

— Мне, Павел Иванович, торопиться некуда.

— Торопиться ей некуда. Потому и тощая такая. — Первенцев явно пребывал в благодушном настроении. — То ли дело моя Дарья Михайловна или Марина Марчукова. Как говорится, берешь в руки — маешь вещь. А какая тоненькая была, когда я за ней ухаживать начал, прямо тростиночка.

— Значит, вас тогда это не волновало, — ввернула Наташа.

— Нет. Влюблен был, как Ленский. Стихи писал. Все клумбы в Москве опустошил. Денег-то не было цветы покупать. Вот и разбойничал. Вспомнить стыдно.

— Так уж и стыдно? — не поверила Наташа.

— Один раз чуть в милицию не загремел. Какая-то бабка пристала, вцепилась в рукав, голосит, как иерихонская труба. Милицию, кричит, вызову. А мне в милицию никак нельзя. Я — секретарь комсомольской организации. Ну, я ей про любовь. Горю, мол, ясным пламенем, а на стипендию какие цветы, душа бы с телом не рассталась. Ох и расчувствовалась она. Даже обедом предлагала накормить.

Наташа расхохоталась. Витек хрюкнул в кулак.

— Вот до чего женщины нашего брата доводят, — важно изрек он.

— Зато какие воспоминания! — Наташа повернулась к Первенцеву. — Павел Иванович, я вот что подумала. Строительство уже в основном закончено. А куда подевалась вся техника?

— Стоит, родимая, на площадке в Икороду, за складами.

— И что с ней будет дальше?

— Пока не решили. Часть отправим в Союз, часть здесь оставим.

— А почему бы ее пока не пустить в оборот?

— То есть? — в голосе Первенцева послышалась заинтересованность.

— Сдавать напрокат. Тут поблизости много чего строят.

Первенцев задумчиво покрутил головой.

— Этот сектор рынка уже поделен между «Катерпиллером» и «Комацу»^[10].

— Поэтому наши ставки будут несколько ниже. И потом, мы им не конкуренты. Так, маленький локальный бизнес.

— Хм, интересно. Надо подумать. — Но по его лицу было видно, что решение уже принято. — Завтра дам тебе Витю, съездишь на «Катерпиллер», узнаешь, почем они сдают технику внаем.

Наташа ободряюще улыбнулась Вите. Каково услышать, что тебя кому-то дадут? Но он и ухом не повел. Привык, наверное.

— Ты знаешь, где это? — спросила она.

— Угу. Сто раз мимо проезжал. Огромное такое желтое здание. Если в Лагос ехать, то справа.

— Только не очень рано, а, Павел Иванович? Ведь полночь уже.

— Ладно, отсыпайся уж, бизнесменша. — Первенцев с хрустом потянулся. — Как собираешься добывать информацию?

— Скажу, что нам понадобились экскаваторы и бульдозеры и мы составляем конкурентный лист.

— Неплохо, неплохо вас в МГИМО учат. По-моему, ты в переводчиках не задержишься, — усмехнулся Первенцев.

Машина въехала на территорию площадки и притормозила у входа в офис.

— Я уж вылезать не буду, — сказал Первенцев, протягивая ей папку с бумагами. — Будь добра, обслужи старика, забрось это Иннокентию на стол. А Витюша меня до дома довезет.

— Конечно, Павел Иванович. — Наташа быстро выбралась из машины. — Так мы завтра с Витей часов в двенадцать, в полпервого поедем, да? Как раз застанем их тепленькими после ленча.

— В полпервого так в полпервого, — согласился Первенцев. Он так устал за этот бесконечный день, что не чаял поскорее добраться до кровати. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Наташа проводила глазами машину. Спать совсем не хотелось. Домой тоже. Она чувствовала себя в стенах своей комнаты, как в мышеловке.

Днем другое дело. Каждая минута заполнена работой, голосами и лицами людей. А ночью остается только один образ. Он уверенно расталкивает всех и воцаряется в ее мыслях. Майкл. Майкл Джонс.

От стены противоположного здания, где находился офис англичан, отделилась белая фигура. Еще до того, как она вышла на свет, Наташа поняла, кто это. Сердце бешено заколотилось, запрыгало в груди.

— Привет! — Голос его звучал спокойно и непринужденно, будто для него встреча в час ночи посреди уснувшей площадки была самым обычным делом. — Прыгай в машину. Я покажу тебе кое-что.

Наташа поспешила за ним, не задавая лишних вопросов, лишь украдкой оглядываясь по сторонам.

— Я проверял. Здесь никого нет.

«Такое впечатление, будто у него глаза на затылке», — подумала Наташа. Они выехали на дорогу, соблюдая все меры предосторожности, и помчались в сторону Лагоса.

— Расскажи, как ты нашел меня, — попросила Наташа.

Майкл на секунду оторвал взгляд от дороги.

— Все просто. Я безумно захотел тебя увидеть. Зашел в офис. Тебя не было. Тогда я, как опытный конспиратор, спросил Первенцева. Мне сказали, что он в Ибадане и вернется за полночь. В половине двенадцатого я пришел на наблюдательный пост. Вот и все.

— А если бы меня подвезли прямо к дому? — спросила Наташа.

— Этого не могло произойти. Я же ждал тебя. — В его голосе прозвучало столько уверенности, что она не выдержала и рассмеялась.

— Можешь смеяться сколько угодно. Главное — результат.

— А куда мы едем? — любопытствовала она.

— Сюрприз.

Через некоторое время из темноты вынырнул указатель «Аэропорт». Машина свернула и подъехала к высокому зданию, окруженному пальмами и цветущими кустами. Сияющая вывеска над входом гласила: «Отель «Мериленд».

Майкл заглушил мотор и помог Наташе выбраться из машины.

— Это и есть твой сюрприз?

Майкл кивнул и, подхватив под локоть, повлек к входу. В просторном холле, за стойкой регистрации, дремал дежурный.

— Поскольку его услуги нам не понадобятся, то мы не будем нарушать его сон, — заметил Майкл. — Хотя дрыхнуть в рабочее время, да еще в таком месте — верх безвкусицы.

Он провел ее в глубину холла. Из-за тяжелой деревянной двери приглушенно доносились звуки музыки.

— Бар «Мериленд». Работает круглосуточно. — Майкл отворил дверь и пропустил Наташу вперед.

В зале было совсем темно. Или не совсем. Вокруг разливался странный зеленоватый свет, даже не свет, а свечение. Наташа так и не смогла определить, откуда он исходит. Танцевальная площадка. Столики, полускрытые высокими спинками диванов. Темные силуэты официантов в ослепительных, фосфоресцирующих белых курточках.

Наташа повернулась к Майклу. Его белая рубашка тоже засветилась призрачной молочной голубизной.

— Что это?

— Не знаю, — пожал плечами Майкл. — Какой-то особый свет. Действует только на белое.

Наташа почувствовала на себе его смеющийся взгляд и заглянула в зеркальную панель стены. Так и есть. На ее темной фигуре мягко светились белые трусики. Майкл подошел сзади, его руки скользнули ей на талию. Дразнящий голос зашептал на ухо:

— Ну, как тебе мой сюрприз?

Наташа едва заметно придвинулась к нему, ровно настолько, чтобы ощутить неистовое биение его сердца.

— По-моему, сюрприз ты устроил себе.

— Это награда за то, что дал волю воображению. Наташа увидела его темную руку на светящемся треугольнике.

— Фантазии, иллюзии и грезы, — прошептал он. Наташа скорее почувствовала, чем увидела, что их взгляды скрестились в мерцающей мгле зеркала.

— Ты, как паук, опутываешь меня своей паутиной. А я вовсе не хочу в нее попасться.

— Самонадеянная муха! Ты уже попала, и тебе это нравится. Ты любишь играть с огнем.

— Может быть, но не настолько. Нет, не настолько, чтобы щеголять здесь в таком виде. Где дамская комната?

Майкл покачал головой.

— Это было бы слишком тривиально. Ситуация требует нестандартных решений.

Он предлагал ей рискованную игру. Будь на его месте любой другой человек, она, не задумываясь, потребовала бы отвезти себя домой. Но ей действительно нравилось играть с огнем, который он умело разжигал в ней.

Наташа решительно высвободилась и направилась к ближайшему столику. Она сыграет по его правилам. Сегодня для нее ничего невозможного нет.

Скользнув в дальний угол диванчика, она украдкой приподняла юбку, зацепила пальцем резинку трусиков и стянула вниз. Белое, сияющее облачко упало к ее ногам. Наташа помахала ими над головой. «Мой белый флаг, — подумала она. — Полная и безоговорочная капитуляция?».

Майкл потянулся к ней, но Наташа вовремя отдернула руку.

— Это мой трофей, — настойчиво сказал он. — И принадлежит мне по праву. — Наташа лишь качнула головой и спрятала трусики в сумочку. — Ты хоть знаешь, какой сегодня день?

— Четырнадцатое февраля.

— День святого Валентина. Праздник всех влюбленных.

— Да, да, припоминаю. Читала об этом где-то.

— Читала? А что, в России такого праздника нет?

— Нет. Праздника нет, но влюбленные есть.

— И у тебя тоже кто-то есть? — осторожно спросил Майкл. Наташа кивнула. — Это... серьезно?

— Не более серьезно, чем твоя знакомая в Лагосе. Кстати, она прислала тебе «валентинку»?

Майкл замялся. Он сегодня действительно получил послание от Кэрл, розовую открытку, разрисованную сердечками. У столика неожиданно материализовался официант.

— Два джина с ананасовым соком, — распорядился Майкл. Официант исчез.

— Странное сочетание, — заметила Наташа.

— Тебе понравится.

— Она ждала тебя сегодня?

— Не знаю. Наверное. — Майкл взял ее руку. — Мы не виделись с того самого вечера в Лагосе. Это было так давно. В другой жизни.

— Не говори больше ничего, — попросила Наташа. — Не надо. Это не имеет значения.

— Это действительно не имеет значения.

Наташа прикрыла глаза. Ощущение наготы под платьем было волнующе непривычным. Внутри все пульсировало, трепетало, конвульсивно сжималось. Наташа плотно сдвинула колени. «Я хочу его, — подумала она, замирая. — Господи, что же мне делать?»

«Эль амор», — запел по-испански хрипловатый голос. Эль амор. Любовь. Майкл сжал ее руки в своих больших ладонях. Ее пальцы дрогнули, ожили, словно вырвались из плена. От этого прикосновения будто электрическая искра проскочила между ними. Наташа качнулась к нему. Их губы встретились. Она почувствовала дразнящую ласку его языка и неуловимым кошачьим движением скользнула ему на колени. Руки обвили вокруг его шеи, пальцы судорожно вцепились в волосы на затылке, будто она боялась, что он вдруг исчезнет.

Поцелуи, жадные и неистовые, жгли его кожу. «Я изнемогаю, — кричало ее возбужденное тело. — Чего ж ты медлишь?!»

Она сидела на нем верхом, как наездница, широко расставив колени. Под нажимом его нетерпеливых рук юбка медленно поползла вверх, обнажая длинные, стройные ноги. Вышколенный официант неслышно поставил на стол два запотевших бокала и растворился во мраке. Даже если бы он грохнул эти бокалы об пол, они не услышали бы его.

Его пальцы добрались наконец до влажной трепещущей ложбинки между ног. Наташа содрогнулась всем телом, резко втянула в себя воздух, ее острые зубки впились в его губу. Но он не убрал руку. Ее бедра волнообразно закачались в такт его движениям.

— Наташа! — выдохнул Майкл. — Может, уйдем куда-нибудь? Не знаю, как ты, а я в такие минуты предпочитаю более уединенные места.

— Ах ты свинья! — Она снова куснула его, на этот раз за мочку уха. — Тебя послушать, так я — сексуальная маньячка и эксгибиционистка.

— Ты и то, и другое, и даже больше, — рассмеялся он. — Ты — моя женщина, и я увожу тебя отсюда.

Он не глядя бросил на стол пару банкнот и, обняв Наташу за плечи, повел к лифту.

В холле было пусто, даже дежурный за стойкой куда-то исчез. Они шагнули в зеркальную глубь лифта, серые металлические двери, еле слышно шурша, сдвинулись, кабина заскользила вверх. Они наконец-то были одни.

Мощная сила бросила их друг к другу. Множество отражений метнулись навстречу и сплелись в страстном объятии. Не отрываясь от его губ, Наташа пробежала пальцами по вздыбившейся ширинке на его брюках. Последнее, что успел сделать Майкл, прежде чем погрузиться в нее, раствориться в ней, это нажать кнопку «Стоп». Кабина лифта, дрогнув, зависла между этажами.

Дежурный в холле отеля в который раз набирал номер аварийной службы.

— Что они там, поумирали, что ли? — бурчал он себе под нос. Если он к утру не разберется с этим чертовым лифтом, то будут серьезные неприятности. С их менеджером шутки плохи. Круглосуточное обслуживание, европейское качество, один звонок — и все ваши проблемы решены. Ха-ха, очень смешно! Дрыхнут небось, как все, и во сне не видят, что у него лифт застрял между пятым и шестым этажами и уже полчаса ни туда, ни сюда.

Он раздраженно бросил трубку и посмотрел на табло. Вдруг лампочки ожили и замигали. Три, два, один. Интересно, кто там в такой поздний час.

Из кабины вышли двое. Он сразу узнал их: высокий мужчина и девушка с волосами цвета... цвета... Красивые, короче, волосы. Он ведь их заприметил, как только они появились. Еще подумал тогда, что повезло мужику, такую девушку отхватил. А что отхватил, в том сомнений нет. Они, как под стеклянным колпаком, ничего вокруг не замечают, идут себе рядышком, а чуть соприкоснутся плечами или рука руки коснется — искры летят. Он такое уже видел, когда его старший брат влюбился в Кики. Правда, у них все быстро кончилось. Брат как узнал, что она подрабатывает на панели, так сразу нанялся матросом на торговое судно, и вот уже почти год от него ни слуху, ни духу.

Парочка поравнялась с его стойкой. Одного взгляда на их лица, на припухшие губы девушки было достаточно, чтобы понять, чем они там занимались. Это ж надо! Трахались в лифте! Лучшего места для джиги джиги ^[11] просто не сыскать, там же все сплошь в зеркалах. Чума! Как же он сам до этого не додумался?

Мужчина заметил его озорной взгляд и подмигнул. На стойке как бы сами собой очутились две хрустящие бумажки. Парень быстро сгреб их рукой. Двадцать найр. Неплохой улов.

Поездка в «Катерпиллер» далась ей с трудом. Бурные события прошлой ночи лишней раз доказали ей, что ситуация безнадежно вышла из-под контроля. Это и будоражило, и пугало, все сразу. Впервые в жизни она оказалась всецело во власти мужчины. Один его взгляд, прикосновение руки — и она теряет голову, все благие намерения рассеиваются, как дым, остается лишь дикое, непреодолимое желание видеть, слышать, ощущать его.

Превыше всего Наташа всегда ценила свою свободу. Ее независимая натура болезненно реагировала на запреты и ограничения, порождая острое чувство протеста. Все ее существо восставало против сложившейся ситуации. Ей хотелось петь, кричать от счастья, возвестить всему свету о своей любви, а вместо этого она крадется в ночи, как последний воришка, шарахаясь от каждой тени, пугаясь малейшего шороха. Где взять силы, чтобы вынести все это?

Витек всю дорогу тараторил без умолку. Отводил душу. Наташа была благодарна ему за это. Не надо было поддерживать разговор. Она слушала его вполуха, изредка вставляя ничего не значащие междометия и рассеянно кивая. «Не думай ни о чем. Я найду тебя», — сказал ей на прощанье Майкл. Как она может не думать, если зеркала там, в лифте, еще хранят отражение их разгоряченных тел. Он унес с собой вчера ее трусики. «Моя валентинка», — сказал он. Понял ли он, что это больше, чем просто кусочек ткани, что это ключ от ее женской сути, который теперь в его руках. Понял ли? Конечно, понял. Он все понимает, он все знает о ней. Все.

По всему телу пробежал озноб. Наташа обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь.

— Тебе холодно? — спросил Витек. — Выключить кондиционер?

— Д-да.

— Чего ж ты сразу не сказала? Простудишься еще. — Он щелкнул переключателем. — Подхватить насморк в Африке — это надо суметь. — Он переключил скорость, поддал газу, и машина легко обошла впереди идущий грузовик. — Чего молчишь?

— Смотрю, как ты красиво управляешься с машиной, — ответила Наташа, чтобы хоть что-то сказать.

Витек довольно улыбнулся.

— Практика.

— А долго нужно упражняться, чтобы водить так, как ты?

— Как я, долго. Я ее чувствую, как себя.

— А я смогу так?

Витек окинул ее оценивающим взглядом.

— Не-а. Женщина за рулем — это особый случай.

— Научи меня.

— Что, прямо сейчас?

— А зачем откладывать? Время есть. Или ты торопишься?

— Да нет.

Они поменялись местами. Витек объяснил ей, как переключать скорости. Машина тронулась.

— Газуй! — скомандовал он. — Врубай вторую. Да не так!

Его рука накрыла ее руку. Наташа заметила, что он не торопится ее убирать, и усмехнулась про себя. Лови момент, как говорится, может, что и обломится.

— Теперь тормози. — Педаль резко ушла в пол. — Эй, зачем так круто? Носы порасшибаем.

Витек проворно нырнул ей под ноги, положил руку на ступню и принялся показывать, как надо.

— Плавно, очень плавно. Вот так. Поняла?

— Поняла. Ты, Витя, по-моему, слишком увлекся. Мог бы и на словах объяснить.

— А я чего, я ничего. — Весь всклокоченный и красный, Витек выбрался из-под приборной панели, стукнулся обо что-то головой и, потирая ушибленное место, уселся рядом. — Я только того, показать...

— Угу, а потом и рассказать. Вечером. Приятелям.

— Ты чего, Наташ, мы же друзья.

— Друзья, как же. Будто я не знаю, как вы девушкам косточки перемываете. Разве нет?

Витек вспыхнул, как морковка. Не далее, как вчера вечером, он в подробностях рассказывал ребятам, как она заснула в машине по дороге из Ибадана, как он ненароком трогал ее за голые коленки, какие они шелковистые на ощупь. А если сверху заглянуть за вырез платья, там та-а-акие грудки, закачаешься! Так и просятся в руки. Если бы не Паша на заднем сиденье, ей-Богу бы трахнул. Главное, она сама ничуть не против, по глазам видно.

Витек вспомнил горящие глаза приятелей, свой собственный кайф от рассказа, и ему стало стыдно. Откуда она узнала? Наташа, прищурившись, смотрела на него. Неплохой, в общем-то, паренек, не потерял еще способности смущаться и краснеть.

— Ладно, проехали, — сказала Наташа, решив, что с него на сегодня хватит. — Ты только знай, что мне неприятны все эти толки и пересуды.

— Да я... я... — забормотал Витек. — Я, Наташ, любому за тебя морду набью.

— Ну, спасибо. Буду знать, к кому обратиться в случае чего.

— Тобой Садко очень интересуется, — выпалил вдруг Витек. Наташа сделала вид, что пропустила его слова мимо ушей, хотя они неприятно царапнули слух. — Слышишь? Правду говорю. Все выпрашивает, где ты бываешь да с кем.

— У него работа такая, — небрежно ответила Наташа. — Давай лучше продолжим урок. Покажи, как ездить назад.

Витек принялся объяснять. Они еще немного потренировали задний ход и повороты, но мысли Наташи были далеко. Снова и снова она мысленно возвращалась к тому, что сказал ей Витек. Она, кажется, начинала понимать, чем вызвано неожиданное дружелюбие Марчуковых.

Наташа просунула голову в дверь кабинета Первенцева.

— Павел Иванович! Мы вернулись. Все в порядке, — выпалила она и только тут заметила, что он не один. В кабинете, кроме Первенцева, были Джек Мартин, глава представительства «ЭНКО» и Володя Дронов. Наташа попятилась. — Извините, я, кажется не вовремя.

— В самый раз. Заходи, мы уже закончили. — Первенцев указал ей на стул рядом с собой.

Мартин стремительно повернулся к ней. Глаза заблестели, все лицо пошло складочками, как всегда, когда он улыбался. Ему уже было здорово за пятьдесят, но живости его движений мог бы позавидовать и тридцатилетний.

— Наташа, у меня сегодня необыкновенный день. Жена приехала. — Лицо его так сияло, что Наташа невольно улыбнулась в ответ. Ни дать ни взять — влюбленный школьник. — Мы бы хотели всех вас пригласить к себе на небольшой фуршет. Сегодня, в восемь.

Наташа вопросительно посмотрела на Первенцева. Тот кивнул.

Причина восторженного состояния Джека Мартина стала понятной, как только они переступили порог его квартиры. Рядом с ним стояла очень эффектная молодая дама, лет

тридцати, не более, будто сошедшая с обложки модного журнала. Узкое, облегчающее платье подчеркивало гибкую, тонкую фигуру. Ноги, казалось, росли прямо от остреньких ключиц. Рыжеватые волосы скручены в большой пучок на затылке. Томный взгляд серых глаз из-под полуопущенных век. Длинные пальцы небрежно сжимали костяной мундштук с дымящейся сигаретой. Умело подкрашенные губы еле заметно улыбались. Она была похожа на статуэтку, выполненную тонким резцом мастера.

— Господин Первенцев, познакомьтесь, моя жена Сьюзен. — Мартин обнял ее за талию и слегка подтолкнул вперед. Он едва доставал головой ей до плеча.

— Очень рад. — Тонкая рука женщины утонула в квадратной ладони Первенцева. — К сожалению, Дарья Михайловна не сможет прийти. У нее мигрень разыгралась.

— Как жаль! — Короткий взмах темных ресниц. — Я так хотела познакомиться с ней.

— Убежден, что случай еще представится. Вы же только что приехали. Надолго к нам?

— Не думаю. Дней на десять, не больше.

— Что так?

— У Сьюзен контракт с модельным домом Мери Квант, — вмешался Мартин. — Она ведь у меня манекенщица. Еле вырвалась. Познакомься, дорогая. Это Наташа, наша лучшая переводчица. С ее приездом я стал гораздо лучше понимать наших русских друзей.

— Спасибо. — Наташа, улыбаясь, покачала головой. — Не верьте ему. Джек ужасный льстец.

— Не говорите так. Он мне много рассказывал о вас.

— И когда он только успел? Ой, — спохватилась Наташа. — Я забыла представить вам моего друга и коллегу Владимира Дронова.

— Владимир, — нараспев проговорила Сьюзен. — Так, кажется, звали Ленина.

— Совершенно верно. — Володя приосанился. — Но меня назвали в честь другого Владимира, князя. Он ввел христианство на Руси.

— В переводе с русского Владимир означает что-то вроде «повелитель мира», — вставила Наташа. — Аналог французского имени Раймонд.

— Какая прелесть! — проворковала Сьюзен.

— Сью, по-моему, настало время что-нибудь выпить. — Мартин сделал широкий приглашающий жест рукой. — Прошу в гостиную. Для вас, господин Первенцев, я специально заморозил бутылку отличной русской водки.

Сьюзен подхватила Первенцева под локоть и повлекла за собой в комнату.

— Закрой рот, Раймонд, — шепнула Наташа Володе. — Муха залетит.

— Но каков старикан! — возбужденно проговорил Володя. — И как он, интересно, ее заполучил?

— Спроси у него. Впрочем, не советую. Можешь как минимум лишиться скальпа. Невосполнимая по...

Голос ее пресекался. Слова застряли в горле. На диване, влоборота к двери, сидел Майкл и увлеченно о чем-то беседовал с Иннокентием Марчуковым. Марина сидела рядом с ними, курила и явно скучала. Ее изучающий взгляд остановился на Наташе.

— ...теря. — Наташа заставила себя улыбнуться ей и присела рядом с Первенцевым. Не стоит забывать, что она здесь на работе.

Наташа огляделась. Все знакомые лица. Кроме Первенцева, Володи и Марчуковых, здесь были еще несколько англичан, инженеров из «ЭНКО». Сьюзен разносила напитки.

— К сожалению, господин Поздняк не смог прийти, — сказал Мартин. —

Задерживается допоздна в Лагосе. Мы тут со Сьюзен вспоминали наш визит в Москву. Незабываемые впечатления, верно, дорогая?

— О чем это ты? — Сьюзен склонилась к нему. Браслеты на тонких запястьях мелодично звякнули.

— Вспоминаю поездку в Москву.

— О, это было великолепно. Мы жили в гостинице «Метрополь». Там подавали блины с икрой. Я просто не могла оторваться. Поправилась на два килограмма.

— Блины? — переспросила Наташа.

— Да, да, блины. Национальное русское блюдо. Я тогда сразу поняла, почему у многих русских женщин проблемы с весом.

«Да уж, на английской пище не растолстеешь», — подумала Наташа.

— Мы ходили гулять в сад около Кремля. Забыл, как он называется.

— Александровский сад.

— Конечно, как я мог забыть. Алек-санд-ровский, — старательно выговорил Мартин. — Мы там еще познакомились с одной очень милой пожилой дамой. Она отлично говорила по-английски. Столько всего рассказывала о Москве. Я помню, как меня поразила эта история про царя Ивана. Он велел ослепить авторов собора Василия на Красной площади, чтобы они нигде не смогли повторить это чудо. Похоже, в России государи безжалостны к творцам.

— Государи всегда безжалостны и эгоистичны, — заметил Первенцев. — И Россия не была исключением.

Мартин искоса посмотрел на него и, видимо, решил не развивать эту тему.

— Мы еще были в Большом театре. Плисецкая в «Кармен-сюите» была просто изумительна. Сьюзен долго не могла успокоиться. Все танцевала в номере перед зеркалом. Помнишь, дорогая?

Сьюзен прищелкнула пальцами на испанский манер.

— Еще бы! Кстати, неплохая мысль — потанцевать.

Она включила магнитофон.

— Где вы живете в Москве? — спросил Мартин у Первенцева.

— На Кутузовском проспекте. Как раз напротив дома, где живет семья Брежнева, — не без гордости ответил тот. — Давайте договоримся, что в ваш следующий приезд вы обедаете у нас.

— Ловлю вас на слове, — потирая руки, сказал Мартин.

Краем глаза Наташа заметила, что Майкл встал и направился к ним. «Он хочет пригласить меня», — с ужасом подумала Наташа и почувствовала, что краснеет. Он с ума сошел. Смятение охватило ее. Ей и без этого стоило гигантских усилий сохранять спокойствие.

Она повернулась к Мартину.

— А вы... э-э-э... где живете в Лондоне? — спросила она, запинаясь и проклиная свой предательский румянец.

— Недалеко от Гайд-парка. Недавно купили там очень миленький домик. — Он пристально взглянул на нее. — Вам жарко?

— Н-нет, — пролепетала она. — Просто ваш рассказ о Москве взволновал меня. Я, оказывается, здорово соскучилась по дому.

— Разрешите? — раздался у нее над ухом голос Майкла.

У Наташи похолодели ладони. Она подняла голову. Он протягивал руку Сьюзен.

— Разрешите?

Сьюзен кокетливо взмахнула ресницами и, опершись на его руку, встала.

— Уже соскучилась? — хохотнул Первенцев. — А что же будет через год?

— Не знаю, — неуверенно ответила Наташа. — Если не погибну от тоски, то, наверное, привыкну.

Она исподволь наблюдала за танцующими. Они великолепно смотрелись вместе, оба высокие, стройные. Сьюзен, как нежный стебелек, грациозно покачивалась в его сильных объятиях. Майкл что-то тихо говорил ей на ухо. Она улыбалась.

Наташа почувствовала укол ревности и, чтобы ненароком не выдать себя, отвернулась. Тут только она заметила, что не у нее одной танцующая пара вызывает острый интерес. Джек Мартин смотрел на них, не отрываясь, и в его глазах Наташа прочла такую щемящую тревогу, что ей даже стало жаль его. Ей вдруг открылось, каково быть стареющим мужем молодой красивой женщины. Не каждому дано достойно вынести это бремя.

Наташа знала, что у Джека есть взрослая дочь. Значит, была жена, семья, общие интересы, тревоги и радости, а потом развод, терзания, это грациозное существо, которое отныне именовалось «миссис Мартин», счастье и смятение в глазах. Он, видно, очень сильно любил ее, если решился на такой рискованный шаг.

Тут зазвучало великолепное, жгучее аргентинское танго. Мартин восторженно.

— Моя музыка, — сказал он Первенцеву и с надеждой взглянул на Сьюзен, но та продолжала танцевать с Майклом.

— К сожалению, современные молодые девушки не умеют танцевать танго, — промолвил он, пытаясь скрыть разочарование.

— Я умею, — сказала Наташа. — Немного. Попробуем?

— С удовольствием. Вы не возражаете? — спросил Мартин у Первенцева.

— Танцуйте, танцуйте, а я посмотрю.

Мартин склонился перед ней в поклоне, Наташа церемонно положила руку ему на плечо, и они заскользили по комнате. Он начал с простых па, как бы прислушиваясь к ней, потом уверенно закружил ее, заставляя выделять замысловатые пируэты. Она легко следовала за ним, слившись с музыкой, безоглядно отдавшись ее волшебным чарам.

Все притихли и заворуженно наблюдали за ними. Даже Сьюзен с Майклом перестали танцевать.

Джек крепче обхватил ее за талию и заставил изогнуться так, что голова ее почти коснулась пола. Раздались оглушительные аплодисменты. Джек повел ее к креслу.

— Вы великолепно танцуете, Наташа, — сказал он, целуя ей руку. — Признайтесь, вы специально учились.

— Ничего подобного. Все дело в вас. С вами, Джек, любая затанцует.

— Не скромничайте. Не выйдет.

К ним подбежала Сьюзен.

— Это было великолепно, Джек. Почему ты до сих пор скрывал от меня свои таланты?

— Должна же быть в человеке какая-то тайна. — Он улыбался, как триумфатор. Глаза сияли торжеством.

— Ты научишь меня танцевать танго?

— Конечно, дорогая.

Наташа взглянула на Майкла, так, вскользь, как бы случайно. Ну, может же она хотя бы посмотреть в его сторону! Это был опрометчивый шаг. Она поймала на себе его взгляд, тот

самый, единственный, предназначенный ей и только ей. Легкое пламя свечи, колеблющееся на ветру.

— Наташа, — Первенцев тронул ее за руку. — Скажи господину Мартину, что я восхищен. Он делает честь нашему поколению.

— Сразу после войны в Сохо открылся дансинг. Так и назывался, «Танго». Это позже все с ума сошли по рок-н-роллу. — Мартин зажмурился от удовольствия и помешал пальцем лед в стакане. — А тогда мы целыми вечерами пропадали в «Танго». Там такие были мастера, не нам чета. Волшебное было время.

— Все дело не во времени, а в нас, — вздохнул Первенцев. — Мы были молодыми, и уже одно это кажется сейчас чудом. Ни головокружения, ни одышки. Если сердце заколет, то только от любви. Сказка, да и только! Неужели вы думаете, что будь нам сейчас по двадцать лет, мы бы меньше наслаждались жизнью, чем тогда?

— Пожалуй, вы правы, — согласился Мартин.

Расходились за полночь. Марина Марчукова подхватила Наташу под руку.

— Не слабая вышла вечеринка, — хихикнула она. — Здорово ты утерла Мартышке нос.

— Кому? — Наташа сделала вид, что не поняла, о ком идет речь.

— Ну, Мартиновой жене.

— Не понимаю, о чем ты.

— Так уж и не понимаешь! После вашего танго она прям как сдулась. А то ходила этаким павлином, хвостом крутила. Подумаешь, манекенщица! — Марина фыркнула. — Доска доской, ухватиться не за что.

— Ну, это ты зря! По-моему, она очень красивая.

Помолчали. Наташе не терпелось поскорее избавиться от нее, но Марина крепко держала ее за локоть.

— А как тебе Майкл Джонс? — спросила вдруг она, испытующе глядя на Наташу.

«Что это, — насторожившись, подумала та, — удар вслепую или...»

— Потрясающий мужчина, — продолжала между тем Марина. — Я от него просто балдею.

— Хорош, не спорю. Но слишком хорошо это знает. На мой вкус, конечно.

Она осторожно подбирала слова, стараясь одновременно, чтобы ответ ее прозвучал как можно небрежнее. Похоже, ей это удалось.

Марина потеряла интерес к этой теме.

— Давай зайдем к нам. Выпьем на сон грядущий, поболтаем, А то ты у нас ни разу не была. Прям как не своя, ей-Богу.

— Как-нибудь в другой раз. Поздно уже.

Тут их догнали Иннокентий и Володя.

— Марчуков, хоть ты ее уговори. Приглашаю к нам, а она все отказывается. Пойдем, Володя, посидим, отведем душу в своей компании.

— А что? Время детское. — Похоже, Володе эта идея понравилась.

Наташа покачала головой.

— Да ладно тебе ломаться, Наташ, — подал голос Иннокентий. — Все тебя просят. — Он решительно взял ее под руку и только что не потащил за собой.

Наташа резко дернула рукой и высвободилась. Их бесцеремонный напор возмутил ее. Еще больше ее взбесила пассивная позиция Володи.

— Вовик, — взвизгнула Марина. — Будь мужчиной! Подействуй на нее.

— Ну, Вовик, — ядовито процедила Наташа. — Что же ты стоишь? Подействуй на меня как-нибудь.

Он посмотрел на нее исподлобья.

— Не заводитесь, ребята. — Он шагнул и встал между ней и Марчуковыми. — Завтра все-таки на работу. Пойдем, я провожу тебя домой.

Этой ночью Леке-Леке опять явился к ней. Но на этот раз страха не было, лишь невидимая ледяная рука обхватила и стиснула сердце. Неподвижными, широко открытыми глазами всматривалась она в его темный силуэт, и лишь одна мысль билась в мозгу: явь или сон, сон или явь?

— Зачем ты приходишь ко мне? Зачем?

Огромным усилием воли она выпихнула эти слова из схваченного спазмой горла.

— Эгун вошел в меня. — Голос Леке-Леке звучал глухо, как отдаленные раскаты грома. — Мои глаза видят ясно. Придет белая женщина с волосами цвета луны. Джелеле, мать-прародительница. Мое семя взрастет в ее чреве. Родится сын, великий повелитель народа йоруба. Так говорят духи.

— Эта женщина — не я, не я, — она едва шевелила онемевшими губами.

Оглушительный хохот был ей ответом. В налетевшем вихре фигура Леке-Леке заколебалась, заклубилась и растаяла, только ужасный смех эхом отдавался в ушах.

Едва опомнившись, Наташа схватила с тумбочки карандаш и записала на первом попавшемся листке: «Эгун и Джелеле», два странных слова, два имени, непостижимым образом вошедших вдруг в ее жизнь.

В эту ночь она так и не сомкнула глаз.

Наутро она первым делом отправилась разыскивать Лолу. Та сидела, согнувшись в три погибели, за своим рабочим столом и прилежно корпела над каким-то объемистым переводом.

— Лола, — позвала Наташа. — Можно тебя на минуточку?

Лола выпрямилась и с хрустом потянулась.

— С удовольствием разомну свои старые кости. Поверишь ли, второй день бьюсь над этой хреновиной и никак не могу врубиться, что это я такое перевожу. Какой-то навороченный распредщит для насосной станции. А ведь есть же, есть умные люди, для которых это настольная книга.

— Я даже знаю некоторых из них, — подхватил Наташа. — Посмотришь на них — простые смертные, а копни поглубже — сплошь зензубели и шерхебели.

— Кончай ругаться!

— И не думала даже. Это какие-то инструменты. Остается только выяснить, какие именно. Но это не к спеху. Взгляни-ка. Это тебе ни о чем не говорит?

Она протянула Лоле бумажку.

— Эгун и Джелеле, — прочла Лола. — Что-то до боли знакомое, но никак не соображу что.

— Ты уверена, что встречала раньше именно эти имена?

— Абсолютно. Но это не имена, а скорее символы. Что-то связанное с культовыми верованиями африканцев. Эх, жаль здесь нет дедушки Ольдерогге. Он бы живо тебе все расписал.

— И чему вас только в университете учили?

— Полегче на поворотах, красавица! Знаешь, сколько в Африке племен? Сотни, и у каждого свои покровители. А зачем это тебе?

— Долгая история. Потом как-нибудь расскажу. Главное, что это не плод моей фантазии.

— Когда я собиралась ехать в Нигерию, то полистала кое-какую литературу. Заходи в обед, вместе пороемся в моих бумажках. Может, что и всплывет.

Наташа еле-еле дождалась обеденного перерыва. Они перекусили на скорую руку, потом Лола достала наполовину исписанную толстую тетрадь и принялась перелистывать страницы.

— Я поначалу, как приехала, записывала разные интересные вещи. Вздумала набрать материалов для диссертации. А потом бросила, текучка заела, да и лень-матушка тут как тут. Зря, конечно, надо будет продолжить. Вот, слушай. «Пришествие духа смерти. Эгун, дух усопших царей и вождей, приходит на Землю, чтобы помочь людям. Он вселяется в своего сына, Эгунгуна, который одновременно принадлежит и к царству мертвых, и к миру живых. Эгунгун является личностью неприкосновенной, ибо вещает от имени Эгуна. Особый праздник, ритуальные танцы, костюм красного цвета, поскольку йоруба верят, что красный цвет отгоняет злых духов». Не густо, но хоть что-то.

— Вполне достаточно. А про Желеде есть что-нибудь?

— Погоди. Ага, вот. «Желеде — культ матери-прародительницы и вообще всех матерей. Считается, что Желеде помогает в родах, исцеляет больных, приносит обильный урожай». Все. А теперь объясни наконец, зачем тебе все это. Ведь не из простого любопытства, правда?

— Если бы, — вздохнула Наташа и рассказала ей все про свои ночные кошмары, про Леке-Леке и странные приступы удушья, которыми сопровождается каждое его появление.

— Мне так страшно, Лола, просто не передать словами. Все так реально, что я уже не верю, что это простой сон.

Лола задумчиво потерла рукой лоб.

— А ты уверена, что никто тебе об этом не рассказывал? А остальное — просто игра воображения.

— Я уже думала об этом. Точно тебе говорю, никто.

— Странно, странно. А когда у тебя все это началось?

— В Лагосе. Я ночевала у своих посольских знакомых. Хотя, постой, конечно, это началось раньше. На следующий день после моего приезда. Мы с Володей застряли в пробке в Икороду, и мне вдруг стало плохо.

— Плохо?

— Ну да. Такое чувство, будто воздух вдруг сгустился и стало нечем дышать. Я, кажется, здорово тогда напугала Володю. Он даже отпаивал меня водой.

— Да Бог с ним, с Володей! Что еще ты помнишь?

— Ничего.

— Сосредоточься. Подумай. Ты сидишь в машине. Тебе душно. Ты открываешь окно?

Наташа закрыла глаза и мысленно перенеслась в тот день. Сердце запрыгало где-то у горла.

— Ты смотришь в окно? Что ты видишь?

— Глаза, красные глаза. Они глядят прямо на меня. И ожерелье из когтей. Глаза,

ожерелье, глаза.

— Что с тобой? Очнись! — Лола затрясла ее за плечи. Наташа уставилась на нее. Лоле стало не по себе. Остановившийся взгляд, расширенные зрачки, побелевшие губы.

— Что, что? Говори!

— Леке-Леке. Я узнала его.

— Ты хочешь сказать, что видела его там, в Икороду?

— Да. — Наташа кивнула. Во рту пересохло, язык прилип к гортани. — Дай, пожалуйста, попить.

Лола принесла ей стакан колы и уселась рядом.

— Ты что-нибудь слышала про вуду? — спросила она.

— Африканская черная магия?

— Что-то в этом роде. Здесь полно колдунов. Может, этот твой Леке-Леке один из них. Увидел тебя и... — она замаялась, подбирая подходящее слово, — и загипнотизировал, что ли. Так, слегка.

— Ничего себе слегка, — Наташа побелела, как полотно.

— Ты только не паникуй. Все обойдется.

— Каким образом? Он же сказал, что я должна родить ему сына.

— Скорее всего он передает тебе свои мысли и сокровенные желания. Но он же не Господь Бог. Насколько я помню, непорочное зачатие имело место всего один раз и при нескольких других обстоятельствах. Леке-Леке этого не осилить.

Наташа улыбнулась и благодарно взглянула на подругу. Каким-то непостижимым образом ей удалось слегка развеять ее мрачные мысли.

— Лолка, ну и юмор у тебя!

— Какой есть. Ты, самое главное, не бойся. Живи, как жила. А еще лучше, влюбись в кого-нибудь. Он и отвалит.

Я уже влюбилась, — чуть не сказала Наташа, но сдержалась. Не то чтобы она не доверяла подруге, нет. Просто сама в себе еще не разобралась.

Весь остаток дня Наташа провела за расчетами. Первенцев, похоже, всерьез решил разнообразить ее работу.

— Ты придумала, ты делай, — сказал он ей. — Посоветуйся с Кешей, привлеки ребят из отдела техобслуживания. Узнай в бухгалтерии зарплату машиниста экскаватора. Короче, действуй. Окончательный вариант должен быть готов не позже вторника.

— Надо еще учесть расходы на рекламу.

— Конечно. Подключи к этому делу Бамиделе. Заодно узнай у него, не требуется ли разрешение местных властей.

Бамиделе наняли недавно, когда парламент Нигерии принял закон об обязательной регистрации рабочих и служащих всех иностранных фирм, работающих в стране. Похоже, у него были неплохие связи в местных коридорах власти, и он довольно быстро провернул оформление всех необходимых документов, включая вид на жительство. Кроме того, он занимался регистрацией транспортных средств в полиции Икороду и выдачей водительских прав.

Это был тощий, неопределенного возраста нигериец с коротко остриженной узкой головой. Говорил на неплохом английском, всегда тихо и вкрадливо. Блестящие навывкате глаза и манера быстро-быстро потирать сухонькие ручки делали его похожим на муху.

В его присутствии Наташа неизменно ощущала смутное беспокойство, которое никак не могла объяснить. Наверное, все дело было в том, что, разговаривая, он старался не встречаться с ней взглядом, но стоило ей отвернуться, и она спиной чувствовала, что он смотрит на нее, как ловец, притаившийся в засаде.

Теперь ей предстояло работать с ним, и нельзя сказать, что ее радовала подобная перспектива. Точно так же, как и мысль о том, что придется просить о помощи Иннокентия.

Та памятная стычка после вечеринки у Мартина добавила напряженности в их и без того непростые отношения. Нокси вел себя крайне высокомерно и явно не собирался облегчать ей поставленную задачу. Впрочем, иного она и не ждала.

Наташа твердо решила, что справится со всем сама. К концу рабочего дня она уже собрала все необходимые исходные данные. На первый взгляд выходило, что экскаваторы можно будет сдавать в аренду процентов на тридцать-сорок дешевле, чем «Катерпиллер». Уже неплохо, хотя окончательные цифры наверняка придется скорректировать.

Решив, что на сегодня хватит, Наташа засобиравалась домой. Как всегда под вечер в пятницу, настроение у всех было расслабленное. Кое-кто даже ухитрился улизнуть пораньше. Из посольства обещали привезти какой-то новый фильм, а так как с развлечениями было негусто, все только об этом и говорили и с нетерпением дожидались вечера.

Наташа убирала бумаги в стол, когда в комнату стремительно вошел Майкл.

Быстрая улыбка, вопросительно приподнятые брови. Наташа повела подбородком в сторону соседней комнаты, где шуршал бумажками Иннокентий. Майкл среагировал молниеносно.

— Добрый вечер, Наташа! Как хорошо, что я вас застал. — Он заглянул в дверь смежной комнаты. — Привет, Нокси! Что-то ты сегодня припозднился. Я по пути заглянул к Марине. Она уже ушла.

Появился Иннокентий, как всегда бережно неся перед собой пухлое брюшко.

— А-а, Майкл. Рад тебя видеть. Заходи.

— Я на минуту. Господин Первенцев в понедельник едет в корпорацию на переговоры по претензиям. Я подготовил для него кое-какие дополнительные расчеты. Хочу попросить Наташу перевести.

— Дай я посмотрю.

Не обращая внимания на протянутую руку Иннокентия, Майкл шагнул к Наташе и передал ей несколько сколотых скрепкой листков.

Она быстро взяла их. Неловкое движение — и бумаги, рассыпавшись, порхнули под стол.

— Какая я недотепа, — виновато сказала Наташа, собрала их и принялась перелистывать.

Маленький клочок бумаги остался лежать на полу. На всякий случай Наташа незаметно наступила на него ногой.

— Ого, да тут на целую диссертацию хватит. — Она надула губки. — Пропало мое кино.

— Там в основном цифры. Переводить надо только пояснения, — заметил Майкл, борясь с желанием расцеловать эти капризные, причудливо изогнутые губы. — В любом случае, встреча назначена на час дня. Если прийти в понедельник пораньше, то можно успеть.

Наташа встала и передала бумаги Иннокентию.

— Что с вами делать, переведу, конечно, — со вздохом сказала она. — Может быть, даже сегодня, но попозже.

Воспользовавшись тем, что Иннокентий уткнулся носом в документы, она достала из-под стола бумажку, спрятала в сумочку и вышла.

«Стоянка. 9.30». Наташа еще раз перечитала записку, прежде чем спустить ее в унитаз. И тут же пожалела об этом. Надо было сохранить ее, чтобы через много лет, уже в другой жизни, случайно найти, прочесть и вспомнить все. Африку, Майкла, их тайные встречи, их запретную любовь, случайный подарок судьбы.

Он будет ждать ее в половину десятого на стоянке машин. Они снова уедут куда-нибудь и на несколько коротких часов почувствуют себя свободными. Ради этой свободы они готовы притворяться, лицедействовать, лгать; все, что угодно, лишь бы уберечь ее. Скольким любовникам до них приходилось делать то же самое! Вокруг всегда слишком много недобрых глаз, завистливых душ, грязных рук.

Любовь — красота, а красота будоражит, раздражает, лишает покоя. Всегда найдется кто-то, кто захочет посадить ее на цепь, а если не получится, то смять и растоптать. «Красота спасет мир». Эффектная фраза, не более. Она, может, и спасла бы, да кто ж ей позволит!

Невеселые ее мысли прервал нерешительный, какой-то даже извиняющийся стук в дверь. Открывать не хотелось. А с другой стороны, куда денешься, свет же горит.

Наташа машинально поправила волосы.

— Войдите! Не заперто.

Володя. Топчется на пороге, смущенно теребя усики. И куда только подевались его легкие, непринужденные манеры.

— Привет, Вовик! Заходи, не стой так.

Он опустил на стул.

— Я тебе кое-что принес. Возвращался из Лагоса и по дороге вспомнил о твоём новом задании.

Он вытащил из кармана листок с цифрами.

— Ставки «Комацу» по аренде бульдозеров. Пригодятся?

— Еще как. Спасибо. А я уж думала в понедельник просить у Первенцева машину чтобы туда съездить.

— Получается что-нибудь?

— Похоже на то. С экскаваторами вчерне разобралась. Думаю, выйдет процентов тридцать экономии.

— Даже так.

— Угу. Осталось выяснить у Бамиделе возможные расходы на рекламу.

— Где думаешь рекламировать?

Наташа пожала плечами.

— Пока не знаю. В какой-нибудь местной газете, наверное. Бамиделе подскажет.

— Да, мужик деловой. Знает здесь все ходы-выходы. Я как вспомню, как права получал, в дрожь бросает. Год назад это было, он еще у нас не работал. Мурыжили меня, как котенка. Раз десять в полицию ездил. То одного нет, то другого, то ответственный инспектор на похоронах бабушки, то бланков нет. С ног сбился, пока понял, что именно от меня требуется.

— Деньги? — догадалась Наташа.

— Точно. — Володя соорудил хитрую гримасу. — Видишь, какая ты сообразительная. Почти ползарплаты отдал, правда, компенсировали потом. Я же не столько для себя, сколько для дела. Водителей тогда не хватало. А теперь — живи и радуйся. Один раз съездил, откатал, а на следующий день тебе Бамиделе уже корочки привозит.

— Что, просто так, без взятки?

— Э-э нет. Здесь без взятки не бывает. Но, заметь, — он поднял вверх указательный палец. — Почти в два раза дешевле, да срочность, да сервис. Прямая выгода. Тут и заплатить не жаль.

— У нас в институте были курсы вождения, — сказала Наташа. — Бесплатные. До сих пор не могу себе простить, что проморгала.

— Тебе бы пошло водить, — заметил Володя.

— Может быть, но голова была другим занята.

— Чем, если не секрет? Мальчишками?

— Не попал. Языки учила, а еще мы устраивали классные вечера.

— Вот-вот. Значит, все-таки попал.

— Не совсем то, что ты думаешь. Капустники, сценки, один раз даже пьесу на английском написали. Я там пела.

— Да ну! Значит, мы одного поля ягоды. Я тоже, когда учился в «керосинке», в рок-группе на гитаре играл. Вся кодла на ушах стояла, когда мы выдавали «Сетисфекшн».

— Здорово! А гитара у тебя есть?

— Здесь? Нет. В Москве оставил. Думал, брат без меня научится, но он по другой части. Свихнут на физике, да и медведь на ухо наступил.

— Жаль, а то бы спели вместе.

— Не проблема. Всегда можно у ребят взять. Давай завтра, после пляжа.

«Стоянка. 9.30». Наташа украдкой взглянула на часы.

— Я не поеду.

— Что так?

— Отсыпаться буду. Мне сегодня еще работать. Срочный перевод нарисовался.

— Давай я тебе помогу. Вдвоем быстрее выйдет.

— Нет, спасибо, — быстро ответила Наташа. — Я люблю работать одна.

Володя сразу сник.

— Как хочешь, а то я с удовольствием.

— Нет, нет, я правда сама. — Глядя на его понурое лицо, она почувствовала что-то вроде угрызений совести. — Знаешь, что я подумала. На Восьмое марта наверняка будут устраивать что-нибудь вроде концерта. Давай подготовим песню и споем под гитару.

Володя оживился. Даже глаза заблестели.

— Шикарная мысль. Что бы такое выбрать?

— Подумаем. Время еще есть. Ой, — она посмотрела на часы, на этот раз не таясь. — Десятый час. Бега, кино началось.

— А ты? Может, ну его, этот твой перевод?

— Нет, труба зовет. Пока.

— Пока.

Оставшись одна, Наташа улыбнулась своим мыслям. Труба зовет. Еще как зовет. Майкл, наверное, уже там. Ждет ее.

Вот будет номер, если Володя вдруг вздумает прийти в офис и проведать ее. От этой

мысли у нее похолодели ладони. Нет, нет, ведь у пьяных и влюбленных есть свой ангел-хранитель. Кто-то очень наблюдательный давным-давно подметил это.

Володя с трудом разыскал свободное место и плюхнулся на скамью рядом с Лолой.

— Полегче, медведь, — прошептала она. — Все ноги отдавил.

— Извини, я хоть и медведь, а в темноте не вижу. Давно началось?

— Минут двадцать. Слушай, ты к Наташе не заходил? Мы с ней разминулись.

— Заходил. Она не придет. Переводит что-то срочное.

— Надо же, совсем заработалась девушка. Надо будет к ней заглянуть после кино, узнать, будить ее завтра на пляж или как.

— Или как. Я спрашивал, сказала, не поедет.

— Все равно надо ее проведать, в качестве товарищеской заботы.

— Тише вы, — раздраженно прошипели сзади. — Не наговорились, что ли, за день? Смотреть мешаете.

Машина стремительно неслась в сторону Лагоса. Наташа поудобнее устроилась на сиденье и, включив радио, закрутила ручку настройки. Выезд с площадки прошел без сучка, без задоринки, и она постепенно начала успокаиваться. Мысль о Володе отползла куда-то в дальние закоулки сознания и на время затихла. Сейчас весь ее мир был надежно заключен в покачивающемся корпусе машины. Только она и Майкл, одни на целом свете. Все прочее осталось в темноте позади, куда уносятся сверкающие вывески бензоколонок и ночных супермаркетов, отблески костров на обочине и ломаные силуэты пальм.

Из динамика неслись обрывки мелодий, отточенные голоса дикторов, зазывные рекламные песенки.

— Драйв ё мото джа-джа, ога драйва! Текси-драйва, мейк ю ноу килл ёселф!^[12] — пропел густой баритон. — Ога-о! Драйв ё мото...

Майкл рассмеялся и сделал погромче.

— Знаешь, о чем он?

— Примерно догадываюсь, хотя до конца понять трудно.

— Великолепный образец местного пиджин-инглиш^[13]. В каждой англоговорящей стране он свой. Наверное, ни один язык в мире не претерпел столько искажений, как английский.

— Мне нравится, как вы, англичане, относитесь к этому, — сказала Наташа.

— Как?

— Невозмутимо, как, впрочем, и ко всему остальному.

— Поверхностное наблюдение, — заметил Майкл. — Просто мы хорошо умеем скрывать свои чувства.

— Прославленная английская сдержанность, — подколола его Наташа. — Снаружи айсберг, внутри вулкан.

Майкл и бровью не повел.

— Так и есть. Надеюсь, что еще не раз заставлю тебя убедиться в этом.

— Ловлю тебя на слове, — улыбнулась Наташа. — Нет, правда; французы, например, очень болезненно реагируют на ошибки и всегда дают тебе это понять. А от англичан или американцев только и слышишь: «Как прекрасно вы говорите по-английски!»

— Но ты действительно говоришь великолепно.

— Я не о себе. Я в этом смысле скорее исключение, чем правило.

— И еще воплощение скромности.

— Скромность не всегда украшает, — парировала Наташа. — Какой смысл отрицать очевидное. Кстати, я знаю еще один язык, который тоже коверкают все, кому не лень. Русский.

— И как же к этому относятся сами русские?

— Спокойно. И с юмором. Так что это была за песенка?

— Предупреждение водителям, чтобы осмотрительнее вели себя на дороге. «Джа-джа» на йоруба значит «осторожно». Крутят по всем каналам с утра до вечера. На мой взгляд, пустая трата времени. Но сам факт заботы о человеке вызывает уважение.

Наташа снова принялась крутить ручку.

— Ищешь что-нибудь?

— Так, кручу наугад. Вдруг попадется.

— Что именно?

— Тогда в баре... э-э... в «Мериленде». — Наташа вдруг смутилась. Слишком много воспоминаний было связано с этим словом. — Там играли одну песню, на испанском. Я испанского не знаю, поэтому разобрала только одно слово — эль амор.

— Эль амор. Любовь. — Майкл помолчал. — Значит, ты запомнила. Это лишний раз доказывает, что мы с тобой существуем на одной волне.

Он повернулся и посмотрел на нее. Она твердо выдержала его взгляд. Ее лицо загадочно белело в темноте.

— Это был Хулио Иглесиас. Испанец. Новый Хампердинк, сладкоголосый соловей и кумир женщин. Очень модный сейчас человек. Неужели ты о нем не слышала?

Наташа покачала головой.

— До нас эта информация доходит через третьи руки и очень не скоро. А ты, я вижу, увлекаешься современной музыкой.

— Как раз нет. Предпочитаю классику. Но Иглесиас испанец, а я к Испании равнодушен.

— Синдром Хемингуэя?

— Можно и так сказать. Тебе не нравится?

— Да нет, ничего.

— Вот погоди, надменная леди, я отвезу тебя в Памплону на фиесту. Посмотрим, что ты тогда скажешь.

— Ну конечно, в Памплону, куда же еще! Только я не Брет Эшли^[14], мне не понравится коррида.

— Никогда не отказывайся от новых впечатлений. Это обогащает, — наставительно сказал Майкл.

— Очень умно!

— Это не я сказал, а Ретт Батлер. И, между прочим, правильно сказал. Кто знает, вдруг в тебе дремлет зверь, жаждущий крови.

— Нет, я — член общества охраны животных.

— Там об этом как-то не думаешь.

Он сбросил скорость и резко вывернул руль. Машина запрыгала по гравию подъездной дорожки и остановилась у высоких ворот. За бетонным забором белел невысокий двухэтажный дом, полускрытый разросшимися деревьями. Откуда-то доносился рокот океана.

— Где мы? — почему-то шепотом спросила Наташа.

— В конце нашего путешествия.

Наташа удивленно посмотрела на него.

— Это — наше пристанище на ближайшие два дня. Я его снял на уик-энд. Так что добро пожаловать. — Он всмотрелся в ее лицо. — Ты не рада?

— Я не могу отсутствовать целых два дня. Меня будут искать.

— Будем считать, что я тебя похитил.

Он выбрался из машины и пошел открывать ворота. Наташа, не долго думая, пересела на его место. Сиденье еще хранило тепло его тела. Ключ торчал в зажигании. Пора проверить, не пропали ли зря уроки последних дней. Она решительно повернула ключ.

Мотор ожил и утробно заурчал. Майкл еле успел отскочить в сторону. Машина просвистела мимо него и встала как вкопанная перед ступеньками входа.

Наташа наблюдала в зеркальце заднего вида, как он закрывает ворота. Руки слегка дрожали, сердце стучало. Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Напряжение потихоньку уходило.

Майкл распахнул дверцу и наклонился к ней. Наташа почувствовала его дыхание на своем лице.

— Ну и напугала же ты меня. Я...

Она не дала ему договорить. Подавшись вперед, прижалась губами к его губам. Недосказанные слова так и остались недосказанными.

Майкл с трудом оторвался от нее.

— Пойдем, я покажу тебе дом.

— Не сейчас. Сначала сходим к океану.

Наташа оперлась на его руку, и они пошли по тропинке туда, где волны разбивались о берег.

Луна уже взошла и призрачным светом озаряла все вокруг. Ее серебряный лик загадочно смотрел на них с высоты.

Тропинка вывела к пляжу. Наташа скинула босоножки и с наслаждением погрузила ступни в песок.

— Он еще теплый. Так и ластится.

Майкл последовал ее примеру, и они побрели вдоль кромки воды. Волны с шипением выплескивались на берег, обвивали их ноги и ускользали обратно. Ветер теребил волосы Наташи, сплетал и вновь расплетал, играя.

Берег, насколько хватало глаз, был погружен во тьму. Ни огонька, ни звука. Никаких признаков человеческого жилья. Только плеск волн да шепот ветра в ветвях.

— Мы здесь совсем одни?

— Как видишь. Это — наш необитаемый остров. Ночь — наше время суток. Я еще ни разу не видел тебя днем. Может быть, днем ты просто исчезаешь? Наташа, царица ночи с волосами цвета луны.

Наташа вздрогнула. Джелеле, прародительница. Белая женщина с волосами цвета луны.

— Пожалуйста, никогда больше не говори так.

— Почему?

— Просто не говори, и все. Давай вернемся.

Темнота вдруг показалась зловещей. Луна холодно и безразлично взглянула на нее и померкла, закутавшись в набежавшие облака. Наташа поежилась.

— Тебе холодно?

— Немного.

Майкл обнял ее за плечи и слегка прижал к себе.

— Ничего не бойся, когда я с тобой, — шепнул он ей на ухо.

— Я не боюсь.

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

— Нет. — Наташа покачала головой. — Должен же ты хоть раз увидеть меня при свете утра.

Они расположились в гостиной на первом этаже, прямо на ковре. Свежее дыхание океана волновало легкие занавески. Полукруглые стеклянные двери были распахнуты навстречу ветру, напоенному запахом соли, водорослей, остывающего песка, и от этого казалось, что дом этот уже не дом, а корабль. Вот-вот снимется с якоря и заплывет на волнах.

Майкл заботливо усадил ее на ковер и скрылся на кухне. Наташа услышала стук открываемого холодильника.

— Тебе помочь?

— Ни в коем случае. Я сейчас.

Не прошло и пяти минут, как он появился в дверях с огромным подносом на одной руке. Не без изящества балансируя им, он подошел и опустился на ковер рядом с ней.

Чего там только не было! Куриные грудки с ананасами, креветки под соусом карри, французский сыр и внушительная бутылка шампанского, покрытая бисеринками влаги.

— Все бы хорошо, но я не подумал о бокалах, — сокрушенно сказал Майкл. — Такое шампанское надо пить из высокого янтарного стекла, которое поет при каждом прикосновении. А у меня только пластиковые стаканчики.

— Также не помешало бы белое кружевное платье, широкополая шляпа с лентами и белый смокинг, — подхватила Наташа. — И сверкающий «Роллс» вместо твоей колываги. Да и домик плоховат, мог бы быть и побольше.

— Ты права, — усмехнулся Майкл. — Будем попроще. В этом тоже есть своя прелесть.

— Иногда.

— И как раз сегодня.

— Да, сегодня. Я уже почувствовала это.

— Зато еда превосходная. — Майкл подцепил на вилку кусочек курицы и ломтик ананаса, протянул Наташе. — Попробуй.

— Удивительное сочетание. Никогда ничего подобного не ела.

— Это из индийского ресторана. Называется салат по-хайдарабадски.

Майкл хлопнул пробкой. Пенная струя вырвалась на волю и, искрясь, хлынула в стаканы.

— Ты, я вижу, очень основательно подготовился к сегодняшнему вечеру.

— Ты ожидала другого?

— Я вообще ничего не ожидала. Каждая наша встреча — неожиданный подарок.

— Вот и тост родился. — Майкл потянулся к ней стаканом. — Чтобы все наши встречи всегда были неожиданным подарком.

Наташа прикоснулась к его стакану своим.

— Нежный звон хрусталя, — прокомментировал он. — Придется озвучивать наши

ТОСТЫ.

— Давай не будем их произносить. — Наташа пригубила шампанское. Оно приятно покалывало язык.

— Как же так? Я всегда был свято уверен, что русские без тостов не пьют.

— Это правда, но пусть сегодняшняя вечер будет исключением.

— Как хочешь. Я просто подумал, что мне стоит потренироваться перед встречей с твоей семьей. Ведь когда-нибудь ты представишь меня своим родным. Я должен быть к этому готов.

Наташа молча посмотрела на него. Он не мог бы сказать, что в этот момент выражали ее глаза. Мерцающая глубь, вечная загадка женщины.

— Не дразни меня, Майкл, — тихо попросила она. — Не надо. Я и так изо всех сил стараюсь не думать о будущем.

— Я тоже до недавнего времени не думал. Теперь все изменилось. Я хочу об этом думать, не могу не думать.

— Не надо, — повторила она. — Будем жить сегодняшним днем, как две бабочки, и радоваться каждому солнечному лучу, каждой минуте, которую судьба нам подарит, чтобы быть вместе. И довольно об этом.

— Но не можем же мы вечно прятаться! Мой контракт скоро закончится, и мы уедем вместе. Осталось всего полгода.

Наташа печально покачала головой.

— Что это значит? Ты не поедешь со мной?

— Нет. Я не могу так играть судьбой своих родных.

— Ничего себе игра! — взорвался Майкл. — Ты что, не видишь, что мы созданы друг для друга. Ты еще не успеваешь подумать о чем-то, а я уже знаю, что это. Я чувствую тебя каждой клеточкой своего тела, каждой жилочкой. Думаешь, мы случайно встретились? Мы нашли друг друга, обрели наконец то, что всю жизнь искали. Только не говори мне, что это не так. Не поверю.

Наташа беспомощно сжала ладонями виски. «Господи, как больно! Умоляю, помоги, сделай так, чтобы не было так невыносимо больно!»

Майкл придвинулся, приподнял за подбородок ее лицо, заглянул в глаза. Наташа зажмурилась. Крошечная слеза, мерцающая, скользнула по щеке. Он прикоснулся к ней губами.

— Прости, что обрушил на тебя все это, — прошептал он.

— Ничего, все в порядке. Рано или поздно этот разговор должен был произойти. Только я не думала, что сегодня.

— Забудь об этом. Ты права. Будем жить, как бабочки.

Майкл потянулся за бутылкой и наполнил стаканы, в основном для того, чтобы скрыть волнение. Он и половины не сказал из того, что с ним происходит. Например, что накануне вечером, перелистывая номер «Дейли телеграф» недельной давности, поймал себя на том, что изучает объявления о продаже домов, присматривается к фотографиям и всерьез раздумывает, какой из них приглянулся бы ей. Он не скажет ей об этом сегодня. Он и так слишком много уже сказал.

Они молча пили шампанское. Наташа положила голову ему на плечо, прислушиваясь к биению его сердца. «Как я могла жить, когда его не было рядом, — мелькнуло недоуменно у нее в мозгу. — Как я смогу... И смогу ли?»

Она подняла голову и посмотрела на его мужественный, четко очерченный профиль. Ее

так тянуло к нему. Когда они рядом, ничего больше не имеет значения.

— Майкл, — позвала она. — Отведи меня в постель.

Он взял ее руку, повернул ладонью кверху и поцеловал то место на запястье, где вилась тоненькая голубая жилочка.

Наташа повертела в руках щетку и задумчиво взгляделась в свое отражение в зеркале. В неверном свете зарождающегося утра ей виделось новое, незнакомое лицо, и оно было прекрасно. Под глазами залегли легкие тени, превратив их в два бездонных мерцающих озера. Волосы клубились вокруг побледневшего тонкого лица, как затейливая рамка старинного портрета.

Легкий ветерок всколыхнул занавески, коснулся прохладным крылом ее щеки. Она улыбнулась его ласковому прикосновению и тут заметила, что Майкл не спит, а, приподнявшись на локте, наблюдает за ней.

— Не двигайся, — сказал он тихо, предвосхищая ее движение.

Наташа замерла. Он подошел и вынул щетку из ее рук. Осторожно провел ею по волосам, еще и еще, с каждым разом все сильнее. Золотые змеистые пряди заструились между его пальцев. Наташа откинула назад голову и закрыла глаза. Упругое ритмичное прикосновение щетки убаюкивало, уносило куда-то на теплых ласковых волнах.

Майкл опустил на колени, спрятал лицо в ее волосах.

— Ты самое лучшее, что произошло со мной за всю мою жизнь, — услышала она его приглушенный голос.

— Не надо. Пожалуйста, не надо ничего говорить.

Он резко развернул ее к себе. Сильные пальцы так и впились в ее обнаженные плечи.

— Не надо? А что мне остается, кроме слов? Завтра я отвезу тебя обратно, мы снова будем встречаться, как чужие, и делать вид, что едва знакомы. Ты ставишь невыполнимые условия, Наташа.

— Я знаю. Прости меня. Я веду себя как законченная эгоистка. Может быть...

— Что?

— Может быть, нам лучше разом покончить с этим, пока еще возможно?

— А это... возможно?

— Кончай психовать, Володька. — Лола помешала ложечкой чай. — Завтра все выяснится, помани мое слово.

Они сидели за столом в ее комнате и в который раз обсуждали таинственное исчезновение Наташи. Они уже перебрали все возможные варианты, но картина от этого яснее не стала.

Володя порывался действовать, правда не зная точно, как, и Лоле стоило большого труда сдерживать его. Время шло, Наташа не появлялась. Лола все чаще мысленно возвращалась к ее рассказу о ночных посещениях Леке-Леке. А что, если все серьезнее, чем она думала? Она никак не могла решить, стоит ли рассказывать об этом Володе.

— Я тебя не понимаю, — говорил тем временем он. — Уже двое суток прошло с тех пор, как я видел ее в последний раз. Куда она могла запропасться?

Лола пожала плечами.

— Ты меня уже тысячу раз об этом спрашивал. Не знаю. Может, втихаря уехала к своим друзьям в Лагос.

— А почему втихаря?

— Ну откуда я знаю? Может, Первенцев ее не отпустил, а она все-таки улизнула.

Лола импровизировала на ходу, а на душе было беспокойно. Правильно ли она поступает? Может быть, давно пора поставить всех на уши? Но что-то удерживало ее.

— Допивай свой чай и топай домой. Утро вечера мудренее. И, ради Бога, кончай корчить из себя Ромео. Смотреть противно.

— А может, я действительно влюбился? — Володя воинственно выпятил челюсть.

— Вот именно, что может. Тут таких, как ты, десятка два, а то и больше. Дурь одна, — хмыкнула Лола. — В отпуск тебе пора, вот что я тебе скажу.

— И в кого ты такая умная?

— В маму с папой.

Где-то рядом приглушенно стукнула дверь. Они как по команде замолчали и прислушались. Тишина.

— Надо пойти посмотреть, кто это, — сказала Лола. — Может, Наташа вернулась. Подожди меня здесь.

— Нет. Я с тобой.

— Сиди, тебе говорят. — Лола пригвоздила его к стулу решительным жестом и вышла.

В комнате у Наташи горел свет. Лола тихо постучала. Еле слышный шорох, стук падающего стула, цокот каблучков.

— Лолка? Ты еще не спишь? Заходи.

Комната тонула в полумраке. Горела лишь настольная лампа. В ее неверном свете Лола не могла толком разглядеть лицо подруги, но что-то в нем было новое, волнующее, необычное. Она прикрыла за собой дверь и, повернув Наташу к свету, так и впилась в нее глазами.

Так и есть. Припухшие губы, томные с поволокой глаза, свежий загар румянит щеки.

— Кошка. Ни дать ни взять кошка после затяжной прогулки по крыше.

— Да ну тебя!

Под испытующим взглядом подруги Наташа почувствовала себя неловко, вспыхнула и отвернулась.

— Ты бы хоть предупредила о том, что собираешься устроить, — укоризненно сказала Лола. — Уж я бы как-нибудь тебя прикрыла.

— Не понимаю, о чем ты, — с нарочитой небрежностью промолвила Наташа.

— Мне хоть мозги не пудри. Любому, кто увидит тебя сейчас, станет ясно, чем ты занималась в прошедшие сутки.

— Так-таки и ясно!

— Без сомнения. И полувзгляда будет довольно.

— В таком случае остается только радоваться, что, кроме тебя, меня никто сейчас не видит.

В дверь постучали. Наташа вопросительно посмотрела на Лолу.

— Это, наверное, Володька. Не терпится ему.

Наташа предусмотрительно уселась спиной к свету. Лола пошла открывать.

— Заходи, Вовик. Все оказалось именно так, как я и говорила. Первенцев не отпустил ее к друзьям в посольство, вот ей и пришлось действовать самой.

Лола посмотрела на Наташу, ища у нее поддержки.

— Все точно. Надо мне было с самого начала вас предупредить. Извините, ради Бога. Я и не думала, что вы будете беспокоиться.

Володя облегченно вздохнул.

— Ну и задала ты нам шороху, Наталья. Чего только не передумали.

— Вовик, как истинный рыцарь, все порывался поднять мужчин и отправиться с фонарями прочесывать джунгли. Еле удержала.

— Это он, наверное, приключенческих романов начитался. — Наташа улыбнулась. — Спасение девушки из лап дикарей. Ладно, ладно, не обижайся. Я пошутила, — добавила она, заметив его смущение.

— Так или иначе, но все прояснилось. Пора и на боковую. Верно, Вовик?

Лола решительно взяла его за локоть и подвела к двери. Он покорно следовал за ней.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Еще раз извини, что заставила тебя беспокоиться.

Когда Володя ушел, Лола стремительно обернулась к Наташе.

— Ты, конечно, можешь ничего не рассказывать, но имей в виду, это можно будет расценить как преднамеренное убийство.

— А что, от любопытства тоже умирают?

— Еще как!

Лола давно ушла, а Наташа все никак не могла заснуть. Она ничуть не жалела, что рассказала ей все. Бремя ее тайны вдруг стало слишком тяжким, невыносимым. Хорошо иметь такого друга, как Лола. С ней можно поделиться чем угодно, не опасаясь последствий.

Когда она назвала имя Майкла, Лола только вытаращила глаза и уставилась на нее.

— Что ты так смотришь?

— Обалдеть! И когда ты только успела?

— Успела. И запуталась так, что сказать нельзя.

— Еще бы, такой мужик! Мечта! Не понимаю о чем тут раздумывать.

— Мы, кажется, уже обсуждали с тобой этот вопрос.

— Это ты о чем? О возможности прогуляться беспрепятственно по Таврическому саду?

— Или о невозможности.

Лола недоуменно посмотрела на нее.

— И ради этого ты готова все пустить под откос?

— У меня нет выбора.

— Чепуха! — Лола презрительно хмыкнула. — Едут же европейцы и азиаты пачками в Америку, а американцы в Европу, и ничего.

— Тут совсем другое, как ты не понимаешь! Ничто не мешает им в любой момент вернуться домой. А мы этой возможности лишены. Кроме того, я не хочу, чтобы мои родные всю жизнь расплачивались за мой поступок. На несчастье других счастья не построишь.

— Ишь, как ты все повернула, — задумчиво сказала Лола.

— Мне есть, что терять.

— Подумала бы лучше, где ты найдешь другого такого же.

Другого такого не найдешь думала Наташа, ворочаясь без сна в постели. Да и не нужно другого. Он есть. Сегодня, сейчас. Умный, добрый, любящий, с большими, сильными руками, способными извлекать из ее тела божественную музыку. Никто, никогда не сможет заменить его.

Они провели вместе два чудесных дня, напоенных любовью и солнцем. Сколько еще им отведено таких дней? Много или ни одного? Что будет с ними завтра? Не стану об этом

думать, решила Наташа. Зачем? Ведь завтра все равно наступит и станет сегодня.

Утро встретило ее ослепительным светом и щебетом птиц. На душе было легко и ясно. Казалось, выйдешь за порог — и с тобой произойдет что-то очень хорошее.

Наташа выпорхнула из дома и с удовольствием подставила лицо утреннему солнцу. До удушающей полуденной жары было еще далеко, и все в природе наслаждалось мягким теплом и свежестью.

Наташа глубоко вдохнула. Ноздри приятно защекотал запах свежескошенной травы. С лужайки перед офисом доносился мерный стрекот.

Завернув за угол, она нос к носу столкнулась с невысоким плотным парнем. Густая копна ярко-рыжих волос полыхала на солнце. Курносый нос и круглые щеки были щедро забрызганы веснушками.

— Привет, Наташка! — закричал он, энергично размахивая руками. — Ты только посмотри, какую штуку я раздобыл!

Она посмотрела туда, куда он тыкал пальцем. Молодой худенький нигериец, по виду совсем еще мальчик, с важным видом толкал перед собой рычащую, вздрагивающую машину, что-то среднее между пылесосом и полотером. Весь его вид выражал крайнее довольство собой и гордость за порученную ему важную миссию. Остальные нигерийцы, вооруженные тривиальными мачете, с уважением и плохо скрытой завистью наблюдали за ним.

Наташа сразу узнала его. Он каждый день убирал офисы, где лениво возил шваброй между столами, начисто забывая о пыльных углах. Все уговоры и увещевания разбивались о его лучезарную улыбку. Звали его Питер, по-русски Петька, и это устраивало всех. Его любили за открытый, добродушный характер и милую безалаберность, столь дорогую русской душе, и охотно прощали лень и прочие недостатки. На вид ему было пятнадцать лет, а на самом деле все двадцать пять.

— Машина — зверь! — ликовал рыжий Женя-завхоз. — Сколько я Первенцева допекал, допек-таки. Теперь у нас будет настоящий английский газон. Петька-то как балдеет! Упросил меня сделать пробный заезд. Прямо герой дня.

Тот будто почувствовал, что разговор идет о нем, приосанился и надул щеки.

— Мадам Наташа! — Его ликующий крик донесся до ее ушей, перекрывая рев косилки. — Я — машинист!

Наташа приветственно помахала ему рукой. Вся эта веселая суета была так созвучна ее настроению.

— Здорово!

— Осуществляются мечты, прямо как у Райкина. Ну, я побежал.

Женя стремглав понесся куда-то, гремя ключами. Без этой огромной связки ключей на поясе его и представить себе было нельзя. Огненный гремучий змей, самый милый и нужный человек на площадке.

Наташа быстро подготовила все нужные Первенцеву бумаги и постучалась к нему в кабинет.

— Павел Иванович, доброе утро! Тут все, что вам надо для переговоров.

— Доброе утро! Уже готово? А записка Джонса?

— Все здесь. — Наташа поймала себя на том, что улыбается.

— Молодчина. Как раз успею просмотреть перед отъездом. Кстати, у меня к тебе просьба. Мартин едет со мной, а жену хочет отправить в Лагос проветриться. Просит, чтобы

ты составила ей компанию. Ты не против?

— Нет, конечно. А переговоры?

— Возьму Володю. Тебе, поди, уж надоело с нами, стариками. Развеешься, пощечете о своем, о женском.

За окном взревела косилка. Первенцев схватился руками за уши и закатил глаза.

— Доняли они меня с этой керосинкой. С утра терзают. А все Женя, английский газон да английский газон. Купил только, чтобы отвязаться.

— Зато у нас теперь все, как в лучших домах. Автоматизация.

Наташа видела, что он доволен и просто притворяется. Как каждый крепкий хозяйственник, он любил, чтобы в его вотчине все было поставлено на широкую ногу.

— Пришло постановление суда, — сказал Первенцев. — На, прочти.

— Уже? Быстро!

Наташа взяла бумагу и пробежала ее глазами. «Слушание дела... Истец... Ответчик...»
А, вот!

— Окружной суд города Ибадан постановил, — прочла она вслух, — отклонить иск господина Л. Эбохона относительно возмещения арендной платы в связи с расторжением договора аренды третьего ноября 1979 года и обязать ответчика вывезти все принадлежащее ему имущество и произвести ремонт дома по адресу Огунмола-стрит, 24, в течение месяца с даты настоящего постановления.

— Ну-ка, ну-ка, еще раз и помедленнее, — Первенцев весь обратился во слух. — Никакой ошибки быть не должно, иначе вовек не расплатимся.

Наташа прочла еще раз, медленно и четко выговаривая слова.

— Та-ак, — протянул Первенцев, дослушав ее до конца. — Умница этот судья. Воистину соломоново решение. И нашим, и вашим. И все довольны.

— Не думаю, что хозяин дома очень доволен, — заметила Наташа. — Такой куш упустил.

— Не будет таким жадным. Так или иначе, это наша победа. Ремонт сделаем сами, на складе достаточно материалов. Расходы минимальные. Но каков судья! — горячился Первенцев. — Это же юридический абсурд — ремонтировать дом почти через полгода после расторжения договора аренды.

— Он и так закрыл глаза на отсутствие документов, — напомнила Наташа. — Не забывайте, что у нас ничего не было в подтверждение нашей позиции.

— Что верно, то верно. — Первенцев удовлетворенно потер руки. — Честно тебе сказать, я ожидал полного провала.

— Я тоже, — призналась Наташа. — Так что я вас поздравляю.

— Ты тоже внесла свою лепту. До сих пор не могу забыть, как ты им ввернула про сотрудничество. — Первенцев озорно подмигнул ей. — Обсуждение бульдозерных ставок переносится на среду. А теперь беги наряжаться. Выезд в двенадцать.

Сьюзен оказалась совсем не охоча до африканских достопримечательностей. Они немного поколесили по городу, заехали в порт, отметились на Марине и наконец осели в яхт-клубе на острове Виктория.

— Не выношу жару. Сразу теряю форму, — заметила Сьюзен, с наслаждением вытягиваясь в шезлонге.

Она была великолепна в купальнике цвета леопардовой шкуры, удачно оттенявшем ее

рыжеватые волосы. В этот час народу у бассейна было немного, и все взгляды были прикованы к ней. Сьюзен явно знала об этом и вела себя с королевским достоинством и естественностью, как человек, привыкший быть центром внимания.

Они с Наташей сразу стали называть друг друга по имени и чувствовали себя легко и непринужденно.

— Джек раскопал этот клуб почти сразу же после приезда сюда. Старая привычка британцев непременно принадлежать к какому-нибудь клубу, древняя, как мир. Без этого они чувствуют себя совершенно потерянными. Шучу, конечно. Это ведь так старомодно, ты не находишь?

— Ничуть. Неповторимый национальный колорит. Без этого было бы скучно. Все были бы на одно лицо.

— Наверное. Что будешь пить?

— Спрайт.

— Ну нет. Не пытайся казаться скучнее, чем ты есть на самом деле. Джек рекомендовал попробовать коктейль «Эйнджел кисс»^[15]. Только здесь его готовят по-настоящему, потому что используют свежее кокосовое молоко. Представляешь, кокосы прямо с дерева.

— А что там еще?

— Белый ром и куча всякой всячины. Подают в половинке кокосового ореха.

— Убойная смесь! — засмеялась Наташа. — Хорошо, что у нас машина с водителем.

— Ну что, ты решилась?

— С тобой, пожалуй, поспоришь. О'кей.

— Молодчина! — Сьюзен изящно махнула рукой, подзывая официанта.

Наташа оглядела ее тоненькую фигуру.

— И как ты только держишь форму при такой диете, ума не приложу.

— Это я только здесь дала себе волю. Обычно жую салат и зеленую фасоль.

— Чудовищно. Я бы не смогла.

— Смогла бы, если б захотела всерьез заниматься тем же, чем и я. — Сьюзен окинула Наташу критическим взглядом. — Впрочем, тебе это не грозит. Слишком много изгибов. Как раз то, что так любят мужчины.

Появился официант с коктейлями, затейливыми сооружениями, где нашлось место для всего, даже для цветков азалии.

Наташа всплеснула руками от восторга.

— Настоящее произведение искусства! Даже жалко пить, все испортим.

— Испортим, еще принесут, — резонно заметила Сьюзен. — Салют!

— Салют!

Коктейль был терпкий, ароматный и очень холодный. Жара сразу отступила, и во всем теле воцарилась приятная прохлада.

— Надо же, ром совсем не чувствуется.

— Не торопись с выводами, все впереди.

— Поздно предупреждать. Ты сама меня на это подбила. Теперь отвечаешь за доставку моего бесчувственного тела на площадку.

— Доставлю, не волнуйся. — Сьюзен с улыбкой посмотрела на нее. — Ты совсем не вписываешься в мое представление о русских.

— Какие же мы, по-твоему?

— Зажатые, закомплексованные, все время оглядываетесь через плечо, как будто за

спиной кто-то стоит.

Наташа рассмеялась.

— Поверхностное наблюдение.

— Я и сама вижу. Мне с тобой легко.

— Мне тоже.

— Теперь я понимаю, почему Джек от тебя в таком восторге. Он действительно очень высоко тебя ценит. Я сначала подумала, что это обычные мужские слюни при виде красивого личика. Но тут другое.

— Приревновала?

— А как же! Ваше танго на вечеринке — это же была немыслимая эротика. Я не думала, что мой старичок на такое способен.

Наташа спокойно выдержала ее испытующий взгляд.

— Определенно, ты не такая, как все. Даже обычного вопроса в твоих глазах нет.

— Что за вопрос?

— Ну как же? Тот самый, набивший оскомину вопрос, который мучает всех: что она в нем нашла?

— По-моему, это очевидно, — невозмутимо ответила Наташа.

— Разве? Я понимаю, если бы он был миллионером, — пропищала Сьюзен, явно подражая кому-то. — А так, извращение какое-то.

— Джек — удивительный мужчина. За ним любая женщина чувствует себя как за каменной стеной. Можно быть капризной, взбалмошной, вздорной. Он все простит, потому что умеет любить. Не простит он только одного. Предательства.

Сьюзен смотрела на Наташу широко открытыми, изумленными глазами.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я умею наблюдать и делать выводы.

— Ты сама не знаешь, насколько ты права. В нашем бизнесе так мало настоящих мужчин. Все больше голубые или хорьки.

— Хорьки?

— Это мое выражение. Которые рассматривают манекенщицу как породистую кобылу, как красивую безмозглую игрушку. Ее приятно продемонстрировать знакомым и трахнуть в темном углу. Этакая живая кукла, прямиком из секс-шопа. Я их вдоволь насмотрелась. Когда в мою жизнь вошел Джек, он все перевернул. Он как-то сразу разглядел во мне под слоем косметики и шикарными туалетами настоящую Сьюзен, перепуганную девчонку из Челси с комплексом мужененавистничества. Я долго не могла поверить, что он настоящий, но он меня убедил.

— Если ты действительно так ценишь его, то тебе надо быть поосторожнее.

— Что ты имеешь в виду?

— Не могу забыть его взгляд, когда ты танцевала с Майклом Джонсом.

— Но он же знает, что это ничего не значит!

— Умом, может быть, и знает, а вот сердцем... Он стесняется своего возраста и безумно боится тебя потерять.

— Я как-то не думала об этом. Спасибо, что сказала.

— Не за что. Не пора ли нам искупаться?

— Ты иди. Мне что-то не хочется.

Когда Наташа, поплескавшись, вышла из бассейна, ее место возле Сьюзен было занято.

Майкл Джонс вольготно расположился в ее шезлонге, вытянув ноги во всю длину и преспокойно допивая остатки ее кокосового коктейля. Откуда он-то взялся?

— Вас, кажется, представлять друг другу не надо, — сказала Сьюзен, закалывая волосы на затылке. — Майкл, оказывается, тоже здесь бывает. Интересно, правда?

— Очень.

— Вы тут поболтайте пока. Настала моя очередь искупаться.

Майкл согнулся в шутливом поклоне и помог Наташе сесть.

— Так вы, сэр, всегда посещаете клуб в рабочее время?

— Не всегда. Только когда узнаю, что там будет одна дама.

— Дамы здесь две, — заметила Наташа. — И с одной из них вы попросту сговорились.

— Отчасти.

— Ты ей все рассказал?

— Нет, конечно. Просто сказал, что ищу с тобой встречи. Она охотно согласилась мне помочь.

— Фи, сводничество!

— Что хочешь говори, но дай только на тебя посмотреть.

Наташа медленно повернулась и посмотрела на него. Глаза его были серьезны, очень серьезны.

— Ты только за этим и приехал?

— Да. Я должен был тебя увидеть. Я, наверное, потихоньку схожу с ума. Сегодня ночью я не спал и почувствовал вдруг, что время сгустилось, спрессовалось, что нельзя терять ни секунды, иначе упустишь что-то важное, и это касается тебя. Все в моей жизни теперь так или иначе касается тебя. Вот такой неожиданный кульбит.

— Кульбит, — эхом отозвалась Наташа.

— Только считай, что я тебе этого не говорил. Великий мэтр Казанова учит нас, что женщинам нельзя говорить таких вещей.

— Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей и тем ее вернее губим среди обольстительных сетей, — процитировала Наташа.

— Очень тонко подмечено. Кто это сказал?

— Пушкин. Он знал, о чем говорил. Великий был повеса.

— Я приду к тебе сегодня ночью.

— Это вопрос или утверждение?

Майкл промолчал. Говорили только его глаза. «Я люблю тебя, я хочу тебя и я буду с тобой сегодня, потому что и ты этого хочешь». — «Да, да, да», — пели в ответ ее глаза.

Наташа как бы невзначай положила руку на столик и тут же почувствовала электризирующее тепло его пальцев. Сердце бешено заколотилось и ухнуло куда-то вниз. По всему телу пробежала дрожь. Пытаясь унять ее, Наташа судорожно сжала руку, острые ноготки впились в его ладонь. Он даже не дрогнул. Наташа судорожно вздохнула и облизнула язычком вдруг пересохшие губы.

— Я жду тебя, — еле выдохнула она. Он, кивнув, прикоснулся к ней взглядом, будто хотел вобрать в себя ее всю: манящие, полуоткрытые губы, напрягшиеся соски, облитые влажной тканью купальника, нежную ямку пупка, тонкие колени, изящный изгиб ступни. Кивнул еще раз и, не прощаясь, ушел.

— Хорошо, что он ушел, — сказала, подходя, Сьюзен. Она уже успела вытереться и сменить купальник. — Побудь он здесь еще немного, и тент бы заполыхал над вашими

головами.

Наташа невидящими глазами смотрела перед собой. Она еще чувствовала кожей его взгляд.

— Эй, очнись! Жизнь продолжается. — Она легко тряхнула Наташу за плечо. — Даже завидно, ей-Богу.

— Особо завидовать нечему.

— Не темни. Я ведь тоже умею наблюдать и делать выводы. Не волнуйся. Я могу держать язык за зубами.

Дела с арендой бульдозеров пошли в гору. Всего через несколько дней после публикации в местной газете рекламного объявления появился первый клиент. За ним второй, третий. Теперь рабочий день Наташи был уплотнен до предела. Она подписывала договоры с нанимателями, объезжала строительные площадки, улаживала мелкие конфликты.

Самой главной проблемой был транспорт. Не так-то просто было найти свободную машину с водителем. Наконец Наташе надоело без конца выступать в роли просителя и она решила обратиться за помощью к Первенцеву.

Их отношения складывались наилучшим образом. После ее удачного выступления в суде он проникся к ней уважением, а раскрутка бульдозерного проекта доказала, что к ней можно относиться всерьез.

Наташа надеялась, что ее акции достаточно высоки, чтобы можно было рассчитывать на поддержку. Ее идея требовала ломки привычных стереотипов, и Первенцев подходил для этого как нельзя лучше.

Она нашла Первенцева в секретарской. Он разбирал утреннюю почту. Марина суежилась рядом. Ни она, ни ее муж больше не предпринимали попыток сближения. Видно, поняли, что бесполезно, и отстали.

— Доброе утро! — сказала, входя, Наташа. — Павел Иванович, можно вас на минутку?

— А, Наташа. Я сейчас закончу. — Первенцев отобрал несколько писем и засунул под мышку. — После того случая с повесткой из суда я разбираю почту сам. Вернее будет.

Марина надула губы, передернула плечами и уселась за стол, всем своим видом выражая обиду. Первенцев не обратил внимания на эту явную демонстрацию протеста или сделал вид, что не обратит.

— Что у тебя?

— Сегодня подписываем договор еще на один бульдозер и экскаватор. Все вопросы в предварительном порядке согласованы.

— Ну-ну. — Первенцев покрутил головой. — Который это по счету?

— Уже шестой.

— Неплохо. Продолжай в том же духе.

— В том-то и дело, что не получается.

— А какие проблемы? — спросит Первенцев, выходя в коридор.

Наташа последовала за ним, пытаясь попасть в такт его шагам.

— Мне нужна машина.

— Что за вопрос? Вот Витя заправится, и бери его на пару часов.

— Это ничего не решает. Машина мне нужна постоянно.

— Это еще зачем? — нахмурил брови Первенцев.

— Судите сами. По второму контракту наниматель уже неделю задерживает оплату. Надо съездить и выяснить, в чем дело. По четвертому бульдозерист жалуется на грубое обращение. По пятому...

— Ладно, ладно, я понял, — прервал ее Первенцев. — Обычное дело. Без проблем не бывает.

— Но так сплошь да рядом. Мне просто необходимо иметь колеса, чтобы оперативно со всем этим разбираться.

— И что ты надумала? Имей в виду, что свободных машин у нас нет, а водители нарасхват.

— Я знаю. Женя мне сказал, что у нас есть пара списанных «Жигулей». Можно было бы один подлатать и закрепить за мной.

— А водитель?

— Я сама.

— Что-о-о? — Первенцев развернулся и изумленно уставился на нее. — Женщина за рулем?! Это же кошмар! Куда хуже, чем обезьяна на корабле.

— Спасибо.

— А водить-то ты хоть умеешь?

— Научилась. Инструктор у меня отличный.

— Кто таков?

— Витя. Почти каждый день после работы меня тренирует.

— Так вот куда уходит казенный бензин! Аферисты! Самодеятельность тут развели! Первенцев бушевал, но Наташа видела, как лукаво поблескивают его глаза, и понемногу начинала верить в успех задуманного.

— И каков вердикт профессионала? — поинтересовался он.

— Говорит, что уже можно сдавать на права.

— Даже так?

— Спросите у него. Он подтвердит.

— Спрошу, спрошу, голубушка, можешь не сомневаться. Ох, и шустрая пошла молодежь! Так я скоро без работы останусь.

— Вы не останетесь.

— Ну, спасибо на добром слове. Утешила старика.

Он заставил ее помучиться еще несколько дней. Ни словом, ни намеком не возвращался к этой теме. Наташа вся извелась в ожидании, но твердо решила выдержать характер, все равно никаких новых убедительных аргументов у нее не было, так зачем нарываться на отказ.

Майкл уехал на неделю в командировку в Лондон, и все в ней замерло в ожидании. Идя утром на работу, она уже не оглядывалась по сторонам в надежде увидеть его широкоплечую, высокую фигуру, не вздрагивала каждый раз, когда открывалась дверь кабинета. Время будто замедлило свой бег. Она оцепенела, как осенняя муха в ожидании весны.

В последний раз перед его отъездом они встретились у нее. Он пришел к ней ночью, как и обещал. Наташа не заперла дверь. Она ждала его.

Он бесшумно возник на пороге, белея лицом в неверном свете фонаря, пробивавшегося через плотно задернутую занавеску, в два шага преодолел расстояние до кровати и опустился перед ней на колени.

Наташа откинула одеяло и протянула к нему руки.

— Как ты прекрасна! — прошептал он.

Поцелуем она закрыла ему рот. В эту ночь они любили друг друга как-то особенно, трепетно и осторожно. Боялись лишней раз дохнуть, чтобы никто не услышал. От этого каждое прикосновение приобретало незнакомый, терпкий вкус. Запретный плод. Сладкая горечь. Горькая сладость.

Они лежали, тесно прижавшись друг к другу. Ее узенькая кровать была слишком мала для двоих.

— Я завтра уезжаю. На неделю, в Лондон.

— Это обязательно?

— К сожалению. Что привезти тебе?

— Себя, и поскорее.

— Как только смогу.

Наташа перевернулась на живот. Курчавые волосы на его груди приятно щекотали разгоряченную спину. Он скользнул в нее сзади. Наташа изогнулась ему навстречу и впилась зубами в подушку, чтобы не закричать.

Решение пришло неожиданно, когда Наташа уже перестала надеяться.

— Готовься, — сказал ей Первенцев вместо приветствия. — Бамиделе на той неделе организует тебе экзамен по вождению.

Наташа вскинула на него глаза.

— Ушам своим не верю! Я уж думала, провал.

— Степан Антонович все никак не мог решиться.

— А вы его уговорили.

Наташа вскочила и чмокнула Первенцева в щеку.

— Спасибо, спасибо, спасибо. Вот увидите, я вас не подведу.

— Но учти, — отчего-то смущенно сказал Первенцев, — ездить только по клиентам, здесь, в округе. До Икороду и обратно. В Лагос ни ногой. Сама знаешь, что здесь на дорогах творится.

— Обещаю.

— Смотри. Я за тебя поручился.

Наташа со всех ног бросилась искать Женю. Подумать только, у нее будет своя машина. Новая степень свободы. Ей казалось, будто за спиной у нее выросли крылья.

Наташа сидела рядом с Бамиделе и рассеянно глядела на дорогу. Мысли ее были заняты предстоящим экзаменом и приездом Майкла. Она так надеялась, что это будет сегодня. Спросить только не у кого. Сьюзен обещала сообщить ей сразу же, как узнает сама, но Наташа не сумела повидаться с ней перед отъездом.

Все произошло так неожиданно. Они договорились с Бамиделе ехать в дорожную полицию в четверг с утра, а нынче был вторник, около пяти часов пополудни.

Бамиделе просунул свою узкую голову в дверь офиса, быстро осмотрелся и, как всегда, глядя куда-то вбок, произнес:

— Мадам Наташа, поедem сейчас.

— Куда?

— В полицию, на экзамен.

— А почему сейчас? Ведь уже поздно.

— Мой друг позвонил, сказал, что в четверг не может, может сейчас.

— А почему нам непременно нужен ваш друг?

Неожиданная перемена планов. И время довольно странное. Но это же Нигерия. Здесь ничему не следует удивляться.

— Вы же сами просили поскорее, — ввернул Бамиделе. — Он сказал, если не сегодня, то через неделю.

— Ладно, я еду. Но зачем нам все-таки ваш друг? Я могу и так сдать.

— Он все сделает быстро. И дешево. — Бамиделе засуетился, пропуская ее вперед. — Вам понравится. Я сейчас подгоню машину.

Наташа задумчиво прислонилась к дверному косяку. Не нравится он ей, это определено. Ну и что? Если делать дела только с теми, кто нравится, далеко не уедешь. Кроме того, он сам сказал, что все будет быстро.

— Шиво такая, мадам?

Наташа обернулась. Это был Петька со своей неизменной шваброй.

— А, Петя? Еду вот с Бамиделе сдавать на права.

— Мадам-драйва? Хорошо!

— Ты что тут так поздно?

— Абатайм! Мани-мани!^[16]

— Жениться, что ли, собрался?

Круглое Петькино лицо расплылось в улыбке, он быстро-быстро закивал головой.

— Ну и ну! Молодец! Не забудь меня пригласить. Тут подъехал Бамиделе. Хмуро глянув на Петьку со шваброй, распахнул перед Наташей дверь. Наташа повернулась к Петьке.

— Садись, мы тебя подвезем. Нам по дороге. Она знала, что он живет в большой деревне, не доезжая Икороду. — Бамиделе протестующе замахал руками.

— Нам в другую сторону.

— То есть как?

— Это другой участок. Поедем короткой дорогой. Времени в обрез.

Наташа пожалала плечами. Другой так другой. Самое главное, чтобы все это поскорее закончилось. Больше всего на свете она ненавидела неопределенность и ожидание.

Махнув Пете рукой, она порхнула в машину.

Разговор не клеился. Наташа несколько раз обращалась к Бамиделе с вопросами. Он отвечал односложно. Поняв, что светской беседы не получится, Наташа погрузилась в свои мысли.

Так они ехали минут сорок или около того. У Наташи не было с собой часов, и она совершенно потеряла счет времени. Бамиделе свернул на какой-то проселок. Машина запрыгала по ухабам. Наташа заметила на обочине разбитую белую машину, поваленное дерево поодаль. Они еще раз свернули и выехали на шоссе.

Прошло еще немного времени. Бамиделе без усталости крутил руль, сворачивая то вправо, то влево. От монотонного мелькания деревьев за окном рябило в глазах. Шоссе. Поворот. Проселок. Поворот. Проселок. Поворот.

Вдруг что-то шелкнуло в мозгу. Разбитая белая машина на обочине. А вот и поваленное дерево. Сомнений быть не могло. То самое место.

Наташа резко повернулась к нему.

— Бамиделе, мы здесь уже были.

Молчание.

— Мы что, заблудились?

Молчание.

— Бамиделе, да что происходит, наконец! Куда мы едем?

Она потянула его за рукав. Он медленно повернул к ней голову. Наташа отшатнулась. На мгновение ей показалось, что глаза у него совершенно белые. На губах расплзалась узкая, змеиная улыбка.

У Наташи все похолодело внутри. Паника охватила ее. Дрожащей рукой она попыталась нащупать ручку дверцы. Пустота. Там, где она должна была быть, ничего.

— Остановите машину. Немедленно.

В ответ он только нажал на газ. Поняв, что ничего от него не добьется, Наташа попыталась взять себя в руки и обдумать сложившуюся ситуацию. Но ничего не вышло. Мысли метались, как вспугнутые ласточки. Он возит ее кругами. Хочет сбить с толку, это ясно. Но куда он ее везет? И зачем? Главное, зачем?

Джек Мартин сам встретил Майкла в аэропорту.

— Быстро ты управился. А я думал, прихватишь пару дней для себя. Покрасуешься перед бледными лондонскими девочками своим загаром.

Есть одна девочка, перед которой он хотел бы покрасоваться, подумал Майкл. Но ее загаром не удивишь.

— Сам знаешь, как там сейчас. Холод и дождь. Капает и капает с утра до вечера. Я из офиса почти не вылезал.

— Что-то я тебя не узнаю. Когда это тебя погода смущала?

— Как Сьюзен? — Майкл поспешил перевести разговор на другую тему. — Не соскучилась еще в нашей глухомани?

— Ничуть не бывало. Наслаждается покоем. В настоящий момент колдует на кухне. Ты ведь сегодня ужинаешь у нас. Не знал?

— Теперь знаю.

— Отказалась от услуг повара и сочиняет что-то сама. Это ей в новинку.

— Она еще нас всех удивит.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Джек.

Он до сих пор не мог привыкнуть к ее постоянному присутствию. Просыпался среди ночи и подолгу лежал, глядя в потолок и прислушиваясь к ее тихому дыханию. Она здесь, рядом, значит, ему подарен еще один день с ней. Он боялся надолго выпускать ее из поля зрения. Все казалось, отвернется, а ее уже нет, все только привиделось. А ведь они уже больше года вместе.

— Кстати, Джек, я говорил по телефону с Джеки. Мечтает к тебе приехать. Сказала, что может вырваться недели на две до конца марта.

Джеки была дочерью Мартина от первого брака. Ей было двадцать три года. Она была еще не замужем и работала секретарем одной крупной частной фирмы.

— Как она?

— Все в порядке. Работает у Смитсона. Берет уроки французского языка.

— Надо будет написать ей. Буду рад, если она приедет, но только после отъезда Сьюзен. Они никак не научатся ладить между собой.

«Что верно, то верно», — подумал Майкл. Он много чего услышал во время их разговора с Джеки. Иначе, как «эта стерва», она Сьюзен не называла. Видно, нелегко смириться с мыслью, что новая жена отца немногим старше ее самой.

Ему очень хотелось спросить о Наташе, но он решил не делать этого. Все равно он скоро сам ее увидит.

Машина вырुлила из-за густых кустов, и взору Наташи открылась деревня. Обычная нигерийская деревня, ничего примечательного. Горстка глинобитных хижин, крытых пальмовым листом, а кое-где и железом, стадо тощих коз, несколько пожилых женщин, присев на корточки, чистят клубни ямса. Мирная, идиллическая картина.

Заслышав шум мотора, откуда ни возьмись выпорхнула стайка голопузых мальчишек и побежала следом. Бамиделе притормозил у одного из домиков, вышел и, обогнув машину, открыл дверцу с той стороны, где сидела Наташа. Она не пошевелилась. Пусть тащит силой. Она не станет ему помогать.

Мальчишки рассыпались полукругом, не сводя с нее широко распахнутых, любопытных и немного испуганных глаз.

Бамиделе потянул ее за локоть. От прикосновения его сухой холодной руки по всему телу побежали мурашки. Наташа резко вырвала руку и вышла из машины.

— Джаледе! — прошелестело вокруг.

Бамиделе, не говоря ни слова, втолкнул ее в дом и захлопнул дверь.

Когда глаза немного привыкли к полумраку, Наташа огляделась. Весь дом был одна большая комната с низким потолком и земляным полом. Мебели не было. По полу беспорядочно разбросаны плетеные соломенные циновки, прикрытые грубыми покрывалами. Крошечное оконце под самым потолком почти не пропускало света.

Колени подогнулись, и Наташа безвольно опустилась на циновку в углу. Страшная реальность открылась ей. Одно слово прояснило все. Джаледе. Ее похитили. Джаледе. Значит, Леке-Леке действительно существует. Он организовал все это, а она, как полная дура, помогла ему. Он сказал, что она сама придет к нему. Почти так и вышло. И теперь...

Наташа застонала и тут же заткнула себе рот кулачком. Никто ничего не должен слышать. Помощи ждать неоткуда, полагаться надо только на себя.

Она заставила себя встать и принялась ощупывать стены. Ни щели, ни лазейки. Ничего. «Действуй, делай что-нибудь, чтобы не раскиснуть», — твердила себе Наташа. Нащупав неровность в стене, она принялась усердно ковырять ее ключом, только для того, чтобы занять чем-то руки и голову. Глина была тверда, как камень.

Ей удалось отколоть лишь несколько маленьких кусочков, когда звук открывающейся двери отвлек ее и заставил бросить работу.

Вошли две женщины, еще довольно молодые, судя по голосам. Они односложно переговаривались на йоруба.

— Эка але! — сказала Наташа, вымученно улыбаясь им.

Жаль, что она не занялась как следует йоруба. Сейчас это могло бы пригодиться.

— Эка але, ойбо мадам! — пропела одна из них.

Другая промолчала. «Что она так странно смотрит на меня? — подумала Наташа. — Она вообще какая-то странная. На нигерийку не похожа. Прямые, даже на вид мягкие волосы, тонкий, слегка вздернутый нос, круглые глаза. Господи, да она же белая, или, по крайней мере, отчасти белая!»

В сгущающемся мраке цвет кожи женщины невозможно было определить из-за темного

загара или, может быть, от грязи. Под свободной яркой хламидой угадывалось худое тело с отвислой грудью.

Они поставили на пол дымящееся блюдо ямса и лепешек и пластиковую бутылку с водой и присели у порога.

— Джово^[17], — сказала первая, указывая на блюдо.

— Я не голодна, — ответила Наташа и, чтобы убедиться, что ее понимают, спросила: —

Вы говорите по-английски?

— Я говорю, а она нет.

Это произнесла вторая из женщин. Надтреснутый, хрипловатый голос, мягкий, знакомый акцент.

— Как вас зовут?

— Тамара.

— Вы... русская?!

— Д-да.

— Я тоже. Меня зовут Наташа. Но как... почему вы здесь?

Тамара повернулась к нигерийке и сказала ей несколько слов на йоруба. Та встала и вышла.

— Нельзя говорить при ней. Я попросила ее принести воды, чтобы умыться. Как вы сюда попали?

— Я... Меня похитили и привезли сюда насильно. Я работаю переводчицей на строительной площадке под Икороду.

— Знаю. Русская деревня, так ее здесь называют.

— Это далеко?

— Километров сорок. Наташа, Наташа, Наташа. — Она выговаривала слова медленно и бережно, словно смакуя. — Я думала никогда больше не поговорю по-русски. Последний раз — три года назад.

Голос ее задрожал. Глаза подозрительно заблестели.

— Я из Раменского. Это...

— Под Москвой. Я знаю. У моих друзей дача в Кратово. Я у них гостила прошлым летом.

— А сама откуда?

— Из Москвы.

— Москва. Да-а-а. Другая жизнь.

— Как это с тобой случилось? — Наташа и сама не заметила, как перешла на «ты».

— А как это случается со всеми молодыми дурами? Выучилась на парикмахершу, уехала в Москву. Ходили с подругами на вечера в Лумумбу. А как же? Они там все такие... оттянутые, да? Раскованные, доллары, шмотки, то да ее. Познакомилась с Виктором. Виктор Таким — это мой муж, чтоб его, — сказала она беззлобно. — Надо же, даже ругать его не могу, перегорело все. А завелась я тогда здорово. Мечтала за границу уехать. Лазила к нему в окно. У них в общежитии такая ведьма на входе сидела, ни войти, ни выйти.

Наташа подошла и присела возле нее. Интересно, сколько ей лет. По рассказу не больше тридцати, а на вид за сорок.

— Поженились мы. В Грибоедовском. Цветы, марш Мендельсона. На руках меня носил. А приехали сюда, все пошло прахом. Его мамаша и вся семейка на меня ополчились. Чужая. Они для него уже другую невесту подыскали. А я была с пузом. Как разродилась, ребенка

отобрали, а меня то ли продали, то ли так отдали моему нынешнему. Вот, считай, три года я здесь.

— Почему ты не пошла в посольство? Ты же советская гражданка?

— Да какая там гражданка? Кому до меня есть дело? Пока очухалась, уже поздно было.

— Помоги мне выбраться отсюда. У меня в посольстве есть знакомые. Они тебя вытащат.

— Да говорю тебе, поздно. У меня дети. Двое. Куда я без них?

— И детей тоже.

— Сама не знаешь, что говоришь. Они же нигерийцы. А значит, и я. Нет, видно, судьба у меня такая.

Тамара спрятала лицо в ладони. Наташа обняла ее за безвольно опущенные плечи. Жалость душила ее. Как страшно, когда ничего нельзя изменить.

— Наташа, Наташа, что с тобой-то будет? — пробормотала Тамара в сомкнутые руки. — Тебя ведь ждет то же.

— Ты что-то знаешь?

— Все знают, — Тамара вздохнула, — Леке-Леке приведет белую Джелеле, она родит вождя. Так вот.

— Чепуха!

— Может, и чепуха, но ты ведь здесь.

— Помоги мне, Тамара!

— Знаешь, я сначала обрадовалась. Думала, будет у меня подружка, такая же, как и я. А теперь смотрю на тебя, и так мне тебя жалко, мочи нет.

— Помоги.

— Боюсь я. Леке-Леке — здешний колдун, что-то вроде шамана. Очень могущественный человек. Никто его послушаться не смеет.

— А где он теперь?

— Не знаю. Завтра появится, уж будь спокойна.

— Значит, мне надо уйти сегодня ночью.

— Не выйдет. Тебя будут сторожить. Как ты думаешь, почему я здесь?

— Что же делать?

— Я завтра утром с другими женщинами буду на базаре в Икороду продавать ямс и бананы. Жить-то надо.

Наташа схватила ее за руку.

— Позвони по телефону на площадку. — Наташа назвала номер. — Спроси Майкла Джонса и объясни ему, где меня найти. Майкл Джонс, запомнила?

— Запомнила. Дружочек твой?

— Дружочек. — Наташа зажмурила глаза и сжала кулаки, чтобы не расплакаться. — Сможешь?

— Смогу. Только ничем он тебе не поможет.

Иннокентий, с трудом скрывая торжество, поднялся навстречу Первенцеву.

— Как это на работу не вышла? Не понял.

— Звездная болезнь, по-видимому. Считает, что ей закон не писан.

— Погоди, погоди. — Первенцев поморщился. — Домой к ней ходили? Может, она заболела.

— Я сам и ходил. Стучал, кричал, не отвечает.

— На нее не похоже. Должна же быть какая-то причина. — Первенцев ничего не мог понять.

— Ее со вчерашнего вечера никто не видел. Даже Лола, ее неразлучная Санчо Панса, только руками разводит. А может, темнит, прикрывает подружку, откуда я знаю?

Первенцев пристально посмотрел на него из-под насупленных бровей. Ему решительно не понравился тон, каким это было сказано.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, перебрала вчера, теперь отсыпается где-нибудь.

— Ты, это, не увлекайся, Иннокентий. Кхм-гм. И вызови ко мне завхоза.

Но Женя ничего не прояснил, только еще больше запутал. Наташи он не видел и ничего о ней не знает. Машину она не просила и вообще с утра не появлялась. Кроме того, сообщил он, Бамиделе тоже на работу не приехал, хотя должен был.

— У тебя ведь есть дубликаты всех ключей? — устало спросил Первенцев.

— А как же.

— Если в течение часа-двух ничего не прояснится, вскрыешь ее комнату.

Последний вопросительный знак в этой истории поставил Петька. Когда до него неизвестно каким образом дошла весть об исчезновении Наташи, он сам заявился в кабинет Первенцева со шваброй наперевес. Из его сбивчивого рассказа стало ясно, что Наташа уехала вчера вечером с Бамиделе, чтобы «стать мадам-драйва». Мадам хотела взять его с собой, но Бамиделе не позволил.

Наташа пошевелилась, пытаясь вернуть чувствительность рукам и ногам. После долгой бессонной ночи на жесткой циновке все тело нестерпимо болело, шея онемела, в глаза будто песок насыпали.

Тамара ушла вскоре после их разговора. Вернулась другая женщина, и больше говорить они не могли. Наташа умылась в облупленном тазу и прилегла на циновку, пытаясь заснуть. Но сон не шел. Мысли, одна другой страшнее, роились в мозгу и кусали, как разъяренные пчелы. Она все яснее осознавала безвыходность своего положения.

Ее стражница неподвижно сидела на пороге, привалившись спиной к дверному косяку. За всю ночь она ни разу не пошевелилась. Наташа не знала, спит она или нет, но ей мерещилось, что она неотступно следит за ней из-под полуопущенных век.

Время тянулось невыносимо медленно. Прошло всего двенадцать часов с того рокового момента, когда она, ничего не подозревая, села в машину Бамиделе. Как она кляла себя сейчас за свое легкомыслие! Не расспросила его ни о чем, никого не предупредила. Сама, своими собственными руками загнала себя в угол, из которого нет выхода.

«Выход всегда есть», — сказал ей когда-то Майкл. Он был прав, ее единственный, неповторимый мужчина. Выход есть. Уродливый, страшный. Смерть.

Она не смирится, как Тамара. Она найдет в себе силы бросить вызов судьбе.

Утро уверенно вступило в свои права. Деревня давным-давно пробудилась от сна. За окошком кипела чужая и такая узнаваемая жизнь. Заплакал младенец. Что-то уныло проблеяли козы. Собака хрипло закашляла в ответ. Хрустальный шум льющейся воды, гортанные восклицания женщин, мужской смех.

Слушай, слушай, Наташа, наслаждайся. Недолго тебе осталось. Она сидела на циновке, плотно обхватив руками колени. Нервы были натянуты до предела, вот-вот сорвутся.

Ожидание развязки хуже самой развязки. Уж лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Шум, тяжелые шаги. Огромная фигура заслонила дверной проем. Наташу бросило к стене. Она ощутила спиной ее шершавую поверхность и на мгновение будто увидела себя со стороны. Безумные глаза, разметавшиеся волосы, перехваченное спазмой горло. Княжна Тараканова в каземате Петропавловской крепости.

— Не подходите ко мне! — сдавленным голосом прокричала она. — Я — советская гражданка. Вы дорого заплатите за это.

Лицо его ничего не выражало, будто высеченное из камня. Живыми были лишь глаза. Как два огромных раскаленных угля, они впились в ее лицо и жгли, жгли нестерпимо. Последние остатки воли покинули ее. Она уже не помнила, кто она и откуда.

Наташа отделилась от стены и стояла, покачиваясь, как цветок на ветру. Светившийся плотный воздух, казалось, поддерживал ее. Захоти она, и могла бы лежать на нем, как в гамаке.

Пальцы скользнули к плечам и стянули вниз бретельки. Платье, еле слышно вздохнув, опустилось на пол. Не отрывая глаз от Леке-Леке, Наташа переступила через трусики и выпрямилась. Нагота совсем не смущала ее. Напротив, она вдруг ощутила небывалую свободу, как будто избавилась от всего лишнего.

Эгун пришел за своей Джелеле. Она принадлежит ему по праву. Она ждет, она хочет его. Пьянящая сладкая тяжесть разлилась по всему телу. Наташа шагнула к нему и потянула за край материи, обвивавшей его талию. Трепещущие пальцы заструились по напрягшимся мышцам груди, по животу, ниже, ниже.

Леке-Леке зарычал и стиснул ее своими огромными ручищами. Вдруг что-то сдвинулось, вспыхнуло, взорвалось в ее мозгу. Прикосновение чужих рук разбудило ее. Наташа отчаянно забилась, пытаясь вырваться.

— Майкл! — закричала она. — Майкл! Я здесь!

Высокая фигура метнулась к ним от двери. Неожиданный удар сшиб с ног. Леке-Леке, падая, выпустил Наташу, и она откатилась в сторону.

Двое мужчин, намертво сцепившись, распростерлись на полу. Расширившимися от ужаса глазами Наташа наблюдала за ними. Майкл напал неожиданно и застал Леке-Леке врасплох, но ненадолго. Он моментально пришел в себя и, стряхнув противника, вскочил на ноги.

Пригнувшись и изготавившись к броску, они кружили по комнате, как два зверя, готовые биться до последнего.

— Майкл, не смотри ему в глаза! — крикнула Наташа.

Страшный удар отбросил его к стене. Леке-Леке прыгнул следом, намереваясь добить врага. Нога его просвистела прямо над ухом Майкла и размозжила бы ему голову, если бы тот вовремя не увернулся. Он подсек Леке-Леке ногами, и они покатались по полу.

Наташа увидела, как его огромные ладони сомкнулись на шее Майкла. Еще немного — и он задушит его. Наташа подскочила и замолотила кулачками по спине Леке-Леке. Тщетно. С таким же успехом она могла бы колотить гору.

Тут взгляд ее упал на валявшийся в углу таз. Наташа схватила его и со всего размаха опустила на голову Леке-Леке. Он вздрогнул и обмяк.

Майкл, тяжело дыша, выбрался из-под его бесчувственного тела.

— Бежим!

Наташа покачнулась и рухнула на пол. Силы вдруг оставили ее. Майкл подхватил ее на

руки и выскочил на улицу. В два прыжка одолел расстояние до машины, он закинул ее на сиденье и сел за руль.

Десятка два людей столпились вокруг, но никто не пошевелился, чтобы остановить их. Безмолвно смотрели они вслед удаляющейся машине.

Было так странно лежать на заднем сиденье. Весь мир, перевернутый, безумный, мелькает перед глазами. Иногда Наташа проваливалась в странное полузабытье, не сон, не явь, а так, мир теней.

Там она была независимой и сильной, никто не посмел бы диктовать ей свою волю. Размахнувшись, она ударила Леке-Леке ногой в пах. Он согнулся со стоном. Этой секундной передышки ей хватило, чтобы выхватить неведомо откуда крошечный кинжал. Его смертоносное жало сверкнуло на солнце. Божественная толедская сталь, ступай по назначению! Она всадила кинжал прямо в его красный, пылающий глаз. Кровь, стук падающего тела. Он больше не смотрит на нее.

— Я убила его.

— Что ты сказала?

Майкл полуобернулся к ней через плечо. Это были ее первые слова.

— Я убила его.

— А вот это вряд ли. Он, наверное, уже очухался.

— Я убила его, — повторила Наташа. — Убила его в себе. Он больше не смотрит на меня.

— Отлично. Значит, ты свободна.

Майкл наблюдал за ней в зеркальце заднего вида. Она неторопливо натягивала на себя его рубашку. Лицо побледнело и осунулось, вокруг глаз залегли темные тени, свидетельство бессонной ночи. Непостижимо! Она была куда прекраснее, чем всегда.

— Хорошая у тебя рубашка.

— Тебе нравится? Она твоя.

— Спасибо. Я буду ее носить как платье. Как съездил?

Майкл озадаченно хмыкнул. Загадочные существа эти женщины, загадочные и прекрасные. Он поймал ее взгляд в зеркале, желтый, мертвый, как песок пустыни. Только сейчас он до конца понял, что она пережила и еще переживает.

— Съездил.

— Мы оба съездили, только в разные места. — Ее пальцы впились в его плечи. — Я успела побыть вещью, а ты? Ты хоть знаешь, что это такое, а? Когда тебя берут и переставляют с места на место, хотят — пользуются, хотят — задвигают в угол, нимало не беспокоясь о том, что ты чувствуешь.

Майкл почувствовал ее дыхание на своей шее. Аромат ее волос, тихий шепот у самого уха. Только звук ее голоса странный, болезненный, незнакомый.

— Он не... — Майкл наконец нашел в себе силы задать давно мучивший его вопрос. — Я подросел вовремя?

— О Боже, Майкл! Какой мужской вопрос! — Наташа тихо засмеялась. — Ты хотел узнать, удалось ли ему трахнуть меня? — Сказала и поморщилась. — Извини, что получилось так грубо, но это называется именно так. Даже если бы ему это удалось, это бы ровным счетом ничего не изменило, пойми. Он целую ночь владел моей душой и моими мыслями, он показал мне, что такое страх, он заставил меня всерьез думать о смерти.

Майкл протянул руку назад и погрузил пальцы в ее волосы.

— И как тебе? Понравилось?

— А ты как думаешь?

— Зная тебя, думаю, что понравилось.

Наташа куснула его за ухо.

— Можешь сделать так еще раз, кровожадное создание. А что касается того, что он хотел использовать тебя в своих целях, так что ж? Все люди так или иначе используют друг друга.

— И ты?

— И я. Например, с большой приятностью использую тебя. А ты меня и тоже, кажется, не раскаиваешься в этом. Эй, эй, полегче, — закричал он, отбиваясь от ее разъяренных рук. — Разобьемся! А парню надо отдать должное. Он придумал весьма нестандартной способ заполучить понравившуюся ему женщину. Каков размах! Даже мистику приплел.

Наташа резко выпрямилась и убрала руки с его плеч.

— Ты действительно думаешь, что все дело в этом?

— Конечно. Похоть правит миром.

Он готов был говорить все, что угодно, лишь бы отвлечь ее. Чтобы пережитое обернулось фарсом, чтобы она могла посмеяться над этим вместе с ним.

— Ты не смотрел в его глаза.

— Ты сама просила меня не делать этого.

— Он на самом деле имеет власть над людьми. На какой-то момент он заставил меня поверить, что я хочу его. Я уже готова была сама, без всякого принуждения, отдаться ему.

— И что же тебя остановило?

— Ты.

— Что будем делать, Павел Иванович? — спросил Поздняк.

Он только что выслушал подробный рассказ Первенцева о происшествии с Наташей и был совершенно сбит с толку. Это никак не укладывалось в его представления о том, что может произойти с человеком в конце двадцатого века. Фантазмагория какая-то!

Первенцев только пошевелился в кресле и ничего не ответил.

— Вы хоть сами-то верите ей? История уж больно дикая.

— Мы в Африке, Степан Антонович, — напомнил ему Первенцев. — Здесь много загадочного и непонятного для нас. Я тут вспомнил одну историю, которая случилась задолго до вашего приезда, года полтора назад. Наш бульдозерист прокладывал трассу в джунглях и случайно снес странное сооружение, что-то вроде святилища здешних богов. Нигерийцы все поголовно отказались с ним работать, шарахались, как от зачумленного. А через неделю его насмерть закусали дикие пчелы.

— Совпадение.

— Может быть.

Первенцев закинул ногу на ногу и задумчиво посмотрел в потолок.

— Может быть. А чуть позже пришлось отсылать в Союз повариху из Варри. Вы бы ее видели! Здоровая, крепкая деваха, прямо кровь с молоком. Румянец во всю щеку, пахать на ней не перепахать.

— И что же?

— С ума сошла. Так буянила, что еле довели.

— К чему вы все это рассказываете?

— А к тому, что Африка — это вечная загадка для белого человека, и не нам с вами ее разгадать.

— Допустим. Но что все-таки делать с Преображенской? И Садко на меня давит, как всегда, жаждет крови.

Первенцев тяжело вздохнул.

— В одном я с ним могу согласиться. Придется ее отправить. Это в ее же интересах.

— Я рад, что в этом мы с вами солидарны.

— Только, пожалуйста, без крови. Характеристика на нее должна быть превосходной, чтобы все это никак не отразилось на ее дальнейшей жизни. Она ведь и вправду отменный работник, с этим вы, надеюсь, не будете спорить.

— Вы сами и напишете ее. Даю вам полную свободу действий. Что с этим Бамиделе?

— Пропал без следа вместе с нашей машиной. Я думаю, стоит заявить в полицию. Хотя надежды на успех мало.

Поздняк налил себе воды и предложил Первенцеву. Тот отрицательно покачал головой.

— Мне бы сейчас чего-нибудь покрепче. Знаете, я ведь успел привязаться к ней.

Поздняк достал коньяк, плеснул в рюмки.

— Опасная вещь в нашем возрасте, — заметил он.

— В вашем — может быть, но не в моем.

— Джек Мартин не согласился бы с вами.

Оставшиеся до отъезда дни прошли как во сне. Приходили какие-то люди, говорили разные хорошие слова, сочувствовали, смотрели любопытно. Она их знала когда-то, считала друзьями, а теперь между ними вдруг пролегла пропасть. Разлом между прошлым и будущим. Они остались на одной стороне, она — на другой. Возврата нет, мостика уже не перекинуть.

Она отвечала им, шутила, пытаясь казаться беззаботной, но лишь она знала, чего ей это стоило.

Реальным оставался лишь Майкл. Он приходил с наступлением ночи и оставался до утра, все боялся оставить ее одну, все надеялся. На что?

— Ты рассказала им о нас?

— Нет. — Наташа покачала головой. — Нет.

— Как же ты объяснила?

Они понимали друг друга с полуслова. Не было нужды заканчивать фразы.

— Сказала, что Тамара помогла мне бежать. Ты меня подобрал на дороге. Случайно.

— Мы должны быть вместе. Ты не можешь...

— Могу.

— Наташа!

Ее слезы на его губах, его руки на ее коже. Тихое, прерывистое дыхание, Прощай, моя любовь!

Часть вторая

Великобритания, 1995 год

Общежитие Манчестерского университета, куда их с Ольгой поселили по приезду, носило очень английское название, Эшберн-холл, и, надо сказать, полностью его оправдывало. Длинное трехэтажное здание из побуревшего от времени кирпича до самой крыши было увито буйно разросшимся плющом. Вокруг шелестел и переливался яркими красками парк. Рододендроны, сплошь усыпанные розовыми, малиновыми и фиолетовыми цветками, раскидистые липы, изумрудные газоны, розы всех оттенков — все это великолепие было словно тонко выписано вдохновенной кистью художника.

У входа их встретила пожилая пухленькая женщина, вся из уютных морщинок и седых кудряшек. Ее розовое лицо так и светилось радушием и приветливостью.

— Добро пожаловать в Эшберн-холл! Меня зовут миссис Браун, Полин Браун. Я — администратор общежития. Поэтому по всем бытовым вопросам обращайтесь сразу ко мне. Пойдемте, я провожу вас в ваши комнаты.

Она взяла со стойки ключи и важно прошествовала по коридору. Наташа с Ольгой, подхватив свои вещи, последовали за ней.

— Здесь у нас телефоны. Вниз по этой лестнице прачечная. Столовая на втором этаже. Здесь вы будете завтракать и ужинать. Обед в университете или в городе, уж как вам захочется.

Они поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж и прошли по длинному узкому коридору. Справа и слева белели двери с номерами. Миссис Браун отомкнула ключом дверь под номером четыре и сделала Наташе приглашающий жест рукой.

— Ваша комната, мисс Преображенски.

— Я — миссис.

— Извините. Я не знала.

— Ничего, русские носят обручальное кольцо на правой руке, не так, как англичане. Лучше зовите меня Наташа.

— Наташа. Очень мило. Располагайтесь, пожалуйста. — Миссис Браун повернулась к Ольге. — Ваша комната рядом, номер пять.

Наташа окинула взглядом комнату. Обстановка была самая что ни на есть пуританская. Узкая кровать в углу, тумбочка, стол со стулом, шкаф, книжная полка, умывальник и, конечно же, неизменный английский камин, правда, газовый. Подчеркнутая простота и неприхотливость.

Несмотря на это, все в комнате было выдержано в стиле прошлого века. Даже дверные ручки и краны умывальника. Благородная потертая медь, явно настоящие, а не подделка.

Наташа почувствовала себя героиней романа Агаты Кристи. Сейчас все гости соберутся в столовой, потом выяснится, что в доме произошло таинственное убийство, и их всех по очереди будет допрашивать странный маленький человечек с пушистыми усами. Знаменитый сыщик, который оказался здесь совершенно случайно.

Наташа подняла раму окна. Парк тянулся далеко, насколько хватало глаз. Справа, чуть в отдалении, виднелась спортивная площадка. Веселые возгласы и стук мяча свидетельствовали о том, что там сейчас резвятся студенты. Ощущение старины сразу пропало. Как-никак на дворе конец двадцатого века и ничего с этим не поделаешь.

Наташа уже почти закончила распаковывать вещи, когда в дверь постучали. В комнату стремительно ворвалась Ольга.

— Ты скоро? Я уже все здесь обследовала. Душевые и ванная — в конце коридора. Кругом одни желторотики, — затараторила она. — Мы с тобой в абсолютном меньшинстве. Правда, говорят, через неделю здесь будет проходить семинар по европейской литературе. Съедутся люди посOLIDнее.

— Солидности мне, тетя Оля, и дома хватает, — рассмеялась Наташа. — Давай хоть здесь забудем, что мы с тобой две засушенные училки.

— Да, на засушенных мы действительно не тянем, — хохотнула Ольга. — Пошевеливайся. В шесть часов общий сбор в столовой, торжественный ужин и все такое.

У входа в столовую их встретил маленький поджарый человек со стриженными ежиком седыми волосами.

— Здравствуйте! Я — Том Уилсон, директор Языкового центра. — Он энергично затряс их руки. Глаза его так и горели, усы смешно топорщились. — Курирую вашу группу.

— Наташа Преображенская.

— Ольга Зотова.

— Очень, очень рад. Надеюсь, мы приятно проведем время. Пойдемте, я познакомлю вас с остальными.

Остальных было десятка полтора человек, девушек и юношей, лет двадцати — двадцати двух, не больше. Несколько японцев и европейцев, большинство — американцы. Их сразу можно было отличить по громкому смеху и широченым белозубым улыбкам.

Все быстро расселись за столы. Том очутился за одним столом с Наташей. Она заметила, что он ловко перетасовал всех, чтобы быстрее освоились.

Он был явно из той породы людей, которых называют душой общества. Стоило ему появиться, и тут же воцарялась веселая, непринужденная атмосфера. Он так и сыпал шутками, помогая себе руками и богатой мимикой подвижного лица.

— Прежде чем мы приступим к еде, — закричал он, перекрывая общий нестройный говор, — хочу рассказать вам одну вещь, чтобы потом не было лишних вопросов. Когда Господь Бог создавал Европу, он все очень хорошо продумал и заранее распределил обязанности. Лучшие работники — кто?

— Немцы, — нерешительно сказал кто-то.

— Правильно! Лучшие кулинары?

— Французы.

— Точно! Лучшие полицейские, конечно же, англичане. А лучшие любовники?

— Итальянцы! — Этот вариант предложили сразу несколько голосов.

— Растолковал он это своим помощникам и прилег отдохнуть. А они возьми все и перепутай. И теперь у нас в Общем рынке лучшие работники — итальянцы, лучшие полицейские — французы, лучшие любовники — немцы, а лучшие кулинары — угадайте кто?

— Англичане!

— То-то. Именно поэтому в Общем рынке такой покой, порядок и высокая производительность труда. А о еде и говорить нечего. Так что ешьте и не обижайтесь. Ошибка природы.

Хохоча, все принялись за еду. Похоже, он не очень и преувеличил, подумала Наташа,

ковыряя вилкой в тарелке. Тушеное мясо под мучнистым соусом, тушеные же овощи, отварной картофель. Никаких специй. Доброкачественно и без всякого намека на фантазию.

Наташа взглянула на Тома. Он хитро подмигнул ей. Она поняла, почему он рассказал этот анекдот именно сейчас. Сразу выбил почву из-под ног у всех возможных критиков. Блестящий ход! Она подмигнула ему в ответ.

Программа курса включала лекции и семинары по проблемам Общего рынка, занятия английским языком для желающих, посещение фондовой биржи и фирм — производителей и экспортеров промышленного оборудования и материалов, бизнес-игры и прочие необременительные развлечения. Наташа рассматривала происходящее именно так.

Единственное, что могло бы быть ей полезно с профессиональной точки зрения, это занятия английским. Тут Том Уилсон был еще более неподражаем, чем во всем остальном.

Объясняя какое-нибудь выражение или грамматическую конструкцию, он разыгрывал целые сценки, яркие и сочные настолько, что потом предмет его объяснений уже невозможно было забыть.

— Не стесняйтесь применять нестандартные приемы, — говорил он Наташе и Ольге после занятий. — Все годится, лишь бы добиться цели — запоминания. А это гораздо легче происходит, когда включается воображение. В каждом человеке дремлет артист, в каждом, только на разной глубине. Ваша задача — докопаться, вовлечь в игру, и дело пойдет. Привлекайте для этого все средства, если надо, и язык тела.

Он принял позу танцовщицы варьете и завращал бедрами. От этого сказанное им прозвучало двусмысленно и, как все в его устах, забавно.

Лекции по Общему рынку или, как его чаще называют, Европейскому сообществу, были не очень интересными. Явно рассчитанные на несведущих людей, они сильно отдавали ликбезом, где вопрос исследуется «по верхам», без особого анализа и обобщений. Поэтому Наташа и Ольга все чаще прогуливали, резонно полагая, что найдут более достойное применение своему времени. Все, что говорилось на лекциях, было так или иначе им уже знакомо по газетным и журнальным публикациям последних лет, а также по достославным временам учебы в институте.

— Вам не интересно? — спросил их Том еще в самом начале.

— Нет, — без обиняков ответила Ольга. — Вообще-то лекции толковые, но не для таких специалистов, как мы.

— Пройденный этап, — подхватила Наташа. — Вот лет этак двадцать назад...

— Двадцать лет назад вы еще пешком под стол ходили, — мрачно заявил Том.

— Том, вы обеспечили мне хорошее настроение на целый день, — рассмеялась она. — Напоминайте мне об этом почаще, ладно?

— Для этого надо вас почаще видеть, — заметил он.

— Вечерами мы совершенно свободны, правда, Ольга?

— Еще бы! Набор развлечений здесь так себе. Для людей с нашими доходами, разумеется. Одни пабы^[18]. Вот Наташа ходит, а я нет. Терпеть не могу пиво.

— Я тоже, — вставила Наташа. — Но надо же приобщаться к национальной культуре.

— Все это замечательно, но вам же придется писать итоговую работу. Иначе вы не получите свидетельство об окончании курса.

— Естественно. — Ольга, как всегда, излучала всепобеждающую уверенность в себе. — И будьте спокойны, у нас будет высший балл.

— Я вижу, вы сомневаетесь, — сказала Наташа. — Можете хоть сейчас проверить нас. — Ну же, любой вопрос по Общему рынку.

— Любой?

— Любой.

— Извольте. Но прошу запомнить, я вас за язык не тянул. При торговле продуктами питания внутри Сообщества какой стандарт имеет приоритет, национальный или общеевропейский?

— Какой замечательный вопрос, а, Наташ? — Ольга аж закатила глаза, всем своим видом выражая восхищение.

— Мечта!

— Кто будет отвечать?

— Ты начни, а я продолжу.

— Поскольку при таком мощном ассортименте невозможно разработать общие стандарты по всем позициям, было принято соломоново решение, а именно: если тот или иной продукт соответствует национальному стандарту и разрешен к продаже в данной стране, он может продаваться в любой стране Сообщества.

— Иначе говоря, — подхватила Наташа, — что хорошо, например, для Франции, хорошо и для всех остальных. А началось все с «Дела Кассис де Дижон», французского ликера из смородины.

Том беспомощно поднял вверх обе руки.

— Значит ли это, маэстро, что вы удовлетворены? — осведомилась Ольга.

— Более чем. Сражен наповал вашей эрудицией.

— Следует это понимать так, что мы получаем индульгенцию за все прошлые и будущие прогулы? — Наташа решила ковать железо, пока горячо.

— Именно так. Кстати, вы пробовали «Кассис де Дижон»?

— Никогда.

— Очень рекомендую. Не в чистом виде, слишком сладкий, а в сочетании с шампанским. Это что-то особенное!

Наташа лукаво посмотрела на него.

— А что бы вам нас не угостить, коли вам пришла в голову эта мысль? У нас еще во времена Советского Союза говорили «инициатива наказуема».

— Ничего не имею против. Всегда бы меня так наказывали! — галантно парировал Том.

После этого памятного разговора, закончившегося в ресторанчике «Трафальгар» на Йорк-стрит, жизнь у Наташи с Ольгой стала совсем привольной.

Они быстро облазили весь Манчестер, благо смотреть здесь было особенно нечего. Внушительный собор пятнадцатого века, ратуша со звонницей, выстроенная в псевдоготическом стиле, неизменный памятник принцу Альберту, обожаемому мужу королевы Виктории. По ее распоряжению их соорудили в свое время по всей Англии. Да еще, пожалуй, картинная галерея на Принсесс-стрит со впечатляющей коллекцией английской живописи.

Совершили паломничество в Ливерпуль к битловским местам, съездили в Честер и Йорк соприкоснуться с седой стариной. Правда, о ней напоминали только мрачноватые своды соборов да древние камни крепостных стен. Все остальное было тщательно вылизано и отполировано и напоминало гляцевую картинку из журнала для туристов. Во всем

чувствовался трепет и благоговение перед историей и еще огромные деньги, которые в это вкладывались.

Наташа вспомнила полуразрушенные церкви своего детства, с поросшими травой стенами и ободранными куполами. Слава Богу, что теперь лицо России постепенно меняется.

Загородные пейзажи были особенно пленительны. Пологие холмы, тут и там перечеркнутые изгородями из светлого камня. Раскидистые рощи, зеленые луга, нежащиеся под скупыми лучами солнца. Ей все казалось, что вот сейчас раздастся резкий звук охотничьего рога и из-за деревьев вынесется свора гончих псов вслед за ополоумевшей от страха лисицей. А за ними и всадники в лосинах и красных курточках и дамы в развевающихся амазонках.

Вечера она чаще всего проводила со своими новыми знакомыми по группе. Они как-то сразу приняли ее в свою компанию, несмотря на разницу в возрасте. Да она и не чувствовалась. Никто, похоже, не верил, что ей уже исполнилось тридцать пять.

Их вечерние эскапады в точности соответствовали объему тощих студенческих кошельков. Прокуренные пабы с неизменным пивом да полутемные дансинги, содрогаящиеся от оглушительной музыки.

Впрочем, им было весело. Молодость не обращает внимания на мелкие неудобства. Для Наташи это было забавным разнообразием. Когда она была студенткой, в Москве еще не было устойчивой традиции ходить в кафе или на дискотеку. Народ все больше оттягивался по квартирам. В московские пивные женщины, по вполне понятным причинам, не ходят. Поэтому ей было интересно наблюдать за новым для нее миром.

Впрочем, особого удовольствия ей это не доставило. Завсегдатаи пабов были малопривлекательны и как человеческие особи, и как собеседники. Вообще средние англичане, из тех, которых можно встретить на улице или в автобусе, разочаровали ее. Она и сама не могла бы себе объяснить, чего ждала. Те англичане, которых она знала, имели внутри прочный стержень, сгусток жизненной энергии, динамизм в сочетании с интеллектом и изысканностью. Древняя европейская культура наложила на них неповторимый отпечаток, который довольно редко можно встретить в американцах.

А тут, на улице или в пабе, ей все чаще приходили мысли о вырождении. Женщин это, похоже, пока не коснулось. Но мужчины, мужчины! Ранние лысины, пивные брюшки, длинные носы в красных прожилочках. Бр-р-р! Наташа поймала себя на мысли, что за все это время ей не попалось на улице ни одного мужского лица, на которое хотелось бы обернуться. Тревожный симптом.

Уж очень хотелось поскорее уехать в Лондон. Она знала даже, где остановится. Ее новая подруга Карен, студентка Университета штата Айова, как раз перед началом курса провела неделю в Лондоне.

— Студенческие общежития — просто кошмар, — рассказывала она. — По десять человек в комнате. Сама можешь себе представить, что там творится. Но за четыре фунта в день чего еще ждать.

Вместо этого она разыскала в газете объявление, гласящее, что Общество друзей девчонок предоставляет ночлег с завтраком особам женского пола в уютном домике недалеко от Гайд-парка всего за шесть фунтов за ночь. «Обществом» оказалась бойкая пятидесятилетняя вдова, миссис Валери Нэш. Ее муж оставил ей трехэтажный домик на тихой улочке в пяти минутах ходьбы от Гайд-парка, а поскольку энергии ей было не

занимать, она живо переоборудовала его в скромный домашний пансион. Кроме нее, там постоянно обитали две приживалки, пожилые дамы весьма респектабельного вида, которые выполняли разные работы по дому.

— Там очень мило, чистенько и уютно. Комнаты на двоих. Только ты закажи себе место заранее. В сезон там всегда переполнено.

Совет оказался очень полезным. Когда Наташа, прикинув по своим скромным финансам, что шесть дней в заведении миссис Нэш она вполне потянет, позвонила ей, та сказала, что как раз через неделю у нее освобождается одно место, да и то на пять дней, не больше.

— Вам еще крупно повезло, поверьте. Все знают, что лучше, чем у меня, за эти деньги ничего не найдешь. Заказывают за месяц вперед. Как, вы сказали, ваша фамилия? Преображенска? Вы из Польши?

— Из России.

— Русская! Как интересно! Вы будете первой русской у нас. С нетерпением буду ждать вашего приезда.

Теперь предстояло утрясти все с Томом. Она нашла его в уютном маленьком кабинетике под самой крышей языкового центра с чашкой дымящегося чая в руке.

— А-а, Наташа! Редкая гостья! Заходите, рад вас видеть, — приветствовал он ее, оторвавшись от внушительной кипы бумаг, разложенных на столе. — Как идут дела?

— Отменно, благодарю вас. У меня к вам просьба, Том, только, ради Бога, не говорите, что я и так достаточно испытывала ваше терпение.

— Обещаю, что не скажу. Что на этот раз?

— Хочу съездить в Лондон.

— Объяснимое желание. Я и сам хочу, но дела не пускают. Вот закончу с вами и заскочу туда по дороге во Францию. У меня на август запланированы лекции в Страсбурге.

— Поздравляю. А что бы вы сказали, если бы я уехала туда за неделю до окончания курса?

— На сколько дней?

— На всю неделю. И в Москву улетела бы прямо оттуда. Я уже узнавала в представительстве Аэрофлота. Они берутся перекинуть меня на лондонский рейс.

Том задумчиво почесал в затылке.

— Да, дела. В принципе я не возражаю, но как же итоговая работа?

— В этом-то все и дело. Как вы думаете, не могла бы я написать ее раньше?

— Когда?

— Завтра или послезавтра. А Ольга привезет мой сертификат.

— Значит, она остается. Так-так. Я вижу, вы уже все продумали.

— В общем да. Слово за вами.

— Как же это так получается, не пойму, что я ни в чем не могу вам отказать?

— Значит, завтра?

— Часов в одиннадцать. Но учтите, я буду строг и беспристрастен.

— А как же иначе!

Ее провожали всей компанией. Когда они шумной гурьбой ввалились на автовокзал, полусонные механики и носильщики только глаза вылупили. Еще бы! Ведь было почти два часа ночи.

Наташа специально взяла билет на последний рейс, чтобы не тратить на дорогу светлую часть дня. Время слишком дорого. Впереди маячил Лондон, загадочный и притягательный, как шкатулка с сюрпризом. Она знала наизусть названия всех центральных улиц, столько раз восхищенно рассматривала фотографии с видами древней британской столицы, что, казалось, не заблудится там и с завязанными глазами.

Теперь лишь четыре часа пути отделяли ее от встречи лицом к лицу. Даже не верится!

Друзья основательно экипировали ее на дорогу, притащили сандвичи, печенье, кока-колу в банках, шоколадки и два больших яблока. Это было очень кстати, потому что она в суматохе совершенно не подумала о еде. Хорошо, когда есть друзья.

— На каждой станции метро есть бесплатные карты Лондона для туристов, — напутствовала ее Карен. — Так что не вздумай на это деньги тратить. И передай от меня привет миссис Нэш.

— Обязательно зарули в Сохо. Там такие ночные бабочки, закачаешься! — Это Флинн, студент из Южной Каролины.

Наташа не выдержала и расхохоталась. Несмотря на его баскетбольный рост, он был таким милым, домашним и неиспорченным мальчиком, что представить его в злачном месте было просто невозможно.

— Непременно. Я ведь именно за этим и еду.

Тут подали автобус. Все стали прощаться. Поцелуи, объятия, последние напутствия. В общей суматохе Наташа подошла к Ольге, они расцеловались.

— Увидимся в Москве.

— Будь умницей.

— Ты тоже.

Автобус тронулся. Наташа махала им из окна, пока вокзальная площадь не скрылась за поворотом.

Автобус прибыл на вокзал Виктория точно по расписанию. Было шесть часов утра. Улицы совершенно пусты. Утреннее солнце лениво отражается в сонных еще стеклах окон.

Наташа мысленно поздравила себя с тем, что послушалась Ольгу и оставила ей чемоданчик с вещами. У нее с собой была только небольшая дорожная сумка. Значит, можно не спускаться в метро и с удовольствием прогуляться налегке.

Воздух был жемчужно-розовый и по-утреннему свежий. Вокруг ни души. Волшебный спящий город без людей.

Наташа дошла до Гайд-парка и наугад побрела по извилистым дорожкам. Спешить было некуда. Миссис Нэш ждет ее не раньше девяти.

Из серебристой утренней дымки на широкую песчаную дорожку выехали два всадника на вороных лошадях. Их лоснящиеся бока отливали серебром. Изящно перебирая тонкими ногами, они легко, почти не касаясь земли, прогарцевали мимо. Сзади бежал огромный пятнистый дог.

Они были так умопомрачительно красивы, что у Наташи захватило дух. «Я в Лондоне, — подумала она, задыхаясь. — И это не сон. Я действительно в Лондоне». Только сейчас она до конца поверила в это.

Издали раздавался звук трубы. Наташа поспешила туда и не напрасно. На просторной зеленой лужайке строились в каре конные гвардейцы. Их золотые каски и начищенные пуговицы на мундирах ослепительно горели на солнце. Породистые лошади нервно грызли

удила и нетерпеливо переступали копытами. Видно было, что им трудно держать строй, не терпится размять застоявшиеся ноги, пронестись неистовым галопом куда глаза глядят.

Город постепенно оживал, но где-то там, за пределами парка. Наташе пока не хотелось возвращаться в двадцатый век, насыщенный автомобильными гудками и выхлопными газами автобусов. Пока нет. Она нашла уютную скамеечку под раскидистым дубом и с удовольствием позавтракала. Ее не покидало упоительное чувство свободы. Она одна в незнакомом и одновременно таком знакомом городе. Она вольна пойти куда угодно, делать, что заблагорассудится. Ее никто здесь не знает, и она не знает никого. Я сегодня один, я человек-невидимка, как поет Андрей Макаревич. Но сердце вдруг забилося и ухнуло куда-то вниз.

Майкл. Его имя выплыло из закоулков памяти, как всегда, неожиданно, коварно застало врасплох. Ее вечная заноза в сердце, неизбежная боль, надежно и глубоко запрятанная от самой себя. Ведь сколько лет прошло, ан нет, вот она, здесь, никуда не делась. Это его город, он живет где-то здесь, ходит по этим улицам, работает, спит, любит кого-то. Не ее. Ее он, наверное, уже забыл. А она не забыла, как ни старалась.

Только с ним она чувствовала себя настоящей женщиной. Только он был способен вознести ее к вершинам чувственности, заставить ее ходить по краю бездны и получать от этого удовольствие. Он кружил ей голову, как никто другой ни до, ни после. И они оба наслаждались этим.

Но ничего уже не исправишь. Судьба поторопилась свести их. Случись это сейчас, и все было бы иначе. Впрочем, как знать. По крайней мере, у нее остались дивные воспоминания.

Она, наверное, могла бы разыскать его. Если он до сих пор живет в Лондоне, его номер должен быть в телефонной книге. Но на это уйдет слишком много времени. Одному Богу известно, сколько в Лондоне Майклов Джонсов. Нет, нет, пусть все остается как есть. Не стоит искушать судьбу еще раз.

Однако пора. Наташа решительно поднялась и направилась к Кенсингтон-роуд. Вот и Альберт-холл, еще одно напоминание о принце Альберте. Что ни говори, а королеве Виктории удалось обессмертить своего мужа.

Общество друзей девчонок располагалось в доме 12 по Квинз-Гейт. Прелестная тихая улочка, два ряда двух-трехэтажных домов за узорчатыми чугунными решетками. Изысканные фонари по углам. Когда-то фонарщики зажигали в них газовые рожки. Теперь сюда провели электричество, но, кроме этого, ничего не изменилось. Квинз-Гейт, картинки старого Лондона. Похоже, что декорации для фильма «Моя прекрасная леди» срисовывали именно с нее.

Наташа нажала кнопку звонка. Дверь открыла маленькая старушка в кокетливом накрахмаленном фартучке. Ее отвислые морщинистые щеки и массивный, выдающийся вперед подбородок делали ее похожей на бульдога, причем, на очень добродушного.

— Доброе утро! — сказала Наташа. — Я хотела бы видеть миссис Нэш.

— Заходите, пожалуйста. — Старушка отступила в глубь просторного холла, освобождая Наташе дорогу. — Она сейчас спустится.

Не прошло и нескольких минут, как перед ней предстала Валери Нэш во всей красе. Ее коренастая фигура излучала энергию. Голубые глаза смотрели уверенно, твердо и не без лукавства. Темные волосы с обильной проседью были тщательно уложены. Рукава красного клетчатого платья были закатаны до локтей, что придавало еще больше решительности всей ее фигуре. Такая не потерпит беспорядка в своем заведении и будет до конца отстаивать

право своих жильцов на покой и комфорт.

— Здравствуйте, миссис Нэш, я — Наташа Преображенская. Мы с вами говорили по телефону несколько дней назад.

— Как же, отлично помню. Русская девушка. Ваша комната уже ждет. Дайте-ка рассмотреть вас получше.

Наташу несколько не возмутила ее бесцеремонность, так естественно и просто это прозвучало.

— Как видите, ни шерсть, ни клыки у русских не растут. Так что можете быть спокойны.

— Ну что вы, моя дорогая. Не стоит принимать меня за дикарку. Просто мы живем здесь одной большой семьей, и мне хочется сразу познакомиться с новыми постояльцами поближе.

Способ уж больно оригинальный, подумала Наташа, но вслух ничего не сказала. Миссис Нэш тем временем подхватила ее сумку и направилась к лестнице.

— Ваша комната на третьем этаже, под самой крышей. Чудесный вид из окна. Сегодня попозже приедет ваша соседка. Она уже три года неизменно останавливается у нас, когда приезжает в Лондон. И таких постоянных клиентов у меня много, — с гордостью заявила миссис Нэш. — Надеюсь, вам тоже понравится и мы встретимся в следующий ваш приезд.

Наташа ничего не успела ответить. Когда Валери Нэш говорила, вставить слово было просто невозможно.

— Можно подняться на лифте, но мне хотелось бы сразу показать вам, где что. Столовая и кухня в полуподвале, вот по этой лестнице до конца. Там у нас очень мило все устроено. В конце этого коридора направо прачечная. Налево, вон в той нише, телефон.

Они поднялись еще на этаж. У Наташи голова пошла кругом от обилия коридорчиков, закоулков и поворотов. Не дом, а лабиринт какой-то. Интересно, на сколько человек он рассчитан. Но она опять не успела ничего спросить.

— А вот и ваша комната. Располагайтесь. Вот здесь туалетная комната с душем. Выбирайте любую кровать. Как говорится, кто первый приехал, того первого и обслуживают. Вечерами желательно возвращаться до одиннадцати часов, тогда вам кто-нибудь откроет. А на тот случай, если задержитесь, вот ключи. Этот от комнаты, большой от входной двери, маленький от решетки. Завтрак с восьми до десяти. Чувствуйте себя как дома, дорогая. Мы все вам очень рады.

Наташа вернулась на Квинз-Гейт за полночь, не чуя под собой ног от усталости. Она почти не присела за целый день. Ноги сами несли ее вперед. Букингемский дворец, Парламент, Биг Бен, Вестминстер, Трафальгарская площадь, Национальная галерея, где она добрых полчаса простояла, ослепленная, перед «Подсолнухами» Ван Гога, Пиккадили. Надо заставить себя сбавить темп, иначе она просто рухнет. Разум приказывал ей это, но сердце требовало — еще, еще! Как прекрасно, когда сбываются мечты.

Она протянула было руку к выключателю, но вовремя одернула себя. Соседка, наверное, давно уже спит. Неудобно будить ее. Наташа сделала несколько осторожных шагов и тут же наткнулась на стул.

Зажегся свет ночника. С кровати на нее смотрела прелестная блондинка, одного с ней возраста, может быть, чуточку старше.

— Не стесняйтесь. Зажигайте свет. Я все равно не сплю.

— Извините, что так поздно. Я первый раз в Лондоне. Никак не могла загнать себя домой.

— Со мной тоже так было, когда я приехала сюда впервые. Такой уж это город. Затягивает, как омут. Кстати, меня зовут Кристина.

— Наташа.

— Я знаю, вы из России. Валери всем сегодня только о вас и рассказывает.

— Вот уж не думала, что стану местной знаменитостью. А вы откуда приехали?

— Из Олдершота. Это маленький городок в полутора часах езды от Лондона.

Она говорила с чуть заметным акцентом. Наташа прислушалась. Скандинавия, Дания, Голландия. Что-то в этом роде.

— Деловая командировка, если можно так выразиться. Я здесь от нашего женского комитета, закупаю подарки для детского праздника. Пока ничего подходящего не нашла.

— И как вам там живется, в Олдершоте?

— Поначалу, когда муж только привез меня туда, очень скучно было. Городок-то ведь крошечный, всего несколько десятков тысяч человек. Если ты кого лично и не знаешь, то все равно знакомое лицо. Шучу, конечно. Я ведь из Стокгольма. Там совсем другая жизнь. Мой муж работал там несколько лет по контракту. — Наташа мысленно поздравила себя. Ее догадка оказалась верной. — А потом привыкла. Дети родились, у меня их трое. Теперь даже нравится. Тихо, спокойно, воздух чистый, все свои. Как будто иначе и не бывает.

— А как к вам отнеслись местные жители, когда вы только приехали? — полюбопытствовала Наташа. — Иностранка все-таки.

— По-разному. Кто как. Но в основном хорошо. Я очень быстро почувствовала себя своей, тем более что с языком особых проблем не было. У нас в Швеции очень хорошо обучают английскому. С самого детства.

Наташа заметила, что Кристина сказала: «У нас в Швеции». Значит, совсем уж англичанкой она себя пока не чувствует. Или не хочет. Тонкое это дело.

Они проболтали еще часа два и только потом в изнеможении уснули.

Когда наутро Наташа проснулась, шел уже десятый час. Кристины не было. Наверное, шерстит всю детские магазины.

Наташа быстро приняла душ, на ходу проглотила свой завтрак и выбежала на улицу. Сегодня ей хотелось побродить вдоль Темзы, осмотреть все мосты и добраться таким образом до Тауэра.

Тауэр был несказанно хорош в этот ясный солнечный день и совсем не похож на страшную темницу, где столько несчастных нашли свой конец. Только внутри, пройдя по низким темным коридорам и казематам, увидев топор и плаху, она, содрогнувшись, поняла, что первое впечатление обманчиво. Ведь именно здесь две жены Генриха VIII, Анна Болейн и Кэтрин Говард, заплатили страшную цену королевской любви. Обе были молоды и красивы, но это не спасло их, а скорее погубило.

Тем же путем, вдоль Темзы, Наташа дошла до галереи Тейта. Мирные пейзажи Констебля восстановили ее душевное равновесие и в какой-то степени примирили с несовершенством мира.

На обратном пути она слегка заплутала и неожиданно вышла на улицу, название которой показалось смутно знакомым. Кингз-роуд.

Кингз-роуд. Наташа замедлила шаг и в задумчивости остановилась прямо посреди

тротуара. На нее тут же кто-то налетел, но она даже не почувствовала. Ну, конечно, как она могла забыть. Кингз-роуд, 24. Лондонский офис «ЭНКО», той самой британской фирмы, которая сотрудничала с ними в Нигерии. Майкл Джонс, Джек Мартин, Майкл, Майкл Майкл. И это где-то здесь, совсем рядом.

Наташа перешла на четную сторону. А вот и номер двадцать четыре. Не задумываясь более, Наташа толкнула тяжелую дверь, слева от которой красовалась медная табличка с надписью «ЭНКО», и вошла в прохладный, отделанный деревянными панелями холл.

В глубине его, за массивной стойкой, восседала молоденькая секретарша. Наташа быстро подошла к ней.

— Здравствуйте, я хотела бы видеть М-м-май... Джека Мартина.

Секретарша удивленно уставилась на нее.

— У нас такой не работает.

— Ну тогда Майкла Джонса.

— Тоже нет. Вы уверены, что пришли по адресу?

— Конечно. Есть здесь кто-нибудь, кто работал в фирме в 1980 году?

— Одну минуту.

Секретарша зашелестела клавишами компьютера.

— Пол Смит. Но он сейчас на совещании. Освободится не скоро. Еще Робин Бромптон. Второй этаж, третья комната налево.

Это имя ничего не говорило Наташе, но она решила рискнуть. Бромптон оказался совершенно незнакомым ей седым джентльменом, но он сразу вспомнил и нигерийский проект, и тех людей, которые так интересовали Наташу.

— Майкл уволился из фирмы в самом начале восьмидесятых и сразу уехал куда-то, кажется, в Южную Америку. А Джек Мартин работал до восемьдесят девятого года, а потом вышел на пенсию. Боюсь, у меня для вас не самые хорошие новости. Он умер год назад.

От неожиданности Наташа больно прикусила губу. Трудно было представить, что Джека больше нет. Он всегда был так полон жизни. Сколько ему было лет? Семьдесят, семьдесят один или, может быть, и того больше?

— Я был у него на похоронах. Очень грустно все это. — Бромптон тихо вздохнул. — Замечательный был человек.

— Скажите, а у вас не сохранился телефон его жены, то есть вдовы?

— Сьюзен? Конечно.

Он продиктовал ей номер.

— Можно позвонить от вас?

— Несомненно. — Он пододвинул к ней телефон.

«Ковент-Гарден», как всегда, кишмя кишел народом. С тех пор как отсюда убрали знаменитый рынок и взамен понастроили кафе, кондитерских и ресторанчиков, это место облюбовали для себя уличные музыканты, фокусники и торговцы сувенирами. И неудивительно, ведь от туристов отбою не было.

Сьюзен Мартин присела за угловой столик кафе, откуда открывался хороший вид на площадь, и приготовилась ждать. Наташа должна была появиться с минуты на минуту. Самое главное, не пропустить ее в этой толпе.

Ее звонок застал Сьюзен врасплох. Голос из далекого прошлого, когда они с Джеком еще только начинали свой путь. Каким безоблачным сейчас казалось то время.

Сьюзен почувствовала, как на глазах закипают слезы. Она никак не могла приучить себя к мысли, что его больше нет. Она привыкла быть нужной, предупреждать все его желания, купаться в его любви. И вдруг, в одночасье, все кончилось. Пустота вокруг, которую ничто не может заполнить. Вот когда она по-настоящему пожалела, что у них не было детей.

Сьюзен сняла изящную соломенную шляпку с загнутыми полями и положила на стул. Встряхнув волосами, она достала из сумочки сигарету и закурила. И тут же почувствовала угрызения совести. Джек так не любил, когда она курила. Всю жизнь неустанно боролся с этим.

— Ты же умная девочка, Сью, — услышала она его хриловатый голос. — Это все равно, что поджигать банкноты и дышать их ядовитым дымом.

А теперь даже остановить ее некому. Вздохнув, Сьюзен затушила сигарету и тут увидела Наташу. Она стояла в толпе зевак и слушала струнный дуэт. Девушка и юноша в две скрипки играли Вивальди. Воздушная, трепетная музыка взвивалась над толпой. Сьюзен видела, как светлеют лица людей, на глазах становясь добрее и мягче.

Наташа слушала их, прикрыв глаза. На губах блуждала неуловимая улыбка. А она почти не изменилась, подумала Сьюзен. Даже похорошела. Красота ее стала более зрелой и законченной. Она заметила, с каким интересом поглядывают на нее стоящие рядом мужчины.

Музыканты закончили играть. Раздались громкие аплодисменты. Наташа вздрогнула, словно пробудившись от сна, и обежала глазами площадь. Сьюзен помахала ей рукой.

— Привет! — Наташа опустилась на стул рядом с ней. — Ты слышала, как они играли? — Сьюзен кивнула. — Чудо какое! Жаль, что у меня денег в обрез. Все бы им отдала.

— Ты все такая же восторженная, — заметила Сьюзен. — Ничуть не изменилась.

— Ты тоже. — Наташа взглянула на нее.

Это было, конечно, некоторое преувеличение. Сьюзен очень изменилась с тех пор, как они виделись в последний раз. Веки набрякли, в уголках глаз притаились морщинки, которые даже умело наложенный слой косметики не мог скрыть. Время беспощадно к женщинам.

— Извини, что не пригласила тебя домой. Я стараюсь оттуда улизнуть при первой возможности. Подумываю даже о переезде.

Наташа сразу поняла, что она имеет в виду. Видно, даже спустя год все еще настолько полно Джеком, что ей не вмоготу.

— Все в порядке. Я понимаю, — сказала она. — Мне так жаль, Сьюзен. Я...

Сьюзен замахала рукой.

— Не надо об этом. Я и так раскисла, когда ты позвонила. Сразу вспомнила, как вы танцевали тогда, в Африке. И все вновь ожило. Сколько лет прошло с тех пор? Десять, двенадцать?

— Пятнадцать.

— Так много. Господи, целая жизнь. А я и не заметила. Давай закажем что-нибудь, отмстим нашу встречу. Конечно, коктейль в кокосовом орехе нам здесь не подадут, но за сухое мартини ручаюсь.

— Ты тоже все помнишь, — заметила Наташа.

— Как будто это было вчера.

Бокалы негромко звякнули.

— За тебя.

— За тебя и за твой приезд. Расскажи, как ты здесь очутилась и как нашла меня.

Пока Наташа рассказывала, Сьюзен задумчиво катала по тарелке маслину.

— Здорово, что у тебя есть сын и что ты работаешь. Тебе удалось заполнить свою жизнь. Это моя большая ошибка.

— Поправимая.

— Надеюсь. — Они помолчали.

— Ты помнишь Майкла Джонса? — вдруг спросила Сьюзен.

От неожиданности Наташа чуть не выронила бокал.

— Д-да.

— Насколько я помню, между вами в Нигерии начиналось что-то красивое.

Красивое. Начиналось. Она даже не знает, насколько она права, в смятении подумала Наташа. Рука ее еле заметно задрожала.

— Он звонит мне иногда, — ничего не замечая, сказала Сьюзен.

— Он... в Лондоне?

— Насколько я знаю, сейчас да. Он много ездит. Никогда не знаешь, когда объявится.

— Чем он занимается? — как можно более небрежно спросила Наташа.

— О-о, это целая история. — Сьюзен даже оживилась. — После ухода из «ЭНКО» он долго работал в Чили и Аргентине. Строил какие-то крупные заводы. И видно, неплохо строил, потому что теперь он владелец крупной строительной компании. Никак не могу запомнить ее название. Большими деньгами ворочает. И что самое интересное, до сих пор не женат. Ума не приложу, как это ни одна кошечка его не окрутила. Уж больно лакомый кусочек. Хочешь, дам тебе его телефон?

Наташа промычала что-то нечленораздельное. Язык так и прилип к гортани, голосовые связки не слушались. Неужели все действительно так просто: наберешь номер и услышишь его голос?

— Ну так как? Будешь ему звонить?

— Может быть.

Майкл переложил трубку в левую руку, подписал оставшиеся письма и кивнул секретарше. Она быстро собрала их в папку и вышла.

— Так что ты говоришь у тебя за идея, Брайс?

— Может, съездим на выходные в Брайтон? Сыграем в гольф, искупаемся. Лошади уже застоялись. Проветримся, смоем с себя городскую пыль, а?

— Пожалуй. А много нас там будет на этот раз?

Брайтонский дом Трентонов в сезон всегда напоминал потревоженный улей. Миллионы старшего Трентона, отца Брайса, владельца издательского дома «Трентон-хаус», были хорошей приманкой. Равно как и красота его дочери Лоры. Искатели легких денег слетались туда, как мухи на мед.

— Только мы, Биби и Лора.

Какой миленький семейный квартет, усмехнулся про себя Майкл. Биби, Барбара Трентон, была женой Брайса.

— Что так скромно?

— Родители вчера укатили в Довиль. А без маман, сам знаешь, приемы закатывать некому.

У Брайса была забавная привычка пересыпать свою речь французскими словечками.

— Лора что-то дуется на тебя в последнее время. Сэ дрозль^[19], Майк. Между вами что-то произошло, о чем я не знаю?

— Ничего нового.

Кроме того, что мисс Трентон, кажется, твердо решила стать миссис Джонс, закончил про себя Майкл. При этом ее несколько не волновала смена звучной фамилии «Трентон» на простенькую «Джонс». Вот уж воистину не фамилия красит человека.

Избалованная, обворожительная Лора привыкла ко всеобщему восхищению и поклонению. Находящиеся от нее в радиусе километра мужчины просто не имели права сохранять в неприкосновенности свой рассудок. Вежливое безразличие Майкла сначала вывело ее из себя, а потом заинтересовало. Она сама дала ему понять, что не прочь познакомиться поближе. Их несколько раз видели вместе, вполне достаточно, чтобы поползли слухи и догадки.

И не то, чтобы она оставила его равнодушным. Для этого нужно было быть камнем. Но он настолько привык к легким и необременительным отношениям с женщинами, что был просто не готов к чему-то более серьезному. Хотя пора бы, ведь не мальчик уже.

Вся беда в том, что не хватает главного, со вздохом подумал Майкл. Той самой волшебной искорки, которая озаряет все вокруг, тревожит и не дает спать по ночам. Это случилось с ним лишь один раз в жизни. Эль амор. Любовь.

А впрочем, может, без нее и спокойнее. Ему, по крайней мере, она ничего хорошего не принесла.

— Решено, Брайс. Увидимся в пятницу.

Майкл положил трубку. Телефон тут же зазвонил снова. Кто на этот раз? Номер его прямого телефона был известен лишь немногим самым близким людям.

— Майкл?

— Да.

— Майкл, это я, Наташа.

Во внезапно наступившей тишине он услышал ее легкое дыхание. Не может быть, этого просто не может быть!

— Майкл? Ты здесь?

— Да, да. Я слушаю.

— Я... Сьюзен Мартин дала мне твой телефон, и я подумала...

Голос ее неожиданно пресекся. Просто растаял в трубке и все. Майкл сжал трубку так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Наташа! Как... где... О Господи, что это мы лопочем? Где ты сейчас?

— Недалеко от Гайд-парка. Я здесь остановилась на несколько дней.

— Отлично. Через час я буду ждать тебя в баре «Трэмп». Это недалеко от Пиккадили.

Он объяснил ей, как туда добраться, что немного привело его в себя. Если хотите обрести чувство реальности, смело беритесь описывать дорогу куда-нибудь, чем заковыристей, тем лучше. Моментально отрезвляет.

К тому моменту, когда он повесил трубку, он уже вполне владел собой.

Майкл не случайно назначил Наташе встречу в баре «Трэмп». Это был скорее не бар, а дансинг-клуб, изысканно стилизованный под бродяжий притон^[20]. Излюбленное место лондонской богемы, он привлекал самую сумасбродную публику, которую только можно

вообразить. Все заезжие знаменитости считали своим долгом отметить здесь.

Среди завсегдатаев было много известных лиц, не сходящих с обложек модных журналов. Авангардные модельеры и их модели, похожие на причудливых птиц, театральные режиссеры, художники, писатели и киношники всех мастей, рок-звезды и дизайнеры придавали заведению тот неповторимый колорит, который неизменно обеспечивал «Трэмпу» славу самого модного местечка в Сохо.

Официанток подбирали исключительно по длине ног или, может быть, специально выращивали для этой цели. Более длинноногих девиц было просто невозможно себе представить. Коротенькие лохмотья, в которых они щеголяли, только подчеркивали эту деталь их тел. Плавно перемещаясь между столиками, они не просто обслуживали клиентов, но, казалось, исполняли замысловатый танец, каждый раз новый, в зависимости от музыки.

Над всем этим разношерстным сборищем уверенно царил Мекки-Нож^[21], чернокожий ди-джей, краса и гордость «Трэмп». Когда он восседал за пультом, его власть над людьми была бесконечной. Он мог взвинтить аудиторию до высшей точки кипения и тут же остудить, погрузив в обволакивающие волны блюза. Мог довести чувственность до самого опасного предела, а потом, одним мановением руки, вздыбить цунами рок-н-ролла. Он жонглировал сердцами людей, как умелый циркач на арене жонглирует мячиками. Брехтовскому герою такое и не снилось.

Майкл часто приходил сюда и уже успел стать своим. Нигде он так не отдыхал, как здесь, после монотонной мясорубки Сити. Рыцари бизнеса, закованные, как в броню, в одинаковые деловые костюмы, сюда не заглядывали. На этот счет он мог быть абсолютно спокоен. Здесь он мог себе позволить быть самим собой, тем Майклом Джонсом, которому не суждено было состояться в реальной жизни. Почти таким, каким он бывал в Испании, мачо, крутым, рискованным мужиком, любящим ходить по лезвию бритвы.

И женщины здесь были совсем другие, не такие, которых он встречал на скучных деловых приемах. Раскованные и бесшабашные, они не признавали никаких запретов. Жить, как они, Майкл не смог бы. Это бы скоро наскучило. А вот мимолетные соприкосновения с их миром были как прохладный, освежающий душ в жаркий день.

Майкл ждал Наташу, и чем дальше, тем больше сомневался в правильности сделанного шага. В одну и ту же реку нельзя войти дважды. Та вода уже утекла, все изменилось. Изменились и они. Он слишком хорошо, до мельчайших деталей помнил о том, что было между ними пятнадцать лет назад, слишком дорожил этими воспоминаниями.

Ему вдруг стало не по себе. Вот она придет сейчас, не первой свежести тетя с двойным подбородком и расплывшейся фигурой, и все испортит. О чем они будут говорить? Впрочем, Мекки-Нож не даст ему пропасть. Сегодня музыка гремела, как никогда.

Народ продолжал прибывать. Обычно «Трэмп» заполнялся до отказа к десяти часам вечера, а после менеджеру приходилось отказывать разгоряченным посетителям, когда вежливо, а когда и не очень, смотря по ситуации. И только самые-самые могли прийти сюда в любое время. В таких случаях на свет Божий извлекались резервные столики.

— Майкл, детка, сколько лет, сколько зим! — проворковал прямо у него над ухом знакомый женский голос.

Майкл вздрогнул и обернулся. За его плечом, покачиваясь на высоченных каблуках, стояло умопомрачительное видение. Торчащие живописными клоками огненно-красные волосы. Удлиненные, подведенные чем-то белым, почти до висков глаза. Алый, в тон волосам, рот. Высокая худая фигура, казалось, вот-вот переломится в талии.

Снуки. Скандальная топ-модель андеграунда, муза и вдохновительница авангардной моды. Они случайно познакомились здесь несколько месяцев назад. И надо сказать, довольно близко. Несколько раз она оставалась у него до утра. Называлось это довольно забористо — «папочкин синдром», что было, по сути, верно. Однажды она затащила его на вечеринку, которая плавно перетекла в примитивную оргию. Майкл тогда позорно бежал, в чем ни разу не раскаялся.

— Ты ужасно консервативен, Майкл, детка, — таков был приговор Снуки. — От комплексов надо избавляться.

— Нет уж, извини, кое-какие комплексы я с удовольствием оставлю при себе.

Потом она надолго исчезла, по слухам, уехала поработать в Германию, а теперь неожиданно-негаданно объявилась. Около нее стоял длинноволосый парень с еле заметным брюшком.

— Познакомься, Майк, это — Лео Швейцер. Мой новый фотограф. Я его откопала в Германии. Не слышал еще? Наша последняя подборка фотографий в «Хомо» наделала много шума. — Снуки скользнула на стул рядом с Майклом. — Лео, мать твою, не стой как столб. Пожми дяде Майклу лапку и скажи: «Добрый вечер».

Снуки никогда не стеснялась в выражениях. Это была часть ее имиджа. Майкл только усмехнулся и пожал Лео руку. Похоже, Снуки устроилась за его столиком надолго. Ну и ладно. Так даже лучше. Поможет скоротать вечер.

— Как съездила?

— Обалденно. Я их здорово там встряхнула. Не скоро забудут милую, воспитанную девочку Снуки. — Она хихикнула. — Как тебе мой костюмчик? Что-то не слышу восторженных восклицаний. Никто не падает со стула. Скукотища!

Упасть действительно было от чего, заметил про себя Майкл. Весь ее наряд состоял из сложного переплетения кожаных ремешков, которые при малейшем движении то сходились, то расходились, обнажая довольно плоскую грудь с темными, подкрашенными сосками. Майкл уже успел заметить, что внимание всех присутствующих было намертво приковано к их столику.

— Как ты говоришь, обалденно. У меня нет слов.

— «У меня нет слов», — передразнила его Снуки. — Это ж надо так сказать. Сразу чувствуется, что вернулась домой, в добрую, старую Англию. Между прочим, меня сейчас на улице чуть не разорвали. Репортеры гнались до самого входа. Еле ноги унесла.

— Надеюсь, они успели тебя запечатлеть?

— А то!

Майкл откупорил бутылку шампанского. На столике, как по мановению волшебной палочки, возникли недостающие бокалы.

— За твое триумфальное возвращение! Спать сегодня не лягу, буду ждать выхода утренних газет.

— Ненадолго прилечь все-таки можно. — Снуки многозначительно посмотрела на него, наклонилась и, незаметно лизнув мочку уха, прошептала: — Я соскучилась.

— У меня аллергия на красный цвет, — усмехнулся он. — Вот перекрасишься в зеленый, тогда посмотрим.

Снуки раздраженно откинулась на спинку стула, надула губки и занялась шампанским. Лео что-то спросил у него, но Майкл не расслышал. Он вообще вдруг будто оглох.

В проходе между столиками он увидел Наташу. Она неторопливо оглядывала зал, ища

его. В мечущихся лучах разноцветных огней ее волосы вспыхивали то розовым, то голубым, то фиолетовым. Менеджер подошел и спросил о чем-то, кивнув, указал на его столик.

Майкл медленно поднялся. Она приближалась. Он не мог толком рассмотреть ее лица, видел только огромные глаза, смотрящие прямо на него.

Какое счастье, что время было к нему благосклонно, думала Наташа. Только морщинки в уголках глаз да легкая седина на висках свидетельствовали о прожитых годах. Плечи и грудь стали еще шире, от них веяло зрелой мужской силой. В голубых глазах плясали искорки. Перед ней был Майкл, ее Майкл, только куда лучше и значительнее, чем она помнила.

Чертовщина какая-то, твердил себе Майкл, чертовщина, чертовщина. Этого просто не может быть. Она уже не юная девчонка, это ясно. Она превратилась в обворожительную женщину, и эта женщина нравилась ему даже больше Наташи прежней.

Они стояли молча, не в силах оторвать друг от друга глаз. Первой молчание нарушила Снуки.

— Эй, Майкл, детка, это кто такая?

Майкл заметил, что лениво прикрытые глаза Лео изумленно округлились. Он с неподдельным интересом разглядывал Наташу.

— Наташа, моя старая знакомая.

— Насколько именно старая? — с нажимом спросила Снуки.

Наташа присела на свободный стул напротив Майкла.

— Успокойтесь, — ответила она, мило улыбнувшись. — Гораздо старше вас.

Лео ухмыльнулся. Он был явно заинтересован ею и решил взять инициативу в свои руки.

— Шампанского?

Она кивнула. Присутствие этих людей было очень кстати. По крайней мере помогло сгладить неловкость первых минут их встречи.

— Интересное у вас имя. Бьюсь об заклад, оно от прабабушки, какой-нибудь русской княгини.

— Не совсем так. — Наташа пригубила шампанского. — Но по сути вы правы. Я из России.

— Что, прямо-таки из России? — Снуки лениво потянулась. Ремешки платья слегка разошлись, приоткрыв белеющую под ними кожу. — Майкл, детка, ты, как всегда, полон сюрпризов. Отпадные у тебя знакомые.

Наташа скользнула по ней взглядом.

— Необычное у вас платье.

— Нравится? — Снуки кокетливо повела плечами, желая убедиться в произведенном эффекте. — Вам оно вряд ли подойдет.

— Слишком много изгибов? — Наташа невозмутимо смотрела на нее.

Лео ухмыльнулся еще шире. Уж чего-чего, а изгибов Снуки явно не хватало. Она была плоская, как доска. И именно поэтому могла носить такие чумовые модели. Рядом с Наташей она казалась картонной раскрашенной куклой.

— Потанцуем?

Наташа, кивнув, встала.

Майкл наблюдал за ними, упершись подбородком в сложенные ладони. Ее фигурка в крошечных черных шортах грациозно покачивалась в такт музыке. Как она жила все эти годы? Думала ли о нем? Жалела о том, что сделала? Ему вдруг захотелось увести ее отсюда и

задать все эти вопросы. Прочешь правду в ее зеленых глазах.

Он почувствовал прикосновение к своему бедру. Тонкая рука Снуки скользнула чуть выше и замерла. Он совсем забыл о ней.

— Ты правда не хочешь тряхнуть стариной?

Майкл отрицательно покачал головой.

— И дело тут не в моих долбанных волосах, верно? Значит, весь сыр-бор из-за этой русской бабы. Майкл, детка, так тебя и перетак, ты с ума сошел. Она же пресная, как коровья лепешка. Небось даже не знает толком, как отсосать у мужика.

— Спроси ее сама.

— И спрошу.

Майкл в шутливом ужасе закрыл лицо руками. И ведь спросит. Надо было знать Снуки. Все происходящее начинало забавлять его.

Вернулись Лео с Наташей. Лицо его так и сияло.

— Вообразите, какая удача! — воскликнул он, пододвигая ей стул. — Наташа согласилась попозировать мне завтра в студии. Я уже знаю, как вас надо снимать. Получится просто классно. У меня уже руки чешутся. Давайте начнем прямо сейчас.

Он достал из сумки «Никон», приладил объектив и защелкнул затвором.

— Тут такой убойный свет, — бормотал он. — Нарочно не придумаешь.

Снуки решительно повернулась к Наташе. Ее клоунские, раскрашенные белым глаза многообещающе блестели.

— Я тут порасспросила Майкла, пока вы там обжимались, но он мне ничего толкового не сообщил. Как у вас в России с траханьем?

Наташа и бровью не повела.

— Я думаю, так же, как и везде.

— То есть?

— Слава Богу, не вымерли еще.

— Я так и думала, — торжествуя воскликнула Снуки. — Трам-бам, спасибо, мадам. Скукотица! Хочешь, поедем ко мне. Я тебя кое-чему научу.

— Очень мило с вашей стороны, но я предпочитаю мужчин. Жаль, что пришлось вас разочаровать.

Снуки поперхнулась шампанским. Пока Лео стучал ее по спине, Майкл увел Наташу танцевать.

Она скользнула в его объятия так легко и естественно, будто никогда их и не покидала. «Благослови тебя Бог, — пел Джон Леннон, — где бы ты ни была». Майкл слегка прижал ее к себе и почувствовал, как ее руки обвились вокруг его шеи.

— Это как вернуться домой, — прошептала она.

— Где он, твой дом?

— Не знаю. Сейчас я ничего не знаю.

— Ты побудешь со мной?

— Немного.

— И опять исчезнешь? Зачем ты вообще появилась?

Наташа зажмурила глаза.

— Не стоило, наверное. Прости.

Майкл склонился над ней и провел пальцем по ее губам.

— Я, может быть, еще много чего скажу тебе. Живой все-таки человек. Не верь. Я

благодарен тебе за то, что ты пришла. Я думал, прошлое умерло, а оно живет.

— Мы были безрассудны.

— Мы были прекрасны.

— Мы были...

Майкл не дал ей закончить. Он сделал то, что хотел сделать с того самого момента, как увидел ее. Поцеловал ее полуоткрытые губы, почувствовал нежные прикосновения ее языка, ее дыхание на своем лице. И понял: вот оно, счастье, вернулось к нему.

Он не искал, не ждал, не звал его. Просто жил. Оно само нашло его. Как, за что, надолго ли? Пустые маленькие ненужные вопросы.

Он скользил губами по ее шее, по изящному изгибу плеч и вспоминал пьянящий запах ее кожи, ее бархатистое прикосновение. Руки все теснее сжимались вокруг ее талии. Наташа, задышавшись, откинула голову назад, вцепилась пальцами в его плечи.

— О-о, Майкл!

Он оторвался от нее, требовательно и нежно взглянул в глаза.

— Уйдем отсюда.

Стремительный полет автомобиля, яичные желтки фонарей, сверкающие плиты пола в подъезде, шелест лифта, щелчок замка. Все эти образы, звуки, краски доносились до нее, как во сне.

Майкл провел ее по коридору в гостиную, включил настольную лампу. Мягкий розовый свет залил комнату. Наташа подошла к столу, утопая по щиколотку в пушистом ковре.

— Что это?

На полированной поверхности стола матово светилась женская фигурка из темного дерева. Закинутые за голову руки, изящный изгиб спины, струящиеся длинные волосы. Лицо только намечено, оставляя полную свободу воображению.

— Красиво.

— Это Виктория мне подарила на прощанье. Помнишь ее? — Наташа кивнула. — Я люблю думать, что это ты.

Он стоял у нее за спиной. Даже не прикасаясь к нему, она чувствовала близость его большого, напрягшегося ожиданием тела. Безумное желание охватило ее. Она не хотела, не могла больше ждать.

Взвизгнула «молния», шорты упали к ее ногам. Блузка порхнула следом. Как сквозь туман, она услышала треск отрывающихся пуговиц.

Его горячие руки скользнули к ее груди, к напрягшимся от возбуждения соскам. Пульсирующие волны пробежали по ее телу. Из стиснутых зубов вырвался протяжный стон. Не надо никакой предварительной игры, никаких утонченных ухищрений. Это будет потом, потом. Сейчас ей хотелось только одного: чтобы он взял ее, избавил поскорее от сосущей, изматывающей тяжести между ног.

Наташа качнулась к столу, уперлась в него руками. Он вошел в нее одним ударом, властно заполнил ее всю, целиком, без остатка. Она завибрировала всем телом и подалась ему навстречу; ускользнула, вернулась снова. Он что-то кричал, и его буйная радость, его наслаждение отдавались в каждой клеточке ее существа.

В изнеможении они рухнули на ковер, убаюкивая друг друга в тесном объятии. Наташа опомнилась первой, приподнялась на локте и посмотрела на него.

— Мы, наверное, переполошили всех соседей?

— Не волнуйся. Квартира занимает целый этаж. Вокруг никого нет.

— Зачем тебе так много?

— Разные были мысли, когда я ее покупал.

— Почему ты не женился?

— Ждал второю пришествия. Иначе никак не объяснишь. Ведь ничего не изменилось.

Ты по-прежнему моя женщина.

У Наташи задрожали губы. Чтобы скрыть смятение, она уткнулась лицом в его плечо. Он задумчиво перебирал ее волосы, прислушиваясь к ее дыханию. Все просто и сложно, как всегда в этой жизни.

— А ты?

— Я замужем.

— Все хорошо?

— Да. Ведь у меня есть... сын.

Это выговорилось на удивление легко. И ничего не произошло, ни землетрясения, ни тайфуна, даже люстра не покачнулась.

— Вот оно, значит, как.

Все происходящее здесь лишь волнующий эпизод в ее жизни. Главное осталось там, в России: семья, муж, сын. Она принадлежит им. Побудет здесь, развлечется и вернется домой. Она ведь всегда возвращается.

Сын. Как особенно она это сказала.

— Какой он? Такой же красивый, как и ты?

— Гораздо красивее. Он уже большой. Ему четырнадцать лет.

Наташа почувствовала, как напряглась его рука. Он взял ее за подбородок и заглянул в глаза.

— Повтори, что ты сказала.

— Его зовут Миша, Майкл.

— Мой сын, — прошептал он, холодея. — Мой сын. У меня есть сын, а ты хотела скрыть это от меня. Господи, почему?

— Ты забыл, что я жила за «железным занавесом»? А потом, когда этот кошмар наконец кончился, прошло уже слишком много времени, я ничего о тебе не знала, вышла замуж, все как-то успокоилось, устоялось. Время лечит.

— Ни черта оно не лечит, — взорвался Майо. — Иначе ты не была бы сейчас со мной.

— Все вышло случайно, Сьюзен сама заговорила о тебе.

— Не лги, Наташа, ни мне, ни себе. Не надо. Ты сама позвонила мне и пришла в «Трэмп». Никто тебя не принуждал. Сама видишь, что годы ничего не изменили. Мы по-прежнему нужны друг другу.

Он провел пальцами по ее животу. Здесь она носила их сына. Он родился и вырос без отца, но он имеет право знать правду. Еще не поздно, еще можно что-то изменить.

Утро застало их в постели. Рука Майкла уютно примостилась в нежной ложбинке между ее ног. Он поочередно сгибал и разгибал пальцы, проникая во влажную трепещущую глубь.

Наташа в изнеможении откинулась на подушки.

— Ты ненасытен, Майкл.

— Ты тоже, моя прелесть. Один сплошной сладкий сон. Мне кажется, мы могли бы не вылезать из спальни целый месяц, столько в нас накопилось за эти годы нерастраченной

любви.

Наташа тихо засмеялась.

— Я сейчас распадусь на молекулы.

Она действительно ощущала небывалую легкость во всем теле. Вот-вот взлетит.

— Видел бы тебя сейчас этот вчерашний фотограф. Как его?

— Лео.

— Ну да. Всю свою пленку бы на тебя извел.

— Страх какой. Я сейчас, наверное, похожа на пугало.

— Не говори так. Утомленная богиня после ночи любви. Воплощение эротических грез.

— Вам следует быть поосмотрительнее, господин льстец. Так ведь недолго и избаловать меня.

— Зачем заглядывать так далеко? Будем решать проблемы по мере их поступления.

— Легче их просто не создавать.

— Дурочка! Я рожден для того, чтобы баловать тебя. Или ты до сих пор этого не поняла?

— Теперь, кажется, начинаю понимать. Боже мой, я же совсем забыла! Я обещала Лео подъехать сегодня в студию.

— Поедешь?

— Ты против?

— Нет, конечно.

— Но тебе было бы приятнее, если бы я осталась?

— Не то. Просто мне не совсем понятно. Утомительный сеанс под жаркими софитами, неестественные позы. Я бы предпочел расслабиться где-нибудь в парке.

— А знаешь, почему женщины любят художников?

— Почему?

— Они фиксируют мгновения быстротечной жизни. Фотографы те же художники. Завтра я буду совсем другой. А на фотографиях Лео такой, как сейчас. Кроме того, ты все равно уходишь.

— К сожалению. Пара скучных, но важных встреч.

— Ну вот. Мало того, что он запечатлеет мою небесную красу, он еще поможет мне скоротать время.

Майкл потянулся к ней и поцеловал в нос.

— Ты меня убедила. Давай собираться. Надо еще забрать вещи у твоей квартирной хозяйки.

— Майкл?

Голос Лоры Трентон в телефонной трубке был, как всегда, сдержан и прохладен. Услышав ее, любой подумал бы, что эту женщину невозможно вывести из равновесия. Утонченная и элегантная, она являла собой реальное воплощение англичанки.

Майкл представлял себе ее тонкое лицо в обрамлении светлых волос. Она была вся в полутонах, как набросок пастелью. Немыслимо было представить ее одетой в красное или ярко-желтое, за рулем мотоцикла или орущую на рок-концерте. Зато она великолепно смотрелась в вечерних туалетах или в белом кружевном платье и широкополой шляпке на площадке для игры в крокет.

Она была леди до кончиков ногтей, из той вымирающей породы женщин, которые

никогда, ни при каких обстоятельствах не позволят себе прикоснуться спиной к спинке стула.

Майкл не мог не восхищаться ею, как законченным произведением искусства, и в то же время немножко жалел. Она будто обозначалась веком и с холодным удивлением взирала на непонятную ей суету вокруг. Наверное, это было не совсем так, но Майклу нравилось так думать.

— Лора.

— Что такое говорит мне Брайс? Ты не приедешь в Брайтон на выходные? Это правда?

— Правда.

— Ты ведь знаешь, что это я тебя приглашаю.

Она сделала еле заметный акцент на «я».

— Знаю, Лора.

— Знаешь. Ты все всегда знаешь, верно, Майкл? С тобой даже говорить неинтересно. И ты, без сомнения, знаешь, что если не приедешь сейчас, то не приедешь уже никогда?

Майкл только вздохнул. Он действительно догадывался об этом.

— Извини, если я что-то сделал не так.

— Ты все делал не так, с самого начала. — Голос ее чуть слышно дрогнул. — Никто на свете не умеет этого так хорошо, как ты. Поэтому я и звоню сейчас тебе. Ты понимаешь, что происходит, Майкл? Я признаюсь тебе в любви, а ты молчишь. Тебе не страшно?

— Нет. Ведь на самом деле тут ничего серьезного. Я просто затронул твое любопытство.

— Не играй словами, Майкл. Надеюсь, весь сыр-бор не из-за этой размалеванной наркоманки.

Она каким-то образом узнала о его короткой связи со Снуки и при всяком удобном случае напоминала ему об этом.

— Она не наркоманка.

— Она до крайности вульгарна, а это еще хуже. Так это не она?

— Нет.

— Кто-то, кого я знаю?

— Нет. — Ему были неприятны ее настойчивые расспросы.

— Почему бы тебе не познакомить нас? Это было бы так мило и современно. Ты ведь очень современный, Майкл, тебе бы это понравилось.

— Не надо, Лора. Тебе не идет такой тон.

— Отчего же? Всего-навсего хочу посмотреть, на кого ты меня променял.

Майкл промолчал. Что он мог сказать ей?

— Я ее ненавижу. — При этом голос ее звучал так, как будто она сказала: «Не хотите ли чаю?» — Я хочу, чтобы она умерла.

Щелчок. Короткие, острые гудки в трубке. Майклу вдруг показалось, что оттуда выползло маленькое ядовитое облачко.

Как страшно она это сказала! Буднично и спокойно, от чего слова приобрели еще более зловещий смысл. Какие кульбиты выкидывает жизнь! Ведь еще каких-то пару дней назад он собирался ехать к ней в Брайтон и всерьез подумывал о развитии их отношений.

Майкл мельком взглянул на часы. Пора. Наташа будет ждать его на Чипсайде. Как славно, когда никуда не надо торопиться. Они погуляют, потом поужинают в Барбикен-центре, потанцуют под тихую музыку и журчание фонтанов, полюбуются на древнюю

Лондонскую стену при ночном освещении. Они будут переговариваться вполголоса, и слова будут приобретать особый, только им ведомый смысл. Он будет держать ее руку и знать, что это навсегда.

Остренький коготок царапнул по сердцу. «Я хочу, чтобы она умерла». Тревожно отчего-то, любимая моя. Мысль, облеченная в слово, обладает странной силой.

Неожиданно для себя Майкл остановил машину у ступенек собора святого Павла. В этот час здесь было пусто. Шаги гулко отдавались под величественными сводами. Лучи света ломались о цветные стекла витражей и ложились вокруг мягкими бликами.

Майкл не был религиозен в общепринятом значении этого слова. Он любил приходить сюда вот в такой неурочный час, когда вокруг ни души и он с Богом один на один. Будто открываются скрытые шлюзы и все суетное, пустое уходит куда-то. Остается только покой и свет.

Он остановился перед распятием. Сохрани любимую мою от беды, Господи. Больше ни о чем не прошу. Я так долго ее ждал.

Была пятница, шесть часов вечера.

Лео беспрерывно щелкал фотоаппаратом. Длинные волосы падали ему на лоб, и он то и дело отбрасывал их нетерпеливым движением руки.

— Двигайтесь, двигайтесь, естественнее, — бормотал он. — Не надо позировать, и все произойдет само собой. Замрите. Вот так. Голову чуть-чуть назад и вбок. Отлично.

— Может быть, сделаем перерыв? — взмолилась Наташа.

Он мучил ее уже больше часа. Сначала долго ставил свет, выбирал фон, вывалил перед ней целую гору косметики, даже приклеил какие-то немислимые ресницы, уверяя, что на фотографии все будет смотреться естественно.

В студии было нестерпимо жарко. Наташа буквально плавилась под ослепительным светом софитов. Шея одеревенела, спина разламывалась, ноги не слушались. Лицо от постоянного напряжения стало совсем чужим.

— Ага, выдохлись! — почему-то торжествующе сказал Лео. — Не будете теперь говорить, что фотомодели даром едят свой хлеб.

— А я ничего подобного и не говорила, — возразила Наташа.

— Разве? — Лео даже опустил камеру. — А впрочем, неважно. Все вы так думаете.

— Ничего я не думаю. Просто больше не могу.

Наташа решительно сошла с подиума.

— Эй, эй, я еще не кончил, — запротестовал Лео.

— Зато я кончила. Кажется, я вам в рабство не продавалась.

— Ладно, не кипятитесь, — примирительно сказал Лео. — Отдохнем, выпьем кофейку и еще пощелкаем немного.

Наташа взглянула на часики.

— Только действительно немного. Ровно в шесть я должна быть на Чипсайде.

Лео взглянул на нее, насмешливо приподняв брови.

— К папочке торопитесь?

Наташа хмыкнула.

— Как это мило! Сразу чувствуешь себя маленькой девочкой.

— А вы и есть маленькая девочка, — не моргнув глазом, заявил Лео. — Маленькая девочка на качелях над пропастью. Так и хочется снять вас оттуда, успокоить и угостить

шоколадкой.

— За чем же дело стало? Шоколад и кофе — роскошное сочетание, — машинально ответила Наташа и добавила, помедлив: — А почему вы так сказали: «На качелях над пропастью»?

— Не знаю. Такой вот образ родился вчера, когда я вас увидел в «Трэмпе». Столько всего было в ваших глазах: испуг, трепет, восторг, еще что-то неопишное. Полет над бездной, иначе не скажешь. Кстати, и у папочки было что-то похожее.

— Мы не виделись пятнадцать лет.

— Дело ведь не только в этом, так? Я вот тоже лет десять не видел свою сестру — и ничего.

Наташа представила себе его сестру, толстую, вечно озабоченную «хаусфрау»^[22], и улыбнулась сравнению.

— А почему вы называете Майкла папочкой? — поинтересовалась она.

— Это не я. Это Снуки. Ее изобретение. Я вообще его вчера впервые увидел.

— А она?

Лео промолчал, сделав вид, что ему надоело воевать со своими вечно сползающими на лицо волосами. Он перехватил их резинкой наподобие хвостика и направился было на кухню, но Наташа остановила его.

— Эй, вы не ответили!

— А вы не в курсе?

— Нет.

— Тогда стоит ли? — Лео заботливо потеревил свой хвостик. — Уверен, что папочка... Майкл, — поправился он, — изложит все гораздо лучше и точнее, чем я.

— У нас не было времени поговорить об этом.

Лео понимающе присвистнул.

— Завидую. Да в общем там ничего серьезного. Так, покувыркались в постели несколько раз и разбежались. Вернее, папочка отвалил. Снуки слишком экзотична для него, как ни крути. Тропическая пташка.

— О да, тут спору нет.

— Но! — Лео поднял вверх указательный палец, но было это сделано так весоно и значительно, что Наташа невольно посмотрела на него. — Наша милая Снуки до сих пор не прочь вернуть папочку, так что от нее можно ожидать всяких неожиданностей.

Наташа небрежно передернула плечами. Она и сама не могла понять, почему этот вопрос ее нимало не волнует.

— Так как же насчет кофе с шоколадом? — напомнила она ему.

Лео бросился на кухню. Наташа последовала было за ним, но он решительно остановил ее.

— Ни шагу дальше. Когда я на кухне, женщине там делать нечего.

— Что так?

— Терпеть не могу, когда женщины толкуются на кухне. Не знаю, что там с ними происходит, но все, как одна, превращаются в квохчущих клуш. И куда только девается их обаяние, индивидуальность, загадочность? Чудовищная метаморфоза.

— Оригинально. — Наташа даже слегка опешила от такой отповеди. — Сразу видно, что это результат глубоких раздумий и наблюдений.

— Вот именно. — Лео был абсолютно серьезен, явно пропустив шпильку мимо ушей. —

Никто на свете не знает женщин так, как я. Сколько я перевидал вашего брата, это просто уму непостижимо.

— Убедительно, а главное, скромно.

— Скромность тут ни при чем. Самое бесполезное качество в моей работе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он исчез в кухне и деловито там чем-то загремел. Наташа послушно вернулась в студию и присела на диван.

На низком журнальном столике были разбросаны альбомы с фотографиями, явно, чтобы привлечь внимание гостей. От нечего делать Наташа открыла один. Снуки в различных стадиях раздевания.

Промучившись час под софитами, Наташа смотрела на снимки совершенно новыми глазами. Девица была потрясающим профессионалом. Отточенные позы, полная непринужденность и естественность перед камерой. И кроме всего прочего, потрясающее тело, для любителей плоских форм, конечно, и во всем, до кончиков ногтей на ногах, сногсшибательно экстравагантный стиль. Даже красные волосы и татуировка на плечах и животе в виде красных и черных пауков и бабочек выглядели на ней эффектно.

Из коридора раздались громкие голоса, смех, дверь стукнула. Наташа подняла глаза от альбома. Перед ней стояла Снуки собственной персоной, совсем такая, как на фотографиях, только волосы у нее были уже не красные, а изумрудно-зеленые, ослепительные в сочетании с длинным оранжевым платьем, облегающем ее тонкую высокую фигуру, как вторая кожа. В разрезе платья виднелась длинная белая нога на высоченной платформе.

— А-а, наша русская подруга! — проговорила она слегка заплетающимся языком. — Посетила-таки наш вертеп. Вот уж не ожидала.

По ее замутненным глазам и затрудненной речи, а также по тому, как она покачивалась на своих платформах, Наташа поняла, что она здорово «под газом». Либо не протрезвела еще после вчерашнего, либо успела клюкнуть с утра пораньше.

— А где же наш добропорядочный папочка Майкл? Почему не пришел поддержать тебя за лапку?

— Занят, — коротко ответила Наташа.

— Ну и скуотица! — Снуки притворно зевнула, потом вдруг состроила хищную мордочку. — А если мы тебя невзначай сло-о-опаем?

— Боюсь, подавитесь.

От неожиданности подведенные ярко-зеленым глаза Снуки расширились до опасных размеров.

— Вот мы, оказывается, какие крутые! Лихо, так тебя и растак! Ты мне начинаешь нравиться. Ричи, паскудник, двигай сюда! — закричала она в распахнутую дверь. — С кем познакомлю!

В комнату ввалился огромный детина в борцовке. Шишковатый, наголо бритый череп матово светился в свете ламп. Оба плеча были украшены замысловатой татуировкой. Он прищурился на Наташу и, грохая громадными ботинками на толстой подошве, плюхнулся рядом с ней на диван. Тот угрожающе заскрипел.

— Полегче, боров, — пропела Снуки. — А то, хрен тебе в глотку, разнесешь мне здесь всю мебель. Познакомься, это девушка Майкла. Помнишь его?

Ричи промычал что-то нечленораздельное.

— Ну как же! — сердито воскликнула Снуки. — Мы тогда устроили такую сладенькую

оргию, а он возьми да сбеги. У него, видишь ли, при посторонних член не стоит.

Снуки визгливо расхохоталась. Наташа только брезгливо поморщилась. Ей решительно переставало нравиться все происходящее. Тяжелая рука Ричи легла ей на плечи. Наташа стряхнула руку и отодвинулась. Он переместился ближе, пока она наконец не оказалась зажатой в угол дивана. Она возмущенно посмотрела на него, но его отсутствующий взгляд был устремлен в потолок.

Наташа, изловчившись, вывернулась и пересела в кресло. Надо было уходить, но ей не хотелось обижать Лео.

— Смотри-ка, не нравится! — воскликнула Снуки. — Ричи, дебил гребаный, ты ей не приглянулся!

Ричи и бровью не повел, только вольготнее развалился на диване и закинул ногу на ногу.

— Я тут рассматривала фотографии, — обратилась Наташа к Снуки. — Очень впечатляет.

— Это Лео расстарался, — гордо ответила Снуки. — Хочешь, он и тебе такие сделает. Или уже сделал?

— К сожалению, это не мой стиль.

— Да где уж там, с такой-то грудью! Как у кормилицы, ей-Богу! Но можно что-то поромантичнее.

— Нет, спасибо. — Наташа взглянула на часы. — Мне пора.

— А как же наше сраное английское гостеприимство? Будешь потом рассказывать в своей России, что в Англии и гостей-то принять толком не умеют.

Она исчезла за дверью и тут же вернулась с подносом, на котором дымилась чашка кофе. Она поставила поднос перед Наташей, глаза ее при этом насмешливо сверкнули.

— Лео, прихвати конфет и рули сюда.

Наташа пригубила кофе. Он был горячий и пряный и приятно обжигал горло. Только тут она почувствовала, как сильно устала. Очень хотелось поскорее увидеть Майкла, и в то же время страшно было подумать о том, что надо встать и куда-то идти.

— Пей, пей. Лео так старался. Он, по-моему, к тебе проникся. Говорит, что сделал классные снимки. Даже завидно.

Она еще что-то говорила, но Наташа все хуже слышала ее. Слова сливались в нечленораздельное монотонное бормотание, все поплыло перед глазами. На нее вдруг навалилась страшная тяжесть. Темнота. Наташа бессильно откинулась на спинку кресла.

— Что здесь происходит?

Озабоченный голос Лео был последним, что она услышала, прежде чем провалиться в забытье.

— Черт, по-моему, она отключилась. — Снуки нервно хихикнула.

— Что значит отключилась? Что ты ей подмешала?

— Да так, пару капель. Думала, позабавимся.

— Сука! Идиотка!

Лео метнулся к Наташе, пощупал пульс, приподнял веки. На него глянули слепые голубоватые белки. Глаза закатились, губы побелели. Лео смачно выругался.

— Беги, звони в «Скорую».

— Хрен тебе! — завопила Снуки. — Притащатся сюда, легавых приволокут, а тут наркоты везде понапихано. Вони будет! Не отмоешься.

Словно в подтверждение ее слов, Ричи выудил из кармана металлическую коробочку, сыпанул на ребро руки белого порошка и с наслаждением вдохнул.

— Нюхни газку, старуха, — пробормотал он. — Офигенно забирает, ёп-тыть.

— Заткнись, козел! — Снуки, вся взъерошенная, повернулась к Лео. — Сделай же что-нибудь, а то еще помрет тут. Куда нам с ней?

— Звони Майклу! — скомандовал Лео и, подхватив Наташу на руки, поволок в ванную.

Пятница, шесть часов вечера. Рабочий день только что закончился. Двери банков, страховых компаний и фирм всех мастей выплевывали на улицы тысячи и тысячи клерков, менеджеров, секретарш. Настал тот самый долгожданный миг, когда можно сменить надоевший за неделю костюм на уютные футболку и слаксы, вооружиться теннисной ракеткой или кружкой пива, что кому ближе, и на два дня забыть о том, что ты всего лишь винтик в гигантской машине отечественного бизнеса.

Майкл стоял у магазина «Маркс и Спенсер», где они условились встретиться с Наташей, и напряженно вглядывался в бурлящую вокруг него толпу. Хорошенькое место выбрал, ничего не окажешь. Содом и Гоморра.

Их встреча была похожа на сказку. Он до сих пор не мог до конца поверить, что это произошло. Столько лет он ждал, сам не зная чего, понимал, что надеяться глупо, и все же надеялся. Поэтому и не женился, поэтому и купил огромную квартиру, любовно обставлял ее, шлифовал, отделявал, как паук плетет свою паутину в надежде, что в нее залетит все же та самая, долгожданная муха.

И она появилась, прекрасная и желанная, и сразу заполнила всю его жизнь. Теперь он никому ее не отдаст, ни ее, ни сына, загадочного далекого сына, бесценную награду за долгие годы одиночества. Они станут друзьями, он был уверен в этом, самыми близкими на свете людьми, он научит его всему, что знает сам, даст ему все, о чем только можно мечтать. Взрослый сын, Господи, даже не верится!

Наташа все не шла. Майкл занервничал. Прошло уже около часа с назначенного времени. Неужели что-то случилось? Он вспомнил холодный голос Лоры в трубке: «Я хочу, чтобы она умерла». Бог ты мой — неужели все же что-то случилось?

В кармане приглушенно зажурчал радиотелефон. Майкл вздрогнул от неожиданности и выхватил из кармана трубку. Черт, чуть не уронил!

— Я слушаю.

— Майкл, детка, — голос Снуки звучал приглушенно и как-то неуверенно. — Подгребай скорее ко мне. У нас тут проблема.

— Что с Наташей? — закричал он, но в трубке уже пели гудки отбоя.

Майкл влетел в спальню и с размаху опустился на колени перед кроватью. Лицо Наташи было безжизненно и бледно, тонкая рука бессильно свисала к полу. Мокрые волосы разметались по подушке. Ему вдруг показалось, что она не дышит, что жизнь покинула ее. Проклятье!

Черная, страшная ярость ослепила его. Он вскочил на ноги, схватил Снуки за плечи и бешено затряс.

— Что ты дала ей?

— А я откуда знаю? — захныкала она. — Спроси у Ричи. Он сказал, мгновенный кайф.

Майкл дернулся было к двери, но Лео остановил его.

— Бесполезно. Он уже в улете.

Майкл подхватил Наташу на руки. Ее голова болталась на тонкой шее, как на ниточке. Снуки замерла в углу. Косметика на ее лице расплылась, помада размазалась, превратив лицо в уродливую застывшую маску.

— Если с ней что-то случится, я тебя убью, так и знай.

Пнул ногой дверь и вышел, унося свою драгоценную ношу. Лео заторопился следом.

Наташа очнулась в незнакомой комнате. В приглушенном свете все предметы виделись зыбко и расплывчато, как в тумане. К горлу подступила тошнота, в висках стучало.

— Клофелин или что-то покруче, — донесся до нее чей-то незнакомый голос. — Анализ покажет, но это представляет уже чисто клинический интерес. Все позади. Пульс восстановился.

Наташа почувствовала прикосновение сухих сильных пальцев к своей руке.

— Спасибо, док.

Майкл! Слава Богу, Майкл! Наташа слабо пошевелилась и попыталась что-то сказать, но с губ сорвался только тихий стон.

— Ну, вот она и очнулась. Не двигайтесь, лежите спокойно.

Чье-то лицо замаячило перед глазами. Не он, в отчаянии подумала Наташа, не он.

Тут знакомые руки обхватили ее, бережно и нежно, и она почувствовала, как жизнь вливается в нее мощной волной. Он был рядом, живой, любящий, теплый. Его губы на ее щеке, его волосы щекочут висок. Майкл здесь, рядом, значит, все позади и нечего больше бояться.

Наташа с трудом разлепила пересохшие губы.

— Майкл, я...

— Молчи, — шепнул он. — Все хорошо.

— Ну и нагнала ты на меня страху! До сих пор опомниться не могу.

Такси мчало их в аэропорт. Ее лондонские каникулы пролетели, как один сладостный божественный миг, как сон. Как она ни оттягивала отъезд, этот день все же настал.

Впереди маячило грозное облако. Предстоящее объяснение с мужем. Тяжелое испытание для них обоих. Насчет сына она не очень волновалась, хотя сама не смогла бы себе объяснить, почему. Наверное, потому, что для Олега он всегда был обузой, человеком, с которым ему всегда приходилось делить Наташу. Баланс был не в пользу Олега, и это выводило его из себя. Миша, чуткий, как все дети, чувствовал это, поэтому близости между ним и отчимом так и не возникло.

Наташа спрятала лицо на груди Майкла.

— Пожалуйста, не вспоминай об этом, — попросила она. — Мне так стыдно.

— Дурочка ты моя! Постарайся до моего приезда не попасть еще в какую-нибудь историю. Звони мне каждый день, по нескольку раз. Все переговоры за мой счет. Помни только, что я каждую минуту беспокоюсь о тебе.

— Я помню. О, Майкл, неужели я и вправду уезжаю?

Он только крепче обнял ее и прижал к себе. Она почувствовала дразнящее прикосновение его языка к своему уху.

— Это ведь ненадолго, моя маленькая. Я приеду, как только оформят документы. Приеду и заберу тебя и младшенького. Повтори еще раз, как ты его называешь. Мне так нравится слушать.

— Миша, Мишаня.

— Мишя, Мишя, Мишня, — старательно повторил он.

— О, Майкл, я так люблю тебя!

Она прильнула губами к его губам, скользнула языком во влажную глубину его рта, ощутила прохладную гладкую поверхность зубов. Буйное пламя опалило обоих. Они еще целовались, а их нетерпеливые руки уже вытаскивали рубашку из брюк, судорожно расстегивали пуговицы, дергали замочки «молний». Скорее, скорее прикоснуться друг к другу, упиться напоследок своей любовью.

Майкл скосил глаза на зеркальце заднего вида. Так и есть! Шофер смотрит не столько на дорогу, сколько на них. Озорные искорки так и пляшут в глазах, усы топорщатся добродушной улыбкой. Слегка отстранив от себя полураздетую Наташу, он выудил из кармана брюк хрустящую купюру. Постучал шофера по спине.

— Слушай, друг, так и до аварии недалеко. Припаркуй машину в местечке потише и погуляй минут двадцать. Мы успеем.

— Есть, сэр! — лихо отковырял тот.

Он не стал уточнять, что именно они успеют, лишь резко крутанул руль. Машина проехала еще метров сто, свернула и, уткнувшись в живую изгородь какого-то сада, встала.

— Не буду вам мешать, сэр.

Он сунул кредитку в карман и растворился в сгущающейся темноте.

— Давненько я не занимался любовью в машине, — шепнул Майкл. — С самой школы. Надо еще вспомнить, как это делается.

Но долго вспоминать не пришлось. Тесное пространство заднего сиденья вдруг будто раздвинулось, принимая их разгоряченные тела.

Он погрузился в огненную клокочущую лаву ее лона дерзко, яростно, не раздумывая, и понял, что его безумный порыв был верным. Она так же изнемогала от желания, как и он. Сегодня изощренные ласки прошлой ночи были не нужны.

Несколько томительных мгновений они лежали без движения, прислушиваясь друг к другу. Потом Наташа словно ожила. Ее ноги, взлетев, обвились вокруг его шеи, вся она изогнулась немыслимой дугой, стремясь вобрать его в себя целиком, всего без остатка. Под его мощными ритмичными ударами ее белое фарфоровое тело извивалось, стонало, пело. Он играл губами на вибрирующих струнах ее горла, и не было на свете музыки прекраснее.

Сияющая звездами бездна разверзлась под ними, они взлетали над ней и падали, взлетали и падали, чтобы через миг взлететь вновь.

Никогда еще они не любили друг друга так неистово и страстно, как сейчас, и горечь предстоящей разлуки придавала их поцелуям особенный, терпкий вкус.

Возбуждение достигло предела, весь окружающий их мир сгустился, спрессовался, напрягся и взорвался бурей огненных искр. Майкл в изнеможении упал головой на ее грудь. Остренький игривый язычок слизнул капельки пота с его лба, защекотал переносицу, скользнул к уху.

Майкл улыбнулся про себя той легкости, с которой его возлюбленная перешла от бурной страсти к непринужденной игре. Истинная женщина от макушки до кончиков пальцев, загадочная, непредсказуемая, и от этого еще более желанная.

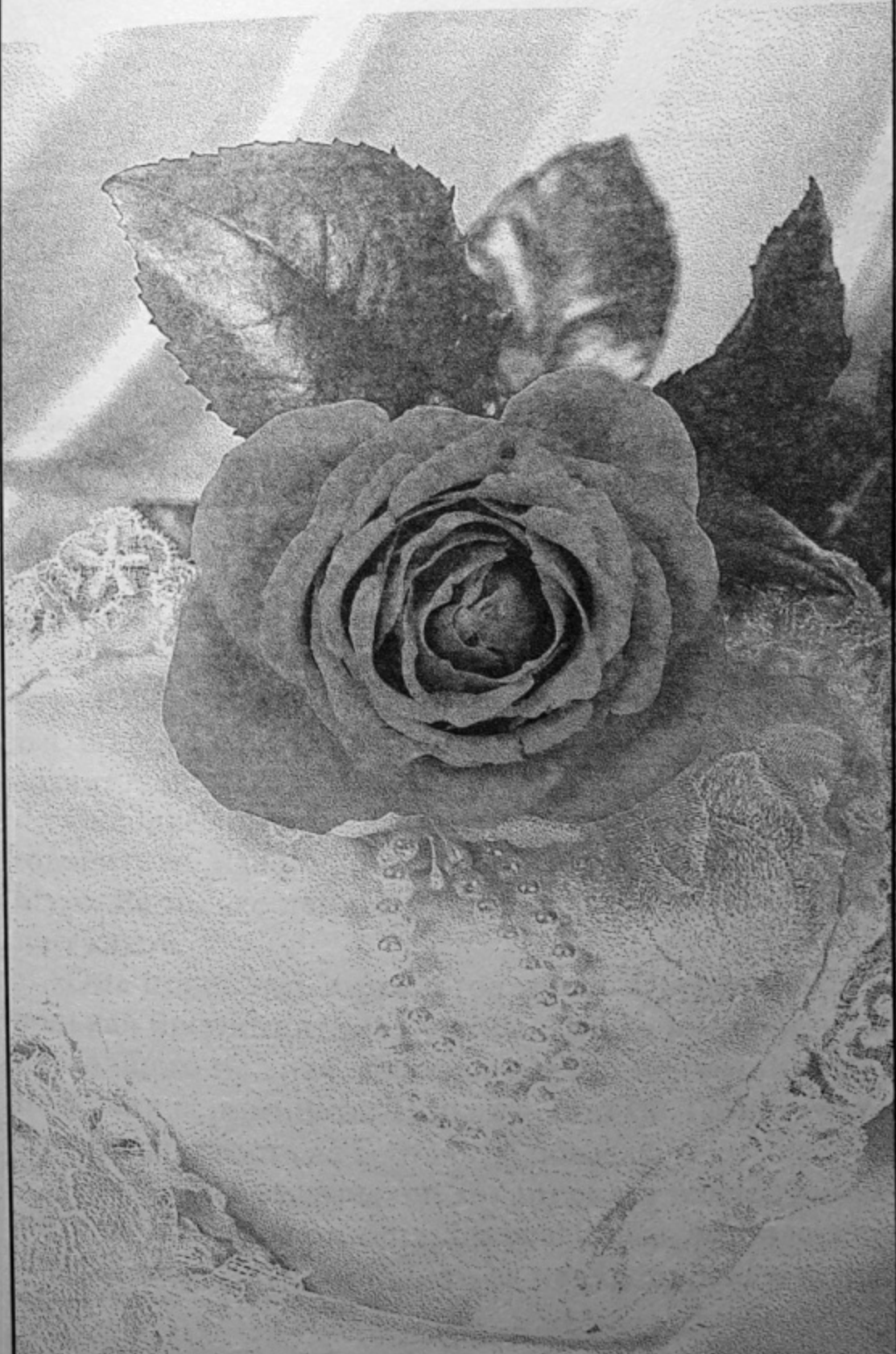
— Пора, кошка, — шепнул он ей. — Пора. А то все мои благие намерения полетят к чертям, и я велю шоферу везти нас обратно в Лондон.

Самолет напрягся, как перед прыжком, завибрировал и понесся, набирая скорость, по взлетной полосе.

Майкл провожал его взглядом, пока он не обратился в светящуюся точку и не исчез в темном небе. Точно так же стоял он пятнадцать лет назад в аэропорту Лагоса душной тропической ночью, стиснув перила до боли в пальцах, и вглядывался в чернильное небо. Все силился разглядеть уносивший ее самолет. Уносивший навсегда, так он тогда думал. Сердце разрывалось от чудовищной боли, он вспомнил, как просил его: «Да разорвись, лопни ты, наконец. Нет сил терпеть эту муку». Ничего, выжил, ел, спал, работал, как одержимый, трахал женщин и даже получал от этого удовольствие. И ждал. Гнал от себя самую мысль о ней и все-таки ждал. Вопреки логике, здравому смыслу, рассудку, вопреки всему. И судьба, сжалившись, дала ему еще один шанс.

Закончился второй акт пьесы под названием «Наша жизнь. Полеты над бездной». Но не спеши расходиться, публика. Впереди третий акт. Занавес.

Другая жизнь

Она лежала в густых зарослях папоротника, совсем близко от дороги. Ее остренькая, веснушчатая, обычно такая подвижная мордочка откинулась назад на неестественно выгнутой тонкой шейке. Выпученные, закатившиеся глаза, распухший язык, багровые в черноту отметины на шее не оставляли никаких сомнений в причине ее смерти. Удушение.

Участковый Сидоркин скользнул взглядом по ее телу. Юбка задрана до подмышек, никаких следов белья, широко раскинутые ноги, следы спермы на лобке. Значит, еще и изнасилование.

Сидоркин шумно вздохнул. Если, конечно, можно говорить об изнасиловании применительно к Таньке Мухе. Ее только ленивый не имел. Или, может, импотент какой.

Она появилась здесь с год назад. Оборванная маленькая бродяжка, дитя улицы. Никто и имени-то ее настоящего не знал. Да она сама его не помнила или не хотела вспоминать. Танька и Танька. Танька Муха. Это за чернявость да вертлявую повадку.

Откуда она взялась, он, как ни бился теперь, вспомнить не мог. Может, с поезда ссадили за безбилетный проезд или дальнобойщики за ненадобностью выкинули.

Она пристроилась жить в заброшенном сарае за станцией. Натаскала туда ящиков и всякого тряпья. Чем не жилище? Он, как узнал, сразу туда явился. Стал расспрашивать, кто такая да откуда.

Лукаво кося карим глазом, она, ничуть не смущаясь его формой и суровым видом, поведала свою нехитрую историю. Родителей своих не помнит. Маленькая еще была, когда они ее бросили. С тех пор побиралась на вокзалах, крутилась как могла. Потом подобрал ее старик какой-то, профессиональный нищий.

— Только он плохой был, дяденька, воровать учил. А это — грех.

— Ты-то откуда знаешь? — усмехнулся в усы Сидоркин.

— Люди добрые объяснили.

— Много ли ты добра от людей видела?

— Видела. Тут у вас тоже добрые люди. Вона какую кофту мне дали.

Она стремительно вскочила на ноги и закружилась перед ним, демонстрируя обнову. Латаная-перелатаная вязаная кофта с облупленными пуговицами доходила ей почти до колен. Из-под нее виднелись грязная юбка и немислимые, растрескавшиеся от времени ботинки.

Сидоркин повнимательнее взгляделся в ее лицо, напомилавшее мордочку какого-то шустрого, быстроглазого зверька. На вид лет тринадцать-четырнадцать, а там кто знает.

— Собирайся, в отделение пойдем.

— Чево ты, чево ты, дяденька, — залопотала она. — Нету такого закона, чтобы сироток бездомных забирать.

— Вот и найдут тебе дом.

— Я в такой не пойду. Там дерутся.

Она подскочила к нему, схватила за руку, умоляюще заглянула в глаза. Пальчики у нее были тонюсенькие, невесомые, серые от грязи. Он поспешно отвел глаза, чтобы не видеть страха, искажившего ее лицо.

— Не надо, а, дяденька? Я уже большая, я работать могу. Честное слово.

— Работать? — Вот этого он совсем не ожидал от нее услышать. — Работать? А лет-то тебе сколько?

— В точности не знаю. Но пятнадцать наверняка есть. Ты не смотри, что я ростом не

вышла.

Он тогда дал слабину, не смог твердость проявить. Разнюнился, дурак старый, взял грех на душу. Словно не за руку, а за сердце она его взяла тогда своими прозрачными пальчиками.

Насчет работы она не соврала. Пробавлялась на рынке да у коммерческих палаток. То товар разгрузить поможет, то за хозяйку у прилавка постоит, пока та в кустах облеγχается. И ни разу не украла ничего. А он за ней присматривал, дай Бог. Ни разу не поймал.

Ее уж и знали все. Прозвище дали, Танька Муха. Привыкли, вроде как своя стала. Одно плохо. Мужики к ней так и липли. Да она никому и не отказывала. Трахалась направо и налево.

— Ну че ты, дяденька Федор? Я ж никому не во вред. Им хочется, прямо мочи нет, и мне приятно.

И глаза такие невинные, чистые, как у блаженной.

Зиму она у него перезимовала, в баньке. Приходила тишком, как стемнеет, и уходила затемно. Он ее в дом звал, не пошла.

— Нельзя тебе, дяденька Федор. Ты здесь человек известный. Еще подумают чего.

Вроде как заботилась, и ему это было внове. Странно и приятно. Он жил бобылем, ни жены, ни детей, ни родственников. Пусто в доме и на сердце пусто. А тут Танька. Он ей еду в баньке оставлял, ботинки новые. Ничего, носила. Один раз деньги на лавку положил. Вернула.

И заметил он, что стали посещать его непрошенные мысли, одна другой чуднее. Удочерить Таньку, отмыть как следует, в школу отдать. Потом замуж. Ох, размечтался, старый, кто ж ее возьмет, непутевую. Она и так не сегодня-завтра в подоле принесет. А что, тоже неплохо. Будет у него ребеночек, вроде как внучок. Будет кого любить, кому дом этот оставить.

Вот об этом и думал сейчас участковый Сидоркин, глядя на распятое в папоротниках Танькино тело, и чувствовал, как желчь подступает к горлу. По ее белой ноге, обутой в купленный им ботинок, медленно ползла муха. А это красиво, муха на коже. Ох, и придет же в голову. Он нервно сглотнул.

Пропади оно все пропадом! У какого подонка рука на нее поднялась? Почему? За что? Он присел на корточки и, стараясь не глядеть на ее обезображенное лицо, внимательно осмотрелся.

В траве что-то блеснуло. Обрывок цепочки. Он потянул. Из ее неплотно сжатого кулачка выскользнул крестик. Сидоркин поднял его. На обратной стороне были выцарапаны буквы «КМК», средняя выше остальных.

У Таньки креста не было. Видно, сорвала с шеи убийцы, а он не заметил. Простой металлический крест, ничего особенного. Вот только буквы эти. Инициалы или что еще?

Сидоркин поднялся на ноги и положил крест в карман. Надо еще осмотреть все вокруг, хотя это вряд ли что-нибудь даст. Ни на кого из местных он и подумать не мог. Он их знал всех наперечет. А приезжих тут пруд пруди. Набедокурил, и ищи свищи.

«КМК». Что же это все-таки может значить?

Свежий апрельский ветерок легко покачивал голые еще ветви деревьев. Вадим с наслаждением подставил лицо солнцу. Вот оно, свершилось наконец. Он стоит на своей земле. Неопишное чувство.

Он очень долго искал подходящее место для строительства загородного дома, вел изнурительные переговоры с местными властями, решив никому не передоверять это дело, потратил кучу времени и денег и добился-таки своего. Впрочем, как всегда.

Завершилась вся эта многомесячная эпопея в апреле. В Апрелеве в апреле. Любопытное совпадение. Так или иначе, он получил права на приличный участок земли и теперь мог приступить к строительству.

Раньше на этом месте располагалась помещичья усадьба. Полуразрушенный двухэтажный дом с проваленной крышей и растрескавшимися колоннами еще стоял, зияя пустыми глазницами окон. Прежде здесь располагалась ремонтная бригада, пока ее не перевели в более современное помещение поближе к деревне.

Старинный парк с вековыми дубами и липами одичал и зарос. Кругом царило полное запустение. Узенькая тропинка, петляя, сбегала с холма к сверкающей на солнце речке. Чудесное какое местечко, подумал Вадим. Надо только руки приложить. И деньги.

Помещик Вадим Петрович Северинов. Забавно звучит. Вадим усмехнулся своим мыслям. Он был сугубо городским жителем и лишь перешагнув тридцатилетний рубеж почувствовал, что Москва с ее бешеными ритмами, вечным скоплением людей и чудовищной загазованностью начинает действовать ему на нервы. Захотелось иметь убежище подальше от городского шума, куда всегда можно было бы сбежать, когда нагрузка становится нестерпимой.

Все возвращается на круги своя. Когда-то, еще до первой мировой войны, старший брат его деда за один вечер просадил в карты их родовое имение. Изрядный был кутила и игрок. Неувядающая семейная легенда. Только спустя несколько лет Севериновы поняли, что это был спасительный перст судьбы. В революцию они вступили рядовыми гражданами, и это помогло им выжить.

— Вадим Петрович!

Мужской голос вывел его из задумчивости. Он и забыл, что он здесь не один. Двое мужчин стояли около старого дома, оживленно переговариваясь. Поодаль маялся от безделья его шофер Сева. Вадим неторопливо приблизился.

— Все более или менее ясно, — сказал один из них, который постарше. Вячеслав Михайлович Зверев, довольно известный в Москве архитектор. — Дом будем ставить прямо здесь, на месте старого. Лучшего места не сыскать. — Он со вкусом потер руки ладонью о ладонь. — Умели, умели в старину строить, ничего не скажешь. Вид-то какой! — Широким жестом он указал на поросшие лесом пологие холмы за речкой. — Виктор обещает расчистить площадку за несколько дней. А там и к строительству приступить можно.

Виктор, коренастый парень в кожаной куртке и кепке, выдохнул колечко дыма и, затоптав каблук сигарету, согласно кивнул.

— Ну что ж, отлично. — Вадим бросил взгляд на часы. — Значит, можем возвращаться. Нам еще с вами, Вячеслав Михайлович, предстоит определиться с окончательным вариантом проекта. Сколько времени, по-вашему, понадобится для завершения работ?

— С подводом коммуникаций и внутренней отделкой месяца три-четыре. Скажем, четыре, чтобы наверняка. Так что на август можете планировать новоселье.

Они направились к машине. Сева предупредительно распахнул дверцы.

— Стойте! Подождите!

Все как по команде обернулись на невесть откуда раздавшийся голос. От дома к ним бежала девушка, поминутно спотыкаясь и оскальзываясь на влажной земле.

Она остановилась перед ними, нерешительно переводя взгляд с одного на другого. Ни мешковатая куртка, ни высокие, сплошь облепленные грязью резиновые сапоги с заправленными внутрь джинсами не могли скрыть изящных линий ее молодого тела. Пышные, собранные высоко на затылке каштановые волосы растрепались от быстрого бега и теперь окружали ее лицо золотистым ореолом. Она напоминала олененка, стремительно выскочившего из леса и застывшего при виде незнакомых двуногих существ.

— Вы... Вы хотите все здесь сломать? — спросила она, тяжело переводя дух. Ноздри ее тонкого, с легкой горбинкой, носа трепетали. Свой неожиданный вопрос она обратила к Вячеславу Михайловичу, решив, видимо, что он здесь главный.

— Не понимаю, почему вас это беспокоит, моя милая, — покровительственно проговорил он. — В любом случае, вопрос не ко мне. Вадим Петрович теперь здесь хозяин. Его и спрашивайте.

Она стремительно повернулась к Вадиму и повторила свой вопрос одними глазами. Глаза у нее были красивые, лучистые и очень взволнованные. Занятная девчужка.

Вадим согласно склонил голову.

— Хочу построить здесь большой дом.

— Но... Но для этого... — Она растерянно развела руками. — Для этого нужно сломать старый.

— Совершенно верно.

— Вы не можете этого сделать. Это... — Девушка запнулась. — Это — историческая ценность.

— Мне ничего об этом не сообщили при продаже, — заметил Вадим.

— Да что они понимают! Здесь с середины восемнадцатого века было имение потомков воеводы Богдана Апрелева. Наполеон в этом доме останавливался на пути в Москву. Тогда дом устоял, а теперь погибнет от вашей руки. Геростратова слава!

Вадим с удивлением посмотрел на нее. Необычный лексикон для сельской жительницы.

— Вы, я вижу, хорошо знакомы с историей здешних мест. Чем вы занимаетесь?

— Я — библиотекарь. И еще учительствую в начальных классах.

— А зовут вас как?

— Маша Антонова. Мария Павловна, — поспешно поправилась она.

— И вы, Мария Павловна, настаиваете, чтобы я ничего здесь не трогал?

— Настаивать я не имею права. Я могу только просить.

Она сказала это с таким достоинством, что Вадим с невольным уважением посмотрел на нее.

— И как вы это себе представляете?

— Вы могли бы отреставрировать его. Воссоздать в первоизданном виде. Это же проще, чем ломать и потом строить заново.

— Вы же ровным счетом ничего в этом не понимаете, моя милая, — вмешался Вячеслав Михайлович.

— Меня зовут Мария Павловна.

— Да, конечно, — поморщился он. — В любом случае, вы в этом не разбираетесь. Восстановительные работы очень трудоемки. Кроме того, мы не знаем, как выглядел этот дом в, хм... лучшие времена.

— Я могу найти для вас рисунки.

— Это вряд ли что-либо изменит. Проект уже готов и...

— А это, пожалуй, интересная мысль, — перебил его Вадим. — Когда вы сможете достать рисунки?

— Вадим Петрович!

Но он проигнорировал негодующий возглас архитектора.

— Так когда?

— Хоть завтра. Я живу в Апрелеве. Отсюда десять минут на машине.

— Знаю, знаю. Я там бывал, и не раз. Завтра, часа в два, к вам подъедет мой человек. Вам это удобно?

— Вполне. Я живу на улице Пушкина, 15.

— Значит, договорились. Не скрою, вы заинтересовали меня. В связи с этим у меня к вам будет просьба.

— Я слушаю.

— Не могли бы вы собрать для меня побольше информации об этом имении? Я, естественно, заплачу.

— В этом нет необходимости. Я буду рада сделать это для вас.

— Мы еще вернемся к этому вопросу. Вас подвезти?

— Нет, спасибо. У меня свой транспорт. — Она весело тряхнула головой и пояснила: — Велосипед. Остался там, на дороге.

— Ну, как хотите. До свидания.

— До свидания.

Маша стояла и смотрела, как машина, буксуя в грязи, с трудом вырывается на дорогу. Как славно все получилось, даже не верится. А этот Вадим Петрович ничего, совсем не такой напыщенный индюк, как она думала. Не то что этот второй. «Моя милая». Разговаривал с ней как с горничной. Хорошо, что не он здесь хозяин.

— Вадим Петрович, вы же не серьезно? — говорил тем временем Вячеслав Михайлович, вальяжно откинувшись на сиденье.

— Вполне серьезно.

— Но почему мы должны слушать какую-то деревенскую дурочку?

— Потому что она права.

Всполохи. Багровые всполохи перед глазами. Он зажмурился. Это демоны снова одолевают его. Ничего, он хорошо изучил все их уловки. Его так просто не возьмешь.

Все зло мира ополчилось против него. Оно принимает самые разные обличья, опутывает по рукам и ногам, пытается сбить с толку. Похитило у него его светлого жавороночка и норовит замести следы. Водит по кругу, как леший в лесу.

Подослали к нему эту дьяволицу со станции. Прикинулась агнцем Божьим, а сама косит на него карим глазом. Весело так. Не подозревала, что он сердцем видит.

— Ты чево, парень, грустный такой? Пойдем, приласкаю тебя, все и забудется.

И ручкой своей тоненькой его за руку взяла. Он и вправду чуть не забыл обо всем, когда она обхватила его своими горячими ногами. Стонала, извивалась под ним, змея подколотная. Он тогда не скоро опомнился.

Ничего она ему не сказала, хотя он видел — знает, все знает. Так он и не узнал, где прячут от него его лапушку, даже когда стиснул пальцами ее горло. Только захрипела, глаза закатила, дернулась пару раз и обмякла. А он все спрашивал, спрашивал, сжимал пальцы и спрашивал.

Тишина. Багровые всполохи перед глазами.

Маша толкнула калитку и вошла. В глубине участка за стройными рядами грядок блекло зеленел потрескавшейся краской маленький деревянный домик с верандой. Под ногами закрутилась, завилыла хвостиком маленькая мохнатая собачка.

— Привет, Ганнибал! — Маша нагнулась и потрепала песика по белому шелковистому уху. — Веди к хозяину.

Ганнибал дружелюбно мигнул черными блестящими пуговками глаз и неторопливо затрусил к дому.

На крыльце показалась крошечная женщина в фартучке и с полотенцем в руках. Круглое лицо в уютных морщинках, пучок седых волос на затылке, полная фигура. Она вся состояла из окружностей. Ни одного острого угла.

— Софья Николаевна, это я, Маша.

— А я-то думаю, кто это к нам пришел, — близоруко щурясь, проговорила Софья Николаевна. — Опять очки засунула куда-то. Заходи, Маша. У нас как раз самовар подоспел.

— Сомова-а-ар? По какому случаю такая экзотика?

— Мой с утра затеял ступеньку чинить. Я с нее уже несколько раз падала. В последний раз чуть ногу не сломала. Целую доску извел. Не знаю, выйдет ли ступенька, но щепочки получились очень милые. Не пропадать же им. — Софья Николаевна улыбнулась. Это у нее вышло очень симпатично, озорно и лукаво, как всегда, когда она рассказывала о подвигах своего мужа.

— Петя! — позвала она. — Иди скорей. У нас гости.

Из-за дома показался высокий поджарый мужчина со стриженными ежиком седыми волосами. В одной руке он нес пилу, в другой — обрезок доски. Его крупное волевое лицо покраснелось, челюсть воинственно выехала вперед. Он составлял немислимый контраст со своей женой, которая, лишь поднявшись на цыпочки, доставала ему до подмышки.

— А-а, Маша. Ты очень кстати. Сейчас Сонечка будет потчевать нас чаем из самовара и ватрушками собственного изготовления.

— Да я ненадолго.

— И не вздумай отказываться. Сейчас только прикину. — Он опустился на колени и принялся прилаживать доску. — Моя третья попытка. Если и эта мимо, пойду на поклон к Степану.

Доска подошла идеально.

— Ну вот, кажется, челом бить не придется. — Он встал, отряхивая руки, и гордо посмотрел на женщин. — Не наступайте только. Потом прибью.

Софья Николаевна уже хлопотала у стола.

— Садись, Машенька. Вот сюда. А ты, Петя, умойся пока.

По веранде плыл сладковатый ванильный запах свежей выпечки. Маша с наслаждением втянула в себя воздух.

— Как пахнет! Чудо! Вы просто волшебница, Софья Николаевна.

— Станешь тут волшебницей, с таким-то мужем. Знаешь, сколько надо у плиты простоять, чтобы прокормить его?

— Я себе представляю.

— Не представляешь. Вот выйдешь замуж, тогда поймешь. А скоро ли?

— Замуж? Не думаю. Рано еще.

Софья Николаевна, прищурившись, всплеснула руками.

— Рано? Замуж никогда не рано и не поздно, если встретишь подходящего человека. Я вот за Петю в восемнадцать лет вышла. И с тех пор ни разу не расставались.

— Ни разу?

— Ни одного. Вся жизнь как один день. — Она прикрыла глаза. На губах блуждала мечтательная улыбка. — Я, как ты, ничего не умела. Трудно было поначалу, да вот, видишь, научилась. Хочешь, и тебя готовить научу?

— Конечно, хочу. Но только я вся в маму, кулинарка аховая.

Тут вошел Петр Алексеевич. Чай был изумительный, приправленный дымком, ватрушки и того лучше. Самовар важно восседал на столе, поблескивая золотыми боками. Разговор тек неспешно. Тикали часы на стене.

Вот оно, истинное счастье, подумала, глядя на них, Маша. Вся жизнь как один день.

— Как твой помещик? — спросил Петр Алексеевич, прихлебывая чай.

— Строится. Я его самого не видела с того раза. Но работа кипит. Флигель уже готов. Начали фасад кирпичом выкладывать. Красиво.

— Уже? Вот это темпы! — удивился Петр Алексеевич. — Они что, и по ночам работают?

— Наверное. Петр Алексеевич, вы не забыли про мою просьбу?

— Не забыл и даже нашел кое-что. Негусто, но, как говорится, чем богаты.

Он скрылся в комнате и вскоре вернулся с небольшой коробкой в руках.

— Почитай на досуге. Тебе будет интересно. Когда мы с Сонечкой только-только сюда приехали, здесь старушка одна жила. Помнишь, Сонечка, Марфу Тихоновну?

— Еще бы! — отозвалась та. — Мы у нее комнату снимали. Замечательная была старушка, чистюля, умница, столько всего помнила. А лет ей тогда было уже за девяносто.

— То-то, что помнила, — проворчал Петр Алексеевич. — А я, молодой дурак, даром что учитель истории, слушал ее вполуха. Думал, что история это где-то там, далеко, а она тут ведь, под боком. Да и умерла она вскоре. Остались только эти письма. Она у Апрельевых в имении работала, в господском доме. Как они к ней попали, ума не приложу.

Маша заглянула в коробку. Стопка пожелтевших бумаг, исписанных выцветшими чернилами. Люди, которые писали это, давно уже истлели в могиле. О чем поведают ей эти письма, свидетели давних событий? Какие мысли и чувства доверяли бумаге их авторы? Ей вдруг захотелось поскорее уйти, унести их с собой и читать, читать, читать.

Петр Алексеевич будто угадал ее мысли.

— Что, не терпится? Забирай. Только поосторожнее с ними.

— Не беспокойтесь, Петр Алексеевич. Я их скоро верну.

— Не надо. Это мой тебе подарок. Сама все поймешь, как прочтешь. — Он задумчиво покачал головой. — Странные вещи происходят иногда в этой жизни.

Мышцы затрепетали, напряглись, вот-вот лопнут. Вадим в последний раз свел ручки тренажера и в изнеможении откинулся назад. По спине побежали струйки пота. Кровь забила, запульсировала в висках. Еще один подход, и тренировку на сегодня можно считать законченной.

Он приезжал сюда каждое утро в те неповторимые часы, когда воздух еще чист и прозрачен и город только-только пробуждается в преддверии нового суматошного дня. В тренажерном зале отеля «Олимпик-Пента» он обыкновенно был один, и это ему нравилось.

Ничто не отвлекало. Чистое единоборство с железом, сосредоточенное преодоление.

Вадим неторопливо подошел к зеркалу, вытирая полотенцем пот со лба и шеи. Мельком взглянул на свое отражение. Неплохо, неплохо. Почти сто килограммов тренированных мышц. Надо будет увеличить нагрузку. Потом душ, короткий заныр в бассейн — и в банк.

Он уже не мог представить себе жизни без этих каждодневных часовых тренировок. Если что-то мешало, он весь день ходил сам не свой, чувствуя, как накапливается в нем негативная энергия, распирает, мечется в поисках выхода. Друзья подтрунивали над его увлечением, мол, лавры Шварценеггера покоя не дают. Он отшучивался.

Не станешь ведь объяснять всем и каждому, что нашел единственно возможный для себя способ выживания в этом сумасшедшем мире, где отстрел банкиров стал обыденным делом. Февральский банковский кризис до сих пор напоминает о себе противным холодком под ложечкой. Тогда все обошлось, но сколько их еще будет? Одному Богу известно.

Мелодичное журчание радиотелефона нарушило тишину спортзала. Вадим поднес трубку к уху.

— Северинов.

— Вадим?

Знакомый голос с придыханием на «а». Лиля. Странно, не ее время. Ночной зверек. Обычно открывает свои хорошенькие глазки не раньше одиннадцати.

— Да, Лиля, это я. Что-нибудь случилось?

— Ничего. А что могло случиться?

— Не знаю. Просто так спросил.

— Я хотела тебе напомнить кое о чем, пока ты в пределах досягаемости. А то потом ищи тебя по твоим офисам. Ты не забыл, что у Арсена сегодня день рождения? Он ждет нас вечером в «Паласе».

Арсен. Конечно. Очередная размашистая тусовка.

— Помню. Я уже послал ему поздравление.

— Зачем? Мы что, не идем?

— Нет, конечно. Мы же договорились ехать в Апрелево на весь уик-энд. Флигель уже готов. Надо посмотреть.

— Какое может быть Апрелево? — В голосе Лили послышалось раздражение. — К Арсену нельзя не пойти.

— Отчего же. Можно. У нас просто другие планы. Он поймет.

— Но я хочу пойти.

Он мысленно перенесся в ее спальню, которую покинул всего два часа назад. Лежит небось, свернувшись калачиком, на кремовых простынях. Кукольное личико в обрамлении белокурых волос. Пышные грудки, тоненькая талия, ленивая кошачья грация. Маленькая секс-бомбочка, украшение гарема. Женщина, созданная для любовных утех.

Она плавно перетекала от одного любовника к другому, от богатого к еще более богатому, пока не повстречалась с Вадимом. Ее невозможно было себе представить работающей, чистящей картошку или меняющей подгузники у орущего младенца.

Насколько Вадим знал, она вообще ни минуты в своей жизни не работала. Училась когда-то в университете, на филологическом. На третьем курсе бросила, вышла замуж за партнера своего отца, довольно преуспевающего бизнесмена. Их брак продержался чуть больше двух лет. По словам Лили, скука была смертная. Он все пытался уговорить ее завести ребенка и ревновал ко всему, что движется. Контролировал каждый ее шаг. Дни напролет

она сидела дома в окружении дорогих вещей, отвечала на его бесконечные звонки и изнывала от безделья.

Ей казалось, что она попала в золотую клетку, откуда нет выхода. Жизнь проходила мимо, никак не затрагивая ее. Целыми днями она слонялась по квартире и чистила перышки перед зеркалом, достигнув в этом небывалого совершенства. Ей удалось создать из себя истинное произведение искусства. Беда в том, что некому было по достоинству оценить ее усилия.

От нечего делать она завела роман со своим шофером, по совместительству телохранителем. В буквальном смысле слова соблазнила его. Неизбежный финал, если запертыми в четырех стенах оказываются молодой, пышущий силой мужчина и скучающая красивая женщина. Муж, естественно, ни о чем не подозревал.

Имя этого мужчины безвозвратно затерялось в закоулках памяти, осталось только прозвище, которым она его наградила. Мой Бычок.

Забавно, но он действительно напоминал молодого бычка. Коренастый, широкоплечий, весь вздувшийся мощными буграми мышц. Короткий бобрик белобрысых волос над простодушным круглым лицом, вырастающим прямо из плеч.

Поначалу она воспринимала его как предмет почти неодушевленный, неизменный предмет мебелировки, что ли. Он всегда был рядом, распахивал перед ней дверцу машины, подносил сумки с покупками, даже варил и сервировал кофе, ловко управляясь с хрупкими чашечками и блюдцами, что было необычно для человека его комплекции. Верная, преданная тень. И как всякую тень, Лиля не замечала его.

Однажды он долго возился с машиной и явился на ее зов весь перепачканный маслом, сконфуженный и озадаченный. На тот день никаких выездов не намечалось.

— Мы едем покупать мне новые туфли, — безапелляционно заявила Лиля. — И немедленно. Вчерашние никуда не годятся.

Он растерянно развел руками, сплошь покрытыми жирными коричневыми разводами.

— В ванную! — скомандовала Лиля и отправилась за полотенцем.

Когда она вернулась, он стоял перед зеркалом и стаскивал через голову футболку. При виде его могучего торса у нее что-то екнуло и заколотилось внутри. Перед глазами встала шуплая фигура мужа с отвислым животиком и тонкими волосатыми ногами. Вдруг безумно захотелось ощутить на себе тяжесть этого молодого налитого тела, упиться его мужественной силой и узнать наконец, что значит быть настоящей женщиной.

Он сдернул с себя футболку, выпрямился и тут только увидел ее. Их взгляды скрестились в глубине зеркала. Он сразу все понял, в глазах мелькнул испуг. Огромные ручищи затеребили смятую футболку, беспомощно прижали ее к груди, будто он хотел прикрыться от Лилиного горящего взгляда.

Сознание собственной власти над этим большим, сильным мужчиной опьянило ее. Она шагнула к нему, на ходу расстегивая пуговицы платья, обхватила руками за талию, прижалась щекой к спине. Он стоял как изваяние.

— Не бойся, — шепнула она. — Он ни о чем не узнает.

Она нащупала язычок «молнии» и потянула. Под ее руками пульсировало что-то огромное, безумное, своевольное. Он попытался помешать ей, остановить, но лишь помог.

Лиля опустилась на колени, стягивая с себя и с него остатки одежды. Прямо перед ее лицом закачался гигантский, дымящийся от вожделения член. Лиля жадно припала к нему губами.

Он издал горлом странный клокочущий звук, и она поняла, что победила. Он набросился на нее, как дикий, изголодавшийся зверь, и аромат ее духов смешался с запахом машинного масла, чтобы навсегда стать для нее запахом страсти и неутолимого желания.

Она открыла в себе непреходящий вкус к сексу. Судорожные любовные упражнения, которые в любой момент могли быть прерваны неожиданным звонком или, того хуже, приездом мужа, перестали ее удовлетворять. Хотелось большего, полной свободы.

И она пришла с разводом. Лиля расцвела и с головой окунулась в светскую жизнь. В деньгах особого недостатка не было. Отец никогда не мог ни в чем ей отказать. Он только вздыхал, глядя на то, как она прожигает свою жизнь, и утешал себя тем, что она еще молода. Вот перебесится и будет как все.

Однако бурный период затягивался. Ей шел уже двадцать шестой год, и она впервые начала задумываться о будущем. Молодость пройдет, а что дальше? Вокруг было много мужчин, но ни один из них не соответствовал ее представлению о спутнике жизни. И тут появился Вадим.

Молодой, красивый, богатый, с роскошной фигурой атлета. Такое сочетание в ее кругу нечасто встретишь. Он сразу подкупил ее теплотой своей улыбки, легким чувством юмора и еще тем, что ни разу не сделал попытки прибрать ее к рукам. Он как-то сразу ее понял и принял такой, какая она есть. С ним она не чувствовала себя дорогой игрушкой. Вот только эта глупая затея с загородным домом...

— Алло! Вадим, ты слышишь меня? Я хочу туда пойти.

— Иди.

— А ты?

— Я поеду в Апрелево.

В наступившей тишине он слышал ее легкое дыхание. Сладкая, неумемная Лиля. Он хотел отвезти ее в деревню, показать свой строящийся дом, попытаться объяснить, почему он вдруг стал ему так дорог. Глупая фантазия. Лиля и деревня — две вещи несовместные. И отчего ему вдруг в голову взбрело, что она сможет разделить с ним его радость, понять его? Они слишком разные, и ничего с этим, видно, не поделаешь. Она не из тех, кто находит удовольствие в прогулках по саду при луне.

— Ты отпустишь меня одну?

— Почему бы и нет? Арсен будет рад тебя видеть.

— Даже слишком.

Он сразу понял, что она имеет в виду. Арсен, его давний друг, был влюблен в нее. А кто не был? Не так давно, когда они обедали вместе, Арсен, вытирая платком обширную не по годам лысину, вдруг спросил:

— Как у тебя с Лилей?

— Нормально. А что?

— Старик, тебе ведь не надо ничего объяснять, верно? Сам знаешь, как я к тебе отношусь. И как к ней. Ты собираешься на ней жениться?

— Не знаю. Мы еще не говорили об этом.

— Еще или вообще?

— Да говорю тебе, не знаю.

— Между прочим, это уже ответ.

Вадим задумался. А ведь он, пожалуй, прав.

— Об одном прошу, по старой дружбе, скажи мне первому, чтобы я знал, что мне делать

дальше. Не хочу перебегать тебе дорогу.

Этот разговор накрепко засел у него в памяти. Арсен случайно облек в слова то, что подспудно бродило в нем. Настало время решать.

— Ты точно не поедешь со мной?

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу деревню. Куда я там на своих каблуках.

Это точно, усмехнулся про себя Вадим. Со шпильками она не расставалась, только что не спала в них. Компенсировала недостаток роста. Как будто это имеет какое-то значение.

— Значит, так тому и быть. Счастливо тебе повеселиться. Привет Арсену.

— Вадим!

Но он уже дал отбой.

Ступеньки тихо поскрипывали под ногами. Маша поднялась к себе в «скворечник», в уютную маленькую комнатку под крышей и, стараясь не шуметь, пододвинула стул к столу. Внизу свет уже погас. Значит, мама легла спать. Ее милая, усталая, красивая мама. В последнее время астма все больше мучила ее, она быстро уставала, задыхалась от малейшего резкого движения.

Это не всегда было так. Когда они еще жили в Можайске и отец был с ними, жизнь была совсем другая. Мама была весела, легка, все напевала что-то, как птичка. Лишь по весне, когда начиналось цветение деревьев, она слегка затуманивалась, подкашливала и подшучивала над собой. «Опять мой органчик завелся», — говорила она, прислушиваясь к тихим хрипам в груди. У мамы внутри органчик. Как необычно! Если послушать повнимательнее, можно услышать фугу Баха. Для Маши это было как занимательная игра.

Ее отец был художником. Писал картины для местного Дома культуры, оформлял демонстрации, рисовал плакаты. В заказах недостатка не было. Маша хорошо помнила его, высокого, красивого, всегда такого уверенного в себе.

Потом в стране грянули перемены. Как-то разом перестали заказывать портреты и плакаты, и он оказался не у дел. Было несколько предложений оформить ресторан или кафе, но он каждый раз гневно отказывался. Как это он, Павел Антонов, станет писать для питейного заведения? Неслыханная наглость!

Она до сих пор вспоминала их приглушенные разговоры на кухне, когда они думали, что она уже спит. Мама все уговаривала его согласиться, мол, ничего унижительного в этом нет. И его вдруг незнакомый, влаивающий голос в ответ.

— Что ты, женщина, понимаешь в искусстве?

— Но, Паша, пойми, туда же люди будут приходить. Им хочется, чтобы было красиво.

— Дура, разве это люди?!

Он никогда раньше не разговаривал с мамой так. И Маша понимала, что он опять пьян. Он и прежде любил выпить, иногда помногу, но всегда со вкусом. Никогда не становился гадов и груб.

Теперь все изменилось. Будто черная волна накатывала. Лицо его становилось неузнаваемо, страшное, багровое, с ненавидящими мутными глазами. Сейчас, став постарше, Маша знала, как это называется. Отчаяние. А тогда лишь терялась в догадках, холодея от ужаса.

Он пытался писать, почему-то все время лошадей. Так же мутно и невразумительно, как и жил. Продолжал считать себя Художником, ни за что не желая взглянуть правде в глаза. А правда, она ведь неумолима, ее не обманешь и не купишь.

Она хорошо помнила ту страшную ночь, когда проснулась от оглушительного звона разбитого стекла и маминого приглушенного крика. Выскочила на кухню в чем была. Перекошенное, невидящее лицо отца. Разбитая бутылка в руке оцетинилась острыми краями. Белые, в голубизну, щеки мамы. Беспомощно вздрагивающее горло, дикий страх в глазах.

— Я — Ван Гог. Ван Гог. И никто меня не понимает.

Маша бросилась между ними и застыла, раскинув руки, пытаясь закрыть собой маму, защитить, уберечь. Свободной рукой он схватил ее за плечо. Дернул что было силы, но она стояла твердо.

— Прочь с дороги, соплячка! Не доросла еще. На родного отца...

— Уходи! — От крика заломило уши. — Уходи! Не мучай нас больше.

Он вдруг как сдулся. Рухнул на стул, спрятал лицо в ладони.

— И ты, Машка, — бормотал он. — И ты, как все. Предала меня.

— Почему ты не хочешь лечиться? Почему не хочешь жить?

— Лечиться? А я здоров. Здоров, так вас всех и раз-этак.

Речь его становилась все бессвязнее. Наконец он позволил отвести себя в постель.

Маша вернулась на кухню. Мама собирала осколки с пола. Обе молчали, не зная, что сказать друг другу. Маша первая собралась с силами.

— Мам, — голос ее прозвучал тоненько и беспомощно, совсем по-детски. — Мам, мы не можем так больше жить. Ты же сама видишь.

Ей было безумно жалко отца. Страшно испытывать к отцу только жалость. Он всегда был такой сильный и надежный, куда все подевалось? Но еще больше было жаль мать. За последнее время она постарела лет на десять. И куда только подевались ее песенки? В их доме, всегда таком светлом, поселилась вязкая, страшная муть.

— Ему надо найти врача, хорошего врача. И все будет как прежде.

— Машенька, милая ты моя девочка. — В голосе матери была безнадежность и еще усталость. Страшная усталость. — Я уже была у врача. Нарколога. В Москву специально ездила, и не раз.

— Ты ездила? И ничего мне не сказала?

— Зачем? Ты молодая. Живи хоть ты.

— Но сейчас же лечат кучей разных способов. Гипноз, кодирование, что там еще. Раскрой любую газету — так и пестрят объявлениями.

— Знаю, все знаю. Проблема только в одном: он должен сам захотеть вылечиться. А он даже больным себя не считает.

— Может быть, мне попробовать уговорить его? Вдруг послушает?

— Попробуй. Я уже ничего не могу.

Маша взялась за дело со всем пылом молодости. Тогда ей казалось, что ничего невозможного в мире нет. Она подолгу говорила с отцом, просила, умоляла, угрожала, но скоро поняла, что все бесполезно. Он жил как под стеклянным колпаком, в нереальном, выдуманном мире. Он даже не боялся потерять их.

— И когда вы только оставите меня в покое, и ты, и твоя мать? Художник должен быть один. Как я раньше не понимал этого? — твердил он ей.

Ей так и не удалось пробиться к нему. Он ничего уже больше не слышал и не воспринимал. После нескольких кошмарных сцен она смогла убедить мать подать на развод.

Передышка была недолгой. Вскоре произошло нечто, что заставило их продать квартиру

в Можайске и переехать в Апрелево. Тихо, скрытно, обрубив все концы. Только своей лучшей подруге Ларисе и обмолвилась она, куда они так поспешно переезжают. Бегство, иначе не назовешь. Но она не любила вспоминать об этом.

Маша никогда не думала, что ей понравится жить в деревне. Решение было вынужденным, и она ехала сюда скрепя сердце. В Можайске она успела закончить педагогическое училище и поэтому без труда устроилась работать в сельскую школу учительницей младших классов. Кроме этого, она получала ставку школьного библиотекаря, ведь на зарплату учителя вдвоем не проживешь. Здоровье матери было серьезно подорвано, она еле-еле справлялась по дому.

Маше всегда нравилось возиться с детьми. Милые, лукавые мордашки, широко распахнутые глаза, такие жадные до всего нового, неожиданно смешные вопросы, которыми они засыпали ее. С ними она оттаивала душой.

Места здесь были красивые, не сильно испорченные цивилизацией. Кудрявые холмы, березовая роща, речка. С самого первого дня Машу не оставляло чувство, что она все это уже видела, особенно когда приходила в старую заброшенную усадьбу.

Она замучила мать вопросами, но та лишь качала головой, глядела удивленно. Нет, они никогда здесь раньше не были.

Стараясь подавить охватившее ее волнение, Маша открыла коробку, которую дал ей накануне Петр Алексеевич, и бережно выложила на стол драгоценные письма. Из стопки пожелтевших листков выскользнула маленькая тетрадка в пурпурном сафьяновом переплете.

Маша открыла ее, взгляделась в выцветшие буквы. «Дневник Марии Павловны Апрелевой. 18 мая 1860 года. Сегодня мне осьмнадцать лет, а в мире ничто не переменялось».

У Маши сжалось сердце. Такие знакомые слова. Именно об этом и подумала она, когда проснулась ранним утром в день своего восемнадцатилетия. Она очень хорошо помнила этот день, помнила, как в нетерпении подбежала к окну в надежде увидеть... Что? Она не знала. Может быть, хрустальный дворец, по мановению волшебной палочки возникший за ночь, или золоченую карету с прекрасным принцем, поджидающим ее внизу. Но все было как прежде. Те же голуби не торопясь разгуливали по крышам, те же водопроводные трубы сбегали вниз по углам домов. Острое чувство разочарования охватило все ее существо. Это несправедливо! «Сегодня мне осьмнадцать лет, а в мире ничто не переменялось».

1860 год

Маша стремительно сбежала по ступенькам в сад, поправляя на ходу шляпку, ловко сидевшую на ее золотисто-каштановых локонах. Бордовая амазонка плотно охватывала гибкий стан, мягкими складками спадала к крошечным ножкам, обутым в мягкие кожаные сапожки.

— Маша! Куда ты в такую рань?

Маша обернулась. Маменька, в капоте и кружевном чепце, смотрела на нее с верхней ступеньки лестницы, ладонью прикрывая глаза от разгорающегося утреннего солнца.

— С добрым утром, маменька. Хочу до завтрака прогуляться на Звездочке. Такое нынче солнышко ласковое. Не усидеть дома.

— Только не уезжай далеко. Я всегда волнуюсь, когда ты на ней. Больно норовистая.

— Не бойтесь, маменька. Она меня любит.

Маша помахала матери рукой и побежала по дорожке к конюшне, вдыхая свежий аромат цветов и утренней росы.

Конюх Николай, молодой невысокий парень с круглым курносым лицом и странными белесыми глазами, возился у входа.

— Николай, голубчик, оседлай мне Звездочку, — попросила Маша.

Некоторое время он молча смотрел на нее, теребя в руках хлыст.

— Сию минуту, барышня, — пробормотал он наконец и скрылся в конюшне.

Почему мне всегда так неуютно под его взглядом, подумала Маша. Все дело, наверное, в его бесцветных глазах. Смотрит прямо как вурдалак.

Николай появился, ведя в поводу красивую лошадку мышинной масти с изящными белыми бабками и яркой белой звездочкой во лбу. Ей она и была обязана своим именем. Она легко перебирала тонкими ногами, будто вовсе не касалась земли.

Маша подбежала к своей любимице, поцеловала в теплые, трепещущие ноздри.

— Здравствуй, моя красавица! Поскачем?

Лошадь косила на нее влажным вишневым глазом и прядала головой, будто соглашаясь. Поскачем!

Николай уже держал ей стремя. Маша легко вскочила в седло и тут же почувствовала прикосновение его твердых пальцев к своей ноге, чуть выше сапожка. От изумления она чуть не потеряла равновесия. Что, что это значит? Он совсем лишился рассудка.

Хлыст взметнулся над головой. С трудом преодолев жгучее желание исхлестать его бессмысленно улыбающееся лицо, Маша вместо этого опустила хлыст на шею ничего не подозревающей Звездочки. Не ожидая такого начала, та вскинулась на дыбы, скакнула, одним молниеносным прыжком преодолела изгородь и понеслась между деревьями.

Стремительная скачка, ветер в лицо успокоили Машу.

— Прости меня, Звездочка, — прошептала она. — Прости.

Надо будет обо всем рассказать отцу. Нет, нельзя. Он выйдет из себя, неизвестно, чем все кончится. Лучше просто попросить отослать его обратно в деревню и взять другого конюха. Отец бывал крут с дворовыми. Его побаивались.

За размышлениями Маша и не заметила, как отъехала довольно далеко от дома. Вправо и влево, насколько хватал глаз, раскинулись вспаханные поля. Впереди темнела дубрава. Туда-то и направила Маша бег своей Звездочки.

Это было ее любимое место, уединенное, таинственное. Хрустальный ручей, журча, пробивался между камнями. Она любила помечтать под лепетание его струй. Здесь никто не мог ей помешать.

Маша отпустила поводья и предоставила Звездочке самой выбирать дорогу. Под деревьями было сумрачно и прохладно. Мягкий серебристый мох оплетал корни деревьев. Маша подняла голову, глядя в кроны деревьев. Вдруг увидит какую-нибудь зазевавшуюся дриаду.

Резкое ржание разорвало тишину. Треск веток, будто пистолетные выстрелы. Звездочка от неожиданности вздрогнула всем телом и скакнула в сторону. Стремительное движение выбило Машу из седла. Она упала на землю, подвернув ногу. От резкой боли слезы выступили на глазах. Сквозь их пелену она увидела, как из зарослей выехал всадник, спешился и поспешил к ней.

— Вы ушиблись? — озабоченно спросил он, опускаясь рядом с ней на колени. — Что с

вами?

— Нога, — простонала Маша.

— Покажите.

Щеки Маши зарделись. Что значит покажите? Каков нахал! От ярости она забыла о ноге и попыталась встать, но тут же со стоном опустилась на траву.

— Не надо меня бояться, — мягко проговорил незнакомец. — Простите, сударыня, я забыл представиться. Вадим Петрович Серебряков. Приехал погостить в Дубравы к Хомяковым. Это в шести верстах отсюда.

Маша кивнула. Хомяковы были их соседи. Они изредка наезжали друг к другу в гости. С младшим Хомяковым. Арсением, они даже были дружны в детстве. Длинные языки уж и сватали их, да как-то все со временем утихло.

Она уже без страха и раздражения, а скорее с любопытством разглядывала незнакомца. Светлые волнистые волосы, голубые глаза искрятся улыбкой. Довольно милая ямочка на подбородке. Ей вдруг показалось, что она его уже где-то видела.

Будто отвечая ее мыслям, он сказал:

— А я вас уже видел однажды. Давеча на балу в Дворянском собрании. Вы были в голубом, как незабудка. Принцесса бала, хотя голубое и не слишком к вам идет.

Маша нахмурилась, но тут же улыбнулась, вспомнив, что сама не любит голубой цвет и поехала в этом платье, лишь уступая настояниям матери. Однако каков! С ней никто еще так не говорил.

Вадим заметил ее улыбку и улыбнулся в ответ.

— Я прав? Вы согласны, верно? Однако займемся вашей ногой. Я в этом немного понимаю.

Он говорил с ней так легко и непринужденно, что Маша и думать забыла о щекотливом своем положении. Совершенно беспомощная, в глухом месте, в обществе незнакомца мужчины. Есть чем озаботиться. Но Маше все это и в голову не пришло. Осторожно, двумя пальчиками приподняла она край амазонки, обнажив прелестную стройную ножку.

Вадим невольно залюбовался ею. Удивительная девушка. Никакого жеманства, кокетства, этого несносного «Ах, оставьте меня, право...». Никаких ужимок, которые так бесили его в петербургских барышнях.

Он осторожно стянул с нее сапожок и пробежал длинными чуткими пальцами по нежной ступне.

— Здесь болит?

— Нет.

— А здесь?

— О-о-о, да.

— Простите. Еще немного.

Он продолжил свои манипуляции, затем выпрямился и ободряюще улыбнулся ей.

— Никакой угрозы для жизни. Просто небольшое повреждение связок. Необходим ледяной компресс, и как можно скорее. — Он огляделся. — Я слышу где-то журчание воды.

— Здесь недалеко есть ручей.

— Прекрасно. Ничего лучше и придумать нельзя. Вы сможете дойти? Я помогу вам.

— Попробую.

Маша попыталась подняться, но это оказалось выше ее сил. Боль была слишком сильна. Она со стоном опустилась на землю и беспомощно посмотрела на Вадима.

Он шагнул к ней, подхватил за талию и под колени, поднял, как пушинку, и понес к ручью. Она чувствовала силу его напрягшихся мышц под тканью охотничьей куртки, его дыхание на своей щеке, незнакомый терпкий запах одеколona на его коже. Неведомое доселе волнение охватило ее. Она впервые ощущала мужчину так близко, и это кружило ей голову.

Вадим осторожно опустил ее на траву у ручья.

— Подержите ногу в воде сколько сможете, — сказал он и, отходя, бросил через плечо: — Чулок лучше снять.

Маша оглянулась. Он стоял к ней спиной, привязывая лошадей. Она улыбнулась про себя, оценив его деликатность, быстро стащила с себя чулок и опустила ногу в прозрачную воду. Леденящий холод пронзил ее до самого сердца. Маша чуть было не взвизгнула от неожиданности, но, закусив губу, решила терпеть. Не может же она оскандалиться перед ним, таким большим и сильным. Что он подумает о ней?

Боль постепенно прошла. Нога онемела от холода и тихо постанывала, будто жалуясь. Чтобы немного отвлечься, Маша повернулась к нему.

— Вадим Петрович, отчего вы не спросите, кто я?

— Оттого, что я вас знаю. Мне, Мария Павловна, Арсений все уши о вас прожужжал.

— Извините, не знала, что уже успела вам надоесть.

— Уверяю вас, что я был самым благодарным слушателем. Он очень высоко вас ценит. Настолько, что наотрез отказался представить меня вам тогда, на балу.

— Отчего же?

— А вот об этом вы лучше у него спросите при случае.

— Теперь этот случай не скоро представится, — уныло сказала Маша, указывая на свою ногу, угрожающе синеющую в холодной воде.

— Осмелюсь не согласиться с вами. Не успеете оглянуться, как будете отплясывать на балу у генеральши фон Шелленбаум.

— Но это же уже через неделю.

— Вот-вот. Только, ради Бога, не в голубом.

— Дался вам этот голубой цвет. Я сама его не терплю, но маменька...

— Она, верно, считает, что это самый подходящий цвет для юной барышни, только начинающей выезжать в свет?

— Увы!

— Так проявите твердость. Вам же ее не занимать, верно?

Он подошел и опустился рядом с ней на колени.

— Пожалуй, довольно. Теперь надо бы перевязать.

Он огляделся по сторонам в поисках подходящего материала, похлопал себя по карманам и, ничего не обнаружив, стянул с шеи белый шелковый шарф.

— Если вы не возражаете, то это заменит нам бинт.

Он плотно замотал ей ногу и отвязал своего вороного.

— Вам лучше ехать на Цезаре. Он отменно выучен.

— Но Звездочка... Она не подпускает к себе чужих.

— Позволила же она себя привязать. Я думаю, мы с ней поладим.

Уверенной рукой он потрепал Звездочку по шелковистой холке, посадил Машу, вскочил в седло сам.

Весь обратный путь они проделали шагом, но Маше показалось, что не прошло и минуты, как вдаль показалось Апрелево.

— И как только женщины ездят на таких седлах, — проговорил Вадим, озабоченно вглядываясь в приближающиеся контуры усадьбы.

— То же самое я могу спросить и про мужчин, — отозвалась Маша.

Она думала совсем о другом и почему-то знала, что Вадим думает о том же.

— Мария Павловна, — сказал он вдруг, накрыв ее руку своей. — Могу ли я надеяться, что через пять дней, когда вы уже забудете о постигшей вас неприятности, я снова увижу вас в то же время и на том же месте?

Маша молчала, глядя прямо перед собой.

— Умоляю вас, ответьте мне.

Маша повернула голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Это имеет для вас какое-то значение?

— Более того. Я мечтал бы об этом.

Тишина. Только слышно, как лошади перебирают копытами. Ресницы Маши затрепетали, отбросив длинные тени на нежную округлость щек.

— Я буду там.

* * *

Участковый Федор Иванович Сидоркин тихо страдал. Сидевшая перед ним бабка в цветастом платке уже в десятый раз рассказывала ему свою историю и, похоже, совсем не сбиралась уходить. Он тяжело вздохнул, отогнал от лица надоедливую муху и от нечего делать принялся разглядывать коричневые узловатые руки посетительницы. Нелегко, видать, дается ей ее редиска.

— Товарищ участковый, — плаксиво протянула она. — Что же это делается, а? Пока посодишь ее, да прополешь, да польешь, сто потов сойдет. Бывает, и спину не разогнешь с устатку. Каждая редисочка, поди, потом полита-сдобрена.

— Да я разве не понимаю, — он скосил глаз на свои записи, — Ольга Даниловна. Я все понимаю.

— Вот и сделайте что-нибудь. Вы же власть. Вас специально здесь от супостатов поставили.

Сидоркин вытер пот со лба и полез в стол за сигаретой. Пачка была пуста. Бабка аж привстала, будто решила, что он сейчас и вытащит из ящика стола ее украденную редиску. Поняв, что чуда не произойдет, она вытерла глаза кончиком платка. Сидоркин скомкал пачку и выбросил ее в мусорное ведро.

— Я все записал. Все возможные меры будут приняты.

— Уж вы постарайтесь. Я ведь и отошла-то всего на минутку. Товарок попросила присмотреть, да где там! Как корова языком слизнула.

Сидоркин прекрасно понимал, что искать похитителей редиски бесполезно. Скорее всего они давно уже торгуют ею на ближайшей станции. Она ж не проштампована. Жалко бабку, но что поделаешь?

— То ли дело, когда Танька Муха здесь была. Всегда выручит, если что. Так ведь пропала. Небось блядствует с мужиками, непутевая.

Сидоркина всего аж перекосило. Еле сдержался.

— Убили ее, Таньку-то, — сказал он тихо.

— Уби-и-и-ли? — тоненько заголосила бабка. — Убили болезную? У какого ж змея рука на нее поднялась?

— Ищем, — выдавил из себя Сидоркин.

Бабка быстро стрельнула на него глазами и, кряхтя, поднялась.

— Пойду пока. В конце дня загляну.

— Ага, вот именно, в конце дня.

Дверь в приемную распахнулась, и на пороге возникла высокая стройная девушка. Сидоркин сразу узнал ее. Маша Антонова, учительница из Апрелева.

— Федор Иванович, можно к вам? — Увидев, что он не один, запнулась. — Ой, извините, я не знала, что вы заняты.

— Заходите, заходите, Марья Павловна. Мы как раз закончили.

Маша проводила глазами бабушку и, когда дверь за ней закрылась, понизив голос, спросила:

— Вы извините, Федор Иванович, я как раз за дверью стояла. Вот и услышала. Когда убили?

Сидоркин опять полез было в стол, но, вспомнив, что сигареты кончились, в сердцах захлопнул ящик. Маша вздрогнула.

— Может быть, мне не стоило спрашивать?

— Да нет, чего там. Девушка тут одна была, на рынке пробавлялась. Татьяной звали, а по-простому Танькой Мухой.

— Так я же ее знаю. Я зимой малышей своих в Москву в кукольный театр возила, так она мне помогала их развлекать, пока электричку ждали. Хорошая была девчушка, только несчастная очень. Одна совсем. Я ее все в Апрелево к нам звала, в школу, но она не захотела.

Маша печально покачала головой.

— Страшная какая жизнь. Как это случилось?

— Изнасиловал какой-то подонок и задушил. Бросил в кустах. Никаких следов.

— Что, совсем никаких?

— В том-то и дело, что нет. Вот только это.

Он нащупал в кармане крестик на обрывке цепочки, вытащил и показал Маше.

— У нее в кулачке нашел. Отпечатки пальцев не идентифицируются.

Он не стал ей объяснять, почему оставил крест у себя, а не передал следователю. Все равно там это дело всерьез раскручивать не будут. Мало ли нынче погибает бездомных. Спишут со временем, и делу конец. А он все ходил, расспрашивал людей исподволь, вдруг что и всплывет, хотя сам прекрасно понимал, что надежды нет.

Маша взяла крестик, повертела в руках, поднесла к глазам. «КМК». Странные, кривые буквы.

— Что это может означать?

— Да все что угодно. Константин Михайлович Кротов. Кинули меня козлы.

— Кровь моя кипит.

— Вот-вот. А что это на самом деле — кто знает? — Сидоркин устало провел рукой по лицу, будто стирая налипшую паутину. — А герой ваш у меня. В соседней комнате дожидается.

Маша встрепенулась. Из-за страшного рассказа Сидоркина она совсем забыла о причине своего визита.

— Как он там?

— Ничего. Держится молодцом. Мы с ним поговорили по-мужски, обещал подождать пока. Может, что и выяснится, дай Бог.

Машин ученик, Вася Пименов, накануне сбежал из дома, оставив записку, что уезжает в Чечню на поиски пропавшего без вести брата. Сидоркин засек его на станции, отвел к себе и известил Машу.

— Вы себе не представляете, Федор Иванович, что это было. — Голос Маши дрогнул. — Мать его, как прочла записку, так за один вечер поседела вся. Одного сына уж и не чаёт увидеть, а тут другой пропал.

— Беда она и есть беда. Вы уж его не ругайте. И так натерпелся.

— Что вы, Федор Иванович. Счастье-то какое, что нашелся. Если бы не вы, уж не знаю, что бы и было. Спасибо вам.

— Ладно, ладно, чего уж там. Работа моя такая. — Он смущенно пожевал губами. — А вы, Мария Павловна, того, поосторожнее. Не ходите одна. Всякое может случиться.

Сырой воздух предрассветного утра просочился сквозь неплотно занавешенное мешковиной оконце сарая и разбудил его. Накануне вечером ветер нагнал тучи, погода испортилась. Дождь лил не переставая всю ночь, барабанил и барабанил по крыше, и ему снилось, что за ним пришли. Он просыпался, дико вращая глазами, оглядывался по сторонам, с трудом понимал, где он, и засыпал снова, чтобы вновь проснуться в холодном поту.

Неровно настланные доски пола впивались в ребра, не давая расслабиться. Проснулся он совсем разбитым. С хрустом потянулся, пытаюсь вернуть подвижность рукам и ногам, попытался сесть. Это ему удалось лишь с третьей попытки.

Апрелево уже совсем рядом. Заветное место, конец его пути. Там ждет его жавороночек, томится в неволе у злых людей, приберегает для него свои песенки. Они думают, что хорошо спрятали ее. Пусть думают.

Они еще поплатятся. Все как один. Как та, на станции, или еще другая, курносая, до нее. Он умеет быть беспощадным.

Курносую он подстерег в подъезде. Одна возвращалась, дурочка. Не знала, видно, что он уже несколько дней наблюдает за ней. Поднялись к ней. Она, конечно, не хотела, но что ей оставалось. У него аргументы веские.

Как она прикидывалась шлангом, одно удовольствие было посмотреть! Знать, мол, ничего не знаю. Уехала, а куда, не сказала. Так он ей и поверил.

Как порезал на ней платье в лоскуты, так она по-другому запела. Металась по квартире, как морская свинка. В ванной пыталась от него запереться. Да разве там замки? Смех один.

Он как увидел, как она перед ним на коленях ползает, так чуть в штаны не кончил, еле успел ширинку расстегнуть. Она еще девкой была. Тугая вся, упругая, дрожащая. Живая. Пока. Это он сразу понял, когда увидел на своем члене кровь. Она, видно, тоже поняла. Ластилась к нему, все умаслить хотела. Хорошо у нее это получалось, будто всю жизнь только этим и занималась. Бабы они бабы и есть. Припрешь слегка, и все, как одна, шлюхи. Не то, что его жавороночек.

Когда он достал нож, она вся как окаменела. Расширенными, черными, как омуты, зрачками следила за приближением сверкающего острия к своему лицу. Он провел тонкую линию от уха к уголку рта, легко, почти не нажимая. Из-под ножа сразу побежали струйки крови. Красиво было поначалу, не то что потом. А она все смотрела на него, не отрывая глаз,

как загипнотизированная.

— Говори, сука, где она. В лоскуты порежу, слышишь?

— И так ведь порежешь, разве нет? — спросила она, с трудом разлепляя губы. — И ее тоже, если найдешь?

— Нет. — Он в ужасе мотнул головой. — Ее нет.

— Порежешь, — убежденно прошептала она. — Куда ты от себя денешься?

От этих ее слов будто что-то замкнуло внутри. Огненная вспышка обожгла мозг. Он как с цепи сорвался, кромсал, резал, колот направо и налево. От ее страшных криков гудела голова.

— Убей меня! Убей поскорее!

— Где! Где прячешь ее? Где?

— Апреле... — Она вдруг дернулась и затихла.

— Где! Где! Где?!

Он не сразу понял, что кричит он один. Рухнул на пол рядом с ее неподвижным истерзанным телом, спрятал лицо в колени. Кровь, везде кровь, даже под закрытыми веками.

Апреле... Где это? Апрелька, Апрельское, Апрельво. Сколько их по всей России.

Поднялся, пошатываясь, опираясь спиной о стену. Как был, в одежде, встал под душ. Бурая вода, свиваясь в водоворот, стекала в дырочку ванны. Кровь, много крови. Он долго стоял под душем, а вода все не светлела. И тогда он понял, что никогда с себя эту кровь не смое. Она всегда будет на нем.

Тихо, по-собачьи подвывая, он выбрался из квартиры и побрел вниз по лестнице, оставляя за собой темные следы. Они теперь всегда будут кровавыми.

— Притормози-ка, Сева, поменяемся.

Вадим перебрался за руль. Сева пристроился рядом. Его ничуть не удивила просьба шефа. Вадим Петрович любил иногда «порулить» за городом, на открытой дороге. По обе стороны бескрайние поля, и можно дать себе волю. Проветрить мозги, забыть на время о нескончаемой мышинею возне оставшегося за спиной огромного города.

Уже начало смеркаться. Вадим утопил педаль газа. Хотелось добраться до усадьбы до наступления темноты и своими глазами увидеть, что там и как.

Он внимательно выслушивал еженедельные доклады архитектора Зверева, изучал фотографии, которыми тот его регулярно снабжал. Но одно дело снимки, а другое — увидеть все самому в естественном антураже, красках, запахах, ощутить себя в этом новом-старом доме и понять наконец, нужно ему все это или тут очередная блажь, простое вложение капитала и утеха пустого тщеславия.

Впереди на дороге замаячила одинокая фигура пешехода. Он замахал рукой, но, вовремя разглядев, что тачка-то навороченная, отвернулся и зашагал дальше, засунув руки в карманы потрепанных джинсов.

Неожиданно для самого себя Вадим затормозил, что было решительно против правил.

— Спроси, может, его подвезти, — повернулся он к Севе.

Тот изумленно вылупил на шефа глаза. Что-то новенькое.

— Вадим Петрович!

— Спроси.

Сева не решился более возражать и приспустил стекло.

— Эй, парень, тебе куда? Может, подбросить?

Тот повернул к ним круглое курносое лицо с растерянной и какой-то даже испуганной улыбкой и замотал головой. Вадима поразили его глаза, блеклые в белесость, почти прозрачные. В какую-то минуту ему даже показалось, что у парня и вовсе нет глаз.

— Далеко еще до Апрелева?

— Далековато. К ночи только дойдешь.

Парень удовлетворенно кивнул, как будто именно этой информации и ждал, развернулся и, ссутулившись, потопал дальше.

— Странный парень. Вроде как не в себе, — сказал Сева.

Вадим только пожал плечами. Эта случайная встреча почему-то оставила на душе неприятный осадок.

Машина летела вперед почти бесшумно, плавно подсакивая на выбоинах. Мимо проносились деревни, дачные поселки, потом пошли леса, холмы. Вот и знакомый поворот. Слегка притормозив, Вадим резко вывернул руль.

Тут он увидел, что машина несется прямо на неизвестно откуда взявшегося велосипедиста. Нога непроизвольно легла на тормоз, утопив педаль до самого пола. С раздражающим уши скрежетом и визгом машина вынеслась на противоположную сторону дороги, дернулась и встала.

Вадим в мгновение ока выскочил из машины и бросился туда, где еще вращались колеса перевернутого велосипеда. Седока с дороги не было видно. Вадим с пыхтящим ему в спину Севой добежал до обочины и заглянул в кювет.

Неподвижная, распластанная на земле фигурка. Бледное лицо в облачке разметавшихся каштановых волос. Девушка.

Вадим с размаху опустился рядом с ней на колени, вгляделся в запрокинутое лицо. Длинные ресницы дрогнули и порхнули вверх. Глаза в быстро сгущающихся сумерках казались огромными. Это была она, та самая девушка, которая так неожиданно появилась в усадьбе и перевернула все его планы относительно дома. Он совсем забыл о ней, остался только смутный образ нежного цветка на длинном стебельке, освещенного весенним солнцем. Он даже не помнил, как ее зовут.

— Вы? — изумленно выдохнул Вадим и, просунув руку ей под голову, помог сесть. — Как... как вы себя чувствуете?

Вопрос этот прозвучал настолько нелепо, что она даже улыбнулась дрожащими губами.

— Неплохо, насколько это возможно.

— Голова не кружится?

— Н-нет. Вот только нога болит.

— Покажите, где.

Джинсы на коленке были разорваны, сквозь дыру сочилась кровь.

— Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Я немного разбираюсь в этом.

Она еле заметно вздрогнула.

— Сева, аптечку, быстро. И бутылку минералки из багажника.

Вадим достал из кармана перочинный нож.

— Извините, но джинсами придется пожертвовать, — сказал он, взрезая ткань. — Превратим их в модные шорты, а джинсы за мной.

— Ну что вы, Вадим Петрович! — запротестовала она.

— Ни слова больше. Возражения не принимаются. Я во всем виноват, мне и отвечать.

Вернулся Сева с аптечкой и водой. Он пристроился было рядом, но Вадим нетерпеливо

махнул рукой.

— Подгони машину поближе, а то, не дай Бог, еще врежется кто-нибудь.

Он быстро промыл рану. Ссадина была большая, но неглубокая. Он щедро залил ее перекисью водорода и принялся шарить в аптечке в поисках бинта.

— Надо же, а перевязать-то и нечем. У вас есть платок?

Маша извлекала из кармана что-то воздушное и крошечное, в цветочек. Вадим усмехнулся.

— Н-да-а-а. Это нам вряд ли поможет. Годится только для такого носика, как у вас, да и то для декоративных целей. Если не возражаете, воспользуемся моим. Стерильность гарантирована.

Он присыпал рану антисептическим порошком и ловко перевязал.

— Ну вот, по-моему, очень недурно.

В голосе его звучала такая неподдельная гордость, что Маша не выдержала и рассмеялась.

— Вы имеете в виду, что получилось даже лучше, чем было?

Вадим смутился и, чтобы скрыть неловкость, быстро перевел разговор на другую тему.

— А что вы делали здесь так поздно?

— Заезжала в усадьбу посмотреть, как идут дела. Мне сказали, что ждут вас сегодня. Вот я и задержалась немного, чтобы вас поздравить. Получается просто великолепно.

— Я очень рад, что мы встретились.

— Я тоже, — ответила Маша, скосив глаза на перевязанную коленку.

Только тут он понял всю двусмысленность сказанного.

— Простите меня. Уж не знаю, что и сказать. Простите. Я так глупо увлекся. — Он помог ей встать. Лицо ее исказила гримаса боли. — Сейчас мы отвезем вас домой. — Видя, что девушка не может сделать и шагу, он легко подхватил ее на руки, прижал к груди и взбежал к машине.

— А знаете, — сказал он, усаживаясь рядом с ней на заднее сиденье. — У меня есть идея получше. Не согласитесь ли вы поужинать со мной сегодня? Насколько мне известно, левый флигель уже совсем готов.

— Нет, нет, я не могу. Мама будет волноваться.

— С мамой мы все уладим. Вы напишете ей записку, а Сева отвезет. Что скажете?

— Я...

— Скажите просто «да», и я пойму, что прощен.

— Да.

1860 год

— Посиди со мною, нянюшка, — попросила Маша.

Старушка, кряхтя, опустила на пуфик подле кровати, сложила на коленях сухонькие ручки. От ее крохотной, сгорбленной фигурки, морщинистого лица, похожего на печеное яблочко, веяло уютом детской старыми сказками и вишневым вареньем. Никто не умел варить варенье так, как она, и все самые вкусные пенки неизменно доставались Маше, ее любимице.

— У меня сегодня радость, — проговорила старушка. — Правнучка родилась. Марфой

решили назвать, как меня.

— Нянюшка, голубушка, счастье-то какое! — Маша выпростала из-под одеяла руку и прильнула щекой к старческой ладони, пахнувшей мятой и сухой травой.

— Кабы была ты у нее крестной матерью, я и умерла бы спокойно.

— Конечно, нянюшка, с радостью.

— Так я поговорю с барыней?

— Завтра же. Я сама ей скажу.

Старушка ласково погладила ее волосы.

— А ты все хорошеешь, Маша. Замуж тебе пора.

— Замуж? Это за кого же?

— Так ведь ездит все этот, лобастый. Давеча вон тоже приезжал. Уж так сокрушался, что тебя не застал. Барыне все ручки целовал, с барином в кабинете заперся. До-о-олго толковали. Ты все пропадаешь где-то. Смотри, как бы не сговорили тебя за глаза.

Маша вспыхнула. Она сразу поняла, о ком толкует ей няня. «Лобастым» она прозвала Антона Викентьевича Трегубовича, здешнего помещика, за выпуклый лоб и рано наметившуюся лысину. Он больше жил в Москве, в имение наезжал лишь изредка. Но после знакомства с Машей зачастил в деревню, переделал все в своей усадьбе по последней моде, не считаясь с расходами, и свел короткое знакомство с Машиним отцом. Он был очень богат, импозантен и обходителен, и Маша понимала, что его предложение будет встречено с восторгом. Отец был от него без ума, да и маменька тоже. При их более чем скромном состоянии о такой блестящей партии для дочери они могли только мечтать.

Все это пугало Машу. В его присутствии она чувствовала себя неловко, краснела и смущалась под его откровенно оценивающим, влажным взглядом. Она всегда вздрагивала, когда он прикладывался к ее руке своими пухлыми пунцовыми губами, не в силах подавить гадливое чувство, будто по коже проползла гусеница. Она невольно примеряла на себя полные сладкой истомы рассказы кузины Сонечки, которая недавно вышла замуж и жила теперь с мужем в Москве. Она вся расцветала, когда говорила о нем, об их сказочных ночах, о том, как поет под его руками ее тело. Маша слушала ее, замирая от сладостного томления. Да, да, это непременно должно быть именно так. Взаимопроникновение, взаимопостижение, взаимооткрытие.

И тут она вспоминала Трегубовича. Как это непостижимое блаженство может быть с ним, если не то что прикосновение, один взгляд его вызывает холодок омерзения?

Сонечка объяснила это просто.

— Не он. Ищи другого.

И она, кажется, нашла. Или он ее нашел. Или они нашли друг друга. Маша не знала, да и не хотела ничего знать.

С каждой новой встречей она чувствовала, как крепнет связывающая их нить, как притягивает друг к другу.

Не успевал Вадим на своем вороном Цезаре скрыться за деревьями, как ей хотелось видеть его снова, смотреть в его голубые, слегка насмешливые глаза, смеяться его шуткам, просто слышать его голос. Какое это было неповторимое наслаждение — спрыгнуть со Звездочки прямо в его сильные, красивые руки, которые, как заметила Маша, с каждым разом все дольше задерживались на ее талии, а ей все казалось, что этого мало. Он очень галантен, остроумен, трюшарман^[23]. Она, несомненно, увлечена им. Нет, это словечко для непосвященных. Зачем мне лукавить перед собою, подумала Маша.

— Я влюблена, — вдруг сказала она вслух, и сама вздрогнула от неожиданно сказанных слов.

— О-хо-хо, — вздохнула няня. — Мне-то, голубка моя, могла бы и не говорить. Я и так вижу.

— Как? Ты знаешь? Откуда?

Не может быть, подумала Маша. Я же только что самой себе призналась.

— Все едешь куда-то одна.

— Но я и раньше...

— А возвращаешься светлѐ-о-о-хонька, хоть свечки от тебя затепляй.

Маша невольно улыбнулась словам няни. Никто не умел говорить как она, округло и певуче.

— А кто еще знает, кроме тебя?

— А почитай, никто. Никому и дела нет. Имеющий глаза да не увидит.

— Вот и слава Богу. — Маша истово перекрестилась.

— А что, хороший ли человек?

— Очень хороший, нянюшка.

— Тогда что в дом не зовешь?

— Не знаю. Не хочу пока.

— Ну и ладно, если человек хороший. Успеешь еще.

Маша и сама не до конца понимала себя, но что-то ее удерживало. Вадим тоже не заговаривал об этом. Наверное, им и так было хорошо, и посторонние глаза были не нужны.

— Слыхала ль ты, Маша, что Колька-конюх пропал? — спросила вдруг няня.

Маша так и подпрыгнула на подушках.

— Как пропал?

— Так и пропал. На конюшне сегодня не появился, а мать его, Пелагея, говорит, что ночью еще из дома ушел и с тех пор не ворочался.

— Что же могло случиться?

— Небось в бега подался.

— Да с чего же?

С того самого дня, когда он осмелился... Нет, ей решительно не хотелось вспоминать об этом. С того дня она ни разу не ходила на конюшню, посылала за Звездочкой слугу и Николая не видела. Отцу она ничего не сказала.

— А кто его знает? У них в семье все мужики такие, со странностью. Ты слыхала ль про отца его, Афанасия?

— Нет, а что?

— То-то, что нет. Давно это было. Почитай, лет двадцать тому. Колька еще только-только родился. А отец его, ему тогда лет сорок было, не дитя уж, борода лопатой, стал ходить к колдунье одной, ведьме, Поньрихой звали. Она одна на болотах жила. То ли приворожила она его, то ли что еще, но совсем мужик взбесился. Из дому, говорит, ухожу, не могу без нее. Да и то, — няня покачала головой. — Красивая она была, что и говорить, кому чернявая красота по душе. Никто и знать не знал, откуда она пришла. Стороной ее обходили, боялись сглаза.

Няня перевела дух, поправила свечку и продолжала:

— Так и ушел бы, да Пелагея, жена его, Колькина-то мать, ему и говорит, мол, уйдешь от нас, — а у ней семеро по лавкам, Колька на титьке болтается — барину в ноги брошусь,

все про тебя, супостата, расскажу. А барин-то наш всегда крут был, если что не по совести. Ну, Афанасий и сник, остался вроде.

— И что, что дальше было?

От нетерпения Маша не смогла усидеть в постели и спустила босые ножки на пол.

— Забирайся под одеяло, Маша, простынешь.

— Ах, няня, не томи. Рассказывай дальше.

— А дальше на коров в деревне мор напал, — продолжала няня почему-то шепотом. —

Почти все пали. Ни одного двора беда не миновала.

— Ой! — Маша тоже зашептала. — Она?

— А то кто же? Вестимо, она. Мужики к ней и пошли, кто с топором, кто с вилами. Так и порешили ее, прости Господи души их грешные, и в большом пруду утопили. Его потому Ведьминым и зовут.

— Господи помилуй! — Маша перекрестилась на икону. — А что Афанасий?

— На другой день утопился в том же пруду. Так что Колька, почитай, без отца вырос.

Дядья ему за отцов, а сам весь в Афанасия пошел, такой же малахольный.

Маша вспомнила его белесые глаза, устремленные прямо на нее, тонкие хищные губы, как у хорька, подстерегающего дичь, и на мгновение почувствовала облегчение. Слава Богу, что он пропал. Она не увидит его больше. Слава Богу!

* * *

Вадим придвинул к креслу маленький пуфик, чтобы Маша могла поудобнее устроить больную ногу. Он отпустил рабочих на выходные, поэтому, за исключением водителя Севы, они были в доме совсем одни.

Тот уже успел сгонять с запиской к Машинной матери и теперь занимался сервировкой незатейливого ужина.

— Что она сказала? — любопытствовала Маша.

— Ничего. По-моему, даже не удивилась. Про аварию уж я не стал ей говорить.

— Спасибо. — Маша улыбнулась, давая понять, что по достоинству оценила его тактичность.

Вадим сел напротив и зажег свечи. В их мерцании волосы Маши отливали старым золотом. Ее тонкий профиль, изящный носик с легкой горбинкой, мягкая линия подбородка так и просились на холст. Почувствовав на себе его внимательный взгляд, Маша подняла глаза.

— Что вы так смотрите?

— Да вот подумал, что, будь я художником, попросил бы вас позировать мне для портрета. К вам не обращались с подобным предложением?

— Нет.

— Странно.

— Отец когда-то пробовал меня нарисовать, но у него ничего не вышло.

— Ваш отец был художником?

— Д-да. — Маша замялась. — Что-то вроде того. Мы ведь недавно здесь живем.

— Вот как. А я думал, что вы здесь родились, или, по крайней мере, ваши предки. Что же вас привело...

Маша сделала импульсивный, предостерегающий жест рукой, и Вадим понял, что расспрашивать об этом не надо. Только тут он заметил, что Сева нерешительно переминается с ноги на ногу, явно пытаясь привлечь к себе внимание. Вадим как-то совсем забыл о нем.

— Что, Сева?

— Вадим Петрович, если я вам сегодня больше не нужен, может быть, я пойду к себе?

— Конечно, конечно. Отдыхай.

Когда Сева вышел, Вадим повернулся к Маше.

— Вы так таинственны.

— Ну что вы, Вадим Петрович, ничуть. Просто это невеселая история, и я не люблю с ней вспоминать.

— Да я и не настаиваю. Только не зовите меня Вадим Петрович. Пусть будет просто Вадим. Я могу называть вас Машей?

— Да, конечно. — Она обвела взглядом просторную комнату, обшитую свежими дубовыми панелями. — Здесь так красиво. Гораздо лучше, чем я себе представляла.

— А как вы себе все представляли?

Маша на минуту задумалась.

— Ну, не знаю. Более современно, что ли.

— Вячеслав Михайлович знает свое дело. Он сначала сопротивлялся. Очень дорожил своим проектом. Но потом проникся вашей идеей и разработал соответствующие интерьеры. На мой взгляд, очень удачные. Вот посмотрите, когда все будет закончено и отделано. Правый флигель будут занимать комнаты для гостей, а в центре — гвоздь всей композиции, главная зала для приемов, если таковые, конечно, здесь будут.

— Там раньше устраивали балы и музыкальные вечера, — сказала Маша. — Это был веселый, открытый дом до тех пор пока, пока...

— Пока что?

— Я вам потом как-нибудь расскажу, — смутилась вдруг Маша. — Я еще сама не во всем разобралась.

— Значит, вам удалось что-то узнать об истории этого дома? — спросил Вадим, пригубив шампанское. — Превосходно. Как раз нужной температуры, — заметил он, прищелкнув языком.

— Вы, я вижу, ценитель.

— Да, в этом я немного разбираюсь.

— А есть ли что-то в этой жизни, в чем вы бы не разбирались? — насмешливо спросила Маша.

Она подтрунивала над ним чисто механически. На самом деле ей нравилась его уверенность в себе. «Я в этом разбираюсь». Простая констатация факта, ни тени бахвальства.

— Таких вещей на свете очень много, — спокойно заметил Вадим. — Но я стремлюсь, чтобы их все время становилось меньше. Так вам удалось что-нибудь узнать для меня?

Маша поняла, что ей придется что-то ответить. Он упорный, так просто не отстанет. Но что сказать ему? Что здесь больше ста лет назад жила девушка, похожая на нее; что она, Маша Антонова, чувствует себя здесь пугающе свободно и непринужденно, как нигде; что в жизни той Маши тоже неожиданно возник человек по имени Вадим; что ее пугают и завораживают непонятные совпадения, заполнившие ее жизнь с того момента, как она

открыла дневник Маши Апрелевой.

— Я еще не дочитала его до конца.

Вадим удивленно вскинул брови.

— Дневник, — пояснила Маша и, спохватившись, добавила: — Дневник Маши Апрелевой.

— А-а, так у вас есть дневник хозяйки этого дома. — Вадим заинтересованно наклонился к ней. — Что ж, давайте прочтем его вместе.

Затейливая игра света и теней на ее вдруг вспыхнувшем лице. Отголоски затаенных переживаний. Длинные ресницы занавесили ее глаза. Он не смог прочесть в них ответа.

— Согласитесь, что я имею на это право.

— Право хозяина?

— Я не это хотел сказать.

Он и сам толком не знал, что имел в виду. Просто вдруг почувствовал, что его что-то связало с этой девушкой, что-то давнее, тайное, пленительное, о чем ему непременно нужно узнать.

— Маша, — позвал он. — Маша.

Она не отозвалась, даже не взглянула на него Вадим протянул руку и осторожно прикоснулся к ее пальцам. Они были холодны, как лед. Он бережно сжал ее руку, пытаясь согреть, почувствовал шелковистость ее кожи и вдруг ясно понял, что все это уже было с ним. Свечи, потупленный взор, золото волос.

— Маша, — проговорил он вдруг охрипшим голосом. — Мы были знакомы когда-то?

Ресницы ее дрогнули. Она наконец посмотрела на него, не таясь, глаза в глаза.

— Да, — эхом отозвалась она. — В прежней жизни.

Тишину разорвал рев моторов, визг тормозов, оглушительный стук в дверь. Они вздрогнули и расцепили руки. Топот ног.

В комнату ввалилась шумная компания. Первым вошел Арсен, размахивая бутылкой виски. За ним Лиля и еще несколько человек.

Вадим встал им навстречу, изо всех сил пытаясь изобразить радушную улыбку. Сразу стало суматошно, тесно, как-то неуютно. Комната будто уменьшилась в размерах.

— Привет, старик! — Арсен подошел к Вадиму и обнял его за плечи, с интересом поглядывая на Машу. — Что это вы сидите тут впотьмах?

Кто-то щелкнул выключателем. Вадим зажмурился от залившего комнату яркого света.

— Как романтично! — воскликнула Лиля, скользнув в кресло, где только что сидел Вадим. — Ужин при свечах! Какая прелесть! Не то что твой паршивый ресторан.

Она выловила из пиалы маслинку и, положив ее в рот, облизнула пальчики.

— Что пьем? О-о, шампанское! — Она игриво прищелкнула пальцами. — Налей-ка девушке, Вадик. Вечно тебе напоминать приходится.

Вадим склонился над бокалом. Обращение «Вадик» неприятно царапнуло его. Она никогда его так не называла и прекрасно знала, что он этого не любит.

— А вы кто такая, позвольте спросить?

— Я — Маша.

— Маша! — Лиля заливисто рассмеялась. — Прелесть какая! Маша! А скажите, Маша, вы в деревне все так ходят, в одной штанине? Или у вас другая нога кривая, а может, волосатая?

— Лиля! — предостерегающе сказал Вадим.

— А что я такого сказала? Подумаешь! Не хочет, может не отвечать! — Лиля капризно передернула голыми плечиками и вызывающе посмотрела на Вадима.

— Совсем не обязательно хамить незнакомым людям, — заметил он.

Арсен подошел к Маше, вытирая платком вдруг вспотевшую лысину.

— Здравствуйте, Маша. Я — Арсен, друг Вадима. Сколько ни учу его хорошим манерам, все, как видите, безрезультатно. Даже представить людей друг другу по-человечески не может. И что бы вы без меня делали, ума не приложу. — Он сокрушенно покачал головой. — Итак, с Лилей вы уже познакомились. — Он еле заметно улыбнулся. — Это — Петр, Саша. Катерина. А вон тот, что гремит бутылками, не подумайте, что пьяница, вполне достойный человек, Алексей. Мы все, — он обвел присутствующих широким жестом, — сбежали с моего собственного дня рождения, чтобы составить вам компанию.

— У вас сегодня день рождения? Поздравляю.

— Спасибо.

— А как же остальные?

— Оттягиваются по полной программе в «Паласе». Ничего, они уже имели сегодня доступ к моему телу. Не волнуйтесь, я не забыл заплатить по счету. — Он вдруг расхохотался. Видно, какая-то мысль позабавила его. — Вот был бы приколом, если бы мы уехали просто так и оставили их в объятиях официанта! Со мной завтра пол-Москвы разговаривать бы перестали.

Он смеялся так заразительно, что все невольно поддались его веселости, даже мрачный Вадим.

— А что это у вас с ногой? — спросил Арсен, отсмеявшись.

— Пала жертвой Вадима и его роскошного автомобиля, — ответила Маша.

— Что-то на жертву она не слишком тянет, — процедила сквозь зубы Лиля.

Проигнорировав ее замечание, Арсен повернулся к Вадиму.

— Что я слышу? Сева совсем квалификацию потерял?

— За рулем был я. Слегка увлекся и сшиб Машу на ее велосипеде. Слава Богу, что все обошлось. Велосипед, правда, восстановлению не подлежит.

— Что за беда? Купишь ей новый, — заметила Лиля и язвительно продолжала: — А моральный ущерб с лихвой возмещен ужином с шампанским. Так что все улажено.

Арсен почувствовал, что атмосфера снова накаляется, и решил резко переменить тему.

— Старик, не стой так. Веди смотреть дом. Мы еще ничего толком не видели.

Он подхватил Лилю под локоть и повел к двери. Остальные потянулись за ними. Лиля оглянулась на Вадима.

— Ты идешь?

— Сейчас.

Когда они скрылись за дверью, Вадим подошел к Маше и опустился перед ней на колени.

— Как нога?

— Все в порядке.

— Я скоро вернусь.

— Мне уже пора.

— Остайся, прошу тебя. — Он сам не заметил, как перешел на «ты».

Маша чуть заметно покачала головой.

— Не обижайся на нее. Она...

— Я понимаю.

— Останься. Я так не хочу, чтобы ты ушла. Посидим, познакомьтесь поближе. Они совсем неплохие ребята.

Поддавшись порыву, Маша легко провела пальцами по его щеке. Он задержал ее руку.

— Останься, пожалуйста.

— Не надо. Я совсем с другой звезды.

Он нежно прикоснулся губами к ее ладони. Дверь резко распахнулась, и на пороге возникла Лиля.

— Вадим, куда же ты пропал? Мы тебя...

Голос ее прервался, будто она с размаху налетела на стену. Она глотала воздух раскрытым ртом, как рыба, вытасченная из воды.

Вадим неторопливо поднялся.

— Маша уезжает. Я отвезу ее домой и вернусь.

— У тебя же гости. Сева прекрасно справится с этим важным и ответственным делом. — Голос ее сильно отдавал ядом.

— Лили права, — неожиданно сказала Маша, с трудом поднимаясь из кресла.

— Это сделаю я, — голосом, не терпящим возражений, отрезал Вадим, подхватил Машу на руки и, не обращая внимания на возмущенный возглас Лили, понес девушку к машине.

Она притулилась на его груди, как птичка. Проходя мимо притихших гостей, Вадим бросил через плечо.

— Подождите меня. Я скоро.

Толкнул дверь ногой и вышел.

Ночь стояла тихая, безоблачная. На небе ярко горели звезды. Машина неторопливо вырулила на дорогу. Маша первой нарушила затянувшееся молчание.

— Почему ты с ней так?

— В какой-то момент это перестало иметь значение.

— Но не сегодня?

— Нет. Почему, ты думаешь, я приехал сюда один?

— Ты меня спрашиваешь?

— Хм. Я приглашал ее с собой, хотел что-то исправить, наверное, но она предпочла Арсенову тусовку. Не поняла или не захотела понять, как это важно для меня.

— Ты не прощаешь даже таких мелочей?

— Из мелочей складывается главное. И таких мелочей набралось слишком много. Рано или поздно, но это должно было произойти.

— Я все равно чувствую себя виноватой, — тихо сказала Маша.

— Не надо. — Вадим помолчал. — Ты знаешь, все складывается само собой. Не считай меня кровожадной скотиной, но где-то я даже рад, что помог тебе разбить коленку. Иначе я, может быть, никогда бы не узнал, что люблю носить тебя на руках.

Маша хихикнула. Как странно, она подумала о том же.

— Мы уже почти приехали. Следующий поворот, второй дом слева.

Машина остановилась у ворот. Вадим потушил фары и повернулся к ней.

— Нам еще предстоит обсудить все, что мы сегодня сказали друг другу. Завтра я заеду за тобой в одиннадцать.

Маша сидела не шевелясь. Ее мерцающие в темноте глаза были совсем близко. Вадим наклонился к ней.

— Я весь вечер хотел поцеловать тебя. Можно?

— Ты всегда спрашиваешь разрешения?

— Раньше никогда.

Он легко коснулся губами ее губ, будто пробуя на вкус. Они слегка отдавали черешней и еще чем-то свежим, терпким и таким сладостным, что у него закружилась голова. Язык тонул в нежной влажности ее рта. Так не бывает, пронеслось у него в мозгу. Не может быть так хорошо.

Маша закрыла дверь и, стараясь не шуметь, задвинула засов. Прислушалась. Удаляющиеся шаги, скрип калитки, рычание отъезжающей машины. Уехал. Уехал, чтобы вернуться за ней завтра. Нет, уже сегодня. Как хорошо, что уже сегодня. Не так долго ждать.

Его поцелуй еще цвел на ее губах. Маша провела по ним языком, едва дыша, чтобы не спугнуть волшебное ощущение. Еще никто не целовал ее так. Неведомые доселе чувства всколыхнулись в ней, завладев всем ее существом. Бурные события этого дня обрушились на нее так стремительно, что она не успела толком понять, как все это с ней произошло. Но сейчас это не имело никакого значения. Она чувствовала, что не в силах ничего изменить. Позови ее Вадим, и она пойдет за ним куда угодно. Себе она уже не принадлежит.

Маша обессиленно прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Все вокруг было полно его незримым присутствием. Ей вдруг померещилось, что он не ушел, а стоит здесь, рядом, совсем близко. Она чувствует его легкое дыхание на своем лице, стоит лишь пошевелиться, и их губы снова встретятся.

Трепетное возбуждение охватило ее. Кровь пульсировала в висках, сердце колотилось, грудь под рубашкой напряглась, даже прикосновение ткани было болезненно невыносимым. Дрожащими пальцами она расстегнула пуговицы и провела ладонью по затвердевшему соску. Волна сладостной боли пробежала по всему ее делу.

А если бы это была его рука, подумала, замирая, Маша. Почему я дала ему уйти, почему не удержала? Ведь я... я...

— Я хочу тебя. Вернись, — прошептала Маша.

Не в силах оторвать рук от своего ставшего вдруг таким незнакомым тела, она прислушивалась к новым упоительным ощущениям, рождающимся под ее пальцами, нет, его пальцами. Только он может избавить ее от сосущей тяжести между ног, от этого безумного, неистового желания. Где ты, кричало все ее существо. Я так хочу тебя!

Маша вздрогнула и прислушалась. Все тихо. Она действительно закричала или ей только показалось? Трясущимися пальцами она провела по своему пылающему лицу. Я схожу с ума, подумала она в смятении. Как хорошо, что он ушел. Она быстро привела в порядок свой костюм и пригладила волосы.

Тьма окутала дом своим бархатным покрывалом. Половицы тихо поскрипывали под ногами. Прихрамывая, Маша добралась до лестницы. Хорошо, что никто не видит ее сейчас. У нее, наверное, все так ясно написано на лице.

Под дверью матери вдруг засеребрилась полоска света.

— Маша! — раздался ее знакомый, слегка задыхающийся голос. — Зайди ко мне, Маша!

Маша нехотя отворила дверь. Мать лежала на высоко взбитых подушках, пристально вглядываясь в нее широко открытыми глазами. Ни тени сна на усталом лице, беспокойный шелест пальцев по простыне.

— Почему ты так поздно?

Молчание.

— Да говори же, ради Бога, не мучь меня. Что случилось?

— Ничего.

— Ничего? Как же ничего? Одежда вся разодрана. Нога... Что с ногой?

— Пустяки. Просто неудачно упала с велосипеда. Коленку разбила. Вадим как раз проезжал мимо, отвез к себе, перевязал.

— Надо же, Вадим. Уже и Вадим. Это который записку привез?

— Нет, это его шофер. Сева.

— Шофер. Подумать только! Приехал, сунул твою бумажку, ничего толком не объяснил и укатил. Я и опомниться не успела.

Она сжала ладонями виски, отчего лицо ее стало узким и маленьким, как у ребенка.

— Да не переживай ты так, мама. Я дома. Все хорошо.

— Ты на себя только посмотри. Глазищи на пол-лица. Маша, милая, ты не должна с ним больше встречаться. Обещай мне!

— Я не могу, мама, — тихо сказала Маша.

Ужас промелькнул в глазах матери.

— Ты... Он... У вас что-то было?

Маша неуверенно покачала головой. Как назвать то, что возникло сегодня между ними? Как объяснить?

— Это мне кара за то, что воспитала тебя такой, — простонала мать. — Тургеневской девушкой. Ты мечтаешь о чистой, неземной любви, а он совсем не этого ищет.

— Откуда ты знаешь? — взволнованно сказала Маша. — Ты же его никогда не видела.

— Маша, ты умница. Рассуди здраво. Он богат, много перевидал в своей жизни, все ему доступно. Встретил наивную дурочку, у которой от фантазий только что крылья за спиной не растут, и решил позабавиться на досуге.

— Не говори так, не надо! — вскричала Маша, затыкая уши руками.

Слова матери хлестали, резали, жгли нестерпимо. Все очарование этой ночи разбилось вдребезги о ледяную жестокость этих фраз. Маша вдруг вспомнила, как резко обошелся Вадим с Лилей. Ее бледное, окаменевшее лицо встало перед глазами. Он был жесток с ней и ничуть не сожалел об этом. Ни тени тепла, сострадания, жалости. Значит, он может быть таким. А ведь их явно что-то связывало. Рано или поздно, но это должно было произойти. сказал он ей. А может быть, он прав и все кончается именно так, холодной жестокостью? Ледяной холод охватил ее. Что будет, если когда-нибудь он поступит так же и с ней? Нет, нет, не может быть!

— Вот ты уже и кричишь на меня, — удрученно произнесла мать.

Маша посмотрела на нее невидящими глазами. Прошое, о котором она так упорно старалась забыть, встало перед ней, скалясь прямо в лицо.

— А ты забыла, почему мы здесь? — прошептала Маша и сама не узнала своего голоса.

Это произошло три года назад. Мама тогда работала в ПТУ учительницей русского языка и литературы. Он учился в ее классе. Коля Клюев, худой, сутуловатый паренек с бледным круглым лицом и стриженными неровным ежиком волосами. Нелюдимый и замкнутый, он был парией среди сверстников. Над ним вечно издевались, беспощадно и жестоко, как это нередко бывает среди подростков. Ей часто приходилось вступаться за него. Он жил со старой бабушкой и, судя по убогой одежде, сильно нуждался. Родители

бросили его еще ребенком и вовсе не заботились о судьбе сына.

Учился он скверно, и его не раз собирались отчислить, но Машина мать всякий раз отстаивала его. Нельзя такого выбрасывать на улицу, доказывала она, покатится по наклонной плоскости, а так хоть, худо-бедно, а профессию получит.

Однажды после уроков она зашла зачем-то в класс и увидела на последней парте нахохлившуюся, сгорбленную фигурку.

— Коля, — удивленно сказала она. — Почему ты не идешь домой?

Он долго отмалчивался, но потом ей наконец удалось выяснить, что его обещали избить по дороге из училища. Кто и за что, он так и не сказал.

— Пойдем со мной, — решительно сказала она. — Никто тебя не тронет.

Как-то так само собой вышло, что она пригласила его к себе на обед. Она довольно часто приглашала учеников домой, позаниматься или просто так, и Машу это никогда не смущало. Но на этот раз все было иначе.

За все время, пока он был у них, Коля не проронил и десятка слов, обходясь в основном мимикой, кивками, а чаще неопределенным пожатием плеч. Это было бы ничего, если отнести подобную неловкость за счет незнакомого общества, природной стеснительности и недостатка воспитания. Но Маше чудилось, что дело вовсе не в этом, хотя, безусловно, присутствовало и первое, и второе, и третье.

Ее не покидало чувство, что он пристально следит за ней и отделяется односложными ответами, просто чтобы не отвлекаться. Его белесые, слегка прищуренные, узкие глаза чем-то напоминали волчьи, и Маша вдруг почувствовала себя дичью, которую выслеживает хищник.

Она попыталась отогнать неприятное ощущение, посмеяться над своими, вдруг возникшими, страхами, но у нее ничего не вышло. Стоило ей лишь взглянуть в его сторону, и под ложечкой возникал неприятный холодок, будто предупреждение об опасности.

Когда он наконец ушел, Маша впервые за весь день вздохнула свободно.

— Ты была странная сегодня, Маша, — сказала ей мать слегка недовольным тоном. — Что это на тебя нашло? Почти и не говорила с бедным мальчиком.

— Он мне не понравился, — честно ответила Маша.

Она не привыкла что-либо скрывать от матери, даже если и знала, что ей будет неприятно.

— Ничего удивительного. Он такой забитый, неловкий, закомплексованный, так нуждается в нормальном человеческом отношении. Вот посмотришь, как он преобразится, если станет бывать у нас почаще.

— Но я вовсе не хочу, чтобы он часто бывал у нас, — возразила Маша. — Я бы ничуть не сожалела, если бы вообще никогда его больше не увидела. — И, подумав, добавила: — Есть в нем что-то жутковатое.

— Ну, ну, не надо преувеличивать. Ты же будущий педагог. Наше дело не только учить, но и исцелять детские души, если они больны. Если удастся спасти хоть одного такого несчастного, свое жизненное предназначение можно считать выполненным. — Она говорила горячо, увлеченно и с такой убедительностью, что Маша невольно заразилась ее настроением. — Этот мальчик балансирует на краю пропасти. Один маленький толчок в ту или другую сторону решит его дальнейшую судьбу. Мы реально можем помочь ему, даже не столько я, сколько ты. Вы почти одного возраста, у вас больше точек соприкосновения. Он с таким восхищением смотрел на тебя. Займись им, Маша. Это будет большое, благородное

дело.

Доводы матери, как всегда, возымели свое действие. Маша встречалась с Колей почти каждый день, помогала ему готовиться к занятиям, подсовывала разные книжки, пытаясь приобщить к чтению, несколько раз возила его в Москву в театр и музеи.

Он неизменно соглашался на все ее предложения, с готовностью следовал за ней повсюду. С некоторых пор он взял себе за правило встречать ее после занятий. Она обычно возвращалась домой с подружками, поскольку они все жили по соседству, а он шел сзади, не сводя с них настороженного взгляда. Пару раз она пыталась позвать его, познакомить с девочками, но он только мотал головой и держал дистанцию.

— Странный он какой-то, — сказала ей как-то Лариса, ее самая близкая подруга. — Прилип к тебе, как тень. Ей-Богу, не пойму, зачем тебе это надо.

Маша и сама уже задавалась этим вопросом. Ее все больше тяготило создавшееся положение. Все ее усилия не давали результата. Его абсолютно не интересовали ее рассказы о художниках и писателях. Книжки, которые она давала ему, так и оставались непрочитанными, по крайней мере, он не мог вспомнить ни имен героев, ни основных событий. У нее создалось впечатление, что он просто не слушает и не вникает ни во что.

Она пыталась говорить об этом с матерью, но та только отмахивалась, говоря, что в таком деле нужно терпение и что легких побед не бывает.

Однажды они возвращались на электричке из Москвы после посещения Третьяковки. Коля, как всегда, был безучастен к увиденному. Маша вдохновенно рассказывала ему о картинах, пытаясь пробудить хоть какой-то интерес, но, поняв, что все бесполезно, сникла и замолчала.

Лишь у одной картины он встрепенулся и слегка ожил. Сильной, квадратной ладонью, как крабьей клешней, сжал ее запястье.

— Во кровищи-то! Это что?

Машу поразило выражение жадного любопытства на его лице.

— Это Репин, — сказала она, осторожно высвобождая руку.

— А за что он его так?

— Репин — это художник. Я же тебе рассказывала о нем. А картина называется «Иван Грозный и сын его Иван». Царь Иван Грозный в припадке безумия убил своего сына.

— Круто! А чем?

— Посохом своим. Видишь, на ковре лежит.

Коля подошел к картине и прикоснулся пальцами к стеклу, покрывавшему ее.

— Не трогай, пожалуйста, нельзя, — поспешно сказала Маша.

Коля повернулся к ней, ослабившись.

— Чо, думала, возьму? Не бось. А хорошая палка, — продолжал он, повернувшись к картине. — Тяжелая. С такой ничего не страшно. Во, гляди, старый какой, дохлый, а такого здоровяка урыл.

— Вот и убивается теперь, как опомнился, — тихо сказала Маша.

— А чо убивается-то?

— Ну как же? Ведь человека убил, сына. Страшно.

— Видать, было за что, — отрезал Коля, и по его тону Маша поняла, что приговор этот окончательный и обжалованию не подлежит.

Всю обратную дорогу он то отключался, то принимался бормотать.

— Кровищи-то, кровищи! Весь пол залила.

Маша все пыталась втолковать ему, что это ковер такой красный, но он будто и не слышал.

— Кровь, везде кровь.

Маше стало жутко от его монотонного бормотания. Она отодвинулась к окошку и, пытаясь отвлечься, стала следить за проносящимся мимо пейзажем. Серые домики, обнаженные ветви деревьев, как трагические руки, воздетые к небу, столбы, столбы, столбы. Вспомнилась песенка Окуджавы про Смоленскую дорогу, и сердце сжала тихая грусть.

Ничего у нее с Колей не получится. Видно, не из того теста сделана, что настоящие педагоги. Ну и ладно, не может она больше биться головой о стенку. Так и скажет сегодня маме.

Двери вагона, стукнув, разъехались в стороны. Вошли два солдата и, быстро оглянувшись по сторонам, плюхнулись на скамью напротив них.

Почувствовав, что ее разглядывают, Маша повернула голову и тут же столкнулась с веселым, наглым взглядом одного из солдат. Он лихо подмигнул ей и толкнул в бок своего товарища.

— Гляди-ка, Сень, какая красотища. А чего ты, девушка, такая грустная? Кавалер плохо развлекает? Так иди к нам. С нами не соскучишься, верно, Сень?

— Эт точно! — загоготал тот.

Маша, пожав плечами, отвернулась к окну.

— Ого, брезговает! — Судя по его голосу, парень был здорово навеселе. — Цыпа! Ты нос-то не задирай, отвалится. Иди, посиди у меня на коленках.

Он неожиданно схватил ее за руку и потянул к себе. Маша еле-еле удержалась на месте и напряглась, пытаясь выдернуть руку. Но парень крепко сжал пальцы, ухмыляясь ей прямо в лицо.

Колин кулак просвистел у ее виска, чуть не задев. Удар застал солдата врасплох. Отпустив Машу, он схватился обеими руками за багровеющее ухо. Коля резко сдернул его на пол и, вопя, принялся избивать ногами.

— Не тронь! — кричал он, захлебываясь, с каким-то диким подвывом. — Не тронь! Мое!

Маша, оцепенев, забилась в угол. Все произошло так неожиданно, так дико. Его искаженное безумием лицо, выкатившиеся белые глаза, изуродованный криком рот. «Мое! Мое!» О ком это он? Неужели о ней?

Второй солдат наконец очухался и бросился на Колю, сбив его с ног. Тот ужом вывернулся из его медвежьей хватки. В руке блеснул нож.

Маша с ужасом увидела, как он по самую рукоятку вонзился в живот солдата. Гимнастерка окрасилась кровью. Еще один взмах руки, еще, еще.

Крики, топот ног. Все эти звуки доносились до нее, как из-за стеклянной стены.

— Мое, — выдохнул Коля, в изнеможении привалившись спиной к скамье. — Никто не тронет. Только я.

Он потянулся и провел окровавленной рукой по ее ноге. Она сидела как парализованная, не в силах шелохнуться, не в силах оторвать глаз от его безумного, страшного лица.

— Любого порежу, кто к тебе подойдет. Так и знай.

Его забрали на следующей же станции. Он не сопротивлялся. Машу долго допрашивали.

Домой она добралась только глубокой ночью.

Все, что было потом, вспоминалось как страшный сон. Солдат умер, не доехав до больницы. Суд, два года колонии. Его прощальный крик:

— Я вернусь за тобой, жавороночек!

Кошмарные ночи, кошмарные сны. Она просыпалась от собственного крика. Он нависал над ней с окровавленным ножом, белые глаза блестели в темноте.

Мать не отходила от нее ни на шаг. Она уже начала опасаться за ее рассудок.

— Что будет, когда он вернется, мама? — горячечно шептала Маша, сжимая ее руки. — Что будет со мной.

Наконец они нашли единственное возможное решение. Уехать, затеряться, забыть. Квартира была срочно продана, и они уехали в Апрелево, не сказав никому ни слова. Никому, кроме Ларисы.

Лиля попросила шофера притормозить у метро «Арбатская». Надо было купить сигарет.

Пробираясь сквозь плотную разношерстную толпу к коммерческим ларькам, она вдруг почувствовала, что ее схватили за локоть.

— Девушка! Погодите!

Она резко обернулась на голос. Перед ней стоял худощавый парень с лихорадочно блестящими глазами.

— Можно вас на минутку? — Он потянул ее за собой к кабинке, на которой кривыми буквами было написано «Электрорулетка. Испытайте свою судьбу». — Нажмите за меня на кнопку. Я чувствую, что вы принесете мне удачу.

Лиля, пожав плечами, нажала кнопку. На электронном табло завертелся пестрый диск с цифрами. Лиля поймала себя на том, что с интересом следит за ним.

Стрелка остановилась на цифре «8». Парень завопил, затормозил Лилю, расцеловал и рванулся к окошку с воплем:

— Я выиграл, выиграл!

Сидящая в кабинке девица, натянуто улыбаясь, отслюнила ему солидную пачку банкнот.

Лиля повернулась было уходить, но парень схватил ее за руку. Его конопатое лицо сияло счастьем.

— Не уходите, девушка. Вы меня осчастливили, поэтому позвольте отблагодарить вас.

Он выложил на стойку два картонных кружочка.

— Вот, купил жетоны, а играть больше не буду. После такого выигрыша — грех. А вы поиграйте бесплатно.

Он подтолкнул Лилю к стойке. Она и сама не заметила, как кружочки с цифрами «4» и «9» оказались у нее в руках.

— Играете? — спросила у нее девица в кабинке.

Лиля кивнула. Почему не попытать счастья? Загадаю, подумала Лиля. Выиграю — все у нас с Вадимом устроится, а проиграю — значит, начну всерьез Арсена клеить. Он, конечно, не Вадим, ему не дано вздымать ее до вершин и обрушивать в бездны, но у него есть одно огромное преимущество: он любит ее так, что хватит на двоих. Чтобы быть счастливой, вполне достаточно, чтобы тебя любили, и вовсе не обязательно любить самой.

Ну, любила она Вадима, любила ровно настолько, чтобы нацелиться на женитьбу. И что же? С этого самого момента она вдруг почувствовала, что теряет его. Они еще ни о чем не говорили, ни словом, ни намеком, но и так ясно, что все пошло наперекосяк. Да еще эта деревенская шпучка как снег на голову. Он даже не пытался скрыть накануне ночью, что они

явились не вовремя. Ничего серьезного здесь, конечно, нет и быть не может. Вадим просто хотел уязвить ее, Лилю. Но все же, все же...

— Играть-то будете?

Лиля посмотрела на равнодушное лицо девицы в окошке и кивнула.

— Подождите, — сказала вдруг девица. — Вы играете не одна.

Лиля повернулась и увидела рядом краснолицего молодого человека с масляными, липнувшими к черепу волосенками.

— Я не хочу с ним, — попробовала возразить Лиля. — Я сама.

— По правилам не положено, — не сморгнув и глазом, ответила девица.

Лиле, конечно, в голову не пришло спросить у нее правила.

— Ладно, — ответила она, пожав плечами, и с молчаливого согласия своего соперника нажала кнопку.

Рулетка завертелась и замерла между «4» и «5». «4» было у Лили, «5» — у ее противника.

— Невероятный случай! — воскликнула девица в окошке. — Никто не выигрывает. Спорный ход. В таких случаях наша фирма предлагает суперставки: четыреста тысяч рублей и по пятьдесят тысяч с каждого игрока. Это — наш супербанк! — Она торжественно посмотрела на обоих. — Опять же, можно все решить, просто нажав на кнопку, но это слишком скучно для такого случая. Фортуна явно на вашей стороне, — добавила она, обращаясь к Лиле.

Лиля почувствовала холодок азарта. Не то, чтобы ей нужны были деньги. Испытать судьбу — вот искушение. Она никогда не играла в казино, просто не хотела. Всегда считала это глупым занятием. Но сегодня что-то зацепило ее.

Она искоса глянула на своего соперника. Обтерханный какой-то тип. С ее деньгами она легко его переиграет.

— Ставлю пятьдесят тысяч, — сказала она небрежно.

— Принято. Пятьдесят тысяч против вас. — Девица положила на стойку электронный секундомер. — У вас минута на размышление. Либо вы поднимаете ставку, либо весь банк уходит к девушке.

На дисплее заскакали цифры. Парень маялся.

— А если она опять поставит?

— Вы проиграли, если не ответите.

Он вынул из кармана пятидесятитысячную купюру и присовокупил к ней еще десять тысяч.

— Ставка бита. Десять тысяч против вас. — Девица повернулась к Лиле. — Ставьте побольше, чтобы вывести его из игры.

— Сто тысяч.

Лиля и не заметила, как вокруг собрались люди. Они подпирали ее со всех сторон, дышали в затылок, и от этого она возбуждалась еще больше.

— Девяносто тысяч против молодого человека.

Лиля видела, как он волнуется. Такого обыграть — раз плюнуть.

— Не пасуйте, девушка. Он уже у вас в кармане, — просипел кто-то над ухом, обдав ее запахом перегара.

Лиля, поморщившись, достала две стотысячные банкноты и зажала их в кулаке. Парень, явно страдая вынул две бумажки по пятьдесят тысяч.

— Принято. Десять тысяч против вас.

Лиля разжала кулачок. Одна банкнота, закружившись, упала на землю. Лиля не успела среагировать Чумазый мальчишка с ликующим криком.

— Что с возу упало, то пропало! — исчез с ней в толпе.

Передернув плечами, Лиля достала еще одну такую же.

— Сто девяносто тысяч против молодого человека.

Вокруг раздался одобрителный гул. Лиля почувствовала себя героиней шоу. Молодая красивая богачка сорит деньгами.

Игра продолжалась. Не успела она и глазом моргнуть, как вся наличность у нее кончилась. Банк раздулся до угрожающих размеров. В пылу игры она как-то не задумывалась над тем, откуда у этого обтерханного парня столько денег.

С неизменным тяжелым вздохом он доставал и доставал из кармана деньги, не переставая причитать.

— Я уже столько вам отдал. А что будет, если у меня деньги кончатся?

— Девушка заберет весь банк, — терпеливо объясняли ему.

Он снова душераздирающе вздыхал и лез в карман.

Лиля заглянула в свой изящный кошелек от Гуччи, не замечая, что вместе с ней туда заглядывают еще несколько пар глаз.

— У меня нет больше денег, — растерянно сказала она.

— Если нет наличности в рублях, мы с удовольствием обменяем доллары, — весело сообщила девица.

Ей было чему радоваться. Эта смазливая дурочка в обалденном прикиде уже оставила у нее больше миллиона. Какой улов!

Лиля достала сто долларов.

— Обменяйте, пожалуйста.

— Вот это размах! — прошептал кто-то.

От ее сомнений не осталось и следа. Выигрыш во что бы то ни стало останется за ней.

— На сегодня наш обменный курс — четыре тысячи рублей, — сообщила ей девица.

— То есть как? — удивилась Лиля. — Везде почти пять.

— Сожалею. Правила фирмы.

Лиля оглянулась в поисках обменного пункта. Девица сразу поняла, о чем она думает.

— Ближайший обменный пункт на той стороне, по переходу. Но учтите, если вы отойдете от стойки, то будете считаться проигравшей. Правила фирмы.

подавив в себе раздражение, Лиля резко кивнула.

— Меняйте!

Если она еще раз скажет: «Правила фирмы», я просто не выдержу, подумала Лиля.

Игра продолжалась. Молодой человек уже давно перестал вздыхать и причитать, и только с ловкостью фокусника извлекал на свет Божий деньги.

У Лили закружилась голова от нереальности происходящего. Она вдруг почувствовала себя мухой, запутавшейся в паутине. Ей захотелось вырваться из липких пут, все бросить и уйти, но мысль о том, что все ее деньги вот так, с бухты-барахты, перейдут к этому облезлому типу, не давала ей сделать этого. Не бездонный же у него карман, в конце концов!

— Вы — молодчина! — просипел ей в ухо грубый голос. — Такой игры я еще не видел. Богачкой станете помяните мое слово.

Она уже ничего вокруг не замечала. А зря. Приглядись она повнимательнее, и увидела

бы, что какой-то парень периодически заглядывает в кабинку, возвращается и незаметно сует что-то в карман ее соперника.

Заметь она это — давно уже поняла бы, что играет против своих собственных денег.

Пятьсот долларов растаяли как дым.

— Двести пятьдесят тысяч против девушки.

Лиля судорожно осмотрела кошелек, хотя заранее знала результат. Пусто. С собой у нее больше ничего не было. Тут она вспомнила, что сигареты так и не купила, а на обочине ее терпеливо дожидается таксист, с которым тоже предстоит расплачиваться. Вадим весь день в разъездах, его не достать. Лиля вдруг растерялась.

Девушка указала на секундомер.

— Поторопитесь. У вас осталось двадцать секунд на размышление.

Двадцать секунд, сорок, час, какая разница.

— Я... У меня деньги кончились.

— Но вы же не можете так уйти. Ваш противник совсем измотан. Подумайте, какой куш! Для такого игрока, как вы, мы можем сделать исключение и принять в виде ставки какую-нибудь ценность. Браслет или сережку.

Рука Лили непроизвольно потянулась к уху, остановилась на полдороге. Она обежала взглядом окружающие ее лица. То, что она прочла на них, повергло ее в ужас. Неприкрытая алчность, насмешка, нетерпеливое ожидание. У всех одно и то же выражение.

Ее вдруг как озарило. Они же все здесь заодно, одна шайка, и у всех свои роли. Только что нывший, потный соперник поглядывает на нее с плохо скрываемым превосходством. И куда только подевалась его неуверенность!

Деловая девушка в окошке, «группа разогрева» вокруг нее, Лили. Она поняла, что здорово попухнула. Попалась на удочку, как сопливая девчонка.

— Ваше время истекает. Решайтесь. Не пожалеете.

Лиля молчала. 58, 59, 60.

— Время! — торжественно провозгласила девушка. — Вы проиграли. Игра окончена. — Она повернулась к молодому человеку. — Поздравляю. Ваш выигрыш составил...

Но Лиля уже не слушала ее. На несгибающихся, вдруг ставших чужими ногах она выбралась из толпы и побрела к такси.

Черт с ними, с деньгами, для нее это мелочь. Противно то, что ее так беспардонно и нагло кинули. На душе было мерзко, словно ее всю вываляли в грязи. И как это могло с ней случиться?

— Вадим Петрович, — раздался в интеркоме голос секретарши. — Вам звонит господин Карапетян. Соединить?

— Да, да, конечно, Верочка. — Вадим снял трубку. — Алло, Арсен, я слушаю.

— Привет, старик, — зарокотал в трубке голос Арсена. — Ну и задал ты нам задачу. Не ждал от тебя таких сюрпризов.

— Не понимаю, о чем ты?

— Тц, тц, тц, — защелкал языком Арсен. — Он не понимает. Друзья едут черт-те куда, чтобы скрасить его одиночество, везут с собой море виски и красивейшую на свете женщину. Между прочим, Лиля рассказала мне, что ты звал ее с собой. И что же? Вместо того, чтобы обрадоваться и устроить праздники и фейерверки, ты носишься с какой-то сельской нимфой, устраиваешь сцены и выставляешь за дверь среди ночи.

— Да не устраивал я сцен, — с досадой произнес Вадим. — И ночевать там пока негде.

Сам же видел.

— Старик, я поражен. Чувство юмора тебе уже изменяет. Неужели все так серьезно?

— Может быть.

— Между прочим, Лиля всерьез обиделась. Ты уже виделся с ней?

— Н-нет.

— Говорил?

— Нет.

— Ты помнишь наш последний разговор? Следует ли это понимать...

— Да.

— Разговорчивый ты наш! Ладно, я понял. Пока.

— Пока, — сказал Вадим в уже гудящую трубку.

Тонкий аромат ландышей защекотал ноздри. Они сегодня с самого утра цвели на его рабочем столе, маленький букетик, который собрала для него Маша.

Вадим поднес к лицу сияющие белые цветы и глубоко вдохнул их сладковатый свежий запах. Услужливая память тут же перенесла его в золотой, напоенный солнцем день. Ландыши. Маша. Маша. Неужели это было только вчера?

Она выскользнула из калитки, как только его машина остановилась у ворот. Ждала его. Хотела поскорее увидеть. От этой мысли на душе у него стало тепло и радостно.

Ни тени кокетства, ни грамма фальши. Любая другая на ее месте заставила бы его ждать, недоумевать, мучиться, постаралась бы сразу набить себе цену. Любая, но не Маша.

— Здравствуй, — сказала она как пропела.

— Здравствуй.

Он смотрел на нее, улыбаясь, вбирая в себя и этот сверкающий солнцем летний день, и мягкое сияние ее серых глаз, и тонкую линию плеч, слегка тронутых загаром, и изящную линию бровей.

— Поедем?

— Да.

Они оставили машину за усадьбой и пошли по тропинке, вьющейся среди деревьев и буйно разросшихся кустов, к высокому берегу речки. Вадим заметил, что Маша уже почти не хромает.

— Как твоя нога?

— Гораздо лучше. Скоро и следа не останется. Буду вовсю отплясывать на балу генеральши фон Шелленбаум.

Она закружилась под его недоумевающим взглядом. Легкий белый сарафан надулся парусом вокруг ее длинных ног, вспорхнул и опал.

— Вы будете танцевать со мной, сударь?

— Почту за честь, — в тон ей ответил Вадим.

1860 год

— Что такое я слышу, Маша? — недовольно спросил Павел Петрович.

Его породистое, слегка обрюзгшее лицо покраснело, как всегда, когда он был не в духе. Машинному отцу недавно минуло сорок четыре года, и нельзя сказать, чтобы время было к

нему благосклонно.

Его высокая, некогда статная фигура рано отяжелела, волосы заметно поседели, щеки отвисли. Походка, когда-то легкая и стремительная, сделалась неторопливой и грузной. Он величаво носил свое крупное тело с высоко поднятой головой и слегка оттопыренной нижней губой. Любому с первого взгляда становилось ясно — барин!

Маша уже и не помнила его другим. Ей трудно было представить себе влюбленного юношу, который ухаживал когда-то за ее матерью, страдал, бесновался от ревности, писал страстные письма. А ведь это было было. Письма, по крайней мере, сохранились. Маменька показывала их ей. Все было: любовь, нежность безумие. И куда только подевалось?

— Что, папенька? — робко спросила Маша.

Она побаивалась отца. Он всегда был строг с ней никогда не подпускал ближе, чем на дозволенную дистанцию.

— Что-о? Да все только об этом и говорят. Вот и Антон Викентьевич... — Он бросил фразу недосказанной.

Маша молчала. Она начала понимать, к чему он клонит. Предательский румянец разлился по щекам, в глазах защипало.

— Ну что, сударыня моя, может быть, довольно отмалчиваться? — Голос отца стал еще жестче. — Танцуешь весь вечер с каким-то светским хлыщом. Никого, кроме него, не замечаешь. Что это значит?

— Но он вовсе не хлыщ, — попробовала возразить Маша.

— Вот как! Так кто же он, позвольте спросить?

— Вадим Петрович Серебряков. Он гостит в «Дубравах». Друг Арсения.

— Превосходная рекомендация! Когда ты успела с ним познакомиться? Не помню, чтобы он бывал у нас.

Маша промолчала. Что она могла ему ответить?

— Это из каких же он Серебряковых? — продолжал Павел Петрович, будто и не рассчитывая на ответ. — Не из петербургских ли?

— Кажется.

Еле заметная тень пробежала по лицу Павла Петровича, настолько легкая, что Маша не обратила на нее внимания.

— Вот что, голубушка, — холодно отрезал отец. — Чтобы я больше ничего подобного не слышал. Ты уже, считай, невеста. Негоже так вести себя. Заруби это на носу.

Он резко развернулся и вышел.

— Но, папенька... — пролепетала Маша.

Дверь громко хлопнула за ним, и Маша осталась одна. Нестерпимый холод сжал сердце. Невеста. Как страшно прозвучало это слово в устах отца. Невеста.

Значит, няня была права. Ее сговорили за ее же спиной, даже не спросили, просто поставили перед фактом. Маша задрожала всем телом, ноги подкосились. Она бессильно опустилась в кресло.

Но это же дикость, домострой какой-то! Между тем на дворе уже девятнадцатый век. Неслыханно! Это просто не может происходить с ней.

Тихий скрип открывающейся двери, легкие шаги. Маменька. Маша повернула к ней смертельно побледневшее лицо.

— Что ты тут сидишь впотьмах, мой друг? Шла бы чай пить. На веранде уже накрыто.

— Это правда, маменька? — прошептала Маша еле слышно. — Что... что вы обещали

меня Антону Викентьевичу?

— Странная ты, Маша, право! Говоришь так, будто ты какая-то вещь.

Маша резко втянула в себя воздух. Вольно или невольно, но мать облекла в слова ее мысли.

— Выходит, так. Меня же не спросили.

— Антон Викентьевич — превосходный человек. Ты за ним будешь спокойна и счастлива.

И богата, добавила про себя Маша.

— Я не люблю его, — сказала она вслух.

— Дорогая моя, что ты можешь знать о любви? — рассудительно сказала мать. — Поверь мне, не в ней счастье.

— А в чем?

— Счастье — это надежность и покой. Антон Викентьевич...

Маша нетерпеливо махнула рукой.

— То ли вы мне говорили, маменька, когда рассказывали о себе и о папеньке!

— Ты тоже его полюбишь. Дай только срок.

— Не бывать этому! Он мне противен.

— Маша!

Губы матери вытянулись, отчего она стала похожа на резонерствующую гусыню. И отчего она раньше этого не замечала?

— Не станешь же ты перечить отцу? Кроме того, ты же знаешь...

Она не договорила. Маша спрятала лицо в ладони, чтобы мать, не дай Бог, не увидела его.

Деньги. Всему виной деньги. Имение в упадке, средств хватает только, чтобы кое-как подлатать дыры. Состояние Трегубовича дает шанс спасти положение. Но какой ценой?

Меня продают, подумала Маша. Как на базаре. Но я...

— Но я же живая! — простонала Маша. — Меня нельзя продать.

— Какие возмутительные глупости! — вскричала мать, округлив глаза. — Подумать только! И отчего я должна все это слушать?

Маша встала, выпрямившись во весь рост. Губы ее трепетали.

— Вы правы, маменька. Вы этого вовсе не должны.

Она вышла и, поднявшись к себе, заперла за собой дверь.

Утро застало ее в дороге. Резвый бег Звездочки, как всегда, попадал в такт ее мыслям. Но жемчужная даль, открывавшаяся ее взору, не трогала ее сердце. Кудрявые купы деревьев, изумрудные квадраты полей, извилистые берега неторопливой речки не привлекали ее взгляда. Твердой рукой направляла она Звездочку в ей одной известное место.

Маленький охотничий домик на краю владений Хомяковых, надежно скрытый буйной растительностью от посторонних глаз, уже однажды служил местом их свидания. Туда и скакала сейчас Маша, почему-то надеясь встретить там Вадима.

Бессонная ночь не принесла облегчения, но, кажется, кое-что прояснила. По крайней мере, Маше хотелось так думать. Если все дело в деньгах, то какая разница родителям, кто именно оплатит их счета?

Вадим, судя по всему, далеко не беден, хотя, конечно, не так богат, как Трегубович. Если она будет достаточно тверда, а твердости ей не занимать, то ей удастся уговорить

родителей.

Еще издалека она увидела лоснящуюся холку Цезаря, любимого коня Вадима. Соскочив со Звездочки, она набросила поводья на столбик у крыльца и, замирая сердцем, распахнула дверь.

Вадим стремительно обернулся на звук шагов и замер, завороченно глядя на нее. Ее тонкая фигурка в дверном проеме, залитая утренним солнцем, была точно статуэтка, выполненная вдохновенным резцом мастера.

— Вы! — задохнувшись, вымолвил он. — Вы!

Они шагнули друг к другу. Вадим взял ее руки и припал к ним губами.

— Я не ждал вас, — проговорил он наконец, отрываясь от ее рук. — И так ждал! Мне так много нужно сказать вам.

Он усадил ее в кресло и опустился на пол подле ее ног. Чтобы скрыть охватившее ее волнение, Маша принялась стаскивать перчатки. Вадим взялся помогать ей, поминутно целуя каждый дюйм открывающейся его нетерпеливому взору нежной белой кожи.

— На балу я не осмелился говорить с вами об этом. Слишком много было вокруг любопытных глаз и ушей. Последние дни перевернули всю мою жизнь. Я и мечтать не мог о подобном, даже в самых отчаянных снах. Я люблю вас, Маша, и прошу стать моей женой. Я не тороплю вас, но знайте, что одним своим словом вы можете составить счастье или несчастье целой жизни.

Маша закрыла глаза. Его слова отдавались у нее в ушах сладкой музыкой.

— Вы молчите. О, не терзайте меня, умоляю! Скажите, смею ли я надеяться?

— Да. — Ее ответ прозвучал еле слышно.

— Значит ли это, что вы согласны? Что вы любите меня?

— Да, да, да! — упоенно повторяла Маша. — Я люблю вас. Люблю с первой встречи.

— О, небо! — вскричал в восторге Вадим. — Благодарю тебя! Она моя, и мне нечего больше желать!

Перчатка соскользнула с ее колен и упала на пол. Маша потянулась за ней. Их руки снова встретились, губы слились в страстном поцелуе, сердца затрепетали от блаженства.

Фыркание лошадей за окном вернуло их к действительности. Маша с трудом оторвалась от него и выпрямилась.

— Вадим, — сказала она твердо. — Есть одно обстоятельство, которое может помешать нам.

К ее изумлению, он ничуть не удивился. Лишь смутился и нахмурился.

— Значит, вам все известно?

— О чем вы? Я не понимаю.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Нет, ничего. Я все объясню, но позже. Скажите сначала вы.

— Меня хотят выдать замуж за здешнего помещика Трегубовича. Я подозревала, что отец был бы рад такому исходу, но не знала, что дело зашло так далеко. Вчера вечером отец сообщил мне, что дело это решенное. О вас отец и слышать не хочет.

— Он знает обо мне?

— Я лишь сказала ему ваше имя.

— Этого довольно. Я боялся, что все так обернется, поэтому и не просил представлять меня вашему отцу.

— Что это значит? — вскричала взволнованно Маша. — Вы говорите загадками.

Объяснитесь.

— Это касается одной истории, трагической истории из жизни вашей семьи. Ваш дед, через много лет после смерти вашей бабушки, женился вторично на девушке много моложе его.

— Боже мой! — прошептала Маша. — И я ничего об этом не знала.

— Она была из обедневшего старинного рода и подчинилась требованию родителей. Она была очень хороша собой, Маша, нежный белокурый ангел, возвышенный и мечтательный, который грезил о чистой, романтической любви, а вместо этого попал во враждебное окружение. Ваши родные приняли ее в штыки. Да и чему тут удивляться? Вашему отцу было почти столько же лет, сколько и ей. Они, очевидно, считали этот брак причудой стареющего отца.

Развязка не заставила себя ждать. Однажды на балу она познакомилась с блестящим молодым кавалергардом, кутилой, повесой, любимцем женщин. Любовь поразила их внезапно, и все полетело к чертям. — Он запнулся. — Простите меня. Так бывает, редко и только с избранными Богом людьми, но бывает, Маша.

— Я понимаю, — прошептала Маша. — О, как я их понимаю!

— Значит, вы не будете судить их слишком строго. Вся их дальнейшая жизнь с лихвой искупает ту боль, которую они причинили другим. Они пытались объяснить все вашему деду, но безуспешно. Ее хотели запереть, изолировать от окружающего мира, но ей удалось бежать со своим возлюбленным. Потом была дуэль, нелепая гибель вашего деда, скандал. Кавалергард был разжалован и удалился со своей любимой в деревню, где они и прожили долгие годы. Красиво прожили, Маша, очень красиво, — сказал он, глядя на ее смертельно побледневшее лицо. — Если правда, что браки совершаются на небесах, то это о них. В один вздох, в одну улыбку, в один поцелуй. Надо было видеть ее лицо, когда он, уже в годах, седой, солидный, целовал ей руки. Его глаза, когда ее пальцы касались его щеки...

— И эта женщина... — прошептала Маша, уже догадываясь, но страшась ответа.

— Эта женщина была моя мать.

* * *

Петр Алексеевич, тяжело дыша, выбрался из автобуса и побрел по пыльной дороге. Увесистая сумка с книгами оттягивала руку и била по ноге. С каждым разом поездки в Москву отнимали все больше и больше сил.

На этот раз улов был богатым. Он выкупил в книжном на Кузнецком мосту последние тома собрания сочинений Соловьева, но не смог на этом остановиться и приобрел еще несколько книг. Теперь не то, что раньше, столько соблазнов, глаза разбегаются. Только плати.

Однако жарко сегодня. Духота. Грудь теснит, и сердце покалывает. Скорее бы добраться до дома. Сонечка даст чаю, залопочет о чем-то своем, уютном, домашнем, и сразу станет легче.

На дорогу рядом с ним упала чья-то тень. Кто-то идет следом. Ну, идет и идет. Оглядываться не хотелось.

— Эй, старик, ты здешний?

Петр Алексеевич остановился, опустил сумку с книгами на землю и подождал, пока тот,

кто так бесцеремонно окликнул его, поравняется с ним.

Незнакомый худощавый парень в потертых джинсах и грязной, давно не стиранной футболке. Круглое, ничем не примечательное лицо под неровным ежиком волос. Парень как парень. Вот только тяжелый взгляд странных белесых глаз неприятно царапнул по лицу.

— Здешний. А вы кого-то ищете?

— Может, и ищу. Это ведь Апрелево?

Неопределенный жест в сторону утопающих в зелени крыш.

— Апрелево, — согласно кивнул Петр Алексеевич.

Что-то ему определено в его собеседнике не нравилось, вот только понять бы, что именно.

— А другой такой деревни здесь нет? Может, Апрелевка или Апрелевское, или еще как?

— Насколько мне известно, нет.

Парень удовлетворенно кивнул. Его пустые, ничего не выражающие глаза на мгновение сверкнули и снова подернулись мутноватой дымкой.

— А Маша Антонова не здесь живет?

Петр Алексеевич лихорадочно соображал, что не так. Вроде обычный вопрос, ничего особенного. Но такая вдруг повисла вязкая, тяжелая тишина, что он растерялся. Чтобы скрыть смутнение и выиграть время, он достал из кармана платок и вытер вспотевший лоб вдруг дрогнувшей рукой.

Однако его состояние не укрылось от парня. Он неожиданно приблизился и, дохнув в лицо перепрелым запахом давно не чищенных зубов, врасстяжку произнес:

— Не темни, старик. Не советую. И не таких обламывал.

Сердце дернулось и заныло, будто тупая игла медленно, мучительно вошла в него. Петр Алексеевич вдруг понял, кто перед ним. Однажды они с Машей задержались в школе после уроков, разговорились, и она в порыве откровенности, рассказала ему о пережитом кошмаре, о странном парне по имени Коля, который из-за нее убил человека и обещал вернуться за ней. О своих ночных страхах, о кровавых снах, которые, несмотря на прошедшие годы, все еще посещали ее.

Веселое тарыхтение мотора заставило старика вздрогнуть. Поднимая тучи пыли, около них затормозил задрипанный грузовичок. Молодой шофер, сверкая белозубой улыбкой, высунулся из кабины.

— Петр Алексеевич, вы домой? Давайте подброшу.

На негнущихся ногах он доплелся до машины и, с трудом преодолевая боль в сердце, вскарабкался в кабину, унося в памяти прищуренный, недобрый взгляд парня.

— А сумочка-то не ваша?

Он конвульсивно дернул подбородком. Шофер выскочил из кабины, подхватил сумку и, скользнув глазами по лицу незнакомца, захлопнул за собой дверцу.

Машина бойко запрыгала по ухабам. Петр Алексеевич откинулся на спинку и закрыл глаза. Боль становилась нестерпимой.

— А кто это такой с вами был? Я его вроде раньше не видел.

— Маша... Предупредить... — прошептал Петр Алексеевич и потерял сознание.

Лиля с наслаждением вытянулась на кушетке, ощущая приятную тяжесть во всем теле. В воздухе расслабляюще пахло лавандой. Тихая протяжная музыка ласкала слух. Лиля прикрыла глаза в предвкушении удовольствия.

Она была частой гостьей в салоне «Афродита». Раз в неделю, самое большое десять дней, устраивала себе праздник души и тела. Сауна, прохладный бассейн, массаж, замысловатые процедуры на умопомрачительном оборудовании. Это было почти так же хорошо, как секс. Каждый раз она выпархивала оттуда словно на крыльях.

Лиля почувствовала прикосновение сильных скользящих пальцев к спине. Ирма, массажистка. Высокая, широкоплечая, мускулистая, она выделялась с хрупким Лилиным телом поразительные вещи. Доставала каждую косточку, каждую мышцу, разбирала на составные части и собирала снова. Казалось, захоти она, и сможет в узел ее связать.

— Как ваши дела, Лилечка? — приглушенно донесся до нее хриловатый голос Ирмы.

Этот низкий голос, обволакивающая музыка, теплые волны, исходившие от ее рук, как-то странно подействовали на Лилю. Ей вдруг стало ужасно жалко себя, такую красивую, молодую, соблазнительную. И еще этот отвратительный случай с рулеткой. Лиля почувствовала, как слезы закипают на глазах. Как несправедливо все!

— Я, кажется, уйду от Вадима, — неожиданно для самой себя сказала она тоненьким, срывающимся голосом. — Вернее, он уходит.

— Дурак, — убежденно произнесла Ирма, не переставая массировать ее плечи. — Только дурак может уйти от такой красавицы, как вы. Он еще не раз пожалеет об этом.

Лиля тихонько вздохнула. Кажется, все понимают это, только не он.

— А с другой стороны, — продолжала Ирма. — Можете считать, что вам крупно повезло. Что могут грубые, вонючие мужики понимать в женщинах? Как они могут их ценить, если все поголовно убеждены, что главный приз растет у них между ног?

Грубые, вонючие, главный приз... Это было совсем не похоже на Вадима и на их отношения, но Лиля почему-то почувствовала облегчение. Приятно было видеть себя жертвой чужого эгоизма.

Ирма тем временем принялась за ее ягодицы, ненароком соскальзывая в нежную ложбинку между ног. С каждым разом она задерживала руку чуть дольше, нащупывая и поглаживая чувствительные места.

Лиля вдруг почувствовала какое-то неприятное, противное возбуждение. Впервые существо одного с нею пола начинало с ней сексуальную игру. Ошибки здесь быть не могло. Уж слишком настойчивы становились ее пальцы. Никогда раньше она не позволяла себе ничего подобного.

Из-под полуопущенных ресниц она через плечо взглянула на Ирму. Ее обычно холодноватые серые глаза теперь были намертво прикованы к ее заднице. Острый язычок, как язычок, высунулся изо рта и скользнул по тонким губам. На лице ее было написано такое откровенное вождление, что Лиля даже растерялась.

Сейчас, впервые внимательно приглядевшись к Ирме, Лиля подивилась своей ненаблюдательности. Все в ней вполне могло бы принадлежать мужчине: широкие, мускулистые плечи, узкие бедра, плоская грудь, стрижка «под мальчика». И голос, и походка, и даже запах, не мужской, не женский, какой-то бесполой, юнисекс, как сейчас стало модным говорить. Сама Лиля предпочитала ароматы тяжелые, чувственные, подобные сен-лорановскому «Опиуму», которые одним дуновением своим будили сексуальные фантазии.

Итак, Ирма лесбиянка, решила про себя Лиля. И недвусмысленно приглашает меня к любовной игре. Теперь дело за мной. Стоит мне поморщиться или каким-либо другим способом выразить недовольство, и она тут же перестанет. Слишком хорошо вышколена и

дорожит своим местом. Странно, что она вообще посмела... Видно, дело тут во мне.

Оставалось только решить, хочет она продолжения или нет. Лиля задавала себе этот вопрос, уже зная ответ. Ее замершее в предвкушении неизведанного доселе наслаждения тело подсказало его. Кроме этого, в голове вертелась поганенькая мыслишка: не слабо будет изменить Вадиму с лесбиянкой, а потом в красках рассказать ему об этом. Вроде как и не измена в полном смысле этого слова, но чувствительный удар по самолюбию. Как знать, может, проймет.

— Лилечка, — услышала она приглушенный, дергающийся голос Ирмы. — Вы — неправдоподобная красавица. Светитесь вся.

Лиля мелко, мелко запульсировала изнутри. Между ног повлажнело. Ее дрожь передалась Ирме. Теперь ее пальцы вибрировали в такт, добираясь до самых сокровенных, чувствительных местечек.

Лениво потянувшись, Лиля медленно перевернулась на спину. Ее полуприкрытые, подернувшиеся влагой глаза встретились с жадным взглядом Ирмы.

Осторожно, чтобы не испугнуть ее, Ирма провела руками от колен вверх, помедлила у золотистого треугольника волос, скользнула по животу и сомкнула пальцы на розовых, напрягшихся в ожидании сосках. Лиля откинула голову назад и закусила губку, чтобы сдерживать стон.

— Я знала, что так будет, когда-нибудь. Я узнала тебя, — шептала Ирма.

Ее лицо приближалось, тянулось к лицу Лили. Она уже ощущала незнакомое дыхание.

Она сейчас поцелует меня, подумала в панике Лиля. Нет, нет, я не хочу! Сама мысль о поцелуе в губы была невыносима.

Она обхватила руками голову Ирмы, потянула вниз, к груди, и тут же ощутила прикосновение острых зубов, влажную ласку языка. Мириады огненных искр разбежались по ее разгоряченному телу.

Ирма скользила все ниже, ниже к безвольно раскинувшимся ногам. Ее язык змейкой юркнул в пульсирующую, истекающую соком глубь, завибрировал, затанцевал.

— Да, да! — простонала Лиля, чувствуя приближение оргазма. — Люби меня хоть ты, хоть ты...

Она дернулась и замерла, вцепившись пальцами в кушетку. Все было неправильно, все не так. Обычно в такие минуты она чуть не лопалась от счастья, баюкая голову Вадима на своей груди, перебирая его мягкие, чуть влажные волосы. А сейчас на душе было пусто, холодно и гадко.

Ирма приблизилась к ней, явно намереваясь продолжить. Неизвестно, когда она успела сбросить одежду. Лиля смотрела на ее тонкие, похотливо изогнутые губы, на худощавую, плоскую фигуру, покрытую бледной, зеленоватой кожей. Как лягушачье брюхо, подумала Лиля и почувствовала, как комок омерзения подкатывает к горлу. Господи, что на меня нашло? Как я могла?

Поняв, что ее сейчас стошнит, она резко отпихнула Ирму и, кубарем скатившись с кушетки, устремилась в туалет.

Когда она вышла, Ирмы уже не было. Лиля быстро оделась и выскочила на улицу. Скорее, скорее домой, укрыться в мерцающей зеркальной тиши ванной и скрести, скрести себя губкой, чтобы навсегда соскоблить, содрать вместе с кожей само воспоминание о том, что с ней сейчас произошло.

Телефон надрывался вовсю. Лиля чудом услышала его сквозь шум льющейся воды. Проклиная себя за забывчивость, она выскочила из ванной и, оставляя на ковре мокрые следы, бросилась в гостиную. И что стоило взять его с собой?

Теплая ванна с ароматной пеной и контрастный душ слегка привели ее в чувство, хотя ощущение гадливости все еще преследовало ее. Откинув за спину мокрые волосы, она поднесла трубку к уху.

— Алло!

— Лиля, это я, Вадим.

Глупый, неужели он думает, что она может не узнать его? Сердце бешено заколотилось, под ложечкой заломило от мысли, что она могла не успеть.

— Вадим!

— Нам надо поговорить. Я могу заехать сейчас?

— Да, да, конечно.

Лиля ринулась в спальню, застучала ящиками, дверцами шкафов. Тонкое кружевное белье порхнуло с полки на ковер. Какое выбрать? Черное, красное, лиловое? Нет, к черту белье! Будь ее воля, она бы встретила его нагой, если б только не боялась отпугнуть слишком откровенным натиском.

Итак, белье не будет. Теперь платье. Вот то, что ей сейчас нужно. Золотой струящийся шелк. Вадим еще не видел ее в нем. Оно держалось на одном плече с помощью тонкой золотой змейки. Один нажим пальца, и оно соскользнет к ее ногам.

Лиля взглянула на себя в зеркало и осталась довольна. Поразительный эффект. Перед таким не устоит ни один нормальный мужчина.

Она быстро высушила волосы, разметав их по плечам, подкрасила глаза и губы, прыснула духами на грудь и шею и как раз раздумывала, не нарумянится ли ей слегка, когда раздался звонок в дверь.

Решив, что интересная бледность ей больше сейчас к лицу, она не торопясь отправилась открывать. По дороге зашла в спальню, закрыть шкафы, помедлила в гостиной. Пусть не думает, что она сломя голову бросится к нему только потому, что они два дня не виделись.

Он стоял на пороге, высокий, элегантный, как всегда, идеально выбритый. Она ощутила запах знакомого одеколona и с трудом подавила в себе желание броситься ему на шею. Что-то остановило ее. То ли мрачноватый огонек в глазах, то ли цветы, которые он держал в руках. Желтые гвоздики. Он никогда не дарил ей гвоздик. Ее цветком была белая лилия.

Он шагнул в прихожую, протянул ей букет.

— У тебя усталый вид, — сказала она, принимая цветы. — Много работы?

— Как всегда. А ты выглядишь прекрасно.

Лиля потянулась к нему, ожидая поцелуя, но он прошел мимо нее в комнату. Когда она принесла вазу, он уже сидел в кресле спиной к окну и курил.

Лиля поставила вазу с цветами на стол и, вставив в янтарный мундштук сигарету, подошла к нему. Он вскочил и поднес ей зажигалку. Не говоря ни слова, она прикурила и уселась напротив.

Что-то происходит, поняла она. Как бы то ни было, она не станет облегчать ему задачу. Наверное, он пришел извиниться и не знает, как начать. Ничего, пусть помучается. Она закинула ногу на ногу, чтобы ему лучше была видна изящная линия бедра, и томно поднесла мундштук к губам. Она как бы смотрела на себя со стороны. Золотая неприступная красавица ждет объяснений от своего ветреного любовника. Пухлая нижняя губка надменно

выдвинулась вперед. Ее непросто будет умиловать.

Однако молчание затягивалось. Лиля не выдержала первой.

— Странные цветы, — проговорила она, поведя бровью в сторону букета на столе. —

Ты мне никогда таких не дарил.

Вадим потянулся к пепельнице, затушил сигарету.

— Никогда.

Он встал и, шагнув к ней, протянул плоскую коробочку. Лиля машинально открыла крышку. На винного цвета бархате сверкало усыпанное бриллиантами кольцо.

— Это мой прощальный подарок.

— Какая пре... — Слова застряли у нее в горле. Только сейчас она поняла, что именно он сказал.

Глаза ее округлились, от былой томности не осталось и следа.

— Что это значит?

— Это значит, что мы не сумели быть вдвоем. Прости меня.

— Но...

Она судорожно искала нужные слова и не находила. Мысли прыгали, мешая сосредоточиться. Что, как, почему? Должна же быть какая-то причина.

— Но... почему?

Вадим молчал.

— Отвечай же! Я имею право знать. У тебя другая женщина?

— Да.

Вадим даже удивился, как легко выговорилось это слово. Да. И не надо объяснять, как неожиданно ворвалась в его жизнь Маша, как заслонила собой все и всех, как заполнила все его помыслы так, что ни для кого не осталось места. Да. У него другая женщина.

Но Лиле его ответ явно не удовлетворил.

— Кто такая? — спросила она, резко вздернув брови. — Я ее знаю?

— Да. Вы встречались однажды.

— Только не говори мне, что это та ободранная деревенская кошка!

Вадим поморщился.

— Не надо, Лилия.

Ответом ему был издевательский смех, самый глумливый, на который она была сейчас способна.

— Нет, надо. Я ведь попала в точку, а, Вадим? Поздравляю! И о чем ты с ней только говоришь, не представляю. Разве что о козах и свиньях. Впрочем, тебе должен нравиться запах хлева. Ты же теперь у нас помещик.

Руки Вадима непроизвольно сжались в кулаки. Потемнев лицом, он шагнул к двери. Лиля вскочила и вцепилась ему в рукав.

— Подожди! Не уходи так. Не сердись. Я не хотела тебя обидеть, но и ты пойми, какую страшную ошибку совершаешь. Сам подумай, на кого ты меня променял.

Голос ее дрогнул. Глаза были сухи и лихорадочно блестели. Волосы растрепались, окутав обнаженные плечи золотистой зыбкой пеленой. Она была неповторимо, сказочно хороша в эту минуту. Взгляд Вадима потеплел. Он взял ее руки в свои и поцеловал. Грустно, что все кончается именно так.

Лиля расценила его порыв по-своему. Торжество мелькнуло в ее глазах. Она дернула змейку на плече, платье скользнуло на пол, обнажая соблазнительное тело.

— Это все принадлежит тебе, — прошептала она, дразнящим жестом пробежав пальцами по своей полной груди. — Возьми меня.

Вадим печально посмотрел на нее, будто хотел навсегда запомнить.

— Прости, Лиля. Я уже не в силах ничего изменить.

Повернулся и исчез в дверях. Лиля невидящими глазами смотрела ему вслед.

— Запомни, уйдешь сейчас, обратно можешь не возвращаться, — отчаянно крикнула она. — На коленях приползешь, не пущу!

Негромкий щелчок замка. Тишина. Лиля в ярости пнула ставшее вдруг ненавистным платье, бросилась на диван и разрыдалась.

Внезапно прямо над ее ухом заворковал телефон. Лиля села, вытерла глаза и уставилась на трубку. Она была зла, раздражена, оскорблена, сбита с толку. Что прикажете делать с таким коктейлем? Лопнуть от избытка чувств?

А телефон все звонил и звонил. Лиля дернула со стола трубку, вложив в это движение все, что сейчас душило и мучило ее. А вдруг это Вадим, очухался в лифте и ищет примирения?

— Алло?

— Добрый день! — зажурчал в трубке бодрый мужской голос. — Вас беспокоят из газеты «СПИД-Инфо». Мы проводим социологический опрос на тему: «Ваше отношение к мастурбации». Что вы по этому поводу думаете?

Лиля настолько обалдела, что не сразу нашлась, что ответить.

— Алло, девушка, не вешайте трубку. Вы занимаетесь...

— А пошел бы ты к такой-то матери, козел! — со вкусом выругалась Лиля.

Трубка поперхнулась и ответила короткими гудками отбоя. Лиля согнулась пополам от душившего ее истерического смеха. Не день, а сплошной театр абсурда! Но отчего-то ей стало легче.

Маша неподвижно сидела у кровати Петра Алексеевича. Его заострившееся посеревшее лицо на фоне ослепительной белизны подушки казалось неживым. Отросшая за сутки седая щетина состарила его сразу лет на десять. А я ведь никогда раньше не видела его небритым, подумала Маша. И как-то не задумывалась о его возрасте.

Он всегда был такой большой, энергичный, шумный, полный жизни, что мысли о старости и болезнях казались смешными и неуместными. А между тем ему, наверное, уже здорово за шестьдесят. Как страшно болезнь меняет людей.

На соседней койке ворочался и стонал пожилой грузный мужчина с одутловатым багровым лицом. На его круглой лысине стояли бисеринки пота.

— Господи ты Боже мой, Господи ты Боже мой, — беспрерывно бормотал он, тяжело дыша.

Маша не могла понять, бредит он или мается наяву. От его монотонного бормотания ей стало не по себе. В этом царстве болезни она вдруг показалась себе неприлично молодой и здоровой.

Около кровати бесшумно возникла молоденькая сестричка в белой шапочке, кокетливо припиленной к пышным волосам.

— Шли бы вы домой, девушка, — шепнула она Маше. — Все равно сейчас ему ничем не поможете. Ему что нужно? Полный покой и никаких внешних раздражителей. Инфаркт все-таки, не шутка. Вот пойдет на поправку, тогда и приходите.

Маша легко прикоснулась к руке Петра Алексеевича. Ей так хотелось передать ему хоть немного своей силы. Вздохнув, она встала и вышла вслед за сестрой в серый больничный коридор.

— А он вам кто? Отец или дедушка? — полюбопытствовала сестра.

— Он — учитель. Мы работаем вместе.

— Учи-и-итель? — почему-то удивилась сестра. — Вот оно значит как.

— Ему долго здесь лежать? — спросила Маша.

— Это уж как получится. Если не будет осложнений, месяц-полтора. Так что находитесь еще.

— Значит, увидимся, и не раз. Вас как зовут? Меня — Маша.

— Ира.

— У меня сейчас каникулы. До конца августа я совершенно свободна. Я уже спрашивала доктора, не нужно ли помочь. Он сказал, нет. Я буду часто приезжать. Могу убрать, поухаживать за ним, покормить. Все что угодно. Только скажите, ладно?

— Ладно, договорились.

— Ира! — позвали ее. — У тебя капельница во второй палате.

— Иду. Мне пора, — заторопилась она. — До свиданья.

— До свиданья.

Маша вышла на залитый солнцем больничный двор. В кустах оглушительно чирикали воробьи. Мимо ворот пробежали, перекрикиваясь, мальчишки. Розовые головки клевера подмигивали ей с газона. Сверкающий мир обрушил на нее все многообразие запахов, звуков, красок. Маша с наслаждением выдохнула тягучий, лекарственный воздух больницы. Он выздоровеет, обязательно выздоровеет. Все пройдет и снова будет, как прежде.

В привокзальном кафе, как всегда в этот час, былолюдно и шумно. Участковый Сидоркин расставил на подносе свой незатейливый обед, состоявший из щей, битков и киселя, и окинул взглядом зал в поисках свободного места.

— Федор Иваныч, давай ко мне!

Он повернулся на голос. Из дальнего угла ему сигналил Степан, шофер из Апрелева. Он подошел, лавируя между столиками, и уселся на свободное место.

— Здорово, Степан. Чего там у вас слышно?

— А че? Коптим еще небо, слава Богу, — ответил тот, уписывая за обе щеки макароны, щедро политые каким-то коричневым соусом.

— Ты бы хоть кепку снял, — заметил, усмехаясь в усы, Сидоркин. — За столом все-таки.

Степан ответил ему широченной белозубой улыбкой, отчего его веснушчатый курносый нос пошел складочками, но кепку все же снял.

— А ты все воспитываешь, Федор Иваныч.

— Работа, Степа, такая.

Несколько минут они молчали, усердно работая челюстями. Наконец Сидоркин отодвинул от себя пустую тарелку и, ковырнув вилкой битки, взглянул на Степана.

— Значит, все тихо, говоришь?

— Да как сказать. Жизнь ведь она какая, хочешь не хочешь, а подкинет кренделей. Вчера вот Петр Алексеич, учитель, в больницу загремел.

— Что так?

— С сердцем чего-то. Я его в больницу и отвез. Ему, можно сказать, у меня в машине и поплохело.

В голосе Степана звучала неподдельная гордость, как у человека, оказавшегося в центре важных событий.

— Это жаль, — протянул Сидоркин. — Хороший он мужик.

— Хороший, — согласился Степан. — Я его на дороге недалеко от автобусной остановки посадил. Он мне тогда сразу странным показался. Весь как деревянный, лицо серое, а глаза... — Он замялся в нерешительности. — Испуганные, что ли. А как отъехали он и отключился. Ну и я напрямик в больницу. Мне там сказали, мол, молодец, вовремя привез.

— И впрямь молодец. — Сидоркин вытер усы платком и принялся за кисель. — Может, ты жизнь ему спас.

Степан приосанился.

— Только я все думаю, чего он так испугался. Ведь мужик-то не робкий. И парень тот...

— Какой парень? — Сидоркин почему-то насторожился.

— Парень с ним стоял. Разговаривали они.

— А какой он из себя?

— Парень как парень, ничего особенного. Не здешний, я тут всех наперечет знаю. Издалека, видно, пришел. Весь в пыли. Мелкий такой, жилистый, волосы клоками. — Степан живо изобразил, какие у того были волосы.

Вышло смешно, но Сидоркин даже не улыбнулся.

— Что еще помнишь?

— Да все. Я его мельком видел. Во, вспомнил! — Степан звонко хлопнул себя по колену. — Петр Алексеич, прям перед тем, как ему плохо стало, сказал: «Маша. Предупредить». Я тогда не понял, хотел переспросить, но тут такое началось — я все и забыл. А теперь вот вспомнил.

— Хм. Маша. — Сидоркин задумчиво потер рукой лоб. — И что за Маша, как думаешь?

— А кто ее знает? У нас ведь Маш, как коз. В каждом доме, почитай, коза Манька да дочка Машка. — Степан громко расхохотался, ему понравилось, как складно у него вышло.

Но Сидоркин опять не улыбнулся.

— Ты, Степа, погоди гоготать. Если увидишь еще где того парня, сразу же мне сообщи. Сумеешь?

— Обижает, Федор Иванович. Дело-то нехитрое.

— Ну, ладно. Бывай.

И Сидоркин вразвалочку направился к выходу.

В Москве вдруг похолодало, посерело, помрачнело, будто задули свечи на рождественском пироге. Откуда-то с запада напознала темнобрюхая лохматая туча. Закапал мелкий дождик. Тут и там уже пестрели зонтики. Продавцы книг поспешно укрывали свой товар длинными полосами целлофана.

Машина свернула с Охотного ряда на Большую Дмитровку, бывшую Пушкинскую. В глаза Вадиму сразу же бросилась ярко-зеленая вывеска с крупными золотыми буквами. «Джобис. Модная женская одежда». Иссиня-бледный манекен с неестественно выгнутой шеей манерно заламывал руки за сияющим стеклом витрины.

Вадим тронул Севу за плечо.

— Притормози-ка здесь. Я на минуточку.

— Вадим Петрович, здесь стоянки нет.

— Подождешь меня на Кузнецком, сразу за углом.

Увесистый охранник у входа с характерным коротким ежиком и квадратной челюстью окинул его беглым, цепким взглядом, как сфотографировал, и, явно расслабившись, отступил в угол.

В небольшом торговом зале скучали две молоденькие продавщицы в одинаковых красных пиджачках с золотыми пуговицами и синих коротких юбочках. Покупателей не было.

При виде Вадима они оживились и повскакали с мест, всем своим видом выражая готовность услужить клиенту. Вадиму достаточно было лишь взглянуть на однообразные ряды стояков с вешалками, чтобы понять, что он попал не туда. Монотонная черно-бело-бежевая гамма, струящиеся линии, консервативный покрой. Типичный гардероб светских дамочек средней руки.

— Вы ищете что-нибудь конкретное? — спросила у него одна из продавщиц.

— Вполне, но здесь этого явно нет.

Девушки приметно погрустнели.

— Мне нужны дамские джинсы. Не посоветуете, где можно купить?

Одна из девушек удивленно приподняла брови, как бы говоря: «И только-то!», пожалала плечами и отошла. Другая, еще раз мельком взглянув на Вадима, ответила:

— Попробуйте в ГУМе. Там много неплохих джинсовых магазинчиков.

Сева довольно долго петлял по узким улочкам, но, несмотря на все свои ухищрения, попал в пару пробок и наконец, чертыхаясь вполголоса, подрулил к ГУМу.

Вадим стремительно выскочил из машины. Времени оставалось в обрез. На четыре часа у него была назначена встреча в мэрии.

Войдя в первый попавшийся магазинчик, он сразу попал в совершенно иной мир. Из-под потолка приглушенно урчало что-то металлическое. С плакатов и развешенных по стенам футболок скалились черепа и причудливые монстры. Высокий парень в косухе с заклепками, перевалившись через прилавок, лениво переговаривался с ярко накрашенной девицей в крошечных кожаных шортах и огромных армейских башмаках на толстой подошве. Она хихикала и выдувала прямо ему в лицо пузыри из жвачки. Огненного цвета волосы торчали клоками в разные стороны.

Да-а, респектабельностью тут и не пахнет, подумал Вадим. Однако покупателей здесь было не в пример больше, чем в предыдущем магазине. С полдюжины тинэйджеров тусовались у стеллажей с джинсами, деловито переговариваясь и толкая друг друга локтями.

Парень и девушка у прилавка посмотрели на Вадима, как на ископаемое. Его изысканный песочного цвета костюм от Ромео Джильи был здесь явно неуместен. И когда я только успел так заматереть, с усмешкой подумал Вадим. Ведь вчера еще, кажется, был студентом и считал свой джинсовый костюм верхом крутизны и элегантности.

Он шагнул к прилавку.

— Я хочу купить джинсы. Дамские. — Он покосился на грубые башмачищи девушки, каким-то немислимым образом подчеркивающие незащищенную тонкость ее полудетских ног. — Что-нибудь женственное, но с изюминкой.

— Коли так, то вы зарулили прямо по адресу, — ответил парень. — Ну-ка, Кристина, подсуетись. Что-нибудь от Кельвина Кляйна.

Девушка лениво сползла со стула.

— Какой размер?

Вопрос поставил Вадима в тупик.

— Не знаю.

— Что же так? Приехали джинсы выбирать, а размера не знаете. Джинсы должны сидеть, как вторая кожа. Привезли бы свою девушку, она бы сама и выбрала.

Вадим представил себе Машу в этом колоритном вертепе и даже зажмурился от удовольствия. Как здорово, наверное, было бы водить ее по магазинам, выбирать вместе одежду, прикасаться невзначай к ее руке, смотреть в ее сияющие глаза. Он никогда раньше не занимался этим. А жаль!

— Обязательно привезу, но не сегодня. Сегодня мне придется выкручиваться самому. Вы мне поможете?

— Если смогу. — Девушка с интересом посмотрела на Вадима.

А если ее отмыть, причесать и перекрасить, была бы хорошенькая, подумал он. Слава Богу, что не дует пузыри мне в физиономию.

— Что ж, начнем, — деловито сказала она. — Рост?

— Сантиметров на десять повыше вас.

— Ясно. Сто семьдесят — сто семьдесят три. Талия?

Вадим замялся.

— М-м-м, я ее почти обхватываю руками.

Он показал, как именно. Парень у прилавка понимающе хмыкнул.

— Примерьте-ка на Кристине.

Вадим подчинился.

— Примерно.

— А дальше?

Вадим посмотрел на узенькие бедра девушки.

— Дальше — больше.

— Понятно. Тащи двадцать седьмой.

Джинсы понравились Вадиму. Светло-голубые, тонко выкроенные, без лишних наворотов.

— Как насчет аксессуаров? А то прямо как духи без упаковки. Ремень, натуральная кожа, браслет такой же. Могу посоветовать курточку в тон с кожаными вставками. Или вот топчик не хилый, до пупа, чтобы животик дышал. Если не понравится даме вашей, можете поменять.

Вадим купил все. Пробираясь с пакетом к машине, он все пытался вспомнить, когда в последний раз он был так по-мальчишески счастлив, и не мог.

1860 год

В последние дни Маша полюбила уединение. Она без устали гуляла в отдаленных уголках сада, наслаждаясь одиночеством, насколько это было возможно в ее положении. Сад был дик и запущен. Разросшиеся кусты дикой малины, жимолости, шиповника, давно уже не знавшие заботливой руки садовника, образовали непролазные заросли. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густые кроны деревьев. Даже захоти кто, и то с трудом разыскал

бы ее здесь.

Но никто, видно, и не хотел. Ни отец, ни мать не искали с ней встречи, полагая вопрос решенным. А она, как могла, избегала их. Завтракала ни свет ни заря, когда они спали. К обеду не выходила, то сказываясь больной, то без лишних объяснений исчезая в спасительной тишине сада. Раньше это вызвало бы шквал заботливых вопросов, милых ухищрений, ласковых намеков, но не теперь. Строптивая дочь не заслуживала заботы.

Так она впервые узнала цену родительской деспотии. И все спрашивала себя, всегда ли это было так. Спрашивала и не находила ответа. У нее просто не было случая в этом убедиться. Прежняя жизнь ее текла беззаботно и беспечно. Впервые ее чувства и желания вступили в противоречие с родительской волей.

Рассказ Вадима глубоко потряс и тронул ее, но нимало не поколебал. Умом она понимала настроение отца, мучимого старыми, незаживающими ранами. Но сердце бурно восставало против подобного диктата. Почему «дела давно минувших дней» должны ломать ее молодую, еще только распускающуюся жизнь? Кто дал отцу право распоряжаться ею?

Где-то поодаль хрустнула ветка. Маша вздрогнула и огляделась. Никого. С недавних пор у нее появилось чувство, что за ней неотступно кто-то смотрит. Не найдя тому подтверждения, она поспешила объяснить все своим нервическим, возбужденным состоянием.

Маша вновь погрузилась в свои мысли. Отец, видно, был столь уверен в ее покорности, что не стал ограничивать ее свободу. Она по-прежнему могла ездить когда и куда вздумается. Вчера она воспользовалась этим и нанесла визит Трегубовичу.

Это скорее был акт отчаяния, чем трезвый расчет. Вспоминая его холодные, прищуренные глаза, она понимала, что вряд ли сможет тронуть его сердце. Но надежда, крылатая трепетная надежда всегда умирает последней.

Она бросила поводья слуге и, не слушая его предостерегающих возгласов, вспорхнула по ступенькам. В холле никого не было. Она наугад распахнула одну из дверей. Он сидел в покойном кресле лицом к окну. Он был один.

— Антон Викентьевич! — проговорила она, задыхаясь.

Он еле заметно вздрогнул, поднялся и сделал несколько шагов ей навстречу.

— Мария Антоновна! Какой неожиданный сюрприз! — сказал он, с некоторым даже неудовольствием бросив взгляд в зеркала, которые с обычной беспристрастностью отразили полнеющую фигуру в атласном халате.

Ворот белоснежной рубашки, по-домашнему вольно расстегнутый, не стеснял гладко выбритых щек. Пестрый шелковый платок свободно обнимал шею. Она явно застала его врасплох. Гостей он сегодня не ждал.

— Простите мое незваное вторжение.

— Помилуйте, я всегда рад...

Маша нетерпеливо тряхнула головой. К чему этот ненужный обмен любезностями?

— Мне стало известно, что вы...

— Прошу вас, присядьте.

Он протянул к ней свою холеную, наманикюренную руку с золотым перстнем тонкой флорентийской работы. Чтобы избежать прикосновения, Маша прошла в комнату, теребя в руках хлыстик.

— Не желаете ли чаю?

— Вы сватались ко мне?

Она резко повернулась к нему и, вздернув подбородок, смело посмотрела ему прямо в глаза. Он не отвел взгляда, просто не смог. Она была умопомрачительно хороша в эту минуту. Щеки разрумянились от волнения и быстрой езды, грудь бурно вздымалась, золотистая прядь волос, выбившись из-под шляпки, змеилась по нежной белой шее. От одной мысли, что скоро, очень скоро это восхитительное существо будет принадлежать ему, в голове его помутилось. Руки непроизвольно потянулись к ней, жажда обладать ею прямо сейчас, не дожидаясь свадьбы. Чтобы скрыть свой бешеный порыв, он засунул руки в карманы халата, сжав их там в кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони. Он нервно облизнул вдруг пересохшие губы.

От Маши не укрылось его неожиданное движение. В его глазах она прочла такое безудержное желание, что в ужасе отшатнулась. Она оказалась не готова к такому недвусмысленному проявлению страсти. Ей вдруг стало страшно, как будто она заглянула в клокочущую бездну. Она сделала несколько неверных шажков назад и ощутила спиной холодную поверхность стены.

— Вам не следует меня бояться, — промолвил он, приближаясь неслышными шагами. — Особенно теперь, когда...

— Когда что? — с трудом проговорила она.

— Когда дело о свадьбе нашей решено, и решено окончательно. Ваш отец согласен.

— Но вы забыли об одной малости. Я не люблю вас.

Он лишь криво усмехнулся, всем своим видом соглашаясь со словом «малость». Маша вдруг поняла, что любовь не имеет для него никакого значения. Ему нужно ее тело, и ради этого он пойдет на все.

— Я всегда получаю то, что хочу. Всегда. С первой минуты, как я вас увидел, я понял, что хочу обладать вами. Хочу и буду. Соппротивление тут бесполезно. И чем раньше вы поймете это, тем лучше для вас, поверьте.

Маша рванулась к двери, но он опередил ее. Обхватив ее неожиданно сильными руками, он впился губами в ее шею. Маша вырывалась, но безуспешно. Он все крепче прижимал ее к себе. Она почувствовала, что сейчас потеряет сознание.

Неожиданно хлопнула дверь, и чей-то голос произнес:

— Барин, тут приказчик приехал.

— Вон! Сию минуту вон! — завопил в бешенстве Трегубович.

Жилы угрожающе вздулись на лбу. На мгновение он ослабил хватку. Маша рванулась и, почувствовав себя свободной, бросилась из комнаты.

Звездочка еще стояла у крыльца. Маша одним махом взлетела в седло, взмахнула хлыстом, и они исчезли в клубах пыли.

Теперь она сидела на поваленном стволе старой липы и, бессильно опустив руки на колени, размышляла. Отец не отступился, это ясно. От Трегубовича не следует ожидать ни сочувствия, ни милосердия. Ее опрометчивый визит к нему, который вспоминался сейчас как кошмарный сон, лишь усугубил положение. Значит, полагаться они могут только на себя. Они уедут куда-нибудь подальше от этих мест, туда, где их никто не знает, спрячутся, укроются и будут жить вдвоем, как родители Вадима, в один поцелуй, в один вздох. А если что-то сладится, если им помешают, что ж! Ведьмин пруд уже принял две жизни. Примет и ее.

При мысли о Ведьмином пруде, о страшном рассказе няни ей вдруг стало холодно, как

будто мрачные воды уже сомкнулись над ее головой.

Хрустнула ветка. Маша подняла глаза. Перед ней стоял беглый конюх Николай.

Он возник так неожиданно, что Маша даже не успела испугаться. Стоял перед ней, как леший, оборванный, грязный, с почерневшим лицом. Только странные белые глаза его, казалось, и жили на нем.

Маша украдкой осмотрелась. Никого. Да и кто здесь может быть? Звать на помощь? Бесплезно. Не услышат. Да и зачем он здесь? Неужели злодейство какое-нибудь замыслил?

— Ты что, Николай? — спросила она тихо. — Вернулся?

— А я и не уходил никуда. За тобой, барышня, смотрел.

Значит, предчувствие не обмануло ее. Недаром она всей кожей эти дни чувствовала на себе чей-то взгляд.

— Отчего?

— Оттого, что я должен спасти тебя. От того упыря плешивого.

— И как же ты меня спасешь? — спросила Маша, невольно улыбаясь описанию Трегубовича.

— Зарежу его, — спокойно ответил Николай. — И того, другого, тоже зарежу, потому как ты, барышня, мне назначена. Моей и будешь.

Бред какой-то, подумала в смятении Маша. Она ясно видела огоньки безумия в его глазах. Что же это происходит со мной? Весь мир сошел с ума.

— Поди прочь! — отчаянно закричала она, вскочив на ноги и занеся руку для удара. — Поди прочь от меня! Поймают тебя, засекут на конюшне.

Но ударить его ей не пришлось. Он вдруг съежился и канул в кусты.

Маша бросилась бежать по тропинке к дому. Страх не было, хотя она понимала, что чудом избежала опасности. Гнев душил ее. Все как обезумели, рвут ее на части, кричат: «Мое, мое!» Совсем как у Пушкина в «Евгении Онегине». Никто не смеет так обращаться с ней. Отныне она сама себе хозяйка и сможет решить свою судьбу.

* * *

Маша вернулась домой, и чем дальше она отъезжала от больницы, тем легче становилось у нее на душе. Она даже принялась тихонько напевать. Жизнь так многолика, так прекрасна, все проходит. Петр Алексеевич поправится. Сегодня приедет Вадим, и между ними снова начнется то чарующее колдовство, когда простые, знакомые слова приобретают неведомый доселе смысл, глаза говорят много больше, чем смеет произнести язык, а тела живут своей особенной жизнью, воспламеняясь от малейшего прикосновения. Ее путали и завораживали эти превращения. Она ощущала себя песчинкой в буйном водовороте чувств, который она не в силах ни остановить, ни даже контролировать. Она стала заложницей самой себе, добровольной пленницей в сетях любви. Может быть, когда-то, в самом начале, она еще могла вырваться и отступить, но не теперь. Теперь уже слишком поздно. Будущее, которое в столь мрачных красках рисовала перед ней мать, нисколько не волновало ее. Пустой звук, не более. Главное, что сегодня она увидит его.

Все еще напевая, Маша взлетела по ступенькам крыльца и остановилась как вкопанная. Мать была не одна. Они сидела за столом с помертвевшим, тусклым лицом и неподвижными глазами смотрела прямо перед собой. Ее гость сидел спиной к Маше, но еще до того, как он

повернулся к ней, она поняла, кто это. Узнавание было мгновенным и чудовищно болезненным, как удар ножа в сердце.

Все ее кошмары, страхи, бессонные ночи, старательно распиханные по углам памяти, в мгновение ока вернулись к ней. Она опять стала перепутанной, трясущейся девочкой из своих снов. Маша вдруг как бы увидела себя со стороны и содрогнулась от омерзения. Она не хочет, не может быть такой.

Вадим любит совсем другую женщину, сильную, независимую, смелую. Вадим. Воспоминание о нем придало ей силы.

— Здравствуй, Коля.

Он стремительно вскочил. Стул покачнулся и с грохотом упал на пол. Боковым зрением она увидела, как дернулась мать.

— Жавороночек!

— Не зови меня так.

— Жавороночек, — повторил он упрямо.

Он сделал шаг в ее сторону. Белесые глаза прикованы к ее лицу, желваки так и ходят на обтянутых кожей скулах.

— Ты ведь не боишься меня, правда? Она вот боится. — Судорожный взмах подбородком в сторону матери.

— Нет. — Маша покачала головой. — Нет.

— Не боишься, — как-то удивленно проговорил он. — А все боятся.

— Кто?

— Все. И курносая, и старик, и та, на станции. Но не ты.

О ком это он, подумала Маша. Говорит, сам не знает что.

— Хорошо тебя упрятали. Думали, не сыщу. Следы запутывали, кругами водили демоны. Но ты не бойся, я их одолел.

Бред какой-то, пронеслось в голове у Маши. И как они его такого выпустили? Его же лечить надо.

— Ты болен, Коля. Поедем, я отвезу тебя к врачу.

— К врачу-у... — с подвывом пробормотал он. — Знаю я этих врачей. Лечили уже, говорили, нет никакого жавороночка, а сами спрятали.

— Никто меня не прятал. Я сама уехала.

— Сама? — недоверчиво переспросил он.

— Сама.

— От меня сбежать хотела? — Глаза его сузились.

Маша невольно кивнула.

— От меня не сбежишь. Ты у меня вот где, — он хлопнул себя по левой стороне груди. — Огнем выжжена. Ты живи пока, но знай, что я, как пес, каждый твой шаг сторожить буду. Любого порешу, кто близко подойдет. — Он судорожно рванул футболку у горла. — Душно тут у вас. Пойду. А ты думай.

Он пошел к двери, с порога оглянулся, обшарил глазами пол.

— Наследил я тут у вас. Ну, ничего, подотрете.

Они изумленно посмотрели на пол. Он был совершенно чист.

— Зажги свечи, — попросила Маша.

Вадим щелкнул зажигалкой. Комната погрузилась в полумрак. Золотистые живые

огоньки закачались над столом. Вадим зажег свечи в другом канделябре, поставил его на пианино, любовно погладил крышку.

— Только вчера привезли, — сказал он. — Старый испытанный друг. Я на нем играл, еще когда учился в музыкальной школе.

«Петров», прочла Маша, откинув крышку.

— Хороший инструмент. А у меня всю жизнь «Аккорд» был. Дрова, как говорили знающие люди. Но ничего, играл. — Маша улыбалась своим мыслям. — Я его любила, но... пришлось оставить его там, в прежней жизни. Ну правда, не тащить же его было в деревню.

— Почему бы и нет. Музыка, она и в деревне музыка. Подумай, как классно: ночь, окно настежь, ветки сирени, собачий лай и «Лунная соната».

Маша присела за пианино, задумчиво прошлась пальцами по клавишам.

— «Я ехала домой... Душа была полна...» — вполголоса запела она.

Чарующий звук ее голоса, переливающийся каскад звуков, неверный свет свечей — все было исполнено неизъяснимой прелести. Вадим подошел и встал рядом. Не хотелось ни о чем думать, просто слушать ее и смотреть на порхающие по клавишам тонкие пальцы.

— «Я ехала домой... Я думала о вас...» — пела Маша, и голос ее, как черный бархат, ласкался к его лицу, будя смутные образы звездного неба, теплой южной ночи, волн, набегающих на песок.

Он присел рядом и принялся подыгрывать ей на басах. Получилось красиво. Романс плавно перешел в блюз, потом в песенку Окуджавы про виноградную косточку.

— Послушай-ка вот это, — сказал Вадим и заиграл что-то незнакомое. Вальс.

Слова были странные, изломанные, как зимние ветки на фоне серого, сумрачного неба. В сердце незаметно, украдкой пробралась грусть и свернулась там дымчатым клубочком.

— «Бледные губы — примета зимы. Нервные руки — примета, что кто-то умрет, но, может, не мы».

— Но, может, не мы, — прошептала Маша. — Может, не мы.

Вдруг вспомнились слова Коли: «Любого порешу, кто близко подойдет». Ужасный смысл этих слов только сейчас до конца открылся ей. Вадим подошел к ней так близко, как только возможно. Она обязана предостеречь его.

Не хотелось портить вечер рассказами о Коле. Это было слишком уродливо, слишком гадко. Но ничего не поделаешь. Он должен все, все о ней знать.

— Я буду молиться за тебя, — повторила Маша слова песни. — Очень красиво. Кто автор?

— Павел Кашин.

— Никогда не слышала.

— Он появился не так давно. Молодой петербургский мальчик. Делает совершенно необыкновенные вещи, вот вроде этой. Новый декадент конца двадцатого века. Я привезу тебе кассету.

— Спасибо. Вадим, я должна тебе кое-что сказать.

— Если это о твоей маме и ее апокалиптических предсказаниях, то лучше не надо. Я уже сказал тебе все, что об этом думаю.

— Нет, это... Вадим, подожди!

Он целовал ее волосы. Мысли путались.

— Вадим, выслушай меня. Тебе грозит опасность.

— Точно. Опасность свихнуться от любви. Я не видел тебя целую неделю. И все это

время ты была со мной. Сколько раз я прикусывал себе язык, чтобы не назвать кого-нибудь Машей. Я слышал твои шаги в моей пустой квартире и носился по ней как очумелый в надежде увидеть хотя бы твою тень. Каждую ночь ты приходила ко мне во сне, и мы занимались любовью, упоительно, самозабвенно, как не бывает в реальной жизни. У тебя родинка над левой грудью. Я целовал ее.

Не говоря ни слова, Маша расстегнула пуговицы на груди. На нежной коже, золотистой в свете свечей, темнела бархатная родинка. Вадим прикоснулся к ней губами.

— Как во сне, — прошептал он.

Его руки на ее груди. Его губы на ее коже. Раздражающая шероховатость ткани. Их тела жаждали соприкоснуться, слиться воедино, нетерпеливо избавляясь от всего лишнего.

Она лежала под ним, горячая, трепещущая. Волосы разметались по ковру. Вадим положил ее ногу к себе на плечо, скользнул языком по шелковистой поверхности бедра. Маша вдруг ощутила себя такой открытой, незащищенной, маленькой. Она притянула к себе его голову и тут почувствовала, как он вошел в нее.

От неожиданной резкой боли она вскрикнула. Вадим замер, внимательно вглядываясь в ее лицо.

— Маша, ты...

Она зажмурила глаза.

— Девочка моя, почему ты не сказала мне?

Она молчала, крепко закусив губы.

Он нежно гладил ее по волосам, целовал глаза, шею, плечи. Его губы, его пальцы были везде. Тягучая сладость потекла по ее телу туда, где она особенно остро чувствовала его. Маша застонала и вся подалась ему навстречу. Он заскользил в ней, медленно, изнуряюще медленно, проникая все глубже и глубже.

— Я люблю эту боль, — прошептала, задыхаясь, Маша. — О, Боже, как я люблю эту боль.

Свечи догорали. В их мерцающим свете каштановые волосы Маши отливали старым золотом. Ее головка покоилась у него на груди. Вадим не видел ее лица, но чувствовал, что она улыбается. Ее тело оживало под ласковыми прикосновениями его пальцев. Она так прекрасна, его возлюбленная, прекрасна, как сама любовь. Они еще только начали познавать друг друга. Ему предстоит обучить ее всем тонкостям этой сладостной науки, разбудить ее великолепное тело. Она сама себя не знает, не ведает, какое изумительное наслаждение могут дарить друг другу два любящих существа.

— Как ты чувствуешь себя?

— Божественно. — Маша потянулась, теснее прижимаясь к нему, приподнялась на локте, заглянула к нему в лицо. — Никогда не думала, что у мужчины может быть такое тело. Ты знаешь, что ты очень красив?

— Догадываюсь.

— Хвастун!

— Нет. Просто я верю тебе на слово. Если ты считаешь, что я красив, так оно и есть.

— И тебе никогда этого не говорили?

— В таких выражениях нет. Скажем так, мне давали это понять.

— А как?

— Показать?

— Конечно.

Вадим не смог сдержать улыбку, стиснул ее в объятиях и поцеловал.

— Ты — чудо, Маша. Но лучше пойдем в спальню. Там нам будет удобнее.

Стараясь ступать неслышно, они вышли в коридор. Однако, несмотря на их старания, из ближайшей двери тут же высунулась голова Севы.

Глядя на его отвисшую челюсть и округлившиеся глаза, Маша вдруг вспомнила, что они забыли одеться. Она охнула и спряталась за Вадима. Тот, однако, остался невозмутим.

— Что, не спится? — не моргнув и глазом, спросил он.

— Э-э, я... Так, почудилось что-то.

— Бывает. Спокойной ночи.

Он церемонно предложил Маше руку. Она в полной растерянности оперлась на нее, и они грациозно удалились.

Сева остолбенело глядел им вслед. На его губах блуждала дурашливая, восхищенная улыбка. Во шеф дает! И как это у него все так естественно и красиво выходит?

1860 год

Свечи догорали. В их меркнувшем свете каштановые волосы Маши казались золотыми. Вадим протянул руку и бережно убрал прядь волос с ее лица. Она сладко спала у него на плече, чему-то улыбаясь во сне.

Маленький охотничий домик приютил их и на этот раз, сегодня, когда она стала его тайной женой. Восторг теснил его грудь, будоража и прогоняя сон.

Он обожал глазами комнату, останавливаясь на каждом предмете, на каждой маленькой вещице, стремясь навсегда запечатлеть их в своей памяти. На стуле белело ее платье и еще какие-то восхитительные воздушные тряпочки, которые он обожал за одно то, что они прикасались к ее телу.

Она подарила ему всю себя, без остатка, без страха и сомнения. Бурные, неистовые ласки скрепили их союз. Весь мир, безумный, беспощадный, восстал против них, но любовь не знает запретов. Они созданы друг для друга и лишь смерть сможет разлучить их.

— Отныне я твой раб навеки. Распоряжайся моей жизнью, — сказал он ей сегодня, и это была правда.

Он готов был целовать землю, по которой она ступала, готов стать самой землей, пылью под ее ногами. И это он, Вадим Серебряков, закоренелый сердцеед и повеса, истинный сын своего отца. Во всем, во всем! Видно, семейство Апрельевых имеет с ними, Серебряковыми, мистическую, фатальную связь.

Арсений Хомяков, а они были друзьями уже не первый год, сначала подтрунивал над его частыми отлучками и рассеянным взглядом, все намекал на некую деревенскую сильфиду, а после бала у генеральши вдруг притих, глядел внимательно и пытливо.

— Значит, ты все же добился своего, — сказал он ему наконец. — А я так старался, чтобы этого не произошло.

— Судьба, друг Арсений, судьба. — Вадим изо всех сил старался выдержать легкомысленный тон, к которому они оба привыкли. — От нее не уйдешь. Я влюблен.

— В который раз, — в тон ему произнес Арсений и добавил взволнованно: — Пойми, эта девушка не для тебя.

— Это отчего же?

— Она слишком хороша, слишком чиста и возвышенна. Если она полюбит, то полюбит не шутя. Ты лишь разобьешь ей сердце. Если наша дружба для тебя что-нибудь значит, отступишь, пока еще не поздно. Прошу тебя, Вадим.

Вадим с сочувствием посмотрел на друга. И он тоже... Как это он раньше не замечал?

— Ты тоже любишь ее? — спросил он тихо.

— С самого детства. Ее и только ее.

— Отчего же не женился?

— Она меня не любит. Я всегда был ей только другом.

— Поверь, Арсений, это не шутка, не каприз и не игра. Это — любовь. Та самая, единственная, которую ждешь всю жизнь, хотя и знаешь, что она никогда не придет. Ко мне пришла.

— А она? Хотя о чем это я спрашиваю? Я же помню ее лицо, там, на балу. Я еще тогда все понял. Какая чудовищная мука!

Он стоял перед Вадимом, набычившись, кусая губы. Лицо его было бледно.

— А тебе известно, что ее сватает Трегубович?

— Слышал.

— Ну, вышла бы она за него. Что бы ты чувствовал тогда?

— Н-не знаю. Но не было бы так страшно больно. Она же его не любит.

Вадим смотрел на своего старинного друга и не узнавал его. Перед ним стоял совершенно чужой человек, слабый, жалкий, измученный.

— Помилуй, Арсений, что ты говоришь? Это какой-то изуверский, звериный эгоизм. Ты просто не знаешь, что такое любовь.

— А ты, несомненно, все о ней знаешь! — вскричал Арсений. — Конечно, ты счастлив, ты любим. Тебе легко.

— Любить никогда не легко, поверь мне. Но даже если б я был несчастлив, я никогда не пожелал бы своей любимой такой страшной участи, как жизнь с ненавистным человеком. Это так мелко, так низко. Это недостойно тебя, Арсений.

Арсений упал в кресло и провел руками по лицу, будто стирая налипшую паутину. Руки его дрожали.

— Ты прав. Я совсем обезумел. Не могу забыть, какая она была тогда. Светилась вся.

В комнате повисло неловкое молчание. Им вдруг стало нечего сказать друг другу. Как все зыбко и неверно в этом мире, подумал Вадим. И какие мы беспомощные рабы своих чувств.

— Если хочешь, я уеду. Сниму квартиру где-нибудь в городе.

— Нет, нет, что ты, — воскликнул Арсений. — Мы так давно друг друга знаем. Между нами не может быть никаких недомолвок, слышишь. Ты... — Он запнулся. — Вы оба всегда можете рассчитывать на меня.

Вадим просиял. Он все же не ошибся в нем.

— Спасибо. Я это знал.

Друзья крепко пожали друг другу руки, а потом и обнялись.

Вадим проснулся, когда утро уж вовсю куролесило за окном. Солнце давно встало и проникло в комнату через полураспахнутые занавески. Один озорной лучик пробрался на кровать и настойчиво щекотал ухо Вадима, словно говоря: «Вставай, соня, не время нынче

спать!» Птицы гомонили без умолку в разросшихся кустах шиповника. Их ликующие утренние трели окончательно разбудили его.

Вадим приподнялся на подушке и огляделся. Комната была пуста.

— Маша! — позвал он вполголоса. — Маша!

Но никто не ответил ему. Маша исчезла. Или не была здесь вовсе и ему все пригрезилось? Нет, нет, не может быть! Комната еще полна была ее незримым присутствием. Вадим зарылся лицом в подушку. Она хранила тонкий аромат ее волос. Сердце бешено забилося и ухнуло куда-то вниз.

Она была здесь, с ним. Они любили друг друга, и все было таким простым и ясным. Она пришла, чтобы остаться навсегда. Слова эти не были произнесены, что в них нужды, если так красноречиво говорят глаза, губы, руки.

Почему же она ушла? Одно только мог предположить Вадим. Она решила в последний раз объясниться с отцом и матерью, достучаться до их сердец, сохранить то драгоценное, что их доселе связывало. Милая, бедная, любимая Маша! Как ей трудно сейчас! Как мучительно покидать родимое гнездо, где она столько лет была покойна и счастлива.

Он должен быть с ней. Бог весть, что сейчас делается в Апрелеве. Он явится к ее отцу и попросит ее руки, а там — будь что будет.

Вадим быстро собрался, вскочил в седло и пустил Цезаря в галоп. Он мог бы и не погонять своего вороного. Благородный конь, будто почувствовав настроение хозяина, стрелой несся по знакомой дороге, которую они не раз проезжали вместе. Не прошло и четверти часа, как вдали, за зеленью лип, забелел колоннами господский дом...

На стук копыт из дверей выбежал слуга в потертой ливрее и лаптях. В любой другой момент Вадима позабавил бы подобный контраст, но не теперь.

— Доложи барину, что к нему приехал Вадим Петрович Серебряков по важному делу. Да он дома ли?

— Дома, дома, — залепетал тот, кланяясь. — Сию минуту.

Он принял поводья, привязал Цезаря к коновязи и исчез в доме. Вадим огляделся. Никого больше видно не было. Все вокруг как вымерло. Вадиму вдруг показалось, что в окне второго этажа мелькнуло чье-то бледное лицо, мелькнуло и пропало. Он так и не успел понять, мужчина это или женщина.

Появился давешний слуга.

— Барин просит вас в кабинет.

Вслед за слугой Вадим вступил в просторный холл. Кабинет располагался в левом флигеле. Слуга постучал согнутым пальцем в дверь, распахнул ее перед Вадимом и отступил. Вадим вошел и огляделся.

Комната эта составляла разительный контраст с ослепительным светом сияющего за окнами летнего дня. Потемневшие от времени дубовые панели стен придавали ей мрачный вид. Мебель, бывшая в моде еще во времена Николая I, была сплошь темного дерева. Перед Вадимом была обитель угрюмого, консервативного человека, которой не коснулась изящная женская рука.

Под стать кабинету был и его хозяин, высокий, грузный, с надменно оттопыренной нижней губой. Вадим тщетно искал в его лице черты сходства с Машей, искал и не находил.

— Милостивый госуда-арь! — неприятным, слегка гнусавым голосом протянул он. — Чем обязан?

Когда вошел Вадим, он перебирал у стола какие-то бумаги, да так и остался стоять с

листочками в руках.

— Павел Петрович, вы, верно, знаете, кто я.

— Не имею чести.

— Вадим Петрович Серебряков, — чуть удивленно отрекомендовался Вадим. — Я приехал просить руки вашей дочери Маши.

— Что-о-о?

Лицо Павла Петровича побагровело, щеки мелко затряслись. От былой надменности не осталось и следа.

— Как посмели вы, сын убийцы, явиться сюда?! — вскричал он в ярости. — Вы соблазнили мою дочь. Осквернили своим мерзким присутствием этот дом. Убирайтесь немедленно, или я...

Щеки Вадима вспыхнули от невиданного оскорбления. Глаза засверкали. Руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Вы не имеете права называть убийцею моего отца, — сказал он твердо. — Дуэль не убийство. Кроме того, вызов прислал ваш отец.

— Щенок! — завопил Павел Петрович.

Жилы на его шее угрожающе вздулись. Вадиму показалось, что его сейчас хватит удар.

— Щенок! И он еще смеет рассуждать о правах. Вон! Сию минуту вон! Иначе я велю своим людям вышвырнуть вас отсюда.

— Не трудитесь, — ледяным тоном ответил Вадим. Ему стоило невероятных усилий сдерживать себя. — Я ухожу.

В холле его поджидала маленькая сторбленная старушка в платке. На ее коричневом морщинистом лице застыло скорбное выражение. Вадим сразу понял, кто перед ним. Маша много рассказывала ему о своей няне.

Вадим стремительно подошел к ней и, снизив голос до шепота, спросил:

— Где Маша?

— Заперта наверху. Ох, батюшка, и наделали вы дел!

Вадим быстро огляделся и, убедившись, что никого нет, сунул ей в руку записку.

— Передай Маше, нянюшка, и скажи, чтобы ничего не боялась.

Из коридора донеслись шаги. Старушка быстро спрятала записку. Со вздохом перекрестила его дрожащей рукой.

— Бог с вами.

Вадим кивнул ей и вышел.

* * *

Лиля сама позвонила Арсену. Не то, чтобы ей очень хотелось его видеть, нет. Просто, поразмыслив, она поняла, что он единственный человек, с которым она может быть полностью откровенной. Ну, не совсем, конечно, почти. Ей необходимо было выговориться. Груз нереализованных эмоций давил на ее сознание, и она инстинктивно искала для него выход. Впрямую она никак не могла чувствительно задеть Вадима, достойно поквитаться с ним. Оставалось только строить радужные планы относительно того, как она достанет его через эту деревенскую девку с драными коленками.

Лиля подолгу лежала в кровати, предаваясь сладостным мечтам. Можно ее убить, или

искалечить, или попросту плеснуть в лицо кислотой. Да, так, пожалуй, даже лучше. Она уже видела, как Вадим с невольной гримасой отвращения склоняется над ее обезображенным лицом и вдруг понимает, что он не в состоянии больше целовать, ласкать, любить ее. Его придуманная страсть рассеивается как мираж, истина открывается ему, и он понимает наконец, что он потерял.

А еще можно нанять с полдюжины бомжей погрязнее, чтобы они подстерегли ее где-нибудь и оттрахали, чем извращеннее, тем лучше. И желательно в его присутствии. Тогда он точно к ней и пальцем больше не притронется.

Мечты, мечты! Она купалась в них, наслаждаясь своим воображаемым могуществом, и в то же время прекрасно сознавала, что ничего этого никогда не сделает. Просто не сможет. Не из этого теста сделана. Кроме того, в глубине души она понимала, что Вадима этим не вернешь.

Проблема в том, что Лиля не могла быть одна. Рядом непременно должен находиться любящий мужчина, богатый и уважаемый, который создавал бы ей определенный статус, вывозил в свет, заботился о ней. Чем старше она становилась, тем чаще посещали ее мысли о замужестве. Детей она не хотела, упаси Бог. От них одна головная боль, да и фигуру можно потерять. От одной мысли, что живот ее раздуется до невероятных размеров, а грудь отвиснет, ее бросало в дрожь. Вадим был единственным мужчиной, которому она согласилась бы родить ребенка, да и то не сразу. Они бы еще погуляли, а там, может, и вопрос отпал бы сам собой, как знать.

Лиля в который раз поймала себя на том, что продолжает думать о Вадиме. Впервые в жизни разрыв произошел не по ее инициативе. Это задевало ее самолюбие, раздражало, сбивало с толку, мешало спокойно разобраться в себе. А может быть, все гораздо серьезнее?

Не будь дурой, твердила себе Лиля. Что толку распускать сопли и рвать на себе волосы? Это еще никогда никому не помогало. Надо встряхнуться, почистить перышки и постараться снова взлететь.

На свете полным-полно мужчин, готовых все отдать за один ее благосклонный взгляд. Арсен, к примеру, по уши в нее влюблен и ждет не дождется своего шанса. До сих пор его останавливала только дружба с Вадимом. Теперь это препятствие отпало.

Он, конечно, не Ален Делон, но очень мил, воспитан и обходителен. И богат. У него своя строительная компания, подряды и от правительства, и от крупных денежных мешков. Он вхож в самые высшие сферы. И кроме всего этого, у него есть еще одно крупное достоинство — ребенок от первого брака. Значит, жажда отцовства уже удовлетворена в какой-то степени. Кажется, у него девочка.

Жаль, что не сын. Мужчины почему-то всегда хотят иметь сына.

Не раздумывая больше, Лиля решительно набрала номер Арсена.

В этот вечер в ресторане «Якорь» на Тверской было не оченьлюдно. Многие столики пустовали. Лиля огляделась по сторонам. Стильно, но уж слишком уважаемо. Ей нравились места шумнее, где царит веселая, разгоряченная толпа и откровенно восхищенные взгляды мужчин волнуют кровь. Здесь о подобном и помыслить было нельзя.

— Тут очень мило. Вадим... — Она запнулась. Черт, какой прокол! И когда только это имя перестанет соскакивать у нее с языка. — Он никогда не приводил меня сюда.

Под мягким взглядом его карих глаз она вдруг занервничала. Похоже, это будет совсем не так просто, как она предполагала.

— Вадим не очень любит этот ресторан. Он у нас клубный человек, ты же знаешь, — спокойно сказал Арсен. — А сюда иногда водит интересных деловых партнеров, когда нужно произвести впечатление широтой размаха. Великолепная кухня, отличный сервис и все такое. Кстати, — добавил он, — ничего страшного, если мы поговорим о нем. Это ведь не запретная тема, верно?

Он видит меня насквозь, подумала Лиля. Как неприятно, будто в рентгеновском кабинете.

— Не запретная, но и не самая интересная.

— Вот как!

Впрочем, он не стал продолжать эту тему и занялся меню. Никто не умел так заказывать, как Арсен. Он делал это с наслаждением гурмана. Казалось, что предвкушение для него приятнее, чем сам процесс поглощения пищи. Однако его объемистый живот говорил об обратном.

— Что будешь заказывать, Лилечка?

Она небрежно скользнула взглядом по меню. Изысканно отпечатанные строчки на белоснежной мелованной бумаге. Какая скука! Есть ей совсем не хотелось.

Перевернув не глядя несколько страниц, она наугад ткнула длинным наманикюренным ноготком в первую попавшуюся строчку.

— Соте из лягушачьих ножек. И бокал шабли.

— И это все? — разочарованно протянул Арсен.

— Все.

— Нет, так не пойдет. Придется взять это дело на себя. Я буду сам тебя кормить. — Он кивнул официанту, неподвижно вытянувшемуся поодаль. — Для начала дюжину устриц и бутылку «Клико». Затем соте из лягушачьих ножек, омар «термидор» и порцию эскарго. Да, и еще шабли.

— Гарнир?

— Свежие овощи. Десерт закажем позднее.

— Неужели ты все это съешь? — поддела его Лиля.

— Не я, а мы. Готовят здесь действительно превосходно, сама убедишься. Маленькая пищевая оргия тебе не повредит.

И не пищевая тоже, вдруг подумала Лиля. Она искоса посмотрела на Арсена. Впервые она рассматривала его как возможного кандидата в свою постель. Результат был неутешителен. На роль жилетки, в которую при случае можно поплакаться, он подходил куда лучше.

— Как твоя дочка? — неожиданно спросила Лиля.

— Неплохо. — Арсен с удивлением посмотрел на нее. Сколько он ее помнил, этот вопрос ее никогда не волновал.

— Сколько ей лет?

— Почти шесть. Скоро в школу пойдет. Я уже подыскиваю подходящий вариант.

— Не рано ли?

— В самый раз. Дело-то нешуточное.

— А твоя жена? Я хотела сказать, бывшая. Она работает?

— Конечно, нет, — ответил он, не переставая удивляться ее расспросам. — Она достаточно обеспечена, чтобы полностью посвятить себя Сусанне.

— Значит, дочку зовут Сусанной?

— Шушаник, как мою маму. — Он улыбнулся, и его лицо стало по-детски светлым и незащищенным. — Она такая милая маленькая плутовка.

Лиля вдруг почувствовала необъяснимую ревность к этим незнакомым женщинам. Эта часть его жизни ей неподвластна. Она пожалела, что затеяла этот разговор.

А Арсен уже всю расписывал ей дочку, ее милые ужимки, смешные маленькие словечки и песенки, крошечные ручки и сладкие топчущие ножки. И столько в его рассказе было умиления и любви, что Лиля все больше раздражалась.

— Что ж ты развелся, если такой преданный папаша? — спросила она наконец, окончательно потеряв терпение.

Арсен поперхнулся словами и так и застрял посреди фразы. К счастью, официант принес устриц. Негромко хлопнула пробка, шампанское, пенясь и искрясь, устремилось в бокалы.

Взмахом руки Арсен отпустил официанта и занялся устрицами. Он ловко щелкал щипцами, расщепляя раковины, капал лимоном и глотал, не жуя. Он молчал и смотрел на нее. Лиля тоже молча рассматривала лежащего перед ней на тарелке моллюска. Его слизистая желтоватая плоть казалась живой. Она медленно поднесла раковину к губам и на мгновение почувствовала на губах вкус моря. Ей вдруг стало жаль Арсена. Какая она все-таки стерва!

— Тебе не нравится?

— Нет. Ты прости меня, Арсен, я сказала глупость.

— Да что там. Я сам кругом виноват. — Он поднял бокал и посмотрел на лениво всплывающие пузырьки. — Я слегка распоясался тогда. Успех в голову ударил. Жена меня застукала с секретаршей, так сказать, со спущенными штанами.

— И что? — Лиля с трудом скрывала любопытство.

— Все. Выставила меня окончательно и бесповоротно. К дочке, правда, пускает. Даже разрешает ей гостить у меня.

— У нее есть кто-нибудь?

— Насколько я знаю, нет. Она такая домоседка, никуда не ходит, ни с кем не встречается.

— А ты не хотел бы вернуться?

— Раньше хотел, сейчас нет.

Он прямо посмотрел ей в глаза. Лиля затаила дыхание. Вот он, момент истины.

— И что же такое произошло? — спросила она с наигранной небрежностью.

— Брось, Лиля. Не надо играть со мной. — В голосе его звучало нечто очень похожее на досаду. — Ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь.

— Представь себе, не знаю. Я недогадлива.

— Я люблю тебя. Ты — лучшее, что появилось в моей жизни с момента рождения дочери. Я прошу тебя быть со мной.

Упоминание о дочери опять неприятно кольнуло Лилю. Надо же, и в такой момент не может забыть о ней. Она зябко повела плечами. Ничего, с этой проблемой она как-нибудь разберется. Арсен тем временем продолжал:

— Я не тороплю тебя с ответом. Подумай. А я так долго ждал, что подожду еще немного.

А сам-то ты хорошо подумал, мелькнуло в голове у Лили. Я тебя, милый мой, ни капли не люблю и все равно бешусь при каждом напоминании о твоей бывшей семье. А тебе

каково будет?

— Ты не станешь ревновать меня к моему прошлому? — спросила она, вставляя в мундштук сигарету.

Арсен неловко защелкал зажигалкой. Огонек все никак не загорался. Откуда-то, чуть ли не из воздуха, возник официант и поднес ей свою. Лиля с наслаждением затянулась. Официант исчез.

— Что... что ты имеешь в виду?

К великому изумлению Лили, полные щеки его покраснели. Откровенно забавляясь, она протянула ему пустой бокал. И опять его опередил официант. Откуда он только берется, подумала Лиля. Вот уж, действительно, сервис. Прямо-таки человек-невидимка.

Арсен молча ждал, пока янтарная жидкость не наполнит бокал. Его радовала эта минутная передышка.

— Почему ты об этом спросила?

— Но это же очевидно, — ответила Лиля, почти залпом опустошив бокал. — Вы с Вадимом такие друзья. Ты в курсе всех его дел, он — твоих.

На этот раз Арсен был проворен, долил ей шампанского сам и просигналил, чтобы принесли еще.

— Не понимаю, какое это имеет отношение ко мне...

Лиля хихикнула. Шампанское ударило ей в голову. Сколько раз говорила себе не курить, когда пьешь. Ну и ладно, так даже лучше.

— Разве он не рассказывал тебе, как мы с ним развлекались в постели?

— Мы никогда...

— Да брось ты! Вы, мужчины, такие сплетники, похлеще нас, женщин.

— Лилечка, ты напилась.

— Чушь! Вернее, совсем немножко. Я еще долго собираюсь сегодня пить. Шампанское здесь отличное. Значит, ты ничего обо мне не знаешь. А жаль! Я думала, что тебя не придется ничему учить.

Что я здесь делаю, подумала Лиля. И чего он смотрит на меня своими глазами, как побитая собака. Ах, да, он же в меня влюблен! Надо встряхнуть его как следует, а то совсем скис.

Она скинула туфельку и скользнула босой ступней по его ноге.

— Давай закруглим эту обжираловку и поедем ко мне. Посмотрим, на что ты способен.

Арсен поймал под столом ее ногу, на секунду задержал в ладонях и отпустил.

— Зачем ты так? Я же серьезно.

— Ах, серьезно! Извини, я забыла, что вы оба серьезные люди. И Вадим Петрович, тоже вполне серьезно, отпасовал тебе ненужную любовницу. Вот это стиль! Только странно, что без необходимых комментариев.

Она уже не помнила, что сама позвонила ему и назначила эту встречу, и совершенно искренне чувствовала себя оскорбленной. Она сумеет постоять за себя, она им обоим еще покажет, она...

— Лиля, — сказал он тихо. — Я прошу тебя стать моей женой.

Ну и жарыща сегодня, подумал Сидоркин, борясь с желанием расстегнуть верхнюю пуговицу форменной рубашки. Так и парит. Воздух был тяжелый, душный, весь пронизанный электричеством. Не иначе как гроза идет. Скорее бы.

Сидоркин поморщился и закрутил головой, сиюсь прогнать свинцовую тяжесть, разливающуюся по затылку. Воротничок сильнее врезался в шею. Эх, расстегнуть бы пуговицу и вдохнуть полной грудью, да нельзя. К форме Сидоркин относился уважительно и никаких поблажек ни себе, ни другим не позволял.

Он подрулил к зданию больницы, припарковал машину и вышел. На раскаленном солнцем больничном дворе было еще жарче. Все в природе будто замерло, даже птицы прекратили свою возню. В тенечке под кустом неподвижно лежал лохматый пес неопределенной породы, бессильно свесив розовую тряпочку языка. Только по его мерно вздымавшемуся всклокоченному боку и можно было понять, что он еще жив.

Да, брат, подумал Сидоркин. Тебе сейчас лучше, чем мне. Он запер машину и не торопясь поднялся по чистой, но здорово обшарпанной лестнице на второй этаж, в кардиологическое отделение.

В коридоре было пусто. Где-то в отдалении мерно бормотал телевизор. У стены за столом сидела молоденькая сестричка в туго перепоясанном белом халате и что-то писала. На ее пышных русых волосах ловко сидела крахмальная шапочка, придававшая ее юному личику задорный, совсем не больничный вид.

Заслышав шаги Сидоркина, она подняла глаза, и лицо ее осветилось приветливой улыбкой.

— Дядя Федя! Вот так сюрприз!

— Привет, Иришка. Как отец? Не скучает на пенсии?

— Да что вы! Балдеет! Целый день в грядках копается, прямо как крот. Помолодел лет на десять.

Сидоркин усмехнулся в усы.

— А что вы к нам не заходите? Работа заела?

— Вот-вот, именно заела. Я ведь сюда по делу.

— Да ну? А я-то думала, на меня посмотреть пришли.

— Чего ж не посмотреть? — в тон ей ответил Сидоркин. — Очень даже приятно посмотреть. Ты все хорошеешь. Совсем уже невеста.

Девушка смущенно заулыбалась и покраснела. Это у нее вышло очень мило.

— Скажете тоже, дядя Федор. Мне замуж нельзя. В институт на будущий год поступать буду. В медицинский.

— Ого! Сама надумала?

— Сама.

— Надо же! — Сидоркин уважительно крякнул, отчего усы его встопорщились, как у моржа.

— А какое у вас дело?

— С пациентом твоим потолковать надо.

— Это с каким?

— С Поповым Петром Алексеевичем.

— У-у-у, — огорченно протянула Ира. — А с ним-то как раз и нельзя. Доктор строго-настрога запретил к нему пускать.

— Что так? — насторожился Сидоркин. — Очень плох?

— Да не то чтобы очень, просто еще не стабилизировался. И состояние у него депрессивное. — Она старательно выговорила последнее слово, будто не вполне была уверена в его значении. — И погода видите какая, для сердечников хуже не бывает. К нему и

жену-то только сегодня пустили.

— А где она?

— Как где? У него сидит. Поверите ли, ни на шаг не отходит. Я ее чай звала пить, отказалась. Переживает очень.

— Так ты вызови ее на минутку.

— Сейчас.

Ирочка вспорхнула из-за стола и исчезла в палате напротив. Не прошло и минуты, как она появилась в дверях в сопровождении маленькой полной женщины. При виде Сидоркина ее озабоченное лицо осветилось.

— Федор Иванович, миленький, вас сам Бог послал!

Она умоляюще протянула к нему пухлые руки и вцепилась в рукав.

— Пойдемте, пойдемте скорее к нему!

— Так ведь нельзя, Софья Николаевна, — остановила их Ира. — Доктор не велел. Как-те-го-ри-чес-ки!

— Ему только лучше будет. — Софья Николаевна всплеснула руками. — Да неужели ж я своему родному мужу зла желаю? Если б что не так, сама бы на пороге легла, а никого к нему не пустила.

— Да вы не волнуйтесь так, Софья Николаевна, — примирительно сказал Сидоркин. — Я думаю, на минутку можно, а, Иришка?

Та заколебалась.

— Ну, если только на минутку. И, чур, доктору ни слова, а то он из меня котлету сделает.

— Какой разговор! — Сидоркин повернулся к Софье Николаевне. — Пойдите пока, подготовьте его.

Через несколько минут она уже манила его рукой из дверей палаты.

— Идите. Скорее же, скорее!

Сидоркин вошел и замер, потрясенный. Он даже не сразу узнал старого учителя. Нос заострился, щеки запали, из пересохших губ вырывалось хриплое дыхание, лицо могло поспорить белизной с подушкой. Ох, болезнь проклятая, что с людьми делает, подумал Сидоркин.

Только глаза на этом изможденном лице были прежними, цепкими, острыми и какими-то отчаянно яростными. Злится на болезнь, удовлетворенно подумал Сидоркин. Значит, борется. Крепкий мужик.

— А ты, я вижу, молодцом, Петр Алексеич. Не поддаешься. Считаю, значит, на поправку пошел. — Сидоркин присел на краешек стула. — Меня к тебе на минутку пустили. Ирина прямо как дракон стоит на страже. Еле прорвался. Так что рассказывай про свою встречу. Мне Степан уже кое-что поведал.

— Машу, Машу надо предупредить, — сказал Петр Алексеевич. — Защитить, пока еще не поздно.

Голос его звучал глухо и слабо. Видно было, что слова даются ему с огромным трудом. Софья Николаевна придвинулась ближе и взяла его руку. Он благодарно посмотрел на нее.

— Какую Машу? — терпеливо спросил Сидоркин.

— Машу Антонову. Учительницу. Он из-за нее три года назад человека зарезал. Отсидел. Теперь за ней вернулся. Нашел все-таки.

— Какой он из себя?

— Зовут Коля. Николай Клюев. Небольшого роста, щуплый. Лицо круглое, курносое, в веснушках. Но главное — глаза. Я в глаза его заглянул и сразу все понял. Он — маньяк, Федор. Опасный маньяк. Для него все люди — враги.

— Он тебе угрожал?

— В том-то и дело, что угрожал. Совершенно незнакомому человеку. Говорил со мной так, будто я ее прячу.

— Николай, говоришь. Коля. Коля Клюев. Коля и Маша.

Сидоркин вдруг замолчал и, выпучив глаза, уставился в пространство. Потом хлопнул себя по нагрудному карману, вскочил и бросился вон из палаты. Все изумленно посмотрели ему вслед.

— А какая это Маша? — вдруг нарушила молчание Ира. — Не та, которая к Петру Алексеевичу приходила?

— Она самая, — кивнула Софья Николаевна.

— Ой, это ж надо... — почему-то мечтательно сказала Ира. — История, прям как в кино.

Маша толкнула калитку. Та, скрипнув, отворилась.

— Софья Николаевна! — позвала Маша.

Никто не ответил. Из-под куста смородины выскочил Ганнибал и встал перед ней, наклонив мордочку и поставив торчком одно ухо. Мохнатый хвостик радостно подрагивал.

— Ну что, малыш, уехала твоя хозяйка. А я тебе вкусенького принесла.

Маша пошла к дому. Ганнибал побежал следом. Она принялась выкладывать в его миску косточки со шмотками мяса. Песик нетерпеливо тыкался мордочкой в ее ладони.

— Да подожди ты, дурачок. Сейчас поешь.

Она почувствовала прикосновение его шершавого язычка к своей руке и ласково потрепала его за ухом.

— Марь Пална! Мое почтение!

Маша выпрямилась и, заслонив глаза рукой от солнца, повернулась на голос. Из-за низкого забора ей улыбнулся Степан, сосед Поповых. Он стоял голый по пояс, опираясь на лопату. Его широкая мускулистая грудь, бронзовая от загара, блестела от пота.

— Софья Николаевна с самого ранья в больницу уехала. Не сказала, когда вернется. Может, и заночует там.

— А я зашла спросить, не нужно ли чего-нибудь. Вот Ганнибалу поесть принесла.

— Это ему только давай, разбойнику. Повадился курей моих пугать. Они скоро с огорчения совсем нестись перестанут.

В голосе его, однако, не слышалось ни раздражения, ни злости. Шутит, как всегда.

— Фу-ты, ну-ты, какой прикид. — Он со вкусом произнес модное словечко. — Прям мамзель из модного журнала.

— Мне самой нравится. — Маша провела ладонью по привезенным Вадимом джинсам. Они сидели как влитые.

— Сразу видно, что не из нашего сельпо, — одобрительно сказал Степан.

— Как там мой ученик? — спросила Маша.

— А никак. Гоняет целый день как оглашенный. Я и не вижу его.

— Вы бы с ним хоть таблицу умножения подучили. У него с математикой совсем плохо.

— Да знаю я, — с досадой махнул рукой Степан. — Один ветер в голове. Но я его

приструню, не сомневайтесь. — Он смахнул пот со лба и огляделся. — Иш, как парит. Не иначе, гроза будет.

Маша проследила за его взглядом. Небо, только что голубое и безоблачное, подернулось свинцовой дымкой. Ласточки неслышно носились над самыми верхушками деревьев. Ни дуновения, ни шелеста листвы. Все вокруг затаилось, замерло в неподвижности.

— Ладно, я пойду. Увидите Софью Николаевну, скажите ей, что я заходила.

Маша махнула Степану рукой и вышла на улицу. Домой идти не хотелось. С каждым днем ей становилось все труднее общаться с матерью. Они вдруг перестали понимать друг друга, особенно после ночи, проведенной с Вадимом. Мама как-то сразу все узнала, да это, наверное, было несложно. У нее всегда все так ясно написано на лице.

Ей не хотелось вспоминать те обидные вещи, которые говорила ей мать. Она гнала их от себя, а они возвращались, настойчивые и неотвязные, проникали в сердце и отравляли его ядом. Скорее бы уж пятница. Вадим придет и излечит ее от мрачных мыслей. Они будут любить друг друга, и опять все станет светлым и ясным.

— Этот твой Ротшильд, — услышала она глуховатый, язвительный голос матери. — Редкий умник. Это же надо так отладить свою жизнь! В Москве у него, наверное, девочки на каждый день. А теперь и в имении есть. Селяночка, пастушка в ситцевом платице, с глазами на пол-лица. Я себе представляю, как они там гогочут за бутылкой джина. От нее, наверное, пахнет сеном и коровами, — передразнила она одного из воображаемых собутыльников. — Какая экзотика! А главное, недорого. Пара тряпок, и порядок. — Тут Маше представилось, как мать трагическим жестом закрывает лицо руками. — И это моя Маша. Господи, до чего я дожила!

Самым страшным была ее непоколебимая уверенность в собственной правоте. В одночасье она стала слепа, глуха и беспощадна. Временами Маше казалось, что, если ее мрачные предсказания сбудутся, она только обрадуется и с упоительным торжеством провозгласит: «А что я тебе говорила!»

Маша, как ни силилась, не могла понять, как ради такой сомнительной победы можно желать несчастья своей родной дочери. Она ведь любит ее. Впрочем, самые чудовищные поступки совершаются из-за любви.

А если мама права и Вадим действительно натешится и бросит ее? Такое ведь случается в жизни. Она вспомнила его глаза, улыбку, его ласковые сильные руки. Невозможно так играть, так притворяться.

Прости, мой любимый, прошептала Маша. Прости, что усомнилась в тебе.

За раздумьями Маша и не заметила, как ноги сами понесли ее к усадьбе.

Сидоркин лихо затормозил у отделения милиции. Неожиданная догадка о возможном значении букв «КМК», выцарапанных на крестике, который он вынул из руки мертвой Таньки, посетила его еще в больнице. Теперь он мчался на поиски Маши.

В отделение он зарулил, чтобы предупредить помощника, что на весь вечер уезжает в Апрелево.

Заслышав визг тормозов, тот сам выскочил ему навстречу.

— Федор Иванович, вы уже в курсе? — закричал он ему на ходу.

— Что такое?

— ДТП на сто пятом километре. Фура груженная в «жигуль» въехала. Сообщают, что и жертвы есть. «Скорая» на подходе.

Сидоркин чертыхнулся и дал по газам. Вечно все одно к одному. Хочешь не хочешь, а визит в Апрелево придется отложить.

Вадим нервничал. Сегодняшнее решение правительства изымать прибыль Госбанка в бюджет ничего хорошего не сулило. Теперь неизбежно усилится давление на коммерческие банки с самыми непредсказуемыми последствиями.

И это бы еще ничего. При известной доле изворотливости и ума вполне можно остаться на плаву и даже выиграть. Не впервой.

Гораздо больше его волновали какие-то непонятные шевеления внутри его собственного банка. Чутье еще никогда не подводило его, напротив, помогало предвидеть скользкие ситуации, вовремя реагировать и неизменно выходить победителем.

Он чувствовал, что что-то зреет, подспудно, незаметно, что-то неприятное, а может быть, даже опасное.

Не далее как сегодня к нему явился управляющий банком с проектом создания инвестиционного фонда. На бумаге все выглядело превосходно: широкое привлечение денег у населения под высокие проценты, резкое увеличение основных и оборотных средств банка, выгодное инвестирование в строительство и промышленность, включая топливно-энергетический комплекс.

Итак, на бумаге все выглядело респектабельно, с большим размахом. А на деле? Вадим не первый день жил на этом свете и знал, что шальные деньги ударяют людям в голову. А в результате получается очередная «Чара» или «Тибет», толпы разъяренных вкладчиков у запертых дверей, пара газетных публикаций и безбедная жизнь на Майами.

Это не для него. В России родились и жили его предки, здесь родятся и будут жить его дети. И никакая, пусть даже самая распрекрасная страна ему родины не заменит.

— Забудьте, — коротко сказал он, закрывая папку. — Будем работать, как работали.

— Но, Вадим Петрович, — воскликнул управляющий, блеснув очками в тонкой золотой оправе. — Подумайте, какие возможности! И это не только мое мнение.

Вадим почувствовал, что теряет терпение. Он всегда поощрял свободный обмен мнениями среди своих коллег. Но здесь было что-то иное, сильно напоминающее заговор. Интересно, как далеко они зашли.

— Вопрос закрыт, — сказал он, откинувшись на спинку кресла. — Пока я жив, этого не будет.

— Пока.

Слово это прозвучало еле слышно, как эхо. Или не прозвучало вовсе и ему померещилось? Вадим пристально взгляделся в лицо своего собеседника. Губы плотно сжаты. Глаз за дымчатыми стеклами очков почти не видно.

— Вы что-то сказали?

— Нет.

Он встал. У дверей помедлил.

— А вы все-таки подумайте, Вадим Петрович. Папку я оставляю у вас.

Теперь, мчась по шоссе в сторону Апрелева, Вадим в который раз прокручивал в голове этот разговор. Что же это все-таки было? Угроза, прокол или обман слуха? Если первое или второе, а очень на то похоже, то кое с кем придется расстаться, и чем скорее, тем лучше. Он даже примерно знает, с кем и как.

Черт, как это все некстати! Впрочем, когда это проблемы бывают кстати? Ничего, мы

еще поборемся, подумал Вадим. Без борьбы люди слабеют, покрываются жирком и становятся ни на что не способными. А значит, да здравствует борьба!

На душе стало немного легче. Надо выбросить всю эту муть из головы. Ведь он едет к Маше. Она не ждет его сегодня. До пятницы еще целых два дня, а он вдруг понял, что не выдержит и часа без нее. Он должен засыпать и просыпаться в ее объятиях, слышать ее голос, ежеминутно ощущать ее присутствие.

Решение пришло внезапно. Он уже отпустил Севу до утра и теперь ехал в Апрелево один. Непривычно ехать куда-то без своего верного шофера и телохранителя. Все равно, что путешествовать без тени.

А вот и Апрелево. Пушкина, пятнадцать. Вадим погудел у ворот, подождал, но никто так и не вышел. Он толкнул калитку. Она оказалась не заперта.

На крыльце стояла высокая худая женщина. Ее бледное тонкое лицо чем-то напоминало Машу. При виде Вадима она покачнулась и ухватилась руками за перила. Он даже издали видел, как побелели костяшки ее пальцев.

— Здравствуйте, — сказал он, подходя. — Я — Вадим Северинов. Могу я видеть Машу?

Она несколько раз судорожно сглотнула, но продолжала стоять молча, пристально глядя на него.

— Извините, я, может быть, чем-то напугал вас. Я — Вадим Северинов, знакомый Маши. Она говорила вам обо мне.

— Вы приехали забрать ее у меня? — тихо спросила женщина.

Вадим изумленно уставился на нее. Он не знал, что ответить.

— Я... В какой-то степени... Наверное, можно и так сказать.

— Я потеряла мужа. Маша, это все, что у меня осталось. Вам мало было настроить ее против меня, подорвать нашу любовь, дружбу, доверие. Этого вам мало! Вы хотите увезти ее, сломать и ее жизнь, и мою.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Мы любим друг друга и хотим быть вместе. Что в этом дурного?

— До вашего появления мы жили совсем иначе. О, Господи, как хорошо мы жили!

Вадим был поражен исступленной страстностью, прозвучавшей в ее голосе. Он постепенно начинал понимать, что происходит.

— Но рано или поздно это должно было случиться. Я имею в виду, что она все равно когда-нибудь полюбила бы и захотела иметь свою семью. Или вместо того, чтобы видеть свою дочь счастливой и нянчить внуков, вы предпочли бы намертво привязать ее к себе и засыхать в обществе друг друга? Маша слишком хороша для этого.

— Вот именно. Она слишком хороша для вас!

— Не понимаю, что вы имеете против меня. Я не алкаш и не наркоман. Я умею заработать себе на жизнь, вполне достаточно, чтобы обеспечить семью всем необходимым. Наконец, я люблю вашу дочь. Чего вам еще?

— Вы что, хотите на ней жениться? — недоверчиво спросила она.

— Я рад, что вы это поняли. А теперь, когда между нами нет больше никаких недоразумений, скажите, пожалуйста, где она.

— Ее здесь нет.

— Я вижу. Куда она ушла?

— Не знаю. Мы... мы повздорили, и она ушла, ничего не сказав.

— А где она может быть? У подруги, у знакомых?

— Вряд ли. Мы живем достаточно уединенно. У Маши не появилось здесь близких друзей, кроме одного человека, но он сейчас в больнице. Насколько я знаю, к нему не пускают, поэтому она вряд ли поехала бы туда. Если только... О, Господи, как же я могла о нем забыть!

— О ком вы говорите?

— О Коле. Неужели Маша ничего не рассказывала вам о нем? — спросила она, удивленно глядя на Вадима.

— Ничего. Один лишь раз я пытался расспросить ее о прошлом, но она ясно дала мне понять, что не хочет обсуждать эту тему. Я не стал настаивать. Для меня важнее настоящее.

— Вы правы, но, к сожалению, случается так, что прошлое возвращается и хватает нас за горло. Именно так произошло и с нами.

Она вкратце рассказала ему историю их отношений с Колей, о зверском убийстве солдата, о его неожиданном появлении несколько дней назад.

— Я уверена, что Маша расскажет вам все лучше, чем я. Главное, что все произошло одновременно: появились вы, вернулся Коля, Маша не пришла домой ночевать. У меня просто не выдержали нервы. Я бросилась воевать с ветряными мельницами и совершенно утратила чувство реальности. А между тем он, может быть...

— Не надо! — резко прервал ее Вадим. — Я найду ее.

Он быстро зашагал по дорожке, от ворот обернулся и крикнул:

— Вернется Маша, пусть никуда не уходит. Запритесь и ждите меня.

Сумерки быстро сгущались. Слишком быстро, подумал Вадим, глядя в небо. Невесть откуда взявшаяся черная туча быстро заволакивала все вокруг. Резкий, порывистый ветер взвивал бурунчики пыли на дороге, трепал буйные шевелюры деревьев, гонял сорванные листья и обрывки бумаги.

Где-то совсем рядом глухо заворчал, блеснула молния. Мощный раскат грома грянул прямо над головой Вадима. Увесистые капли забарабанили по крыше машины.

Он медленно ехал по улочкам и спрашивал о Маше у редких встречных. Гроза бушевала. Люди испуганно жались к заборам, силясь укрыться от дождя, смотрели на Вадима удивленно и пожимали плечами. И чем дальше он отъезжал от ее дома, тем яснее становилось ему, что искать ее надо в усадьбе. Ей просто некуда было больше идти.

От этой мысли ему сразу стало легче. Там Виктор со своей бригадой. Там она будет в безопасности.

Ребята уехали, и Маша осталась одна.

Когда она пришла в усадьбу, работа кипела вовсю. Каждый раз, приходя сюда, Маша поражалась тому, как быстро меняется дом. На этот раз он встретил ее сияющей белизной портика и колоннады, отчего вид у него стал праздничным и торжественным.

Она еще издали увидела Виктора и, помахав рукой, пошла к нему через лужайку.

— Здравствуйте, Маша, — поприветствовал он ее. — Каково, а?

Он широким жестом указал на дом. Лицо его сияло гордостью.

— У меня нет слов, — совершенно искренне сказала Маша. — Откройте секрет. Виктор, как это вам удается?

— Все просто, — улыбнулся он. — Свободный труд свободных людей, заинтересованных в качестве и результатах, потому как результат, — он выразительно потер палец о палец, — напрямую зависит от качества. Вот так вот.

— Действительно, просто. Тогда почему не везде так?

— Я ж говорю о свобо-одных людях. — Он сделал упор на слове «свободных», словно пытаясь втолковать ей что-то очень важное. — Им классная работа только в кайф. Пойдемте, что-то покажу.

Он повел ее в будущий зал, где и шли основные работы. На стенах высыхала штукатурка. Рабочие, балансируя на высоких стремянках, клали лепнину на потолок. Полукруглые, от пола до потолка, французские окна выходили прямо в сад. Несмотря на сгущающуюся темноту, здесь было светло, радостно, воздушно.

— Чудеса! — восторженно выдохнула Маша. — Чудеса!

— Господа! — сложив руки рупором, крикнул Виктор.

Видно, он хотел произвести на Машу совсем уж убийственное впечатление. В ответ раздался нестройный смех.

— Объявляется получасовая готовность. Сбор у машины. Как говорил Высоцкий, мы славно поработали и славно отдохнем.

— Вы уезжаете? — спросила Маша.

— Да. Облюбовали кафеюху на станции, ездим туда ужинать. Ну и расслабиться после трудового дня. Хотите с нами?

— Спасибо, как-нибудь в другой раз.

Они уехали, и Маша осталась одна. В доме сразу стало тихо, лишь снаружи гроыхал гром, да дождь барабанил по крыше.

Маша послонялась по дому, побренчала на пианино, но звуки музыки странно подействовали на нее. Они взлетели, отдаваясь эхом в пустой комнате, и Маша почувствовала себя неуютно. Одиночество обступило ее со всех сторон.

Маша закрыла крышку пианино, перебралась на диван, поджала под себя ноги и закрыла глаза.

— Вадим, — прошептала она. — Вадим, где ты?

1860 год

Записка жгла руку. «В полночь. В беседке». Он не оставил ее, он придет и будет ждать, и ничто больше не остановит их. Только бы нянюшке удалось раздобыть ключ от ее комнаты.

Маша распахнула окно. В комнату ворвался ветер, напоенный каплями дождя. Гроза бушевала, выла как смертельно раненный зверь. Редкие всполохи молний, вспарывая тьму, на мгновение освещали сад и меркли. Деревья раскачивались и стонали.

Тише, шептала Маша грому, ради Бога, тише, но он не слышал ее. В ушах, сливаясь с раскатами грома, звучали слова матери:

— Завтра же поутру мы отправляемся в Москву. Ты пробудешь там до самой свадьбы. И не вздумай ничего замыслить. Отец доведен до крайности. Не вынуждай его...

Она бросила фразу недосказанной. Глаза ее так и шныряли по сторонам, избегая встречаться со взглядом Маши. Как у жуликоватого купца, пытающегося сбыть с рук лежалый товар, невесело подумала Маша. Она уже неспособна была чему-нибудь удивляться, доказывать, просить. Свинцовая тяжесть придавила сердце.

Зачем не осталась она с Вадимом этой ночью, зачем? Безумная надежда гнала ее домой.

Объясниться с родителями, попытаться закончить дело миром. Ей так не хотелось бежать от них тайно, как воровке. Все в ней восставало против этого.

Она ошиблась. Последовавшая вслед за ее возвращением безобразная, чудовищная сцена лишила ее последних иллюзий. Отец за волосы отволол ее в комнату и собственноручно замкнул за ней дверь.

— Кокотка! Девка! — кричал он резким, неприятным фальцетом. — Бога благодари, что у тебя свадьба скоро. Изувечил бы, уничтожил своими руками! Будь ты проклята во веки веков!

Его шаги загремели по лестнице, внизу что-то с грохотом разбилось, раздался девичий визг, и все стихло. В доме будто поселился покойник. Ходили неслышно, говорили шепотом. Один лишь раз к ней, под каким-то предлогом, проникла няня, перекрестила, тишком сунула в руку записку.

Маша услышала, как часы внизу пробили полночь. От неожиданности она чуть не вскрикнула и закрыла себе рукою рот. Рука была холодна как лед. Уже время, что же няня... Уж не случилось ли чего?

Вдруг сердце рванулось и замерло. Скрип половицы, знакомые, чуть шаркающие шажки, скрежет ключа в замке.

— Нянюшка! — Маше показалось, что она закричала, хотя губы ее лишь беззвучно шевельнулись.

Она уткнулась лицом в добрые морщинистые руки, которые столько раз утешали и ласкали ее, прогоняли боль, лечили, холили, и вдруг с отчетливостью поняла, что никогда больше не увидит ее. Слезы брызнули у нее из глаз.

— Машенька, голубка моя, — шептала няня, глядя ее по волосам. — Не плачь. Теперь-то уж чего плакать. Ступай с Богом, кабы не хватились. А я уж помолюсь за тебя.

Маша накинула тальму и, стараясь не шуметь, спустилась в зал. Легкой тенью скользнула она к окну, прощаясь на ходу с любимыми, такими знакомыми и родными вещами, соскочила с подоконника и побежала к беседке.

Непогода обрушилась на нее со всей яростью, ветки хлестали по лицу. Юбка сразу же намокла и облепила ноги, мешая идти. Будто все демоны ада вырвались на волю с одной только целью — остановить ее!

Когда она, задыхаясь и поминутно оскальзываясь на раскисшей земле, добралась до беседки, силы совсем покинули ее. Но самое страшное ждало ее впереди. Беседка была пуста.

Маша стиснула на груди насквозь промокшую тальму и огляделась. Никого. Холодный ужас заполз в душу. Он не пришел или был здесь и не дождался?

— Вадим! — позвала она. — Вадим!

Ослепительная молния разрезала небо, выхватив из темноты фигуру мужчины. Но это был не Вадим.

Он приблизился. Сатанинская улыбка кривила его рот. Маша пятилась от него, как от привидения, беспомощно прикрываясь рукой.

— Он не придет, — сказал он хрипло. — Я убил его.

Маша страшно закричала и лишилась чувств. Последнее, что она услышала, был его дикий, безумный хохот.

Она не видела, как на крик ее бежали люди с фонарями, как Николай, все еще хохоча, чиркнул себя ножом по горлу, как в кустах нашли раненого Вадима. Она ничего уже не

Дождь все усиливался. «Дворники» уже не справлялись с потоками воды. Сидоркин выматерился про себя и сбросил скорость. Еще не хватало самому влопаться в аварию.

Вот ведь жизнь человеческая, висит на волоске и не знает, когда тот оборвется. И в каком обличье смерть придет, тоже не знает. Может, как положено, страшная, с косой, а может, с опухшей небритой рожей, как у сегодняшнего шоферюги. Гулял, сукин сын, всю ночь с дружками, а наутро, не проспавшись, за руль да по газам. «Я ведь всего на минутку и отключился, начальник». Хороша минутка! В результате два труп, женщина, вся изломанная, в больнице, груды искореженного металла и битого стекла.

Пойдет теперь голубчик по этапу, небось неповадно будет спьяну за руль садиться. А толку? Людей-то этих все равно не вернешь.

На самом подъезде к деревне машина влетела в яму, подпрыгнула, взревела и рванула дальше, подрагивая на ухабах. Зубы Сидоркина выбивали неровную дробь, отмечая каждую выбоину в асфальте. И куда только местные власти деньги девают? На хлеб намазывают, что ли? Ведь выделили им недавно приличную сумму на ремонт дороги и на благоустройство. И что же? Дорога как была разбитая, так и осталась. Фонарей нет как нет. Тьма, хоть глаз выколи, не знаешь, где голову свернешь.

А дождь все лил и лил. Разверзлись хляби небесные, как любила говорить его мать. На улице ни души. Оно и понятно. В такую погоду никого и насильно из дому не выгонишь. Только он один и мотается, как пес, ночь-полночь.

По обеим сторонам улицы уютно помаргивали светящиеся окна, как бы насмехаясь над ним. Не надо было в ментуру идти, Федя, сказал сам себе Сидоркин. Сидел бы сейчас, как все, в тепленьких носочках у телевизора и наливочку бы попил. Не жизнь — малина! А кто-то другой, без обеда да без ужина, тыркался бы под дождем и обеспечивал тебе законное право отдыхать после трудового дня.

Но, как говорится, Богу Богово, а кесарю кесарево. Сам взвалил на себя этот воз, сам и вези.

А куда я, собственно, еду, подумал вдруг Сидоркин. Я же адрес ее узнать забыл. Совсем заработался, старый дурак. Что ж теперь делать?

Сидоркин совсем сбавил скорость и завертел головой по сторонам, высматривая случайных прохожих. Глупая, однако, затея. Кого сейчас встретишь? Если только пьяницу какого-нибудь подзаборного, которому что дождь, что снег, все едино. Да от такого хрен чего узнаешь.

Да-а, впору по домам идти, невесело подумал Сидоркин. Он уже второй раз проезжал мимо местного магазина, и тут ему показалось, что где-то там вспыхнул огонек и тут же погас. Сидоркин остановил машину и всмотрелся. Точно, сквозь непрерывные потоки дождя он различил две светящиеся точки.

Сидоркин подрулил поближе. Под козырьком у бокового входа сидели двое и мирно курили.

— Давай, Вася, еще по одной, — услышал он. — За Клаву.

— Ну чо ты все, Миха, за Клаву да за Клаву. Надоело уже, — ответил другой голос,

побасистее.

— Да ладно, не ерепенся. Тебе ж без разницы, за кого пить, а мне приятно.

— Уговорил. Поехали.

Раздался стук стекла о стекло, равномерное бульканье.

— А-а-а, хорошо пошла. Ой, гляди, мент! По нашу душу, что ль?

— Типун тебе на язык!

Сидоркин приблизился. Под козырьком на ящиках пристроились два мужика. Под ногами у них стояло несколько бутылок. Знакомые лица, подумал Сидоркин. Грузчики из магазина.

— Здорово, ребята! Что не дома?

— Твоими молитвами, Федор Иванович, — ответил тот, которого звали Васей. — У меня теперь дома такой матриархат, что ни сесть, ни встать.

Сидоркин усмехнулся в усы. Пару месяцев назад он самолично разобрал заявление его жены: бузех по пьянке, разгром теплицы, нанесение телесных повреждений в виде синяка под глазом. Тогда Сидоркин ограничился внушением, но строго-настрого предупредил, что в следующий раз посадит за хулиганство как миленького. Видно, подействовало, да только, как всегда, своеобразно.

— Садись с нами, Федор Иванович, — пригласил второй, по имени Миша. — Выпьем за Клаву.

— Так я ж за рулем. Не положено. — Сидоркин вытащил сигарету и закурил. — А что за Клава такая?

— Артистка, — с готовностью ответил Вася. — Миха от нее балдеет. Фамилия у нее только странная, никак запомнить не могу. Чем крышу кроют. Рубероид, что ли?

— Шифер, балда, — беззлобно поправил его Миха. — Клавдия Шифер. Иностранка. И не артистка она вовсе, а су-пер-мо-дель. Одежки показывает.

— Во-во, — хохотнул Вася. — Ходит туда-сюда по доске, будто без нее не ясно, что нормальная баба такое ни в жисть не наденет. Срамотень одна. Ерундой, в общем, занимается, так ее и разтак.

Говорил он, впрочем, лениво, без агрессии. Сидоркин понял, что это для них привычный разговор.

— Ерундой не ерундой, а кучу денег с этого имеет. И покрасивше будет всякой артистки, — резонно заметил Миха и, повернувшись к Сидоркину, пояснил: — Передача по телеку была «Наша Клава». Ну, я и запал на нее. На телевидение письмо написал, имею, мол серьезное намерение познакомиться. Теперь ответа жду.

— Ты про жену, про жену-то расскажи, — напомнил Вася.

Так он еще и женат. Ну и дела, подумал Сидоркин.

— Я фотографию ее из журнала вырезал и над кроватью повесил, — продолжал между тем Миха. — Моя поскандалила, поплакала, а потом в желтый цвет выкрасилась и не ест ничего. Худеет.

— Чума! — простонал Вася.

Сидоркин хохотал до слез.

— Ну, мужики, с вами не соскучишься! Так у тебя скоро своя Клава будет.

— А что? — важно ответил Миха. — Она — баба славная.

— Вы мне вот что скажите, — опомнился Сидоркин. — Где Мария Антонова живет?

— Это учителька, что ли?

— Она самая.

— На Пушкина, пятнадцать. Только ее уже спрашивал сегодня один, со старой усадьбы.

Она с ним которую неделю хороводится. Тачка у него — опупеть!

— Куда он поехал?

— Туда, наверное, куда ж еще.

— Ладно, мужики, я погнал. А вы не увлекайтесь тут, а то как бы новое заявление разбирать не пришлось.

— Небось пуганые, — ответил Вася.

Сидоркин пошел к машине.

— Ну, Вась, вздрогнули. За Клаву, — донеслось до него.

— За Клаву.

Не прошло и четверти часа, как он, насилу отбившись от взволнованных расспросов Машиной матери, гнал машину к усадьбе.

Маша проснулась как от толчка. Страшные видения еще клубились в ее мозгу, стирая грань между сном и явью. Мощный удар грома потряс дом. Маша вздрогнула, открыла глаза и от неожиданности вскрикнула.

Перед ней стоял Коля. Неподвижный и страшный, будто вышедший из ее кошмарного сна. Белые глаза его, не мигая, смотрели на нее. Мокрые волосы облепили череп. На ковер под его ногами набегала темная лужица.

Холодный ужас шевельнулся в сердце Маши, сдавил, стиснул горло. Она вжалась спиной в диванные подушки и кинула отчаянный взгляд на полуприкрытую дверь. Ни звука. Маша вспомнила, что, кроме них, в доме никого нет.

Коля проследил за ее взглядом и усмехнулся. Эта улыбка, больше напоминающая волчий оскал, снова вернула Машу в давешний сон.

— Он не придет, не жди, — хрипло проговорил Коля. — Я убил его.

— Нет, — прерывисто прошептала Маша. — Нет.

— Да. Я всех убил. Никого не осталось. Теперь ты совсем моя.

Он рывком опустился перед ней на пол и положил голову ей на колени. Маша дернулась, пытаясь освободиться.

— Сиди! — Он крепко обхватил ее ноги. Она почувствовала прикосновение его горячих пальцев к своей босой ступне. — Приласкай меня. Я так устал.

— Ты все наврал, — с усилием проговорила Маша. — Признайся, ты все наврал. Его здесь не было.

— Он и сейчас здесь. Валяется, падаль, под дождем у своей тачки. Она ему больше не понадобится.

Только не паникуй, твердила себе Маша. Спокойно. От ее выдержки зависит сейчас не только ее собственная жизнь, но, возможно, и жизнь Вадима. Если то, что сказал Коля, хоть отчасти правда, то Вадим, может быть, лежит сейчас, раненый, где-то там, на улице, и она сможет спасти его. Господи, взмолилась Маша, сделай так, чтобы он был жив! Все что угодно, лишь бы он был жив!

Маша украдкой огляделась. Лица Коли она не видела, лишь его стриженный круглый затылок. Значит, и он не видит, куда она смотрит.

На низком столике у дивана стоял канделябр на массивной бронзовой ножке. Маша на глаз прикинула расстояние. Дотянуться можно, но он слишком крепко держит ее за ноги.

Надо, чтобы он ослабил хватку. Надо как-то отвлечь его.

С трудом преодолев омерзение и страх, Маша провела пальцами по его волосам. Коля пошевелился, поднял голову. Она заставила себя улыбнуться. Улыбка, наверное, вышла ненатуральная, но тут она уже ничего не могла поделать.

Маша медленно провела язычком по пересохшим губам и кокетливо посмотрела на него из-под полуопущенных век. Она очень надеялась, что выглядит соблазнительно. Судя по очумелым Колиным глазам, ей это удалось. Он отпустил ее ноги и переместил руки к ней на талию. Маша подвинулась к столику, как бы освобождая ему место рядом с собой.

Коля отогнул край топа и просунул под него руки. Она почувствовала его руки на своей груди и вся сжалась. Тело покрылось гусиной кожей. Держись, ради всего святого держись, приказала она себе, ни на секунду не выпуская из поля зрения подсвечник. Мучительно медленно, сантиметр за сантиметром, приближалась она к нему.

Коля стянул топ к ее подбородку, обнажив грудь. Воздух с хрипом вырывался из его легких. Тело сотрясала крупная дрожь. Маша выгнулась ему навстречу и, будто невзначай, закинула руки за голову. Он глухо зарычал и набросился на нее.

— Сладкая, — бормотал он. — Сладкая. Жавороночек мой.

Его ненасытные губы целовали, мяли, терзали ее соски. Закусив до боли рот, Маша протянула руку и ощутила пальцами холодок металла. Ухватив канделябр покрепче, она изловчилась и обрушила его на голову Коли. Он захлебнулся и осел на пол.

Маша рванулась к двери, споткнулась, упала, шатаясь, поднялась и с ужасом увидела, что Коля уже на ногах и идет на нее, как робот, широко расставляя ноги. То ли удар вышел слишком слабым, то ли маньяки вообще нечувствительны к боли. Маша поняла, что пропала.

Глаза его налились кровью, на губах закипала пена.

— Сука проклятая, — прошипел он. — Убью!

В руке его блеснул нож. Маша пятилась от него, бессильно прикрываясь рукой. Он рванул на груди майку. Ткань с треском разошлась. Под левым соском чернели вытатуированные буквы: «КМК». Широко открытыми, остановившимся глазами смотрела Маша на эти страшные буквы. Кровь моя кипит. Коля и Маша Клюевы.

— Так, значит, это ты убил девочку на станции? — едва шевеля губами, спросила она.

— Я. И подружку твою курносую тоже я. И тебя...

Он вдруг чиркнул ножом по буквам. Грудь окрасилась кровью. Коля приложил руку к ране, потом поднес к лицу. С наслаждением вдохнул.

— А-а-а, все, жавороночка больше нет... Одна кровь, везде кровь.

Он шагнул к ней. Маша почувствовала, что у нее подгибаются колени. Она качнулась назад и ощутила лопатками гладкую поверхность двери. Рванула ручку и выбежала в коридор. Сзади, за ее спиной раздался топот ног. Это Коля гнался за ней.

Задышавшись, Маша выбежала на улицу. Ветер швырнул ей в лицо пригоршню дождевых капель, взметнул волосы, освежил, подбодрил. В ослепительной вспышке молнии она увидела, что к ней через лужайку бежит какой-то человек.

— Помогите! — закричала Маша и тут узнала Сидоркина.

Коля выбежал следом, что-то бессвязно крича и размахивая ножом.

— Стоять! — приказал Сидоркин. — Руки за голову!

Он выхватил из кобуры пистолет и направил на Колю. Тот на мгновение замер.

— Бросай нож!

Вдруг Коля ничком упал на землю, кубарем скатился со ступенек и в мгновение ока

оказался возле Маши. Она даже не успела испугаться. Лезвие ножа закачалось перед глазами. Он прикрывался ею как щитом.

— Все, мент, теперь ты меня не достанешь. А дернешься, считай, что эта птичка свое отчирикала. Нарисую ей улыбку от уха до уха. Ты ведь не хочешь этого, правда?

Голос его звучал совершенно спокойно, будто не он только что бесновался и изрыгал проклятия. Он даже не слишком крепко держал ее, уверенный, что Сидоркин стрелять не будет.

— Не хочу, — устало ответил тот. — Твоя взяла, парень. Ты только не волнуйся. Я сейчас поставлю пистолет на предохранитель, и все...

Не переставая говорить, он прихватил свое запястье свободной рукой и как-то странно съежился, втянув голову в плечи. Все это он проделал, почему-то глядя на Машу. Ей показалось, что его телодвижения адресованы ей.

— Смотри сюда, — сказал он Коле. Голос его еле заметно переменялся, окреп, что ли. — Внимательно смотри. Это твой?

Он достал что-то из кармана. В протянутой руке закачался, засеребрился крестик. Маша сразу узнала его.

— Мой, — сдавленным голосом произнес Коля. — Откуда ты...

Воспользовавшись его замешательством, Маша обеими руками схватила его руку, держащую нож, толкнула вверх и от себя и рухнула на колени. В ту же секунду раздался выстрел.

Коля дернулся и как подкошенный упал на мокрую траву. Маша сжалась в комочек, уткнув голову в колени и зажав уши обеими руками. Сидоркин подошел и помог ей подняться. Она ткнулась лицом в его плечо и разрыдалась.

— Ну-ну, девочка, будет, — ласково сказал он, поглаживая ее по волосам. — Все позади. А и поплачь, тебе полезно.

— Вадим! — вдруг вскрикнула Маша. — Федор Иванович, там Вадим!

Глаза ее мгновенно высохли, плечи распрямились. И куда только подевалась перепуганная насмерть, рыдающая девчонка? Перемена была столь изумительной, что Сидоркин даже не сразу сообразил, что она не плачет больше на его плече, а со всех ног бежит к припаркованной поодаль большой машине. Он бросился за ней.

Вадим полулежал на земле, опершись спиной о дверцу джипа. Голова его бессильно свесилась на плечо. Из черной раны чуть выше виска сочилась кровь.

Маша упала на колени рядом с ним, бережно приподняла безжизненную голову, поцеловала лоб, глаза, губы. Ее слезы, мешаясь с дождем, капали ему на лицо.

— Вадим, — звала она. — Вадим, любимый!

Сидоркин деловито проверил пульс, ощупал рану.

— Да жив он, жив, твой Вадим, — ворчливо сказал он. — Отключился только. Видно, здорово он его по голове шархнул. Надо бы в дом перенести.

Сидоркин попытался поднять его. Жилы на лбу угрожающе вздулись, он тяжело задыхался и опустил его обратно на траву.

— Не, мне такой не по зубам. Килограммов сто, не меньше. Что же делать-то?

Он растерянно посмотрел по сторонам в поисках выхода. Тут его осенило. Он побежал к своей машине и вернулся с пузырьком.

— Нашатырь, — пояснил он. — В таких случаях самое милое дело.

Он сунул пузырек под нос Вадима. Тот дернул головой, застонал и медленно открыл

глаза.

— Маша, — прошептал он чуть слышно. — Маша...

— Во, соображает, — удовлетворенно заметил Сидоркин.

Маша плакала, смеялась, целовала Вадима, все сразу. Счастье душило ее. Сидоркин посмотрел на нее, едва сдерживая улыбку.

— Вот что, барышня, нежности давай на потом. А сейчас, мил человек, бери меня за плечи. Вот так. И тихонечко встаем...

С помощью Сидоркина Вадим поднялся на ноги. Маша поднырнула ему под мышку с другой стороны.

— Маша, — шепнул он, целуя ее в висок. — Я выгляжу таким болваном.

Она взглянула на него сияющими глазами.

— Не надо сейчас ничего говорить. Я люблю тебя.

В зимнем саду царила влажная тропическая духота. Пальмы в кадках тянули к потолку свои растопыренные веером лапы, кактусы топорщили иголки, словно говоря неосторожному посетителю: «Не тронь!» Лианы, причудливо переплетаясь, змеились по стеклянным стенам, кое-где свисая вниз и почти касаясь головок двух молодых женщин, уютно расположившихся в плетеных креслах с цветастыми подушками.

Низкий мраморный столик был сплошь уставлен разной снедью и напитками. Поодаль журчал фонтанчик с золотыми рыбками.

— Не хватает только попугаев, — сказала одна из женщин, коротко стриженная длинноногая брюнетка.

— И милого маленького удавчика, — подхватила ее подруга.

— Бр-р-р!

— Дурочка, что ты понимаешь! Они такие сладкие, когда маленькие.

— Но он же рано или поздно вырастет.

— И будет совсем ручной. Будет лежать у меня на плечах, как боа, и есть из рук.

— А кого же это он будет есть?

— Мышек.

— Живодерка. На мою компанию можешь не рассчитывать.

Длинным наманикюренным пальцем она пошевелила лед в бокале и, вытянув изящные стройные ноги, казавшиеся еще длиннее в открытых босоножках на высоченных каблуках, положила их на скамеечку. Лиля, а это была она, покосилась на ее ноги, предмет ее постоянной зависти. Катька всегда нарочно выставляет их напоказ, раздраженно подумала она. Конечно, ведь больше похвастаться нечем, плоская, как доска!

— У тебя, я вижу, новая прическа, — заметила она. — Ничего, хотя раньше, по-моему, было лучше.

— Это уже не новость, — небрежно ответила Катерина. — Вчерашняя сенсация. Сашка просто тащится. Говорит, что чувствует себя со мной в постели, как с подростком.

— Не знала, что он поголубел.

— Не говори гадостей. — Катя состроила кислую гримаску.

— Шучу. Не дуйся, а лучше расскажи мне все последние новости.

Катя заметно оживилась. Ее бледное лицо слегка даже порозовело, остренький носик забавно задвигался, как у шустрой любопытной зверюшки, прищуренные глаза округлились. Все обиды и шпильки были мгновенно забыты.

— Ты же ничего не знаешь! Пока вы там загорали на своих Багамах.

— На Мадейре, — поправила ее Лиля. — Это далеко не одно и то же! Багамы — это так тривиально! Пол-Москвы там тусуется в сезон. Вот Мадейра — это класс!

— Не понимаю, в чем разница, — нетерпеливо пожата плечами Катя. — Острова и острова. Короче, Вадима на днях чуть не подорвали!

Она сделала паузу, любуясь произведенным эффектом. Лиля не обманула ее ожиданий. Замерев с полуоткрытым ртом, она уставилась на подругу, нервно теребя прядь длинных белокурых волос. Ни дать ни взять ошалевшая Барби.

— Не молчи ты, ради Бога, — простионала она. — Рассказывай!

— Сева за ним заехал, как всегда, утром. Звонил, звонил под дверь — не открывает. Только он вышел из подъезда, как машина рванула. Не слабо так, из дома половина стекол повывлетала. Он сейчас в больнице, бедолага, с контузией, ожогами и еще кучей всяких прелестей.

— А Вадим? — еле слышно спросила Лиля.

— А Вадим в это время отлеживался в имении с разбитой головой.

— ???

— Он, оказывается, накануне ночью, никого не предупредив, помчался к этой своей свинарке, и там на него напал какой-то маньяк, приятель его девицы. Чудненькие у нее знакомые, ты не находишь? Шарахнул его по голове камнем, ее саму чуть не зарезал. Тут наудачу подвернулся местный мент и подстрелил его. Вот такая вот «голливудская» история. Сам виноват. Нечего якшаться с простонародьем!

Лиля, как ни была взволнована ее рассказом, не смогла удержаться от улыбки, вспомнив, что мать Кати была простой маникюршей. Тоже мне, аристократка липовая, язвительно подумала она.

— А где он теперь?

— У руля, как всегда. Сашка говорит, что у него крутая разборка была с партнерами. Они хотели провернуть какую-то аферу, а он им на яйца наступил. Вот они и решили то ли пугнуть его, то ли и вправду взорвать, да лопухнулись. Помнишь историю с Кивелиди, когда ему яду в телефон подсыпали? Вот, что-то в этом роде. Но ты же знаешь Вадима. Его голыми руками не возьмешь. Он их так всех перетряхнул, что мало не показалось.

— Ничто нас в жизни не может выкинуть из седла, — задумчиво процитировала Лиля.

— Вот-вот. Остригся почти под ноль, ходит с черной повязкой на голове. Хорош до жути. — Она мечтательно прикрыла глаза. — Даже завидно, что та-а-кой мужик достался не тебе, не мне, а какой-то свинарке.

— Послушал бы тебя Саша, — с удовольствием поддела ее Лиля. — А что это за прозвище такое странное — «свинарка»?

— Я придумала. По-моему, подходит.

— А по-моему, не очень.

— Что-то я тебя не пойму, подруга, — прищурилась на нее Катя. — И как это ты так лажанулась. Арсенчик, конечно, киска, но, извини, Вадиму и в подметки не годится.

— Он меня купил, — невозмутимо ответила Лиля, отправив в рот ломтик апельсина.

— А-а-а, — Катя многозначительно повела глазами по сторонам.

— Нет, не это. — Лиля с досады даже поморщилась. — Объясню тебе, пожалуй, чтобы не было лишних разговоров. Хотя ты вряд ли поймешь.

— Попробуй, — надула губки Катя.

— Вадим всегда был слишком независим, и я тоже. Нам было хорошо вместе, но в

глубине души мы оба знали, что, в случае чего, мы прекрасно сможем друг без друга обойтись. Мир от этого не перевернется, понимаешь? А Арсен дышит для меня, буквально ест из рук. Я еще только подумаю о чем-то, а он уже спешит это выполнить. Поначалу я просто с удовольствием пользовалась этим, а потом поняла, что никогда не смогу сделать ему больно.

— Что-то тебя на высокие материи потянуло, — с деланной скукой в голосе протянула Катя. — Слабо верится. Это до первого огнедышащего жеребца с членом до колен.

— Я же говорила, что ты не поймешь.

Два года спустя...

Солнце еще только-только взошло из-за холмов, и свет его, еще неяркий и по-утреннему ласковый, проникая во все уголки спящего сада, разогнал, рассеял ночные тени, коснулся поцелуем чашечек цветов, и они, в ответ на ласку, засверкали капельками росы.

Вадим вышел на ступеньки, ведущие на лужайку, и с упоением втянул в себя прохладный, терпкий воздух раннего летнего утра. Вот и лето наступило, неожиданно для себя подумал Вадим. Это произошло, как всегда, внезапно, за одну ночь, по крайней мере, ему всегда так казалось. Все вокруг — деревья, трава, кусты, небо вдруг приобрели уверенный, цветущий, слегка самодовольный вид, будто подросток с мечтательными глазами и нежным пушком на щеках в одночасье превратился в зрелого мужчину, пышущего жизнью и здоровьем.

Вадим усмехнулся своим мыслям и неслышно спустился к бассейну. В доме еще все спали, и он был этому рад. В такие минуты не хочется ни о чем говорить, а просто смотреть, дышать и чувствовать себя частичкой этого великолепия. Был только один-единственный человек на свете, который не только не помешал бы сейчас, но сделал бы краски ярче, воздух упоительнее, птиц голосистее.

Маша. Жена. А любопытно, подумал Вадим, что в некоторых славянских языках слово «жена» сохранило еще свое первоначальное значение. Женщина. В чешском, например. Моя жена, моя Женушка, мое все.

Она умела быть такой разной, его Маша. Молчаливой и болтливой, развеселой и задумчивой, могла заплакать над трогательным местом в книжке или когда играли «Адажио» Альбинони, а могла не дрогнув смывать кровь с его лица и перевязывать страшную рваную рану так, будто это простой порез на пальце. Слово отвечая его мыслям, в кустах запела птица: «Тр-р-р, Маша спит! Тр-р-р, Маша спит!»

Как бы я жил без нее, спросил себя Вадим. Слава Богу, что вопрос этот для него чисто гипотетический и на него можно не отвечать.

Он разбежался и нырнул. Дыхание перехватило от холодной еще с ночи воды. Энергично загребая, он несколько раз пересек бассейн и только тогда почувствовал, что согрелся. Его большое, сильное тело уверенно разрезало голубоватую воду, расставаясь с остатками сна.

Вадим еще немного поплавал, с наслаждением растерся пушистым полотенцем и вытянулся в шезлонге. Давешняя птица все еще насвистывала свою незатейливую песенку о Маше: «Тр-р-р, Маша спит! Тр-р-р, Маша спит!» Солнце ослепительно сверкало в стеклах окон так, что глазам было больно.

Сквозь смеженные веки Вадим увидел женщину. Она была молода и прекрасна. Это — Маша, подумал Вадим, но только... Он глядел и не узнавал ее. Все в ней, и длинные локоны, обрамляющие бледное лицо, и белое платье с пышной, длинной юбкой, колышущейся в такт шагам, было ново, необычно, словно сошло с портрета прошлого века. Она улыбнулась ему и подняла в приветствии тонкую руку.

Вадим тряхнул головой, отгоняя наваждение, выпрямился и, прикрыв рукой глаза от солнца, всмотрелся. К нему через лужайку шла Маша в белом утреннем платье со свободными рукавами. На бедре ее, крепко прижатый рукой, гарцевал ребенок, весь бело-розовый, с круглыми щечками и легкими белыми волосенками, похожими на дыплячий пух. Пухлыми пальчиками он теребил разбросанные по плечам волосы матери, она клонила к нему голову и улыбалась. Оба они, и мать, и ребенок, являли собой такую чистую и незамутненную картинку любви и счастья, что у Вадима перехватило горло.

— Моя мадонна, — подумал он словами Пушкина. — Чистейшей прелести чистейший образец.

На мгновение ему даже показалось, что эти слова только что придумал он сам.

— Доброе утро! — сказала, подходя, Маша. — Пончик проснулся, и мы тут же отправились искать тебя.

— Доброе утро, солнышко. С днем рождения, Пончик.

— Вава! — заверещал малыш, перебираясь на колени отца. — Вава! Пум!

Он несколько раз упруго подпрыгнул. Вадим потерся щекой о пушистую головку сына, задержал руку Маши в своей, притянул к себе, поцеловал в нежные, податливые губы.

— Ты сегодня какая-то особенная, — шепнул он ей.

Маша взглянула ласково и удивленно. Малыш копошился на коленях Вадима, пытается просунуть между ними свою сияющую мордочку. Наконец это ему удалось.

— Вава, ди! — Он требовательно затеребил отца за рукав.

— Боюсь, что тебе не отвертеться, — смеясь, сказала Маша. — Пончик своего добьется.

Вадим встал, подбросил визжащего от восторга сына в воздух, поймал, завертел, поставил в стойку на руки. Маша только вскрикивала.

— Да не волнуйся ты так, — успокоил ее Вадим. — Он уже очень сильный. И довольно увесистый.

— Весь в тебя.

— Ну что, Пончик, так и будешь называть меня «вава»? — спросил Вадим, прижимая к себе упругое, как мячик, тельце сына.

— Вава!

— Скажи: «Папа».

— Вава.

— Папа!

— Вава!

— Вот и поспорь с таким! Ладно, будь по-твоему. Принимаю это как промежуточный вариант. Пошли смотреть подарки.

Обед закончился. Мужчины расселись вокруг низкого столика у бассейна под цветастым зонтом. Поодаль, в тени раскидистой липы, устроились в шезлонгах Софья Николаевна и Машина мать. Они переговаривались вполголоса, чтобы не потревожить Пончика, который, намаявшись за день, мирно спал в коляске с сетчатым пологом.

Маша отправила Вадима к гостям и теперь убирала со стола. До нее доносился

приглушенный говор пожилых женщин. Маша улыбнулась. Речь, конечно же, шла о внуках.

— Федечка такой милый, забавный, лапочка, — говорила Машина мать. — Я вместе с ним просто заново родилась. Даже не знала, что можно кого-то так любить. Когда Маша была маленькая, было по-другому. Я была молодая, все боялась что-то упустить. Скорее, скорее, накормить, переодеть и подкинуть соседке. А вышло так, что главное и проморгала, самый чудный возраст. Да что теперь, ушло и не вернуть.

— Да что вы, Бог с вами, — отозвалась Софья Николаевна. — У вас такая дочка замечательная. Мы с Петей очень ее любим.

— Разве ей до меня? У нее один свет в окне — Вадим. Ну и еще Федечка. А мне так объедки.

— Но не обижают же они вас?

— Нет, конечно.

— Вот и радуйтесь. Мне ведь так и не довелось внучку понянчить. Сын как уехал по распределению в Уфу, так и осел там. Женился, дочка родилась. Они сначала по общежитиям мыкались, потом квартиру получили, маленькую, даже остановиться у них толком негде. Я пару раз к ним приезжала, потом поняла, что только стесняю. Уж не помню, когда и виделись. Открыточки только изредка пишет, чтобы знали, что все живы-здоровы. А сюда их и калачом не заманишь.

— Да-а-а, — сочувственно протянула Машина мать. — Недаром говорят, что сын как отрезанный ломоть. Деньгами хоть помогает?

— Где там! Им самим еле хватает. Да нам и не надо ничего, лишь бы их хоть изредка видеть. Поинка-то, внучка, уж барышня совсем, четырнадцать лет. Так встречу где на улице, не узнаю.

— Да, много ли нам, старикам, надо? Капельку любви и уважения.

— Зачем вы себя старите? Вы же молодая еще женщина.

— Нет, нет, нет, — замахала руками Машина мать. — У меня уже все в прошлом. Один только Федечка и остался. Так они знаете, что удумали? Отобрать его у меня. — Она заговорщически понизила голос. — Приезжает тут как-то Вадим и говорит: «Феде нужна няня». Маша, мол, очень устает и все такое. Каков?! Насилу его отговорила.

— Так он просто заботливый. Решил облегчить вам жизнь.

— А я его просила? — воскликнула Машина мать и, испуганно оглянувшись на коляску, возбужденно зашептала: — Как вы не понимаете? Он не успокоится, пока не выживет меня отсюда. Я поэтому и дом в деревне не продаю.

Маша подхватила стопку тарелок и торопливо пошла к дому. Она уже жалела, что стала прислушиваться к их разговору. На глазах закипали слезы обиды. Маша больно закусил губку, чтобы прогнать их, упрятать подальше. Эх, мама, мама! И чего тебе не хватает? Воистину, какой бы ни был зять, хоть золотой, а все теще не в масть.

Через минуту она появилась в дверях с большим подносом, уставленным бутылками и бокалами. Вадим, завидев ее еще издали, вскочил и бросился навстречу.

— Почему меня не позвала? — спросил он, отбирая поднос. — Тебе совсем ни к чему такие тяжести носить.

Маша благодарно улыбнулась ему и, приподнявшись на цыпочки, незаметно чмокнула прямо в теплую ямочку на подбородке. Под его любящим взглядом злые, несправедливые слова матери, занозой впившиеся в сердце, съежились и растаяли без следа.

Вадим поставил поднос на столик и придвинул Машино кресло поближе к своему.

— Посиди с нами, хозяйюшка, разбавь мужскую компанию, — попросил Сидоркин, попыхивая сигаретой. — А то все порхаешь да порхаешь.

— Что вам налить? — Маша опустилась в кресло и тут же почувствовала, как рука Вадима скользнула ей на талию.

— Мне хватит, — сказал Сидоркин, косясь на запотевшую бутылку водки. — Я за рулем.

— Не смущайтесь, Федор Иванович, — отозвался Вадим. — Я вас отвезу.

— И то дело, — с облегчением выдохнул Сидоркин. — Грех еще разок не выпить за здоровье тезки.

— А мне, Машенька, минеральной. Сердце, — пояснил Петр Алексеевич.

— Беспокоит? — спросила Маша, разливая напитки.

— Да не то чтобы... Забыл почти, но расслабляться рано.

— За Федора-младшего, — торжественно провозгласил Сидоркин. — Ишь как время-тс летит. Год уже парню. Богатырь!

Он ловко опрокинул стопку и кинул следом щепоть орешков.

— Хорошо ты тут все устроил, Вадим Петрович, — сказал он, широким жестом охватив дом, цветник, аккуратно подстриженную лужайку. — Вкусно, прямо жить да жить! Только бассейн этот ваш надо оградой обнести, а то Федька, не дай Бог, скovyрнется.

— Я уже заказал, — ответил Вадим, потягивая тоник через соломинку. — На той неделе должны поставить. Пончик уже бегают везде, не уследить.

— Пончик! — хохотнул Сидоркин. — Смешное прозвище.

— Маша придумала.

— Ему подходит.

— Как ты тут справляешься, девочка? — спросил Петр Иванович.

— Справляюсь. Готовить кое-как научилась.

— Ничего себе кое-как! — воскликнул Вадим.

— Да ладно тебе, льстец, — смущенно отмахнулась Маша. — Раз в неделю девочки приходят, помогают убирать. Степанов брат за садом смотрит. Ничего.

— Я ей предлагал нанять кого-нибудь всерьез, — вставил Вадим. — Отказывается наотрез.

— Да не привыкла я. Как-то неловко все время.

— Вот это правильно! — бухнул Сидоркин, топорща усы.

— Почему же правильно? — прищурился на него Вадим.

— Потому что ты получаешься как бы эксплуататор, — ответил Сидоркин, опрокинув еще одну рюмку.

— Эксплуататором я был бы, если бы не платил, а я плачу, и щедро. Любое дело, если оно соразмерно оплачено, не эксплуатация, а труд.

— Все равно, — решительно возразил Сидоркин. — Они работают, а ты сидишь, как фон-барон какой-то.

Тут Маша так звонко и заразительно рассмеялась, что все невольно улыгнулись.

— Это он сидит? — проговорила она, пересиливая смех и вытирая слезы. — Да он дома почти не бывает, все время на работе.

— Но народ-то этого не видит! — В полемическом запале лицо Сидоркина покраснелось и пошло пятнами. — А что он видит? Видит нового барина, на которого надо горбатиться!

— Я ведь никого не заставляю, — спокойно возразил Вадим. — Все происходит на сугубо добровольной основе. И потом, кому было бы лучше, если бы я эту усадьбу не купил? Вы же знаете, что здесь творилось. Разруха и запустение. Так бы все и развалилось. Сами же только что сказали, что хорошо здесь стало. Или как это? — Он защелкал пальцами, припоминая. — Вкусно. Вот-вот, вкусно. Ваши слова?

— Ну, мои, — нехотя признал Сидоркин. — Все равно, это — частная собственность. А людям обидно.

— Я их могу понять. И посочувствовать. Но помочь, извините, ничем не могу. Есть деньги, покупаю дом, нет денег, не покупаю. Все просто. Я их ни у кого не отнял и не украл. Я их заработал и пользуюсь этим. Согласитесь, глупо было бы зарабатывать деньги для того лишь, чтобы складывать их в наволочку.

Маша украдкой вложила руку в ладонь Вадима. Он крепко сжал ее пальцы. Она искоса посмотрела на его четко очерченный профиль, на решительно выдающийся вперед подбородок. У виска, прямо под шрамом, часто-часто билась голубоватая жилочка. Ей вдруг до боли захотелось прижаться губами к этой жилочке, утешить ее, успокоить. Милый мой, смелый, любимый, единственный человек! Как трудно приходится тебе иногда.

— А он прав, Федор Иванович. — Старый учитель пошевелился в кресле, закинул ногу на ногу и обхватил длинными костлявыми пальцами острую коленку. — У него деньги работают, в том числе и на нас с тобой, как ты выражаешься, на народ. — Он принялся загибать пальцы. — В Апрелеве школу отстроил — раз! Учителям надбавку к зарплате выдает — два! На молочную ферму денег подкинул — три! И твое отделение не обидел. Какую машину пригнал, да еще с рацией!

— «Форд», — машинально сказал Сидоркин. — А я разве не благодарен? От всего отделения благодарен.

— И вообще давно пора уяснить, что чем больше богатых людей, тем страна богаче, — продолжал Петр Алексеевич.

— При нормальных, конечно, законах, — вставил Вадим.

— Естественно, но придем же мы к этому когда-нибудь. Постепенно, но придем.

— Ну вот, — улыбнулась Маша. — Кажется, все выяснили. Давайте лучше купаться.

Маша включила настольную лампу. Мягкий оранжевый свет разлился по комнате, осветил усталое лицо Вадима, его большие руки, раскинутые по спинке дивана. Он уже развез гостей. Пончик сладко посапывал у себя наверху.

— Наконец-то мы одни. — Он протянул к ней руки. — Иди ко мне, Машка. Я до ужаса соскучился.

Маша скользнула к нему на колени, взъерошила волосы, легко провела пальчиком по шраму на виске, заглянула в глаза.

— Господи, как ты устал, — сказала она, пряча голову у него на груди. — У нас хоть в этом году отпуск-то будет?

— Не уверен. Может быть, осенью, а может, и нет.

— Барин? — насмешливо спросила она.

— Барин. Тот еще барин.

Он прижал ее к себе. Маша закрыла глаза, прислушиваясь к его дыханию. Это несправедливо, подумала она. Мы так нужны друг другу и так мало бываем вместе.

— Я скучаю без тебя.

— А я? Все время думаю, думаю о тебе как одержимый. Это уже превращается в болезнь.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам не знаю. Сегодня утром то ли солнце играло со мной, то ли еще что, но мне показалось, что ты идешь ко мне через лужайку в трепещущем таком, воздушном платье с голыми плечами, волосы подобраны сзади и длинные локоны у лица. И шейка трогательная, нежная. Я даже сам себя ущипнул, а потом взгляделся — все нормально, — ты, да еще с Пончиком.

— И шея толстая, грубая, — попыталась пошутить Маша, но вышло это у нее до того пронзительно печально, что Вадим приподнял ее голову за подбородок и тревожно взглянул в глаза.

— А ты знаешь, с чего все для меня началось? С того самого вечера, когда ты сидела напротив меня с разбитой коленкой и мы говорили о дневнике Маши Апрелевой. Я тогда коснулся твоей руки, и у меня словно раскрылись глаза. Я влюбился сразу, в одно мгновение. Нет, неверно! Я понял, что любил тебя всегда, может быть, даже до моего рождения, что мы уже сидели когда-то так, друг против друга, в приглушенном свете ламп, свечей, неважно, и вполголоса говорили о чем-то важном, понятно только нам двоим.

— Ты никогда не говорил мне об этом, — шепнула Маша.

— Нет. Я ведь сугубо реалистический человек, и когда возникает нечто, что я не могу осознать умом и пощупать руками, теряюсь и отступаю.

— Отступаешь? Ты?

— Да, я. Ведь чего проще: встречаешь прелестную девушку, она нравится тебе, ты — ей, вы оба свободны. Беспроигрышная ситуация. Как сказал бы Холмс, элементарно, Ватсон. Так ведь нет. У нас все было иначе. И этот дневник. Я ведь спрашивал тебя о нем, но ты не захотела ответить.

— Мне было страшно. Все так необъяснимо совпадало. У того Вадима был друг по имени Арсений.

— Не может быть!

— Правда, правда. Я очень долго не могла заставить себя дочитать до конца все эти письма.

— Но ты все же прочла их?

— Да, уже после нашей свадьбы. У них все кончилось так ужасно. Я читала их и плакала, пряталась от тебя и плакала.

— Я помню, — глухо сказал Вадим. — Ничего тогда понять не мог.

— Она как бы вошла в меня, стала моим вторым «я». Я видела сны, где она была я, а он — ты, страшные, реальные до дрожи. Я все переживала заново вместе с ней. После той жуткой ночи в саду ее в горячке увезли в Москву. Когда она пришла в себя, мать сказала ей, что Вадим погиб. А на самом деле он был жив, понимаешь, жив! Этого удара она не перенесла, угасла в несколько дней. Лампада потухла. Так пишет ее мать в письме к отцу в Апрелево. В нем столько боли, столько муки! Дочь умирает у нее на руках, а она не находит в себе сил нарушить семейный запрет.

— Чудовищно! Несчастные, слепые люди. Бедная, бедная девочка! А что Вадим? Тебе известно, что случилось с ним?

— Подожди, я сейчас, — Маша проворно спрыгнула с его колен и скрылась за дверью.

Вскоре она вернулась с письмом в руке.

— Вот, послушай. Это письмо Арсения отцу Маши. Датировано ноябрем 1860 года. — Она вздохнула, как всхлипнула, и дрожащим голосом начала читать. — «Милостивый государь, не могу выразить, как потрясло меня ваше письмо. Вы просите забрать кольцо Вадима Петровича, «залог нечестивой любви», как вы изволили выразиться, и вернуть ему. При всем моем презрении к вам я за счастье почел бы выполнить вашу просьбу, но, увы, это невозможно. Месяц назад я получил письмо с Кавказа от полковника Благоволина. Он сообщает, что поручик Вадим Петрович Серебряков погиб в перестрелке. Подробности позволю себе опустить. Что ж, ликуйте. Вашими стараниями «нечестивая любовь» унесла уже две жизни. Искренне надеюсь, что никогда больше не увижу вас, ибо при встрече не подам вам руки. Арсений Хомяков. Дубравы».

Голос Маши зазвенел и сорвался. Она сидела очень прямо, глядя перед собой сухими, блестящими глазами. Вадим молчал. Молчала и Маша.

Когда она вновь заговорила, Вадим не узнал ее голоса. Приглушенный, надтреснутый, он был еле слышен.

— «Погиб в перестрелке». Бессмыслица, казенная отписка. Я уверена, что он нарочно пошел под пули. Он искал смерти, просто не хотел больше жить.

Вадим привлек ее к себе, бережно поцеловал в висок.

— Мы сохраним эти письма, — сказал он тихо. — Как напоминание о том, что люди никогда не должны делать друг с другом. Вадим и Маша заплатили страшную цену за свою любовь.

— Мертвый утащил за собой живых.

— Все так, но только...

— Что?

Вадим крепко-крепко прижал ее к себе, так, что почувствовал биение ее сердца. словно маленькая птичка, попавшая в силки.

— Только они — это не мы. Понимаешь, не мы.

Маша подняла на него огромные сияющие глаза. Краски постепенно возвращались на ее лицо.

— Наши с ними пути на мгновение пересеклись, схлестнулись и разошлись. Все. Теперь перед нами своя, совсем другая жизнь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но все это Наташа готова отдать лишь за одну
встречу с Майклом Джонсом — мужчиной, любовь
к которому она пронесла в своем сердце через годы...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Маста — мистер (*искаж., англ.*, господин).

Гуд маста! Бай банана фром ми! — Добрый господин! Купи у меня бананы (*искаж. англ.*).

Хау мач? — Сколько стоит? (*англ.*).

Файф-файф найра. — Пять найр (*искаж. англ.*).

Ноу, ноу, ту мач. Ту найра. — Нет, нет, слишком дорого. Две найры (*англ.*).

Ту найра фо гуд банана! Три найра фифти кобо! — Две найры за хорошие бананы! Три найры пятьдесят кобо! (*искаж. англ.*).

Ля илла илля'лла, уа Мухаммад расулу'лла. — Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его (*араб.*).

Эка сан — добрый день (*йоруба*).

Рошанз, гоу бэк ту Роша! — Русские, возвращайтесь в Россию! (*искаж. англ.*).

«Катерпиллер», «Комацу» — соответственно, американская и японская фирмы, производители строительной техники.

Джиги-джиги — заниматься любовью (*йоруба*).

Драйв ё мото джа-джа... — Веди машину осторожно, господин шофер! Таксист, не дай себя убить! (*искаж. англ., йоруба*).

Пиджин-инглиш — англо-китайский гибридный язык с искажением фонетического и грамматического строя языка.

Брет Эшли — героиня романа Э. Хемингуэя «Фиеста» («Восходит солнце»).

«Эйнджел кисс» — «Поцелуй ангела» (*англ.*).

Абатайм! Мани-мани! — Сверхурочные! Деньги! (*искаж. англ.*).

Джово — Пожалуйста (*йоруба*).

Паб — английская пивная.

Сэ дроль — странно (*фр.*).

Трэмп — бродяга (*англ.*).

Мекки-Нож — герой пьесы Б. Брехта «Трехгрошовая опера».

Хаусфрау — домохозяйка (*нем.*).

Тре шарман — очень обаятелен (*фр.*).